

Галина Исакова
Мы с Варварой ходим парой...

*Форуму К-9,
моему редактору Ирине,
моим родителям,
Д-Н.,
Натальи и Натальи,
Ирине Уткиной,
Нине Шилко
и моей собаке Варваре,
без которых не было бы этой книги.*

Галина
Исакова

Серия: Собачий бестселлер

Как Варвара появилась в моей жизни

Изначально мы с мужем хотели... Конечно, голден-ретривера! Собаку — мечту! Из рекламы! Красивого, золотистого пса с мягкой шелковистой шерстью. Который сам дрессируется, да что там, он уже рождается дрессированным. И всегда улыбается, как та девочка в каске.

Мы так хотели собаку, что даже позвонили в Клуб. Выяснилось, что стоят они бешеных (на тот момент) денег, да и «пока пометов все равно нет, а будут только летом». Так идея завести собаку «сегодня! сейчас!» была похорена (в смысле, красиво и золотисто перечеркнута крест-накрест).

Шли годы и периодически, в пылу ссоры, я говорила супругу: «Давай, уходи, я лучше вместо тебя собаку заведу! Съезжу на Птичку, куплю дворнягу, у которой хвост кольцом».

Хвост кольцом был обязателен — символизировал добный нрав и хорошую, быструю соображаловку.

У родителей моих была в то время собака — кобель овчарки, который прожил 16 лет. Звали его Рекс. Помните, как у Довлатова? «— Слушай! У меня родился сын. Придумай имя — скромное, короткое, распространенное и запоминающееся. Изя посоветовал: — Назови его Рекс»...

Так вот, когда я приезжала в гости, «водилась» с Рексом. Но выводы сделала неправильные. Потому что: папа с собакой гулял, мама кормила, а я... Я — играла, когда было настроение. В результате у меня сложилось впечатление, что собака — это такое милое существо «до востребования». Хочешь — играй, не хочешь — занимайся своей жизнью, живи кум королю!

Как-то мне в руки попалась книга Татьяны Устиновой «Пороки и их поклонники», где был мастиф. О-о-о, там был такой мастиф! Он был не просто «другом человека», а буквально-таки его вторым «я», лучшей половиной — умной и светлой. Как Дживс у Бустера.

Я поняла: нам нужен мастиф. И непременно кобель (как в книге). Обязательно рыжий. А главное, чтобы большой-пребольшой, сильный и умный. Мы бы с ним гуляли, а он бы нам спасибо говорил.

И стала подбивать мужа завести мастифа. Развесила по дому картинки, прочитала две статьи в Интернете. Дело было в мае 2003 года.

А в июне того же года, прямо 1-го числа, муж меня покинул. Встал, оделся, сказал: «Я это... ухожу», собрал походную сумочку и отбыл.

Так, проснувшись мужней женой, заснула соломенной вдовой. В промежутке вымыла окна.

Второго числа вышла на форум К-9 и спросила, заводить ли мне собаку, если прежде собак видела в основном на картинках.

Заводить ли мне собаку, спросила я, если работаю много, денег не особо, времени тоже.

По каким-то причинам меня не затоптали сразу, а долго и интересно тему развивали. Страниц этак на сто.

И я поняла, что хочу стать собачником. Чтобы тоже небрежно говорить слова «Еукануба», «шлейка», «закрыли Чемпиона России», «записались в бебики», «взяли САСИБ», «выставляемся под Хомасуридзе»...

Что такое «закрыли Чемпиона» я не понимала, но фраза мне нравилась. Не чемпионом мастифа я не мыслила. Но чемпионом как баронета, по праву рождения.

Все, все, решено! Обязательно заведу собаку... когда-нибудь. Как деньги будут или как звезды встанут. Не сейчас, но в обозримом будущем. Потому что сейчас никак! Ни квартиры,

ни времени, ни денег, ни черта. Я не была наивной и понимала, что собаку надо покупать за хорошие деньги, и в дальнейшем траты только увеличиваются.

Но тут вмешался случай или Судьба. Причем не моя — Варварина.

Я всегда боялась темноты и всегда боялась ночевать одна. А тут пришлось. Через неделю стала сходить с ума. Снотворное, телевизор, нагрузки, алкоголь, удары по башке молотком (шучу) — не помогали. Я перестала спать. К тому же ужас произошедшего в семейной жизни наконец до меня дошел. Мне было больно, страшно, плохо и одиноко. Хотелось обнять кого-то большого, теплого, живого.

Я уже почти созрела до Птички и дворняги, но тут взгляд упал на книжную полку и книгу Устиновой. Мастиф! Вот кто спасет от одиночества! Вот кто будет настоящим другом и защитником — умным и верным... Собака не предаст, не скажет одним прелестным утром: «Что-то мне надоела скучная семейная жизнь... Спасибо за все, я ухожу».

Мастиф! Где ты?

Я позвонила в Клуб. Тут же дали телефон начальницы. Она же оказалась руководителем породы мастиф.

Так, со второго звонка я вышла на нужного человека.

Запрос мой звучал так (к слову о визуализации):

«Здравствуйте. Мне нужен мастиф, щенок, мальчик, рыжий».

«Да, да, у меня как раз есть алиментный. Правда, не мальчик, не рыжий и не щенок уже...»

Я покобенилась, но быстро выяснила, что мастиф — это не дворняга с Птички, тут вариантов два; они или есть в городе, или нет. Не до жиру. И что взрослая девица невнятного цвета (трактовалось как «подрошенная собака палевого окраса») — это самый идеальный для меня вариант.

Ну, зачем мне щенок? Я первый день в кинологии, мастифа живот не видела ни разу (!), работаю целый день и вообще в неврозе. Что я буду делать со щенком? Гробить? И себя заодно. К тому же пометов не будет до следующего года.

«Так что — или берите, или — на Птичку. А палевый — это модно, к тому же собака — и выставочная, идрессированная, и уже почти чемпион Вселенной. А кобеля вам не надо категорически, вы его не удержите и не сумеете воспитать в истинно мужском духе».

Набравшись премудрости на форуме, я деньги за собаку сразу не понесла, а сходила, познакомилась. Мы посмотрели друг на друга, погуляли пару раз...

Я потом часто рассказывала, как пришла к ним в квартиру, а там... моя Варвара сидит. Говорю ей: «Варварушка! Что ты тут сидишь? Пошли домой!» И ушли вместе... Домой.

На самом деле все было совсем не так.

Хотя она действительно сидела. В коридорчике. Там было ее место. Ее и ее папаши. Два мастифа на пятаке пространства. И посмотрела она на меня так... устало:

«Ну вот, кто-то опять по мою душу пришел»... Хозяйка запретила говорить слова «продается», «покупается», чтобы собаку не расстраивать, «она же все понимает». И смотреть в глаза запретила, «не любят они этого». Я и не смотрела. Так, мазком... Но все равно, даже одного взгляда вскользь хватило.

Меня наполнила жалость. «Вот, — подумала, — еще одна никому не нужная... Как я».

Встретились два одиночества, Варвару, как всех порядочных собак, купили в два месяца. Увезли в «коттедж»... И посадили на цепь. А то!

У соседей — кавказцы, а у них — мастиф! Кормили обедками. Били сапогами и палками. В живот. По крайней мере, на животе у нее пара шрамов. Сильно расстраивались,

что двухмесячный щенок не злой и ласкится к людям. А значит, надо — что? Правильно, злить! Ну и злили, как умели.

Когда хозяйка про это узнала, ее чуть кондратий не хватил. Пробовала собаку забрать. Не отдавали. Выкупить. Не продавали. Грозилась не отдать родословную. Мимо. Зачем родословная для цепной собаки?

Тогда в массы была запущена деза относительно «страшной болезни и дикой наследственности». Мол, плембрак.

В конце концов, Варвару удалось из плена выкупить. Но «башня» ее там и осталась.

Год собаку восстанавливали. Социализировали. Лечили. Дрессировали. Водили по выставкам. В клуб. В гости. Чтобы она при виде людей хотя бы перестала биться в истерике. А тут и я нарисовалась.

Я уже решила брать Варвару, но за нее запросили сумму, намного превышающую мою месячную зарплату, и я решила подкопить деньжат, заодно присмотреться к собаке, почтить, не торопясь, поговорить с людьми, помечтать, все купить заранее — миски, матрасик, игрушки. «А там, месяца через два-три, — расслабленно думала я, — эту собаку куплю». Собаке к тому времени исполнился год и два месяца, так что еще несколько месяцев ожидания роли не играли.

Варвара переехала ко мне через четыре дня.

Меня прижало. Сплющило. Встряхнуло за шкварник и поставило с ног на голову.

Я поняла, что если не возьму собаку сегодня, СЕГОДНЯ!, то просто сдохну. Без собаки невозможно. Ни минуты. Ни секунды.

Лучше жить третьей у них на коврике в коридоре, чем возвращаться в пустую квартиру и до утра сидеть в кресле, баюкая свою бессонницу и в очередной раз (не сосчитать в который), переживать крах семейной жизни.

Я все бросила, пришла к хозяйке Варвары, подписала договоры, сказала: «Деньги принесу завтра!», взяла собаку, и мы пошли... Домой.

Так, ровно через месяц после отбытия мужа случилась смена караула. В квартиру зашла Варвара — девица-переросток в странного цвета шубе, со сломанной «крышкой» и смиренностью во взоре.

Деньги я заняла, но это был один из самых легких долгов в моей жизни. Отдавался он легко, хотя долго — практически полгода. С хозяйкой — по незнанию — подписала договор на щенка с вязки и участие в выставках. Но вязки, щенки, выставки — такое все далекое и незнакомое! А живое, родное, доверчивое (как ни странно) — рядом. Я была счастлива. Примерно час.

А потом, в первые дни, Варвара дала мне прикурить. И чуть было не отправилась обратно по месту прописки.

А теперь подробнее об этом и не только.

Год 2003

Вот он мой первый опус на форуме К-9 2 июня 2003 года

Привет. Я впервые здесь, поэтому сразу прошу прощения, если что-то пойму не сразу. Ситуация: от меня ушел муж, мне 30, детей нет, работаю (редактором в газете) и работы, как водится, выше крыши. Всегда любила и люблю собак, родители держат восточно-европейскую овчарку. У меня мечта завести английского мастифа, а лучше — 2-3 собак (скотч-терьера, ретривера и мастифа), но это так, в порядке бреда.

Взять и завести собаку мне мешают следующие факторы; 1) занятость, 2) съемная квартира, 3) отвращение к вставаниям по утрам (я — сова), 4) жалость к

собаке, которой придется весь день сидеть в небольшой квартире.

Собака мне нужна для души, для компании, для моральной поддержки. Дрессировать ее и перестраивать свою жизнь мне, если честно, не хочется. Но муж ушел, мне грустно и страшно. Посему вопрос: заводить или нет? Какие мысли по этому поводу? Спасибо всем, кто откликнется.

Они написали: «Заведите любовника! Зачем вам собака?»

Они написали: «Заведите хомяка! Лучше — игрушечного! Для него не надо «перестраивать» свою жизнь».

Они написали: «Если без собаки невозможно — заводите».

Июнь 2003 Сегодня иду смотреть собаку!

Привет всем собачникам! Я скоро тоже вольюсь в ваши ряды. Сегодня иду смотреть собаку — английского мастифа. Предлагают мне годовалую девочку, потенциальную чемпионку (родословная, как у принца Чарльза), умницу и красавицу, Варрвэрту!

Конечно, я бы хотела маленького щенка взять, кобелька, но таких пока нет и в ближайшем будущем не предвидится...

Надеюсь, подрошенная собака — тоже вариант неплохой. Ну а то, что девочка, сука — так легче справиться будет, мастифам «сильная» рука требуется.

Нужно ли заранее беспокоиться? Хозяйка сказала: «Посмотрите друг на друга, понравитесь или нет...»

Только вот у меня первое впечатление всегда обманчиво. В общем, я мандражирую... Предвкушение — о-го-го, но и ответственность тоже. Ну, вспомните день, когда вы увидели свою собаку в первый раз... Наверное, тоже волнительный был день. Пожелайте мне удачи!

Всем спасибо! А смотреть на поведение — это как? «Не лает, не кусается..., на прохожих не бросается?» Почитала в умных книжках про выбор щенка, там написано: пусть хозяин рассказывает не только про предков-чемпионов, но и про рабочие качества. А что такое «рабочие качества»?

Собакой я буду заниматься и на выставки водить, если надо. Согласна, что это азарт и удовольствие. Если понравится, так почему не ходить? Если всем в радость — и собаке, и мне — так ради Бога. Главное, чтоб без надрыва. Я правильно понимаю? Тем более, грех не покрасоваться с такой собакой! Абрикосовая с палево-грудью (отец — тигровый), умница, ни слова всуе, смотрит внимательно, без страха, но и без заискивания, очень подходит ей определение «собака с чувством собственного достоинства», при этом — в меру дружелюбна и как будто чуть-чуть стесняется...

Еще мне понравилось, что она, как бы это сказать, имеет представление о своих габаритах — 75 см в холке, не шутка! — при этом производит впечатление очень грациозной собаки. Беспрекословно слушается хозяйку, хотя и не кидается тут же выполнять команды, а словно спрашивает: «Ты правда хочешь, чтобы я это сделала? Не гоняй меня зазря, я же не дурочка какая-нибудь, мне одну команду по двадцать раз повторять не требуется». Приятно, что собака ненавязчивая: сказано — «место», ушла и все. Хороший уровень адекватности мне увиделся, интеллект, любознательность, но не любопытство.

«Спец» мной приглашенный сказал, что собака большая, серьезная, не игрушка! По его мнению, во мне есть потенциал справиться. Однако кое-что его смущило. Хозяйка рассказывала, как они гуляют. Собака воспитана не обращать внимания на брехливых болонок, наглых кошек. Воспитана-то воспитана, но иногда на особо наглых персон она «бухает» (не лает, а именно «бухает») или делает движение-рывок. Хозяйка ее за это

хвалит, но ведь хозяйке она подчиняется беспрекословно: рванулась и снова — тихая послушная собака. А я, может быть, не сумею правильно оценить ситуацию и элементарно удержать такую машину — когда собака, как танк, для нее надо быть «вожаком» на все сто.

Очень мне понравился хозяйкин спич на тему шоу-карьеры: «Не хочу на вас давить сильно — пообещайте мне поучаствовать в паре выставок, и все. Если у собаки действительно есть шансы на получение титулов, то, скорей всего, вас захватит процесс, и вы будете сами стремиться попасть на выставку; а уж если не понравится — что поделаешь...»

Пара выставок и все... Не скрою, есть ощущение, что меня насилино подписывают на дело, в котором я ни черта не понимаю, а посему не знаю — радость это или головная боль.

Еще мне очень-очень нравится выражение «куражная» собака! Не поняла еще — «моя» куражная или просто кокетка-скромница. Но ведь есть в ней какая-то искра, есть!

Кстати, хозяйка предложила мне «совладение»: скидывает цену, в документах указываются два хозяина, она возьмет одного алиментного щенка, а до этого обязуется вывозить собаку на выставки, если я не смогу. Собака, кстати, 2 раза уже выставлялась. По результатам этих выставок она, дай бог памяти на трудные названия, — «лучшая сука среди мастифов-юниоров».

Знаете, на чем себя поймала? Что я хочу понравиться этой собаке. Показаться ей умной, деликатной и толковой теткой. Хе-хе... Это нормально?

Здорово, что тема так вырулила на проблему «отцов и детей», ну, в смысле — заводчиков и будущих владельцев собаки. Я коротенько о себе и Варваре.

«Смотрину» у нас состоялись, В пятницу (сегодня среда) веду Варвару к себе домой. Поживем вместе пару дней, осмотримся. А как Варвара адаптируется, начнем ходить на тренировки-дрессировки, хотя она знает основные команды. Меня еще ждет покупка амуниции и всего того, о чем я раньше и не слышала... Надеюсь, денег хватит. Сил тоже. Главное — времени. В смысле, перестройки моего режима, я ведь трудоголичка в полном расцвете сил.

Теперь мы с Варварой будем покорять мир на пару. Или просто жить, находя удовольствие в неспешных прогулках, вечерах «на двоих» и рассказах друг другу о прожитом дне.

Мне нравится эта собака. Она ненавязчива и умна. Не злая, хотя любит не всех. Да и зачем любить всех? Она спокойна, рассудительна, умеет находить плюсы жизни в одиночестве. Почти как я. Мы с ней такие две малоэмоциональные (для других) относительно молодые девушки.

Чем больше я узнаю Варвару, тем больше понимаю, что она — не собака. Она разумное киноидное существо вида голованов. Почти по Стругацким.

На данный момент меня смущает только одно: колоссальное моральное давление, которое я испытываю со всех сторон, начиная от мнения родителей, мол, ты не понимаешь, как это тяжело — держать собаку, и заканчивая рассуждениями коллег на тему: а как же ты будешь уходить в 7 вечера домой, если все мы тут сидим до полуночи? Я говорю: буду возвращаться или переорганизовывать процесс. К тому же «до полуночи» мы сидим два раза в неделю, так что справлюсь.

В общем, давят. Одни говорят: у тебя же нет машины, как ты с такой собакой? Другие: у тебя же съемная квартира! Третьи: ты целыми днями на работе! Четвертые: раз муж пошел за грушами, то положиться не на кого, а вдруг заболеешь? Пятые, шестые, седьмые...

Держу оборону. Я упрямая. Мне нужна собака. Мне нужна эта собака. Я не знаю — смогу ли, выдержу ли, будет ли собаке хорошо со мной, будет ли мне хорошо с собакой... Но я попробую, потому что мне интересно. И потому, что я хочу любить эту собаку, И еще — хочу доказать всем, что могу. И еще — покуражиться. А как без куража? Без куража никуда.

Надеюсь обрести еще один смысл жизни. Извините за некоторый наив и

инфантальность... Говорю же — куражусь... Спасибо этому сайту, учусь потихоньку уму-разуму, читаю с интересом. Пропитываюсь собачьим духом. Спасибо вам, ребята. Привет вашим негуманоидным друзьям.

Окончательно решила взять собаку. Хочу всем доказать!

Хотя, нет, вру, наплевать мне на все эти игры. Просто путей отступления стало меньше. Как-то так. Но это все лирика. Вы мне ответьте: я справлюсь? Нет, опять не так. Скажите: ты справишься.

Родители — в другом городе, друзья... ну, в общем, не густо почему-то в последнее время... Так что, положа руку на сердце, умри я сейчас, за гробом пойдет только собака.

Прожили вместе уже 4 дня. Время полетело... Обещала написать, как у нас проходили первые дни. Пишу. Я взяла недельный отпуск «по уходу за собакой», эту недельку мы вместе дни и ночи.

Первые 2 дня, честно признаться, было ужасно. Варя от возбуждения всю ночь ходила из угла в угол, скакала, бегала, лаяла, рычала на хлопающую в подъезде в дверь... В 6 утра пошли гулять...

Вся квартира вверх дном, какие-то тряпки, ведра, миски, корм, поводки, косточки, капли для глаз, ушей, ватки...

Собака ничего не ест, только пьет, потом весь пол мокрый, слюни капают..., запах.

Двое суток я не спала. И гулять мы вытряхивались в 6 утра!

В 6 утра! Мамочки мои! Да мне проще не ложиться! Выходить в 6 и гулять полтора часа! И днем тоже. И вечером! Дорожку за домом я возненавидела в первый же день. И как подумала, что теперь эта щербатая тропинка с чахлыми кустами будет со мной многие годы, утром и вечером, в жару и мороз, так и поплохело мне резко.

Возвращаемся домой с прогулки, кормимся, избегая глядеться в зеркало, чтобы не увидеть в нем серо-зеленое всклокоченное несчастное чудовище — себя. От недосыпа со мной случилось воспаление мозга — так казалось. Когда все раздражает и хочется только одного — спать... И чтобы все закончилось.

А оно ходит! Пыхтит! Капает слюнями! Лает на все шумы, сидит под дверью и скучает по прежним хозяевам. После этого решила: все! Я переоценила свои силы и пусть теперь буду последней сволочью, но Варвару отдаам обратно, вымою квартиру с хлоркой, отосплюсь и больше никогда, никогда не заикнусь о собаке...

В общем, трудности меня подкосили. Сидела ревела, просила прощения у Вари за предательство, проклинала себя за то, что «не послушала умных людей»...

Просто я представляла собаку — как бы поточней выразиться — «стерильным» существом без запаха, без слюней, без привычки отряхиваться посреди комнаты после дождя, без ошметок погрызенных костей, без шерсти на ковре... Этакая меховая игрушка, сидит себе в углу и ждет, когда ТЫ захочешь ей уделить время. Захотелось МНЕ погулять (теплым майским вечерком, когда душа поет) — я беру собачку, и мы чудно гуляем. Захотелось МНЕ поговорить, приласкать — аналогично. Так мне казалось. Образно говоря, я думала, что собака может заменить мне мужа — самостоятельного субъекта высшего порядка, который не требует перестройки всего образа жизни, а приносит радость — в любой момент, стоит лишь захотеть.

А оказалось, что собака — как ребенок, который от тебя зависит и нуждается в тебе так, что ты ревмя ревешь, а отказать ему не можешь.

Самым ужасным было то, что собака вела себя идеально. Скачки по квартире — не в счет, понятное дело — новая обстановка, да и я сама ее провоцировала. На улице вела себя идеально. Дома — идеально. Команды — с первого раза. Место — с первого раза. А вечером подойдет, положит свою бархатную медвежью башку мне на колени и смотрит. Или подойдет, сядет рядом и слушает так внимательно, что я ей говорю...

И вот тут-то я поняла: если у меня не получится, не на собаку надо пенять, а только на

себя, идиотскую идиотку. От этого мне становилось еще горше. Взяла, называется, себе утешение... Вот так — в растрепанных чувствах, в слезах и слюнях — мы провели два дня.

Я лежала ночью на своей кровати и тихо глотала слезы. Собака не заменяет ушедшего человека, не заменяет, не заменяет... Собака — это совсем другое, но я не хочу этого, не хочу, не хочу... Мне трудно, мне страшно, мне больно, больно, больно... Господи, как же больно! Прости меня, собака... Зачем нам мучить друг друга?

Как ни странно, помогла мама, от которой я совсем не ожидала помощи (она приехала погостить и как раз попала на пик событий). Мама сказала: «Поживем еще пару дней. Посмотрим. Плохое ты уже увидела. Теперь смотри на хорошее. Раз ты взяла собаку, значит, так было нужно. В том, что тебе трудно, нет ничего особенного (а как ты хотела?), а теперь успокойся и живи, как живется. Собака — это труд, но и радость. Привыкнешь, еще и кайфовать будешь». Вот что сказала мне мама.

И я... Я успокоилась, поняла, что надо жить дальше, и чем труднее будет наша жизнь, тем больше шансов поскорее покинуть «гавань печали». Прошло еще два дня и, могу поклясться, уже начинаю любить эту собаку. Забота о ней начинает приносить удовлетворение. И восприниматься как само собой разумеющееся. Есть к кому идти домой. И с кем пореветь, если обидят. И кому на ухо рассказать о моей к ней любви. Я спросила себя: хочу ли снова в ту жизнь — без собаки? Со сноторвым и кошмарными бредовыми ночами? Мне тогда было лучше?

Далее стоило бы написать об изменении мировоззрения человека, взявшего собаку, и понявшего, что собака может стать светом в окошке. Но я не буду этого делать. На данный момент смущают два обстоятельства.

Во-первых, не высыпаюсь. Я — классическая сова. Даже если ложусь в 22-23 часа (а сейчас так и ложусь), встать утром — подвиг. Час-полтора гуляю с собакой, а потом снова ложусь, досыпаю. Но сейчас-то я в отпуске, а когда на работу буду ходить? Не помогает ни кофе, ни душ, ни зарядка.

Во-вторых, запах в квартире. Мне кажется, что от меня самой пахнет псиной, и люди на улице ко мне приносятся. Бред, конечно. Но в квартире пахнет все: половики-дорожки, «место», тряпки, которыми мы вытираем морду и лапы, мои прогулочные шмотки, пахнет в ванной, в туалете, в комнате (квартира однокомнатная). Не то, чтобы очень омерзительный был запах, но такой специфический и стойкий — запах собаки. Полы мою каждый день с «мистером Проппером», который с отдушкой и эффектом стирального порошка. Помогает слабо. Как быть — не знаю. Подскажите — это нормально? Я привыкну или есть способы уменьшить запах? Сегодня пойду в Клуб. Договариваться с инструктором и утрясать всякие дела. Спасибо, что дочитали. Извините за говорливость. Уфф, выговорилась. Варя forever.

Кстати, знаете, какие еще плюсы? Я похудела! Сильно! И спина больше не болит! И загорела! И узнала, где у нас в районе симпатичные пустыри, без бутылочных осколков. А еще, сегодня нам корм привезли. Большой 13-килограммовый мешок! Дед Мороз с его мешком подарков отдыхает... Теперь мы сами себе деды и морозы... Привет всем разумным с кожаными носами!

Слюни — заводчица сказала — показатель того, что собака хочет пить. Или жарко, что почти одно и тоже. А так — морда сухая чистая. Ага, три раза... Про полотенца я уже дотумкала, и тряпки везде под рукой имею — чтобы вытираять. Если собаку помыть, она начнет линять. По крайней мере, вчера после дождя так и случилось: я погладила по уже подсыхающей собачьей спине — на руке осталась шерсть. Спрошу в Клубе, может, есть какой освежитель для «места», помещений, одежды, амуниции... Есть же антитабак. Почему бы не быть антиспинки? Про запах тоже спрошу.

А насчет того, что собака подстроится под мой режим — даже не сомневаюсь. Она и сейчас ждет, когда я проснусь, смешная — делает вид, что спит, а одним глазом посматривает. Деликатная! Так что в выходные, я думаю, проблем не будет. А в рабочие дни,

когда отоспаться после прогулки нельзя? Об этом нам еще предстоит узнать...

Вчера прихожу домой (ходила в магазин), а тряпка — одно из вытиральных полотенец — разорвано в клочья. Хотя до этого Варя не была замечена в раздиরании тряпиц и вещей. У нее есть свои игрушки, а вещи — ни-ни. Что случилось? Рассердилась девочка, что я ее одну оставила? Или поиграла, как умела?

Расскажу о наших буднях — просто мексиканский сериал получается. «Галя и Варя, день 9-ый, серия 210».

Если вкратце, у нас все отлично (тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить). Среди жидких минусов: 1) трудно вытяхнуть себя из кровати 2) слабый, но все-таки присутствующий запах, уже не раздражает, принюхалась, иногда кажется, что и нет его. Но сегодня вышла из душа — чувствую — есть! Хотя и ненавязчивый. Полы по-прежнему мою с «порошком» Со слюнями тоже пообыклась, вытираю. Слюни четко связаны с жаждой. Мыть собаку в ванне пока не пробовала, лапы после прогулки протираю... иногда. Чешу каждый день, да и лезет, в смысле линяет, Варюша не сильно.

Она оказалась девушкой компанейской, так что мы теперь гуляем с моими друзьями, которые открыли для себя неспешные прогулки по вечерам или посиделки на пустырях. Собака бегает, люди прохаживаются среди цветочков, красота. Или гуляем с другими собаками.

Особенно милы нашему сердцу двое стаффов: они хоть и меньше по размеру, но смелые и веселые. А еще рottweilerы, они побольше и тоже веселые, хотя и прикидываются степенными. «Кавказцев» от нас уводят, мелкие собачки с нами не играют, боятся, а пожилым собакам уже не до скачек.

В принципе, все нас принимают очень доброжелательно — это одно из самых приятных впечатлений. В нашем районе оказались собаки дружелюбные, а хозяева адекватные: не хотят, чтобы моя подруга — берут свою на поводок. Я вижу — и тоже беру, и уже идем параллельными курсами, никто никуда не рвется и не бросается. Если вижу, что собака без поводка бегает, то свою тоже могу отпустить. Или спрашиваю у хозяина: «Можно с вами познакомиться?» Сразу спрашивают: «У вас девочка?» С девочками проблем нет. Правда, повторю, особо поскакать нам не с кем, поэтому уходим на пустырь и там гоняем пластиковую бутылку или свою игрушку — кольцо. Или так просто скачем, бегаем, прыгаем, я и собака — на пару.

Появились вопросы. Заводчица у нас уехала в отпуск, мне не у кого спросить...

1) Пластиковые бутылки (пустые, из-под минералки) кусать не вредно?

2) Собака стала чесаться, может, блохи? А я даже не знаю, как они выглядят... Или небольшой «чес» для собак — норма?

3) Она способна себе ногу прогрызть? Иногда Варя ногу лижет, ногти кусает, а потом как начнет так отчаянно то ли лизать, то ли кусать, я боюсь — вдруг до болячки «расчешет». Смотрю — вроде нет там ничего и никого...

4) Нужно чистить уши, а я боюсь: страшно в ухи лезть, да и она вырывается, не удержать, уходит на «место» и лежит с таким несчастным видом, как будто я собралась отвести ее на живодерню. А «место» — это святое, там трогать ее нельзя. Как быть?

5) Когда я ем, сидит рядом с попрошайническим видом; не просит, но смотрит. Если даю команду «место», в смысле — уйди с кухни, уходит, но у меня чувство вины появляется: вдруг она голодная? Иногда Варя ничего не ест, иногда все съедает. Как понять, что собака голодная? Именно голодная, а не так, чтобы не прочь угоститься? Можно ли ее угощать? Чем? Оказалось, что девушка у меня с удовольствием ест и помидоры, и сливки, и салами, и даже перец, и сырки творожные, и хлебцы. А я толком не знаю, что можно, что нельзя. Вот сладкое, например, можно?

Среди плюсов — все более частое ощущение беспричинного счастья и наслаждения текущим моментом. Честно-честно. Когда утром выползаешь на улицу, вдыхаешь воздух, и новый день входит в тебя, как свет в темную комнату..., когда ты наполняешься звуками,

запахами, новыми мыслями..., когда ты улыбаешься людям и говоришь им: «Доброе утро!», — утро действительно становится добрым, и весь день потом хочется улыбаться... Вот чудо-то!

Варя подарила мне время: два-три часа в день свободные от привычной рутины. И еще — собака сумела вернуть мне восхитительное ощущение довольства собой. Я всегда хотела собаку, но завести ее мешало «благоразумие», все откладывала на потом и вдруг совершила «безумие» — взяла собаку! И счастлива теперь совершенно..., как девочка, откусившая у соседа кусок сладкой ваты на халяву.

Когда реализуешь свои желания, исполнение которых откладывалось годами, за спиной вырастают крылья. И меняется все вокруг. Ведь все, что происходит во вне — вопрос к тебе, твои поступки — это ответ.

Исполнять свои мечты — это ответ сильного...

Так, с салями завязали. И с «гляделками» в рот. Помог Ньюфолог Дим, сказав, что это просто такая игра — кто кого пересмотрит..., теперь вкушаю деликатесы в одиночестве. Уши я так и не почистила, собираюсь с духом. Блох не вижу, наверное, Варя чешется из-за комариных укусов, правда у нее шубка в палевых тонах — что увидишь? Дома у нас фумигатор, но я не знаю — это не вредно для собаки?

Наша сегодняшняя головная боль — лай. Я ухожу на работу; девушка, понимая, что она за главную, реагирует на малейший шум на площадке, а соседи, как назло, бесконечно шарашатся туда-сюда. Не то, чтобы моя заливалась лаем, но пару-тройку-четверку раз гавкнет — наша двенадцатиэтажка содрогается. Я с ангельским видом периодически подкатываю к соседям на предмет — не мешает ли собачка? Простите, дескать, великодушно... Соседи, конечно, всячески заверяют, что не мешает. А тут еще в подъезде затеяли ремонт и бесцеремонные маляры ходят взад-вперед, ведра бросают, матерятся, кричат друг другу через этажи, понимая, что все на работе.

У меня сердце не на месте, когда я думаю — что там творится..., в смысле, эти орут, моя лает... Я говорю себе: «СпокойнЕЕ!» — именно так, с ударением на последнее «ее». «СпокойнЕЕ, Ганка, все наладится. Собака есть собака. Если бы она играла на арфе или записалась бы в авиамодельный кружок — вот это были бы странности. А так — лает, подумаешь! Мы будем тренироваться, дрессироваться и работать над этим, не щадя живота своего!».

— Главное, без фанатизма, — словно слышу слова мудрых ребят с форума. — Без фанатизма, Галка! Не надо требовать, чтоб все и сразу. Все нормально. Даже то, что ты дергаешься и нервничаешь. Понятно — квартира съемная, значит, живете до «первого замечания». Но если действительно «дрессироваться» — все получится».

Собаку не ругаю. Да и за что?... Прошу, уговариваю сильно не лаять, объясняю по-человечески, в глаза смотрю, за лапу беру. Опять же понимаю, что бедная собака начинает жить в мире постоянных ограничений — не скачи, не прыгай, не чешись, не гавкай, не кусай меня — больно... и т. д. Только на прогулке и отрываемся. Эх, хочу собственный дом с видом на пустырь. И чтобы не было там битых стекол, людей и маленьких собак... Скажите, люди добрые, что делать? С собой работать, мол, подумаешь, лает, дело житейское..., или запрещать собаке? Но как?...

Почитала на форуме «Школу дрессировки» — как отучить лаять. Или я мамаша в розовых очках, или действительно лая стало поменьше? Теперь реагирует только на бряканье ключей в замке.

Лапу она грызть перестала. Ветеринар сказал — стресс прошел, самоедство прекратилось. Попили капелек успокаивающих. Да и спать стали лучше. Обе! Даже сдвинули время утреннего подъема. Встаю уже не в 6, не в 7, а в 8.05! И эти пять минут мне дороже двух часов!

В субботу ходили на первую (в моей жизни) тренировку на послушание. Изучали

команду «рядом». Оказалось, знает Варвара все команды, только мне не рассказывала, вероятно, чтобы я не заставляла ее в магазин за хлебом ходить. Поэтому тренировка прошла в укороченные сроки — ровно столько, чтобы я врубилась, как подавать команду. Мне 15 минут хватило (вот и пригодилось высшее образование).

Теперь мы гуляем с использованием команды «Рядом». Забава! Среди очередных забот — покупка амуниции для тренировок и придумывания «лакомства». Она ведь, поросенок такой, дома все трескает, а на дрессировочной площадке зажимает зубы-губы и отворачивается с оскорблением видом; не надо, мол, мне ваших подачек... И чем ее соблазнять? Мясо, что ли, с собой на площадку таскать?

На прогулках по-прежнему слушается меня не всегда, особенно, когда в поле видимости другая собака. Рвется к ней, бежит, не помогают никакие команды. Ну, разве что зафиксирую поводок насмерть и стою, как Брестская крепость, или увожу от греха подальше. Хотя гуляем на «строгаче». Как заводчики велели — так и гуляем. И будем в нем гулять, пока послушание не станет идеальным. Но иногда сила рывка такая, что недерживаю!

Во избежание летаний по дорогам за собакой, изобрела новый метод профилактики нарушений прогулочного режима. Если она все-таки вырвалась и удрала больше, чем на 30 метров, то хлопаю в ладоши, кричу «Варя!» (зверским голосом) и начинаю быстро уходить в обратную сторону. Ей поневоле приходится рысить за мной.

Но если она уже подбежала к другому четырехлапому объекту, все, кранты, хоть заорись, ноль внимания. Приходится подходить самой и оттаскивать. Слава богу, все собачники попадались адекватные, никто пока меня не обругал. Может, потому что я всегда горячо извиняюсь? Или потому что Варвара — душка?...

А вчера ее укусила такса. (Варя шлепнулась на попу и сидела, глазами хлопала: «Что это было, мама?...») А мерзкий таксомотор по кличке Жан (Мольер, блин, шустрокрылый!) вылетел из-за угла — ни поводка, ни веревки! — тяпнул Варю за лапу и с лаем умчался в голубую даль. Голос хозяйки в кулисах: «Жанчик, детка, ну разве можно кусаться? Ах ты моя бесстрашная крошка!...» Ничего, найдется на Жанчика когда-нибудь роток посмелее. Хозяева, хозяева...

Варвара по-прежнему клянчит, когда я ем, и делает это с таким уморительным видом — уголок Дурова отдыхает. Настоящие партизанские маневры! Больше всего меня веселит ее манера смотреть одним глазом будто бы в окно, а другим — на кусок, отправляющийся в мой рот. Кто там безумных чудовищ рисовал? Гойя?... Вот и приходится угощать. А что делать?... Утешаю себя тем, что такой большой собаке кусочек хлебца с помидориной не навредит.

Купила ей творогу и самого простецкого сыру. От творога морду воротит, а сыр приняла благосклонно. И после этого мне говорят, что мастифы равнодушны к еде! Благо я сама не сильно много ем и отношусь к пище вяло, а то бы мы ели целыми днями. Ели бы — спали — и сидели на горшке. «И началась бы у них совсем другая жизнь!»

Еще одна новость — «пришла подмога откуда не ждали». Соседка, гроза площадки и болонкодержец, сегодня встретила нас у лифта, причем встретила, как родных. «Варюша, красавица, то, се... Как дела? Чем кормите?»

Оказалось, не бескорыстный у нее интерес. Уезжает дама, а с болонкой по кличке Бим гулять-то и некому. Отгадайте, что она мне предложила. Правильно, погулять с Бимом. Добрососедство прежде всего, поэтому я согласилась. Опять же, если что, и она меня выручит. Может быть... Только вот не знаю — как выгуливать резвого мастифа и болонку? Вместе или по отдельности? Тоже забава...

Завершая очередную серию, пару слов о ревности. Варвара вместо того, чтобы быть слегка тормозным грозным мастифом, создает впечатление трусоватой девушки. Кто наврал — сайты про мастифов или генетика? Вздрагивает от малейшего шума, боится людей на роликах, велосипедах, с детскими колясками, даже просто людей с пакетами-мешками. Особенно если все эти чудеса техники и промышленности проходят-проезжают рядом. Машин не боится, а пакета, шуршащего в траве, боится. Митрофанушка. Зато сегодня утром

встали в 8.07! Победа! Конец 256 серии.

Варваре, наверное, понравилось бы, как я ее тут расписываю. Вечером ей расскажу, посмеемся!

А насчет воспитания... Не могу быть суворой. Даже форумское понятие «огрести» («Пес вскинулся на прохожего, за что и ограб по полной программе») в моем исполнении выглядит так: «Варь, ну нельзя так делать! Давай-ка, дорогая, веди себя прилично. А то... Ну, ты, знаешь, могу и наподдать. Тихонько. Ладошкой по попе. Все, все, не подлизывайся! Я пошутила — про попу». Как посмотрит исподлобья — просто собака-сирота, я сразу начинаю хохотать, и она бежит целоваться. Или... любовью делу не поможешь? Все-таки авторитет воспитывается силой?... Я понимаю: воспитание одно, а любовь другое; но пока у меня отношение к ней, как к усыновленному ребенку: хвалить — пожалуйста, а вот наказать — упаси Боже. Прикрикнуть могу или глазки на нее выпучить, что обозначает высшую степень моего недовольства, а вот быть последовательной в «приказах» — нет. Наверное, она думает: «Ну вот, взяла меня тетка-дуря, сама трескает всякие вкусняшки, а я на «месте» лежи, в стену гляди; или рядом ходи, как привязанная, когда вокруг столько интересного; или не кусай ее за руки, нежные все стали!... Злые вы...»

Утро началось с глубокого нокдауна: Варя дала мне в глаз. Привычка у нее такая дурацкая — к месту и не к месту лапу «давать», а точнее, совать ее в лицо, заменяя этим все приветствия, просьбы и замечания.

Попыталась разбудить меня лапой, с пола — на подушку. А на подушке — случится же такое! — моя голова. Пара миллиметров — и была бы я Одноглазая Галка. Как вспомню это копыто с когтями!...

В сердцах стукнула ее по башке. Потом — слезы, сопли, жалость, боль, обида — все смешалось в нашем доме. Накатило отчаяние. Никак собака не понимает, что мне больно, и вообще ничего не понимает, дубина стоеросовая! Прав Ньюфолог Дим — зря я ее очеловечиваю...

На пессимизм меня разводить не надо. Он и так всегда рядом, как ворона у помойки. Вот и тут, не успела я выплыть из первой волны раздражения на себя и Варю, как накрыла новая: я никогда НЕ ВЫСПЛЮСЬ, никогда не расслаблюсь, никогда не смогу закатиться с компанией на ночь в кафешку, никогда уже не буду полночи смотреть телевизор, а потом дрыхнуть до обеда... Как сказала одна дама: «Снег ли, пурга ли, ядерная ли война — НА ПРОГУЛКУ!» Да и не в прогулке дело...

В таком настроении мы выползли на улицу. Потом ничего, стали помаленьку в себя приходить: кто-то травку пощипал, кто-то на пенечке покурил. Когда светит солнце, трудно ненавидеть весь мир.

Душ, кофе и веселые песнишки по радио довершили реабилитацию. Замазав кремом царапину под глазом, я ушла на работу. А в доме осталась почти осозаемая неловкость.

Вчера, в довершение дурацковатого дня, меня еще попытался цапнуть наш дружбан ротвейлер. Сначала подошел, узнал, лизнул, дал за ухом погладить, а потом вдруг рыкнул и как тяпнет за руку! Зубы прошли по касательной, так что сильнее испугалась, чем пострадала. Псу, конечно, попало по первое число, мне были принесены миллионы извинений и риторическое «кто разберет, что у собаки в голове?!» Теперь я, сроду не боявшаяся никаких собак, улавливаю в себе зачатки боязни этих киноидов с черным ящиком вместо головы. Со своей стороны тоже стала осторожнее: наклоняюсь, но держу дистанцию и блуду бдительность. И перестала тянуть ручки ко всем собакам. Научилась спрашивать разрешения у хозяев, ну и у самих собак видеть настроение.

«Со стола» больше не едим. Сначала кормлю Варю, потом отправляю на место, ем сама; если из комнаты доносятся страдальческие вздохи раненой черепахи, зову ее на кухню и угощаю, но уже после трапезы, дабы не возникало ощущения, что это из моей тарелки.

Лапу она теперь не дает вообще, из принципа; пару раз я ей сказала: «нельзя» плюс «фу», плюс «мне не нравится». «Ну и ради Бога, — сказала она, — не хочешь — не надо; придет зима, попросишь лапу...»

Единственную пока мне известную команду «рядом» повторяем каждую прогулку, доводим до автоматизма. Разговаривать с собакой у меня получается плохо. Я конечно, разговариваю, но ловлю себя на том, что или повторяю все по нескольку раз («пойдем гулять, пойдем гулять, малыш!», «ты почему не ешь? почему не ешь?», «не прыгай на меня, мне больно, мне больно, больно, говорю!»), или сбиваюсь на уси-пусечный тон («ты мой сла-а-адкий, холосая табатька!»). Если начинаю говорить как с человеком, обсуждать планы на день или рассказывать, куда мы идем и куда завернем, в ее глазах не улавливаю понимания, а хочется видеть реакцию «собеседника». Посему разговариваю, как с младенцем неразумным, что утомляет... Не так давно я там писала: «киноид негуманоидный»... Бред. Собака обыкновенная, класс млекопитающих.

В качестве нового вопроса: господа, поделитесь, чем вы занимаетесь на прогулках? Иногда МНЕ бывает скучно. Гуляем утром по часу, вечером по полтора-два часа. Если нет других собак, с которыми моя бегает-играет, я вынуждена придумывать «мероприятия»: за мячом побегаем, за бутылкой, траву поедим, все обнюхаем, дела все сделаем, поваляемся, поглазеем по сторонам... Стоит мне сесть, и она садится рядом. Если я хожу, то она будет ходить за мной. А может и не будет — заляжет в траву глазеть, как я километры наматываю. Тут как-то легла я в траву-мураву, раскинула руки широко-хорошо, июль, разнотравье, запахи лета! Да... запахи... Но не лета... А чего-то такого... Такого... Ч-черт, легла на какашку! Бдительнее надо быть, девушка! Особенно на родных просторах!

Все время бегать и играть у меня сил нет, тем более, там игры такие — только зубы клацают, к чему, в свете последних событий, я отношусь с прохладцей.

Какие игрушки берете с собой? Какой план прогулок? За ранее спасибо.

У нас все хорошо. Из нового — течка и предстоящая поездка на выставку.

Опять же, из нового, развлечения во время течки: отбиваемся от женихов. Точнее, я отбиваюсь, Варя не считает, что б...о — это зазорно. Женихи к нам kleятся все больше беспородные, а посему еще и росточком маленькие.

Я их за табуреточкой отправляю, а лучше — за подиумом, но женихи логически мыслить не умеют, подавай им любофф, и все тут! Из интереса одному разрешила подойти — думаю, обломается товарищ и дальше пойдет. Эх, не достать тебе, дружок, до сладких мест даже на задних лапах! Так та блоха страстно изнасиловала Варину заднюю ногу. А меня, за мою доброту, укусила за ботинок — показала свои кривые зубки. Чтобы, значит, в следующий раз я не выпендривалась, не строила тут из себя вершительницу судеб.

Теперь гуляю уже не с палкой-отгонялкой, а с камушком... Приставалы же не знают, что у меня в школе двойка по метанию была.

А вообще женихи — это страшная сила. Выучили наши часы гуляний и сидят у подъезда — утром и вечером! Так мы паровозиком и ходим. Вдали от людных мест. Сегодня утром дворничиха сказала: «А, эта та девушка с собаками»... Варваре присаживаться у подъезда не разрешаю, уходим подальше, на дальний газон у дороги. Женихи — они же по запаху ориентируются.

Не помогает. Откуда они берутся и как находят к нам дорогу?

Варвара на мои воспитательные беседы и крепкое ее держание подле себя плевать хотела. В отместку за политику воздержания на прогулке демонстративно нюхает какашки, грызет камни, ест бумагу — теперь я знаю, что такое выйти на улицу с пылесосом. Который при этом еще и бегает по тротуару швом «зиг-заг» — от левого газона к правому, путается в поводке, то возвращается на место, с которого только что уползли, то рвет вперед так, как будто там бесплатная раздача сахарных косточек... При этом вид невинный до безобразия.

в детстве развлекался, тот меня поймет. Варвару уносит. Через пару минут из-за угла сначала появляется настороженный глаз — мама, ты слышала этот ужас? — потом возникает настороженная морда, уже потом выползает все большое медвежачье тельце, готовое в любую минуту драпануть, не взирая на незначительные препятствия в виде стен и мебели.

Хорошая пугалка получилась из пустой коробки из-под компьютерной клавиатуры. В нее можно бить, как в барабан, сопровождая грохот словами: «Бум! Бум! Бум!».

Коробки Варвара боится, пережидает пару секунд... и прыгает с недвусмысенным намерением откусить шаловливые ручонки, с помощью которых производится столь страшный звук. Есть мысль, что она не соотносит мои руки со мной. Хотя то, что эти приборчики дают ей еду, она понимает.

Опять стала попрошайничать. Видимо, скумекала, поросенок, что во время течки ее жалею и не так сильно воспитываю. Но попрошайничает новым способом. За изобретательность ей даже был выдан поощрительный приз. Сейчас расскажу.

У нас и комнатное окно, и кухонное выходят на балкон. То есть с балкона можно контролировать всю квартиру. Чем Варик-кошмарик и занимается.

Она выходит на балкон, устраивается под кухонным окном, сидит и вздыхает. Типа: «Ешьте, ешьте, не обращайте на меня внимания» или «Вот вы там сидите, счастливые, сытые и довольные, а у бедных маленьких мастифов брюхо сводит глядеть, как вы там колбасу трескаете»...

Причем, если я пробираюсь на балкон и застаю ее «врасплох», Варвара тут же начинает любоваться чудесным пейзажем, пристально изучать погоду на улице, всматриваться в детали деревянной обшивки... «Мало ли, — говорит весь ее вид, — загорает собака, воздухом дышит, в крайнем случае, курит, а в чем, собственно, дело?» И тут же — быстрый взгляд на руки: «А ты ничего не принесла?»

Но в принципе девочка моя ведет себя хорошо. Встаем в 8.10! Про прогулки, которые больше напоминают езду по бездорожью (такой же уровень расслабления), я уже жаловалась. Можно еще рассказать про то, как мы почти закончили ОКД, два месяца ходили! Пешком! А на последней неделе, перед зачетом, начались у Варвары «женские приятности». Так что от физ-ры нас освободили! Правда, придется потом досдавать, что хуже, однако в настоящий момент, кроме женихов, ни я, ни она ничего не видим.

Но может быть, кто-то забыл, пока читал? Варик — это английский мастиф. Ей уже год и четыре месяца. По виду — как молодая львица. По развитию — как семилетний ребенок. Кое в чем она уже разбралась, но довеееееерчивая и наииииииинная... Мы уже три месяца вместе! Варвара почти научилась меня слушаться, а я похудела на 15 килограммов! И то, и другое радует до невозможности, до экстатического восторга! Кто весил 70 кг, а потом стал 55; кто летал за собакой с той стороны поводка, а потом научил ее ходить рядом и понимать даже твое движение бровей; кто готовился к одиночеству и болезням, а обрел упругую походку, плоский живот и этакий интересный блеск в глазах, — тот подтвердит: я не вру, такое бывает.

Надо сказать, мастифов в городе мало, население породу не знает, зато умничают все... Чего мы только не наслушались, гуляючи: то уши надо купировать, то хвост, то морду отмыть (у Вари черная «маска»). Ей-Богу. Я думаю, может, седло девчонке надеть? Да и выдавать за пони... А что, тут рядом атомная станция Белоярка, мало ли что с поняями сделалось...

Говорят, тут недалеко мужик живет, так он соболя регулярно на поводочке выводит. Лешей соболя зовут. Гуляет как миленький. Так что мы с Варварой лишь замыкаем шествие оригиналов...

Про тренировки пока много писать не буду, ладно? Уж больно нас там гоняли. И говорили, что мы странная пара — никто у нас лидером быть не хочет. Да еще ругались, что мы обе мастифы (читай: тормоза).

Тренера мы боялись, как нашкодившие дети. Уши прижмем, хвост прижмем, глаза по пять копеек, а на две головы одна мысль — скорей бы это все кончилось...

Напряженный умственный процесс тренер интерпретировал по-своему: настоятельно просил не подводить причинно-следственную основу под его команды, а просто делать. «И по возможности быстрее!» И уж не в коем случае не спорить. Хотя с ними поспоришь... Сказал, что суслик — птица, значит, птица. Мы и не спорили. Но однажды я таки вербализировала несложную гринписовскую мысль: почто животину тиранить? На это были даны четкие и в чем-то даже убедительные ответы. Можно сказать, что меня сломали. То есть убедили. Наверное. Но не совсем. Какая разница, кто выходит первым из лифта? Или кто заходит в дверь? Зачем собаку сгонять, если она лежит? Перешагнуть нетрудно. Или непременно требовать, чтобы она несла в зубах этот апортик? Да пропади он пропадом! Ну нет настроения у собаки апортики таскать, зачем гланцы надрывая, требовать?

Да, есть команды, которые надо. Надо и точка. И без прений. Которые делаем, а потом — высказываемся. Те, которые в городе облегчают да и спасают иногда жизнь. «Стоять!», «Дорога!», «Ко мне!», «Нельзя!», «Нельзя: маленькая собачка», «Плюнь!», «Домой»... и «Кушать» (смеюсь).

Дрессировщик Марина пыталась объяснить про иерархию в собачьей стае, про психологию животных, про статус Вожака. «Это не издевательство над собакой, поднимать ее, когда она лежит на проходе, — говорила Марина, — а нормальное поведение Вожака. Он ходит, где хочет, спит, где хочет, играет тогда и с кем хочет. А не наоборот. Но и ответственность за защиту стаи и дома он берет на себя. Не хотите, чтобы собака села вам на шею — будьте сильнее ее».

Многокилограммового мастифа на своей шее мне было не потянуть, поэтому взялась я за Варварино воспитание... Мы легко и непринужденно «сидели», ходили и поворачивались «рядом», шли «ко мне». Нога за ногу, правда, без особого энтузиазма, но шли ведь! И даже поворачивались...

Но особых успехов мы добились в лежании. В лежании нам просто не было равных. Ух, как мы лежали! Глаз не оторвешь — до чего выдрессирована собака! Лежит и ухом и не ведет — хоть рядом с хозяином, хоть на расстоянии. Одно плохо — Варвара все норовила заснуть.

На смену ошеломляющим успехам пришли неудачи. Противные команды «стоять» («И чтобы не было хождений!») и «место» попортили нам немало крови. Чего мы только не делали: обсыпали «место» сыром, сухариками и колбасой, чтобы и пахло, и лечь приятно было, ложились на место вместе с инструктором, тащили упрямыцу (не инструктора) на поводке силой, отпускали с поводка и уговаривали лаской. Нетъ! Не выходит каменный цветок. Не манит нас берег турецкий... В лучшем случае «на месте» оказывалась часть задницы. В худшем — до «места» еще метр... Советовали не кормить, а потом принести на «место» миску с едой, мол, не промахнется. Миску мы не донесли. Точнее, миску донесли, но без еды. Все-таки Гринпис всегда в моем сердце.

Про «стоять» — отдельная очень грустная песня. Не стоим. Ходим. Переступаем. Все норовим сесть, а лучше лечь. Поэтому на прогулках сейчас делаем диковинный для окрестных жителей трюк: собака стоит как бы в выставочной стойке: ноги чуть назад, в роли тормозной колодки — мамина нога, а сама мама, небрежно опираясь на другую ногу, курит и делает вид, что так и надо выгуливать собак. Стоя. Мне даже один дядька замечание сделал: уберите, говорит, ногу, а то собака из-за вас идти не может, взяли моду на собак опираться... А я и ухом не веду. Нам, мастифам, дядьки до лампы.

В результате всех мытарств, перевели нас, как особо талантливых, в группу. До этого мы ин-ди-ви-ду-аль-но занимались. А в группе — красота! Тем более, если в группе несколько новичков, которые чуть что, сразу в плач, в вой и в глухую несознанку. Мы-то на их фоне просто как суперпрофессионалы смотрелись.

Подумаешь, маме на ноги наступали или шли не с той стороны — ерунда, мелочевка. И даже то, как мы несколько минут шли «ко мне», инспектируя все встречные кусты, не

испортило общего впечатления. Даже возлежание на чужом «месте». Подумаешь, единоличники. Зато как мы в первых рядах бежали по команде «играть» — любо-дорого было взглянуть!

Но был у нас по-настоящему звездный час. Все собаки лежали на «местах», и вдруг одна сорвалась и куда-то драпнула; все, как обезьяны, за ней, следом за ними хозяева, так и носился весь этот клубок по скверу. Все, но не мы! Мы лежали! Одни на всей поляне! Кто-то скажет: все произошло так быстро, что Варечка просто не сообразила. Намекая на то, что мы мастифы. А я так скажу: сила воли и упорные тренировки — вот залог успеха. Лежите на прогулке, лежите дома, лежите на тренировке — и все у вас получится!

Пишу эти строки, раздуваясь от гордости за воспитанницу. А она вон на «месте» своем настоящем лежит (а я что говорила!), похрапывает и ногами во сне дрыгает.

Гая и Варя выполняют команду «Лежать» вдумчиво и с огоньком.

Все-таки можно иногда и побегать. Ой, а сейчас пыхтит обиженно. Сняться ей, наверное, те аппетитные картофельные очистки на газоне, от поедания которых злая мама отговорила рукой по морде (в рамках дрессировочного минимума). Ничего, там, в кустах, еще одна захоронка есть — почти целая баночка с горчицей! Скорей бы утро, прогулка! — снова поиграем в следопытов. Раунд 18: «Нюхач против Острого Глаза».

Варваркины рассказы

ВОЛКОДАВ

Идем мимо скамейки, на которой сидят подростки буйного возраста. Почему-то, я осознаю это позднее, начинаем рядом с ними «гарцевать», то есть идти гордо, красиво, изящно покачивая бедрами и хвостами. Поводок, словно кокетливая бретелька, небрежно приспущен. Выпендриваемся. Хотя контингент явно не наш. Так и оказалось.

— Смотри, смотри, — толкает один подросток другого костлявым локтем, — волкодав идет!

— Не, это не волкодав, это ротвейлер...

— Да какой ротвейлер, те черные, а этот рыжий. Точно тебе говорю: волкодав. Что я, волкодавов не видел...

— Не, это, как его, — вклинивается третий, — забыл! Ну этот, доГерман, во! Когда помесь с догом.

— Что ли они ротвейлера с догом смешивали?

— А че, с них становится, — и, ставя невидимую точку в споре, малый сплевывает сквозь зубы.

С нас становится... Утром, бывало, беру парочку догов посимпатичнее, добавляю одного крупного ротвейлера, приправляю волкодавчиками по вкусу, все тщательно перемешиваю, — и вот она, гроза болонок, краса окрестных луж: и лужаек, гордость заводчиков — Варвара. Как Афродита из пены, выходит, отряхиваясь, из гигантского миксера...

«ПОСМОТРИ НА ЭТИ ЗВЕЗДЫ...»

Ночь. Беру Варвару и идем в последний раз перед сном выгуливаться. Подразумевается прогулка «на одну сигарету»: сделать дела, чтобы спала подольше, кружок вокруг сквера, чтобы спала покрепче, еще один кружок трусцой, для закрепления эффектов.

Выходим. На улице темень. Варя, подозреваю, в первый раз оказалась «в ночном» и

посему впала в легкий ступор. Запахи, шелесты, тени... Раскидистые кусты-чудовища, поздние прохожие, угадываемые только по звуку шагов, пакеты-призраки в траве...

Минут пять мы пялились на какого-то человечка, который, видимо, специально для нас то ли что-то искал на газоне, то ли что-то прятал...

Потом мы на полусогнутых подкрадывались к пню посреди лужайки, он, хитрец, замаскировался под большую собаку.

И напоследок супер-развлечение, единственная гастроль в городе! — наступить на свой же поводок, в ужасе шарахнуться, подпрыгнуть и с круглыми глазами бежать прятаться за хозяйствской ногой. Какие там дела, какая трусца!

Выкурив все, что можно, еле-еле затащила ее домой. В результате проснулась моя следопытка в полешестого. Труба, мол, зовет и все такое. Но отскести себя от кровати мне удалось лишь через два часа. Оказалось, не очень-то и хотелось... Ну не крыса ли?

«НЕ ВИДИШЬ, МЫ ИГРАЕМ!»

Сегодня закрепляли упражнение «Летающая рыбка». Исходное положение: Варя стоит в позе «кто идет там по дорожке, ах какая собака, подойди скорей поближе, я рвану тебе навстречу». Галка стоит, обмотавшись поводком и для верности наступив на него ногой, в позе «кто там прется по дорожке, не пора ли нам отчалить». Рывок, еще рывок! Варя мчится навстречу своему счастью, Галка лежит в траве, делая вид, что сильно увлечена флорой этого сквера. Еще были упражнения: «Дядька, выбивающий палкой ковры: новая игра или новая опасность?», «Поводок, поводок, я тебя съем! Нет, я тебя р-р-растерзаю!», «А ну-ка, догони!», «Руки прочь от вольных мастифов, или не видишь, мы играем!...», «Почему хозяйка не разрешает пить из лужи?» и другие интересные, развивающие и развлекающие игрульки.

КРАСИВЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Любим красивых женщин. Любим настолько, что идем, сворачивая голову, наступая на мои ноги, сбиваясь с тропинки и наступая на чужие кучки... Даже хвостом подрыгивая от восхищения. В этих подрыгиваниях — сплошные восхлипательные знаки. На днях «запали» на красавицу-блондинку... Вы, конечно, поняли, что речь идет о человеческих самках.

Так вот, блондинка, покачиваясь на своих стройных ножках, стояла у дороги и ловила машину. И мы рядом. Покачиваясь в экстазе. И капала слюна из восторженно открытой пасти...

Пришло, смущенно улыбаясь, объяснять красотке, что всему виной ее чертовская привлекательность. Собачка тут же из «страшной и огромной» превратилась «в это милое создание с чудесным окрасом».

А вот мужиков нелюбим. Не, не так. К мужикам, особенно, если те при ходьбе склонны размахивать руками или несут какие-то нестандартные по конфигурации предметы (оказывается, если положить дверцу от холодильника на хребет, очень миленький вид сзади получается), вот к таким ходокам относимся с опаской. Норовим драпануть от них на край света. «Просто мужчинам» не доверяем, на всякий случай, тоже. Телепатия, блин...

Девушка у меня славная, не без выступлений, конечно, но в целом — душа-человек! Вчера я почувствовала к ней признательность. Хотя это странно, наверное, чувствовать признательность к собственной собаке, но именно так и называется испытанное мной чувство. Когда мы пешкарусом домой с тренировки шли, обе уставшие, жаждущие пить и есть, не или, а буквально плелись какими-то козырными тропами..., я глянула на свою собаку — идет рядом, не жалуется, на меня так преданно посматривает, мол, мам, все

нормально? Я тебя ничем не расстраиваю? Я ведь хорошо себя веду?... Ну какой человек поперся бы так рядом?... И шёл бы без нытья три часа? И еще поглядывал бы — дескать, не расстраиваю тебя? Своей девочке поэтому посвящаю еще пару рассказиков.

ЛЕНОЧКА

Идем ясным летним днем по нашему району. Параллельным курсом идут мама с дочкой — белокурым созданием лет семи, в бантах и воздушном платье (может, на праздник или?). Девочка, увидев Варю, остановилась в восхищении и спрашивает маму:

— Мама, это собака какой породы?

— Не знаю, — отвечает мама, — подойди и вежливо спроси у тети.

Я, видя такое дело, собачку притормаживаю, и, излучая вселенскую доброжелательность, жду начала интервью, Варюшу на всякий случай, корпусом от девочки прикрываю. Банты тем временем, волнуясь, подходят к нам. Тщательно выговаривая слова:

— Здравствуйте. Меня зовут Леночка. А как зовут вашу собаку, и какой она породы?

— Здравствуй, Леночка, — (Макаренко, услышав мой тон, умер бы еще раз — от зависти.) — Собаку зовут Варя. Это английский мастиф.

Забыв поблагодарить, девочка рванула обратно. Еще бы — столько информации! Надо маме скорее передать:

— Мама, мама, она мне все рассказала! Собаку зовут Валя...

— Не Валя, а Варя, — автоматически поправляет маман.

— Да, Варя. Собаку зовут Варя. А порода... А породу я забыла...

БАБУСЯ

Гуляем по одной из дорожек нашей лужайки, никого не трогаем,нюхаем травку, разглядываем асфальт и думаем о вечном. Поводок не снят, но выпущен из рук. Тишина да гладь. Вдруг — крик. Даже не крик — вскрик, одиночное испуганно-истеричное восклицание. Поднимаю глаза: на соседней дорожке (до которой метров 50 и трава по пояс) стоит бабуся и громко причитает, что такая огромная собака (моя) сейчас на нее кинется... А Варвара ее даже не видит. Топография местности такова, что мы, даже если бы захотели, с бабкой не пересеклись бы ни при каких условиях. Тем не менее, пытаюсь бабульку успокоить, кричу ей:

— Идите себе спокойно, я собаку возьму на поводок, она вас не тронет.

— Да как же не тронет, — кричит в ответ бабуся, — вона какая огромная!

Я: — Мы от вас очень далеко, собака на поводке (беру поводок в руки и показываю бабуле), и вообще мы идем в другую сторону. Жестами показываю, что мы пойдем в обратном направлении. И действительно потихоньку уходим от греха подальше. Бабка не унимается. Подавив громкости, она орет:

— Подумаешь, не видит, а я пойду, так увидит! И бросится!

Я злорадно думаю, что если этот «божий одуван» не перестанет блажить и махать своей авоськой, то точно бросится. Варик наконец-то замечает источник шума и в подтверждение моей мысли начинает ежесекундно на бабку оглядываться. Оглядываться — потому что мы все-таки уходим.

Слышино все хуже, мы удаляемся... А бабка, стоящая на лужайке уже почти в одиночестве, все никак не заглохнет. Венцом выступления стала, как и подобает, ее финальная фраза:

— Девушка! Девушка! — кричит она так настойчиво, что я, уже почти скрывшаяся с глаз, вынуждена оглянуться. — А она точно не бросится? А то я тороплюся...

Вообще-то это была история про Варю.

Как и говорила, на соседей, шуршащих на лестничной клетке, и на шумы больше не лаем. Слышим, но не гавкаем. Правильно: на всех реагировать — реакции не хватит... Слюни в доме пускаем, но в строго отведенное полотенце... Запах есть, но почти как у старой шапки.

На ежедневное мытье полы я забила. Глупости все это.

Правда, ковры пришлось убрать, ибо они хозяйские зато теперь у нас везде небрежно разбросаны веселые деревенские половицки. Они не такие монументальные, но чрезвычайно удобные в эксплуатации.

Грязь с пола убираю пылесосом раз в неделю протираю по необходимости и будет.

Едим в две смены. Сначала бета-суки, потом альфа. Вожаки нашей стаи не делятся своей добычей, но иногда угощают. А иногда не угощают. Малыши (восьмидесятиграммовый щеночек) к такому раскладу начинают привыкать и даже научились делать вид, что не очень-то и хотелось.

Блохи не обнаружены, уши чистим, мыться не хотим. В ванну ее приглашала, но на приглашение мне не ответили. Купаться не ходим, ибо некуда, сама я равнодушна к купанию, поэтому общение с водой ограничено питьевой миской.

На прогулках, когда мне становится скучно, отрабатываем команды. Или ходим и слушаем мои монологи о положении дел в нашем бюджете.

Но чаще всего видим уже знакомых товарищей и товарок и скачем с ними.

Или становимся участниками таких вот историй...

БАБУСЯ-2

Бабуся другая, а мизансцена прежняя: лужайка, расчерченная дорожками, — мы на одной, божий одуван на соседней. Одуван, как и положено одувану, начинает подавать признаки паники на предмет съедения моей собакой. Я, как всегда, утешаю, мол, ничего, пронесет, и доберется одуван до своих внуков невредимой. Бабуля не сдается. И тут в голову приходит новый аргумент:

— Нет, не думаю, что она вас тронет, — как бы флегматично размышляю я. — Дело в том, что эта собака вообще мяса не ест, она вегетарианка... Бабуся делает круглые глазки. — Видите, собака траву ест? (Варя и вправду демонстрирует аппетит молодого козла, выпущенного на заливные луга.) Так вот, — лениво продолжаю я, — она никого не кусает, не трогает, ест себе траву. Мы ее так специально приучили, чтобы денег не тратить на кормежку, вы же понимаете, все нынче дорого, а зарплаты маленькие, мясокомбинат, вы слышали, опять цены поднял, а зарплаты маленькие, а цены опять подняли и т. д.

Ход мыслей бабуси вернулся в привычное продуктово-ценовое русло. Настороженность пропала. Действительно: легче поверить в то, что собака вегетарианка, чем в то, что можно прокормить такой паровоз...

Если бы пожилая леди проявила чудеса логического мышления и спросила, чем мы собаку кормим зимой... Пришло бы импровизировать. Сеном, что ли? Или корой березовой? Или обоями, отставшими от стен? Или — о, идея! — старыми газетами!

ПЛАН ВАРВАРОССА

В отличие от почти одноименного плана, наш касался не нападения, а, наоборот, защиты. Но все по порядку.

Идем с тренировки. На мини-рынке кутили садовой клубники, черешни, помидорчиков, огурчиков, яблок. Все упаковано в отдельные прозрачные пакетики: садоводы сейчас продвинутые, все фасуют в отдельные мешочки.

Напоследок подходам к супермаркету, купить сыра-колбасы, ну и всякой дребедени по

мелочи. У Варвары — дебют: в первый раз должна сидеть на крыльце по команде «ждать». Поводок на всякий случай привязываю к перилам, а то мир не без добрых людей...

И тут встает вопрос: а куда девать все это садово-огородное добро? Можно в магазине сдать в камеру хранения, но на это уйдет время...

Идея! Мешочки кладутся рядом с моей красавицей. Просто и незатейливо: симпатяга-собачка и куча мешочеков, пристроенных прямо на полу. Возьми, если сможешь... Нет, лучше сказать по-другому: картина маслом «Угощайтесь!».

Минут через пятнадцать вылетаю из магазина. Сидит, мой ребенок золотой, меланхолично поглядывает на всех.

А вокруг уже собралось человек пять народу. Глазеют. Не часто у нас увидишь собаку, сидящую в окружении симпатичных прозрачненьких пакетиков со снедью.

«Подают собаке, что ли?» — спрашивает один дядечка у стоящей рядом тетечки. Тетя пожимает плечами. Уже отвязывая поводок, замечаю, что рядом стоит еще пара пакетов — не наши. Кто-то воспользовался халявой охраной...

«Варюша, чьи это пакеты?» — спрашиваю у новоиспеченной секьюрити. Она, явно кого-то копируя, пожимает плечами.

БЕДНЫЙ ВАРИК

Эта история с налетом грусти. Потому что вчера собака сильно проткнула лапу. Уже подходя к дому, наступила на какую-то колючку или гвоздь. К вечеру лапа, видимо, сильно разболелась. Варя лежала, поджав ее, а ходила так сильно хромая, что сердце мое обливалось кровью.

Я, конечно, лапу всю осмотрела сто тысяч раз. Не поймешь — то ли есть прокол, то ли нет... Но когда нажимаешь на подушечку, отдергивает лапу — больно.

Какое это мучительное состояние: знать о чужой боли, даже чувствовать ее, но не знать — как помочь! Позвоним всем, кому могла. Так как видимых повреждений нет, то решили подождать до утра. А на прогулку лапу бинтовать.

Нет, все-таки, если бы не было собаки, ее стоило бы завести! Это дорогоого стоит: когда тебе доверяют смотреть больную лапу. Напрягаются от боли, закрывают глаза от страха, но все-таки доверяют! Когда по одному твоему беспрекословному зову, припадая, ковыляют через всю комнату. Когда ходят за тобой, хозяином без году неделя, куда бы ты ни последовала. Не ходят, — хромают на трех лапах. Или ползут, упираясь локтями в пол, ползут, потому что хозяин зовет, а больно вставать.

Выползли на свою лужайку (даже больная собака не должна присаживаться на ближайший к подъезду газон, таково мое убеждение. Ну разве что совсем при смерти. Но мы вполне могли доковылять до лужайки).

У всех, кто это видел, в душе родился... ну не стон, конечно, но вздох сочувствия. «Собачка лапку поранила!». А один пацан даже дверь подержал открытой, пока мы по ступенькам поднимались.

Вечером я сделала то, чего мне давно хотелось. Включила телевизор, бросила пушистый плед, которым застилаю кровать, на пол, туда же подушки, улеглась сама и подтянула к себе Варика. Обняла ее за большой, но такой беззащитный, теплый живот с пуговками-сосками, уткнулась носом в шею...

Варик радостно задрыхла, засопела, доверчиво положив голову мне на руку. Рука тут же затекла... Так мы и валялись, разбрасывая вокруг обертки от творожных сырков — гулять так гулять!

Боль в ее лапе как будто чуть успокоилась, и ночь Варя провела спокойно. Спали мы каждая на своем «месте» — все-таки у нас не Калифорния, на полу человекам холодновато. Но утром плед убирать уже не стала. Пущай лежит!

Варик широкий жест зацепила, валялась на пледе во всех позах, делал вид, что спит, пришлое ее даже поднимать на утреннюю прогулку.

Гуляли опять мало и хромая. Но уже без страдания на морде. Надеюсь, такой я ее и увижу сейчас, когда вернусь с работы. Без страдания на любимой плюшевой лукавой чёрной морде.

Лапа, кстати, у нас прошла на удивление быстро... Буквально вечером. Когда на прогулке встретились со знакомым доберманчиком. Варвара, забыв про свои страдания, галопом понеслась к другу. «Хм, — подумала я, — странно. Вчера на лапу наступить не могла, а сегодня скакет как новенькая... Неужели «как на собаке» зажило?» Что это было, я так и не поняла. Поняла только одно — лапы сильно «болят», когда надо идти на тренировку. Ну так ноют, так отваливаются...

Вот и еще одна «хромота» появилась после тренировки, на которой нас гоняли так, что мало не показалось. (Я бы и сама симулировала какой-нибудь шизоидный припадок, если бы это помогло...) Но, надеюсь, столь коварный план — прикинуться инвалидом, посетил только мою, искушенную в поисках отмазок, голову. А Варвара, за неимением доказательств обратного, будем считать, действительно сильно ушибла лапенцию.

Повышенная порция ласк, правильных угощений, пониженных нагрузок и отмена витамина «Р», в простонародье — ремня, должны приблизить выздоровление.

Опять валялись на пледе, который уже прочно прописался на полу. Пихались в бока, боролись в щадящем режиме, лизались, терли за ушами, придумывали всякие смешные прозвища и необычные обзывалки вроде: «А Варька нюхает какашки!». Извините, конечно, за неинтеллигентный юмор, но меня так рассмешила эта обзывалка (что-то вроде детсадовского «А у тебя трусы видно!»), что я хотела, как ребенок, впервые увидевший «Ну, погоди!».

Варик, которой в общем по барабану и трусы, и название субстанций, которые она нюхает по кустам, просто радовалась моему хорошему настроению, весело открывала пасть и делала вид, что сейчас будет грызть мои руки. Не грызла... Начала, наверное, соображать, что может влететь за неосторожную эксплуатацию хозяйки.

Потом мы валялись на спине, раскинув лапы, высунув языки (причем обе, мне было интересно попробовать — в чем прикол, оказалось, лежать, высунув язык, не сильно удобно). Потом играли в «гляделки», Варька победила. Если смотреть на ее профиль снизу — она похожа на Волка из уже упомянутого «Ну, погоди!». Какая-то карикатурная морда: слегка курносая, с большой кожаной пипкой, редкие колючки усов, карие глаза, брови домиком, потешные складки на лбу. Не хватает только жеваной папирочки в уголке пасти. И тельняшки. И кепки, залихватски заломленной на бок. А так — выпитый Волк: хулиганистый, но добрый и бесконечно наивный... Я ее так и зову: «Усатая девочка» или «Волчище».

Но иногда на меня накатывает черная меланхолия и чувство вины. «Хороша, — думаю я о себе, — днем и ночью луплю по клавишам, рассказывая про свою собаку, про наше с ней дивные взаимоотношения и мое су-пер-пупер ее понимание, в то время, когда сама собака, утром гулявшая пять минут и вечером полчаса, все остальное время сидит в дому одинокая». Про пять минут — художественное преуменьшение, но про одиночество — правда. Ничего, Варюха, будет и у нас когда-нибудь полный дом мужей и детей! Будет и у нас Новый год! Все еще у нас будет.

Пишу после двухчасовой прогулки, которую устроила, усозвестившись своих же дневных слов. К тому же у нас отменилась поездка на выставку (во-первых, течем, во-вторых, не нашлось к кому подсесть в машину, чтобы отвезли), на сэкономленные деньги купила Варварушке вкусненького.

Девочка нагулялась, поужинала «дичью в соусе», а сейчас лежит на боку, лениво грызет боольшую косточку и удовлетворенно попукивает. Не усвоилась дичь, что ли?... У

нас как назло (только я узнала, как вести себя в дождь!) наступило бабье лето.

А фонарик все-таки начну присматривать. И этот, как его, ошейник с мигалками. А лучше с полифонией. Представляете, пришпандорить к ошейнику телефон. Собака только в травке наклонится, ты ей звонишь с тротуара и ядовитым голоском: «Привет, подруга, чем занимаешься?»... А она тебе в ответ бубнит что-то невнятное: пасть-то занята...

Рассказики выложу сегодня. Обещала — сделаю... Сейчас пристрою Варвару набирать, а сама буду ходить по комнате и, заложив руки в проймы жилетки, диктовать...

(Стенограмма): Пишешь? Поехали! Итак... Варя мне тут подсказывает, что мы любим дождь. Пожалуй, соглашусь. Я-то точно люблю, хотя и прозвали меня наши добрые собачники «пчела Майя»: под куртятгу надеваю сто пятьдесят свитеров и получается такое бочкообразное тельце на относительно тонких ножках. Да, подчеркни, что «относительно». Украшают композицию не сильно модные резиновые сапожки и зонт. Переваливается по дорожке этакий ворох одежды под зонтиком-грибком, а рядом — босая собака.

Но босиком по лужам — оно даже веселее... да, Варвара? Веселее или нет? Вот и я говорю. Можно с разбегу тормозить, поднимая тучи брызг. Можно замереть посреди лужи и торчать, как маяк на острове, выглядывая одиноких прохожих. Можно бегать где угодно: по грязи, по траве, по земле — после луж все равно. Правда брюхо пачкается, но из этого проблему делает только мама-чистоплюйка. Так, вот этот оборот мне не нравится, напомни, чтобы потом я его переделала. На чем мы остановились? Мама делает проблему... Да и то, когда не торопится на работу. Хотя фланелевой простыней вытряхивает обязательную.

Да, Варвара любит дождь, и когда семенит рядом, вижу, как она смешно щурится на льющуюся с небес воду. Наверно, улыбается...

ВАРВАРА И ТЕЛЕФОН

Я ужасная лежебока. Но, видимо, за время сна отлеживаю не бока, а уши, потому что утром совершенно не слышу будильника. Посему обновляю их часто: пока не привыкла к новому трезвону, еще есть надежда. Последняя модель звенящего изверга представляла собой конструкцию с птицей наверху. Он звенит, ты жмешь — вся недолга. Чем быстрее отреагируешь, тем скорее вернешься к своим снам.

Счастье побудки было недолгим. Через пару недель даже его звонка, более схожего с пожарной сиреной, мой слух не воспринимал.

Теперь завожу мобильный. Кладу его на столик рядом с кроватью и, скрупулезно высчитав часы и минуты предстоящего сна, радостно засыпаю. Вчера утром — звенит. Начинаю приходить в сознание. Звенит. Открываю глаза, смотрю на часы и... снова закрываю. Еще пять минут и встану...

Вдруг слышу рядом грохот. Продираю глаза — Варвара сидит у столика и шлепает лапой по телефону! А он, дурачок, звенит, заливается, счастливый, что обратили внимание...

Вот думаю: Варвара ведь регулярно видит, как я мою посуду, и если она такая повторюша...

КАК НАУЧИТЬСЯ ПОДЛИЗЫВАТЬСЯ И ЗАВЕСТИ ДРУЗЕЙ

Когда Варвара подлизывается, она делает всякие трюки. Я не говорю о банальных методах типа сования лапы или заглядывания в глаза. Нет, она относится к делу творчески. Например, подходит, кладет голову мне на колени и, смотря куда-то в пространство, начинает вздыхать на разные лады. Что-то вроде: «И не говори, маманя, такая жизнь пошла... Давай, что ли, погрустим вместе...»

Или плетется на свое место, ложится и лапами закрывает морду. Но из-за лап за мной следит внимательный глаз. И хвост, который в любую секунду готов начать

долбиться обо что угодно: об стены, об пол, отбивает чечетку радостного примирения.

Или несет свою порядком изгрызенную косточку и кладет на кухонный стол — на, мол, последнее отдаю, а ты сердишься из-за какой-то ерунды.

Но особенно меня умиляет ее манера подсовывать башку под руку. Я ведь не всегда сажусь на стульчик в коридоре и провожу воспитательные беседы. Иногда в сердцах отмахиваюсь от поросенка, заявляя, что расстроена и видеть «его» в ближайшие пять минут не хочу. Поросенок скрывается с глаз, но через пару минут начинает ходить за мной и подсовывать голову под руку. Тянусь за чашкой, а попадаю в Варвару. За полотенцем — и тут собака. К лампе настольной — аналогично.

А голова у Варвары, надо заметить, приятная на ощупь. Бархатист такая, мягонькая... Ну, а раз погладила, то и дуться уже вроде не с руки.

Так Варвара борется за мир.

СОБАКА-БОЯКА

У нас с Варварой есть маленькая тайна. Дело в том, что мы — ужасные трусики. Но, как те два индейца, которые вместе не замерзнут, так и мы вдвоем — сила. Когда я рядом, Варвара может себя перебороть и не трястись от грома, шума поезда или дрели, вгрызающейся в стену. Даже ужасный зонтик, из палки превращающийся в шатер со спицами, кажется не столь опасным, если он в маминой руке. И пустые пакеты, гонимые ветром, и птицы, вылетающие в траве прямо из-под лап, и даже дядьки, которые машут руками, — все это не так страшно, если можно кинуться к родному человеку. И спрятаться за него. Но просто прятаться — это вчерашний день.

Ноу-хау: втискиваться между моими ногами и, зная, что защищена, с любопытством поглядывать в сторону обидчика. Стоять так не очень удобно, но, как трусиха — трусиху, я ее понимаю. Я тоже боюсь дядек с руками. А к такому циклону с собачьей головой промеж ног — никто не подойдет!

КОНКУРС ПЕСНИ И ПЛЯСКИ

Варваре нравится, как я пою. Я так думаю, что нравится. Иначе она не смотрела бы на меня, поющую, с таким умилением, которое непосвященные могут принять за жалость.

Варвара знает, что всякой песне — свое время. Если затягиваю: «Виновата ли я, что мой голос дрожал...», значит, гулять пока не пойдет.

Если идет тема «Девочка красивая в городе жила, очень неприступная девочка была...», значит, мама всем довольна и сейчас будет ласкаться и чесать за ухом. Из этой же серии куплет «хорошая девочка Лиза на улице Южной живет».

Если, не да Бог, с трагичным надломом звучит что-то вроде; «О дайте, дайте мне свободу!», надо сидеть на месте тихо-тихо.

Ну, а если мама поет во все горло, фальшивя, но с явным подъемом: «Встаньте, дети, встаньте в круг!» — все, идем гулять! Там будем скакать! Кидать мячики и перетягивать канаты! Значит, можно громко паять от возбуждения и далее пытаться танцевать: сидя на попе, быстро-быстро переминаться с одной передней лапы на другую.

А кто сказал, что дети в кругу танцуют иначе?

ВАРЕ УСТРАИВАЮТ ГОЛОВОМОЙКУ

Счастья привалило много и сразу. Закончилась течка, включили отопление, продолжается бабье лето и пришли выходные. Солнце с утра запивает комнату, вставать не холодно, времени много, настроение отличное. Поэтому утренняя прогулка переросла в дневную и могла плавно стать вечерней, если бы так не хотелось есть.

Мы уже уходили с нашего зеленого пустыря, когда туда прискакала веселая Чита — добрейшей души боксер. С хозяином, разумеется. Вслед за Читой неспешно пришел Грей — овчарка. Хозяева поздоровались, собаки понюхались... И еще раз... Разговор между ними состоялся следующий:

— Эй, Чита, а чем это от тебя так вкусно пахнет?

— Да там, в кустах, рыбка протухшая лежит! На солнышке как раз дошла... И никто еще не прошел про местечко! Хозяин отвернулся, а я хотела обваляться — да куда там, только пузом да лапами успела пробороздить! А вы чего тут скучные такие стоите?

— Рыба?! Обожаю рыбу! Счастливая ты, Читка! А мой хозяин глаз с меня не спускает... Ну, после того случая с дохлой кошкой...

— А где, говоришь, рыба лежит?

— Да вон там, в кустах, побежали, покажу!

— Давайте быстренько смотаемся, я палку в зубы возьму, будто играем, а вы за мной!

— Ура! Побежали!

И, сделав пару обманных кружков, вся троица ломанулась к кустам... Лица хозяев спустя пять минут лучшие не описывать. И слова. И движения носов. Ни татками, ни салфетками, ни тряпками, ни лопухами, ни перчатками мерзкую субстанцию оттереть не удалось.

Варвару спасло только то, что она опять опоздала, и в рыбе оказались только лоб, уши и щеки. Но даже одна «морда лица» пахла так, что домой мы пробирались огородами, чтобы люди не подумали, что идет ассенизатор с собакой-повыдышением.

А дома — сюрприз! Мыться Варя отказалась. Наотрез, упираясь всеми своими «документами» — усами, лапами, хвостом. В ванну такую коровушку мне в одиночку не затащить (приведено уже не раз). В ведре отмывать бесполезно... Оттирать, поплевав на губку, — дохлый номер (хороший каламбур в данном случае). И что прикажете делать?

Заперлись в ванной, чтобы любительница острых ощущений не сбежала, и давай-таки запихивать ее в чугунное корыто... Борцы сумо отдыхают. Далее были переговоры. Уж лучше бы мы боролись. Да, орешек помывки тверд, но мы не привыкли отступать!

Залив весь пол водой из льющегося душа, чуть не опрокинув раковину, мы все-таки пришли к консенсусу: Варвара разрешает помыть голову под краном, даже, фиг с ним, с шампунем и губкой, но за это ее оставляют в покое и дают тот кусок сыра, что завалился в холодильнике.

Пришлось принять драконовские условия. В результате долгих и водопролитных боев, дурья башка была вымыта. Наспех, конечно, без особого вдохновения, но останки ужасной рыбы удалось сплавить в канализацию.

Никогда не думала, что, наклонившись над ванной и подставив голову под струю теплой воды, буду мыть котелок не себе. И заворачивать полотенце тюрбаном...

ВАРВАРА НАЧИНАЕТ КРОШИТЬ БАТОН

Несмотря на наши ути-пусечные внешне отношения и даже на подъемы уже в 8.30 (!), на прочность мы провернем друг друга ежедневно и ежечасно. Перемирие заключается только на время сна, да и то — соревнуемся, кто кого перехватит. В часы бодрствования приз за упрямство переходит из рук в руки. Точнее, из лап в руки и обратно из рук в лапы.

Я воюю за каждую минуту утреннего сна, ежедневное мытье лап и выполнение команд с первого раза, не взирая на Варварины отговорки про временную глухоту, слепоту и тупоту.

Собака сражается за немытье лап и невыполнение команд ни с какого раза. С лишними минутами сна она иногда готова мириться. Как и с тем, что с ней не делятся едой и просят пройти на «место». В конце концов, на «месте» можно развалиться и лежать, а клянча колбасу, приходится очень сильно прогибаться, что гордым мастифам хоть и не в тягость, но иногда просто лень.

Но тут, решив для себя, что мама — скорее добрая, чем злая, и что есть вещи поважнее умения настоять на кусочке колбасы, Варвара стала наглеть.

Нет, не переть как танк, доказывая свое, а потихоньку, незаметно, точно выверяя миллиметраж, делать то, что хочется. Особенно на прогулках. Ну, рыкнуть на кого-нибудь своим подростковым баском, или рвануться к тому персиковому пуделю, который давно напрашивался, или кинуться под лапы к берну (бернскому зенненхунду)... Короче, борзота по-американски. При этом намерения не обнародуются до последнего. Идет себе собака, цветочки нюхает, от шума машин медитирует и вдруг — рраз! рывок в сторону — и идут лесом месяцы занятий по ОКД.

Сегодня Варвара придумала новую игру. «Зачем, — подумала она, — мне, словно дурочке какой-то, бегать за мячом? Гораздо эффективнее прыгнуть на маму, перехватить ее руку в замахе, сжать посильнее и мячик сам упадет к ногам».

Но мама тоже не дурочка. Поймала собаку в прыжке, обругала грубо и резко и наказала хождением на поводке всю оставшуюся прогулку, в процессе которой доходчиво объяснила, что в следующий раз будет бить. Хотя и не сильно, но...

«Следующий раз» наступил через 15 минут. Пришло девочке не больно, но все-таки всыпать... Так тянула меня за руку! Ужас! Я аж взвыла и слезы полились. Какой будет синяк, даже представить страшно! Девочка прижалась уши и вперила в меня взгляд, полный страха, упрека и страдания.

Невинно убиваляемые младенцы должны пройти курсы овладения мастерством у Варвары. А «NationalGeographics», увидев такой кадр из жизни живой природы, лишил бы меня годовой подписки.

Да, наш тренер говорил что-то в этом роде. Мол, собака будет утверждаться, а хозяин должен показать, что он главный.

Но мы вроде все эти выяснения уже проехали. Все-таки 4 месяца вместе. А оказалось — фигушки... Крошил батон Варвара, тянет куче одеяльце власти на себя... Как бы объяснить ей, что собакам одеялья не положены?...

И снова о веселом. Варвара, конечно, упрямая. Но я упрямее. И в той, глобальной, борьбе мне придется победить, чтобы, как дедушке Шарите, не спать на коврике и не получать веником.

Но бывают такие минуты, когда Варвариным придумкам не могу не отдать должное. Шиты они, конечно, белыми нитками, но на том и стоит цирк зверей: животные пытаются схитрить, а люди просекают и смеются.

Расскажу, как Варвара пробирается на кухню, когда там ей быть не положено. Она как-то вся ужимается, пригибается (особенно стараются уши) и боком, боком пробирается... При этом выражение лица такое: я и не собираюсь смотреть, что ты там ешь, мне это вовсе неинтересно — что ты там ешь, и просить не буду, Я ВООБЩЕ ПОПИТЬ ПРИШЛА! И пьет, бедная, давится...

А вчера мы играли в малютку-привидение из Вазастана. Я надела на себя простыню, размахивала руками и прыгала по кровати. А Варвара подвывала — то ли из страха, то ли за компанию...

Маленькие радости большой страны.

Впервые посетили местную собачью площадку, до этого ее стороной обходили, неудобно мне было в сколоченный социум встремляться, хотя в Варварином дружелюбии нисколько не сомневалась.

А тут девочка тянет и тянет в ту сторону, тянет и тянет... «Почему бы и нет?» — подумала я.

Уже сумерки, на площадке, вижу, всего две собаченции тусуются, в крайнем случае уйдем огородами... К тому же одна псинка наша знакомая оказалась — мастино наполитано.

Пока мы через травушку пробирались к ним, откуда ни возьмись еще собак восемь прискакало. Мы, видимо, как раз в «час пик» попали. И вся эта разномастная компашка как

прилипла к Вариному хвосту, так и гоняла, хозяева еле успевали уворачиваться.

Течка у нас по календарным срокам прошла, а по запаху еще, наверное, нет... Я давай разговоры разговаривать на предмет завязывания контактов с собаковладельцами, а они все стоят, как тычки, каждый сам с собой, и молчат, даже не курит никто.

Представляете картину? Сумерки, собачий клубок и одиноко стоящие люди с неподвижными лицами. Армагеддон какой-то...

Так я и не поняла — то ли мы помешали и все нас не залюбили, то ли тут такой стиль общения.

Отход по плану «В» прошел благополучно. Через недельку еще разок туда сунемся, вдруг там все шутят, смеются и очень рады вновь прибывшим... И лишь в сумерки заколдовываются в статуи с суровыми лицами.

Собственно говоря, я совершенно не в претензии! Еще бы была в претензии! Пришла с собакой «почти в течке» на площадку! Голова-то моя где была?!

Просто написала о своих впечатлениях. То, что не всех и не всегда принимают с распростертыми объятиями, — дело хозяйственное. Я даже горжусь отчасти, что именно нам удалось открыть редкие экземпляры необщительных собачников.

А если честно, первое впечатление всегда меня обманывает. И к тому же имею такую способность проецировать свое состояние на людей. Например, тоскливо мне, а кажется, что все вокруг уроды бессердечные, буки нелюдимые. У меня самой, наверное, было состояние не ахти, вот и оговорила людей.

Впрочем, пока туда не возвращались, ничего сказать не могу. А наоборот продолжаю напряженно думать над вопросом — оставлять свет в квартире или нет... Ребята на форуме успокоили немного, но... срочно, срочно нужно обзаводиться Человеком, Который Приходил Бы Домой Засветло и Сидел Бы С Варварой! Некоторые называют это Любовник, некоторые Муж, некоторые — Друг. Неважно! Хоть Вася Пупкин, хоть Виталий Балалайкин! Лишь бы собака не скучала, а статус мы ему придумаем.

Я видела, как делают ЭТО

Не про секс история. Для секса мы еще маленькие. Зато вполне уже созрели для хитрости и обмана. Или, может, я так трактую, а на самом деле все на голубом глазу...

Таки вот. Гуляем по травке. Вдруг Варвара как-то вся подобралась или, наоборот, томно расслабилась, одним словом, что-то в ней внутренне изменилось. Уткнулась носом в ландшафт и шумно вдыхает, наслаждается. А потом давай мордой в траве возить туда-сюда, туда-сюда... Глазки закрыты, на лице выражение блаженства неописуемого...

Глупая мама стоит на дорожке и умиляется, мол, метки там, в траве, женихи невестам записочки шлют... Вона как — любовь!... Притяжение полов, инстинкт продолжения рода! Приговариваю: «Нюхай, нюхай, Варварушка! Блаженствуя! Что мы, изверги какие, не понимаем этого дела?... Нюхай, нюхай, Варварушка!»

А Варварушка мордой возит, наяривает!

Сцена всеобщего размягчения продолжалась до тех пор, пока растроганная мама не решила посмотреть — да что же там за МЕТКИ такие, что девочка прямо в экстаз впала? Как говорится, вот бы посмотреть на эти МЕТКИ...

Рыбка там лежала. Совсем-совсем неживая. Вот к чему у нас притяжение, вот какой инстинкт продолжения. «Любовь!» Ядрена табуретка. Хорошо хоть по усам текло, да в рот не попало...

Бегом от инфаркта, пешком от геморроя

Все, затянуло! Бегу гулять впереди Варвары. Не всегда, конечно, но чаще, чем могла себе представить месяцев этак пять назад... Да что там — месяц назад...

Оказалось, что прогулки, пробежки да и просто ходьба удивительным образом снимают напряжение и примиряют с действительностью. Плюс повышенный тонус организма. Правда, в особый тонус мы входили, шагая домой с тренировок по два-три часа, да с рюкзаком, да по жаре, да мимо рынков, где бродячие стаи живут, да по людным местам, где все от нас шарахались. Видимо, огонь в наших глазах всех пугал.

Но именно тогда я открыла для себя новое правило физики? физиологии? — «чем больше тратишь энергии, тем больше ее потом приходит». Когда кажется, что все, ВСЁ! Сейчас упаду, не смогу сделать ни шагу! И без того прошагали километров десять! А еще идти пять! Сил нет даже покурить «на привале». Какое курить? Даже моргать сил нет, даже волосы поправить, убрать выбившиеся пряди! Когда футболка мокрая не только сбоку, под мышками, но и на спине, и спереди, и даже на рукавах. Когда может снять джинсы, не расстегивая их, — выскользнути из них мокрым от пота телом! И в этот момент когда кажется, что ты сейчас просто умрешь, — силы приходят. Потому что надо идти. Встаешь сама, поднимаешь по команде собаку, и вы идете еще пять километров. Повторяя про себя: «Я смогу, я смогу Я и моя собака. МЫ сможем! А он — трус, слонятя и слабак, он никогда бы так не смог».

Таким макаром мы ходили домой с тренировок... Ходили быстро — как две самонаводящиеся на цель ракеты, сметая все на своем пути. Уж больно хотелось скорее упасть на мягкую лежанку. В автобусы нас иногда не пускали, да и ходят они в тех краях так редко, что уж лучше пешком. По сравнению с этими забегами наши нынешние гуляния напоминают прогулки пенсионеров в санатории по «Тропе здоровья». Но все равно! Хотя, честно сказать, Варвара иногда гуляет как черепаха-Сегодня, например.

Мне хотелось резво пройтись, поотталкивать ногами Землю, попружинить шаг, рассказать Варваре о том, кого я видела, что делала, о ком думала (моя собака умеет хранить тайны).

И что? Вышли. И как уперлись носом в землю, так и двигались в час по чайной ложке. Как там у Маршака? «Шаг. Остановка. Еще. Остановка». А у Ленина еще лучше — «Шаг вперед, два шага назад». И что за манера возвращаться на место, с которого только что отползли? Что там такого недонюханного?

Ладно, думаю, твое время — делай, что хочешь. Не буду дергать, просто из любопытства поиграю по твоим правилам. Зацеплюсь за конец поводка и буду, как листик на..., волочиться.

Нет, она не делала ничего криминального. К злачным местам не тянула, у помоек не зависала, к собакам не бросалась, на людей не смотрела. Просто шла в своем темпе, обнюхивая все подряд. До пустыря, где проходит кульминационная часть прогулки, до которого 10 минут быстрым шагом, мы шли пятьдесят минут. И обратно примерно столько же. Ну, и там потусовались с полчасика.

Нелегко листикам в этой жизни, скажу я вам.

Как Варвару найти не могли

Я уехала на пару дней в командировку, на пост заступила моя мама. Спасибо ей — приехала специально, из другого города!

Я возвращаюсь, мама рассказывает: «Слушай, я ведь тут Варвару потеряла! В квартире. Кручуясь на кухне, суп варю, радио слушаю... Потом думаю: а где собака? Что-то давно ее не видно. И пошла искать — благо, квартира однокомнатная, долго ходить не надо. Посмотрела в комнате — нет, под кроватью — нет, в шкафу даже посмотрела — нет! Вдруг как молнией мысль пронзает: балкон-то открыт! Может быть, Варечка с балкона упала?

Схватилась за сердце, выскочила на балкон, смотрю вниз с нашего пятого этажа. Вроде ничего на земле не лежит... Или лежит? Или не лежит?»

Собралась бежать на улицу — ландшафт исследовать. И тут только заметила, что ничего не подозревающая Варвара спит себе на коврике в ванной, сопит в две дырки, не зная

о том, что стала причиной такого переполоха.

— Напугала же ты меня, Варвара! — сказала мама.

Варвара приоткрыла один глаз: — А ты что, спящих собак боишься?

Он же Жора, он же Гоша...

Варвара любит, когда я называю ее «деловая колбаса». Обычно это происходит на прогулке, когда она, чуть забежав вперед, начинает идти и вихлять хвостовым отсеком. У нас в детстве это называлось «выгибаться», то есть... выпендриваться и строить из себя деловую девчонку.

Но Варвара выгибается так, что «девчонки» тут явно маловато, а вот «колбаса» подходит в самый раз. Собака не может взять в толк, почему я иногда ее называю «медведь на веревочке» или, в приступах доброты, «медвежонок на веревочке». А того не понять косолапой...

На самом деле она не косолапая, это я наговариваю. Но медвежонок — это точно. Такой же большой, добродушный и прущий напролом. И такой же вальяжно-комичный. И трудно удерживаемый на поводке иногда.

Варвара недоумевает, почему иногда я зову ее «Даша». А я и сама недоумеваю... Заскок у меня такой: путаю имена Варя и Даша. Даже живя с Дашей бок о бок. Тыфу ты, с Варей...

Варя лояльно относится к прозвищам, которые я придумываю ей каждый день. «Зайчиков» и прочую карамель мы проехали еще в начале знакомства, так что теперь изощряемся в прозваниях позаковыристее. «Какашкин домик», например. Или «Волосатая мышка». Или «Веселый слоненок». Или «Вонючка Сэм». А сегодня меня озарило простое и гениальное.

— Киска! — сказала я ей. — Киска! Я тебя так люблю! Пойдем гулять!

— Какая я тебе киска, — проворчала Варвара. Но гулять все-таки пошла.

ВАРВАРА НА КОРПОРАТИВНОЙ ВЕЧЕРИНКЕ

А что делать? Выпить-то с коллегами охота. И так сматываюсь домой в самый, можно сказать, разгар трудового дня. А праздничные пьянки к этому времени еще даже не набирают силу, поэтому уходить обидно вдвойне. Но ухожу. А вечером, если обида не проходит, достаю из холодильника красное винишко и, чокаясь с Варвариным кожаным носом, выпиваю рюмку за ее здоровье. Кто сказал «часто»? Бутылку щедим третий месяц.

А тут была пятница. И день рождения хорошего человека. Но, откупив и выпив дежурные 100 грамм, я сделала всем ручкой. И поехала домой. К непьющей Варваре. Гулять по траве и рассказывать ей о том, как это здорово иногда — надуваться до зеленых соплей, петь песни и влюбляться в симпатичных парней.

Варвара понимающе кивала. А я сама себя убедила. Что здорово. И что не надо себя сдерживать. И что, если очень хочется, то можно, а если нельзя, то можно все равно, если с умом. Поэтому, быстро разобравшись с травой, мы ринулись на остановку, как две обезьяны из горящего зоопарка. Тут же подошла пустая маршрутка, и мы радостно в нее загрузились, наставив водителю про то, что едем на службу, а служба у нас серьезная (тут мы многозначительно замолчали, давая понять, что о ТАКИХ СЛУЖБАХ все не говорят...), короче, просьба следить за дорогой и увеличить скорость движения.

В офис мы прибыли в съехавшем набок наморднике у одной, в застегнутом сикось-накось пальто у другой, но зато в состоянии полной боевой к продолжению банкета.

Два дедка-вахтера по прозвищу «Ди-джеи Кругозоры» Варвару полюбили (она сделала круглые глазки и похлопала невидимыми ресницами) и пройти разрешили, сообщив вдогонку, что «у ваших там дым коромыслом».

На то и был расчет. Подвыпившие люди — добрые люди. Такого восторга по поводу

прибытия не знали даже Путин со Шредером, путешествующие по странам и континентам. Варваре тут же была скормлена вся колбаса со стола, сыр и остатки чьего-то фаршированного перца. Варвара не утруждала себя даже смущенным бормотанием благодарностей. Знакомство с местностью пришлось отложить.

Далее последовало детальное обнюхивание всех присутствующих и, вызвавшее дикий восторг собравшихся, сидение перед именинником. Она просто выбрала его из толпы и села в позе образцовой собаки: уши на макушке, лапочки как по линейке, сильное, мускулистое тело — как натянутая струна. Картинка, а не собака.

За что была награждена очередной порцией перцев. Перцами я велела ей не увлекаться. Собака сказала: «Да, мам, хорошо, мам. Я слышу, мам!» — и продолжала жадно поедать угощение.

Я купалась в комплиментах, и не было повода не выпить. Варваре на работе понравилось. Чистенько так, светло, уютно... Пахнет вкусно. Люди душевные. А особенно перцы. «Варвара, я кому говорю?»

Правда, под конец кто-то решил обняться с Варварой или «побороться», или «силой рывка» намериться... Испугалась Варвара, сдалась без боя и спряталась под мамин стол. Но тут мама прибежала, буйнов раскидала, Варькиным «строгачом» погрозила и отравила на улицу охладиться. Можно из-под стола вылезать. А на ироничные замечания про бойцовую собаку-трусишку внимания не обращать. Сами они бойцовые...

А потом вместе с веселой мамой и веселой компанией весело трусить в сторону дома. Так Варвара узнала, что мама дакает на работе.

P.S. Эта ночь была переломной! Вернувшись домой, как всегда, пешком, мы посмотрели на часы. Половина третьего, однако. Но утром мы спали до 10! Вставания в 6 или в 8 ушли в прошлое!

ПОЕЗДКА В ЛЕС

В лесу мы уже бывали. Летом. Один раз. Варвара вела себя рассудительно и покладисто, всем улыбалась, со «стола» клянчила ненавязчиво, играла, когда позвут, и не убегала на большие расстояния. И даже дрыхла вместе со всеми, когда «отдыхающие» решили соснуть на лоне природы.

Все это оставило приятное впечатление у моих коллег, и в этот раз вопрос «брать или не брать собаку» даже не возник. Брать. Взяли.

Съездили мы хорошо. И плохо. Хорошо с точки зрения «простых людей», вытряхнувшихся на пленэр испить вина, поесть жареного мяса и походить по солнечному осеннему лесу.

А вот наш инструктор по дрессировке, узнай он подробности поездки, меня бы расстрелял. И мой головой, посаженной на кол, украсил бы забор, отгораживающий дрессировочную площадку от остального мира. Варвара не слушалась совершенно. Сначала я даже как-то радовалась, что собака носится по лесу, победно подняв хвост, радуется жизни и проявляет дружелюбие ко всем, попадающим в ее поле зрения.

Потом закралось сомнение: а помнит ли она вообще, с кем приехала? Умчится далеко-далеко, остановится и ждет, когда появлюсь. Или не ждет. Так, Оля проформы, иногда отметит — вроде тащусь где-то, и дальше рысит. Позовешь ее: «Ва-аря!», а в ответ — тишина. Вам надо — вы и ищите.

Я себя по неопытности чем утешала? — тем, что девочка месяц ходила на поводке. Течка, то-се... А тут такие просторы! Пусть, думаю, набегается человек, потом умаётся и будет рядом ходить.

Ждите!. Ходить рядом она не стала. Она пошла с инспекцией на соседние поляны. Причем ускользала так грациозно, что форы у нее были в несколько минут. Вроде смотрю: присела собачка за кустом, дела свои сосредоточенно делает, пыхтит аж от усердия. А

потом — глядь — никого! Только подозрительные ойканья с других полян доносятся.

Спасало то, что люди на воздухе пьют размягчающие напитки и по этой причине всех, даже больших собак, любят и зовут к себе за стол; и то, что Варвара добродушна и не слишком резва (выйдет из кустов, встанет и смотрит грустно, собрав на лбу свои «думательные» складочки).

Но чего мне стоило казаться спокойной! «Не испугала вас собака? (Личико наивное). Вы уж извините, на природе отдыхаем-с... (Личико виноватое)... А вообще, ее не надо бояться: такие собаки в службе спасения работают» (Личико одухотворенное)... Далее следовала наглая ложь про собак, работающих в благородных службах.

Магическое слово «спасение» действовало безотказно. Люди расслаблялись, начинали улыбаться, предлагали «угостить умную собачку». Собачка угощалась охотно, я мерсикала, кланялась в пояс, и мы боком уходили с поляны.

За кулисами я делала такое лицо, что собачку пригибало к земле. После двух или трех моноспектаклей про службу спасения, собака-поводырь была посажена на длинный поводок у дерева.

До тех пор пока мне не пришлось идти за водой. Варвара была взята с собой и некоторое время вела себя прилично. Шла на поводке. А когда я наклонилась набрать воду и выпустила поводок, УДРАЛА. Мое удивление (чтобы вот так, подло, нагло, воровато удрать!?) можно было сравнить только с моей яростью. Найду — утоплю! Привяжу к дереву, намордник надену, лапы к земле прибью!

Нашла, (она угощалась за «соседним» столиком), подхожу, зову — ноль эмоций... Команды в первый раз слышим. Имя свое не знаем, человеческую речь не понимаем.

Доносится чей-то ехидный комментарий: «А собачка-то не слушается»... Крышка моего дрессыровщицкого гроба со стуком захлопнулась. Последними гвоздями в этой крышке стали мероприятия под названием «обед» и «путь до автобуса» (мы ездили на «Газели», она нас на трассе ждала).

До стола Варвара допущена не была, сидела в сторонке, обливалась слюной и делала бровки домиком. Я-то к таким вещам привычная (читай: закаленная), но Варвара работала вовсе не на меня. Если бы девица умела писать плакаты, она бы написала: «Некрасиво получается, люди добрые! Взять ребенка на пикник и ничем не угощать!». Для усиления эффекта Варвара сделана на морде коронное выражение: «лучше бы вы меня в детстве утопили» называется. И подынила для пущей убедительности.

Естественно, девочке были скормлены остатки мяса и всего остального. Слава богу, она равнодушна к вину... Под занавес Варварина опять удрала и лезла к людям, расположившимся на пикник у самой обочины.

Я Варвару ругала. Брала на поводок. Четко повторяла команды. Опять повторяла. Орала. Замахивалась. Дала пару раз больно. Давила авторитетом и цепочкой-удавкой. Действие равно противодействию.

Свое фиаско я не афишировала. Коллеги находятся в полной и безмятежной уверенности, что «собака у Галки золотая: спокойная, дружелюбная, ни на кого не бросается, не тащит со стола, не лезет носом в тарелки, не убегает надолго». А даже если и убегает, то это нормально — лес для того и придуман.

Но я-то знаю, как должна вести себя ХОРОШО ВЫДРЕССИРОВАННАЯ СОБАКА. Хоть в лесу, хоть в королевских чертогах. Получается, не вожак я в стае. Не вожак и не друг, а так... По поводу этого открытия вчера и сегодня объявлены дни траура. Но пока Варвара не догадалась, что я догадалась, надо отгрустить по-быстрому и придумать, как нам реорганизовать поводок. Хотя все это грустно, ребята...

Как-то после тренировки делилась впечатлениями с подругой — доморощенным психологом. И вот какую интересную параллель мы выявили. Оказывается, профилактика «самохода» одинакова как для собак, так и людей, а конкретно мужчин.

Они ведь тоже на сторону охотно поглядывают и в стойку встают; момент, когда «рванет» в сторону интересующего объекта-субъекта можно вычислить, если глаза есть.

И методы пресечения этого безобразия почти одинаковые. Того, кто ходит у тебя па поводке, надо немедленно переключить. Можно затейливо, можно проще — рывком. Если не помогает, тогда разворачиваться и быстро уходить в противоположную сторону. Подразумевается, что Слюнопотамчик поколеблется, но выберет тебя и потрусиш следом.

И в случае с собакой, и с мужчиной поздно метаться, когда они уже начали движение туда, куда не надо. Звать бесполезно, командовать тоже. Там интереснее! Сердиться тоже смысла не имеет: не смогла удержать — твои проблемы.

Более того, если двух — или четырех ногий бежит обратно (после радостного знакомства с «чужим»), надо хвалить. За то, что вообще о тебе вспомнил. Если по команде, хвалить усиленно. Если по своей инициативе — умеренно. Но хвалить. Чтоб всегда прибегал обратно. А ругаться, точно, вредно. Кому же к такой грызне сварливой возвращаться охота? Да еще и получать за это люлей, как вы говорите. Тут быстро озверение наступает. И убегание — либо по-хитрому, либо в наглую.

Это все понятно. Но Варвара удивительным образом совмещает и хитрость, и наглость. В случае самоволки, я имею в виду. Так-то она девчонка смиренная и тормозная. «Ладно, — говорит она, — вас понял. Нельзя так нельзя. Не очень-то и хотелось. Да и что бежать, если здесь гораздо интереснее. Если нам и отсюда неплохо видно», И спокойно идет по намеченному мной маршруту. А потом делает обманный маневр и несется туда, куда тянет магнит.

О силе рывка я умолчу, скажу лишь, что Варварин папа знаменит тем, что сбил иномарку. Во как бежал, родимый. Дочка у него в этом плане тоже не подкачала. Поэтому мы, во избежание разногласий, теперь ходим на поводке. Всегда и везде.

Я знаю: правильный ответ в этой ситуации мог бы подсказать наш тренер. Так и слышу его слова: заниматься, заниматься и еще раз заниматься! Вот сижу, разговариваю с умными людьми о высоких материях, о методах воспитания подрастающего поколения, а оно, поколение, дрыхнет рядом и нахально пукает мне в лицо (Word предлагает исправить на «аукает» или «гукает»). Да, так вот, хранит и аукает. Гукает на все эти методы воспитания.

Надо только хороший заголовок придумать. Забойный какой-нибудь. Ну, что-то вроде ИССЛЕДОВАНИЯ СОВЕРШЕННО НЕДВУСМЫСЛЕННО УСТАНОВИЛИ... или ВЕСЕННЯЯ И ЛЕТНЯЯ ТЕРРИТОРИЯ ВОЛКА. Каково?! А еще лучше — КЛЮЧЕВЫЕ РАЗДРАЖИТЕЛИ ВТОРОГО ЭТАПА. Умных книг, понимаешь, набрала. Чтобы все как у людей! Еще бы прочитать...

Да, говорю, зашла в зоомагазин. Накупила. Вот что за человек — спокойно прохожу мимо витрин с одеждой, косметикой и прочими финтифлюшками, но собачьи магазины обойти не могу. А там начинаю сеять ассигнации. Кости, мячи, лакомства...

Единственное, что меня раздражает, а потому представлено в нашем доме в небольшом количестве — игрушки с пищалками. Так они душераздирающе пищат, не могу. Какие-то дурацкие резиновые тушки голых кур, поросят, да еще с пищалкой...

Остальных же, беззвучных, игрушек у нас уже как в порядочном детском саду. Сегодня зачем-то взяла канат с ручкой и к канату — мячи. Про козу и баян очень уместная поговорка. Этими присобачениями, видимо, «замаливаю» свое не всегда внимательное родительское поведение. Игрушками откупаемся. Плохая хозяйка, короче.

Сегодня снова ходили на собачью гулятельную площадку. Люди оказались не такие отмороженные, как я себе вообразила. Нет, тепленькие такие, почти живые. Собаки тоже ничего. Сначала гоняли, а потом пришел наш друг мастино, и все кончилось. Варвара на него рыкала, не агрессивно, а как-то в том смысле, что уйди, отвяжись, я сказала!

Честно говоря, я ее такой впервые видела. Чтобы Варвара на кого-то пасть открыла и, хоть интеллигентно, но все же послала?

Мастино посылы не слышал, а бегал за Варварой как привязанный. Варвара от него. За ними бегали все остальные. Вся стая клубилась у моих ног, ибо Варвара искала спасения

(наверное?). Периодически кто-нибудь кого-нибудь ронял, и все начинали роиться в усиленном темпе. В общем, не создалось у меня впечатления, что девочка отдыхает душой.

Поэтому мы скоренько смотались. Поиграли на нашей лужайке с зайкой-голди и поплелись домой опрыскиваться. От блох. Для профилактики. Вот только-только туман рассеялся.

А еще сегодня хожу с забинтованной ногой и зарождающимся синяком на лбу. Ну что вы, Варвара ни при чем. То есть абсолютно. Это все я. Залюбовалась утром на свою собаку, бодро поглощающую завтрак, причавкивающую от удовольствия. Так, умиляясь, и вошла в косяк. Тот, который рядом с дверью. Косяк выдержал, коленная чашечка — не знаю. И лоб — не знаю. Слабенький больной мозг сотрясся, это точно. Что я оставлю ученым? Зато видела звезды. Те, которые искры. Красота-то какая…

Еще у нас дома филиал лесопилки. Ага. Натуральный. Я тут придумала палки с прогулок домой таскать, пусть, думаю, девочка хоть палки грызет пока я на работе. Не все же в стену глядеть. Девочка грызет с удовольствием, с азартом молодого бобра. А потом не спит на своей подстилке, поскольку та вся в щепках… Палка на день. Щепок на неделю. Но я спокойна, мудра, несуэтлива.

На днях Варвара получила медаль и диплом. От меня. В знак признательности. Диплом психотерапевта и медаль за отвагу. Ну и лапу пожали, как положено. На памятных часах, правда, сэкономили.

Дело так было. В квартирах рафинированных дамочек вроде нас, живущих без золотых мужских рук, глаз и плеч, все время что-то ломается. Розетки, краны, антенны. Оказывается, это хорошо функционирует только определенное время, а потом, как хроническая болезнь, вовремя не починенное, работает все хуже и хуже вплоть до полного издоха. Не помогают ни тычки шпильками, ни крепеж пластирьами, ни подпорки зубочистками.

А тут обрушилось сразу две беды. Вылетела антенна из телевизора, и засорился пылесос. Я вооружилась маникюрными ножницами и пошла в бой. Антенна чиниться не хотела, в гнездо обратно влезать отказывалась, пылесос надсадно гудел и, кажется, даже раздувался от возмущения, грозясь лопнуть. Я психовала. А психую я знатно.

Варвара не психовала совсем. Сидела рядом, смотрела своими грустными карими глазами и думала, какие слова утешения мне сказать. Предложила вызвать «мужа на час» — одного из тех, которые мужички из конторы профессиональных ремонтников. Или не вызывать. Плюнуть на все и завалиться спать прямо посреди разгрома.

Рядом с таким рассудительным ребенком, я успокоилась. Ведь истеричка рядом с меланхоликом смотрится негармонично. Я достала педикюрные ножницы, огрызки засохшей синюшной изоленты, набор штопальных игл и, медленно вдыхая-выдыхая, взялась за починку. На каком-то этапе механических запихиваний антенны в полагающуюся ей дыру, в работу включился мозг, и я поняла — что куда пихать и какие контакты с какими контачатся! Через 25 минут телевизор работал, как новенький. Антенна была намертво приклеена жвачкой.

Пылесос мы вообще сделали как ребенка. Он только реветь-гудеть, а мы его — хресь и разобрали. Там просто шланг забился под завязку нашими же палками-щепками. А закрадывалась, закрадывалась такая мыслишка — завтра же побежать и купить все новое: и телевизор, и пылесос. Мы как те новые русские, которые купили мерседес, потому что в старом переполнилась пепельница.

И если бы не умница Варвара, сохраняющая спокойствие, даже когда соседи бегут за берушами от моих проклятий, если бы не хладнокровная Варвара, остающаяся невозмутимой, когда без всякого полтергейста предметы летают по комнате, если бы не безмятежная Варвара… Сидели бы теперь с новым телевизором и пылесосом. Как дураки.

Вышла на балкон покурить. Погоды стоят теплые, балкон еще открыт для посещений. На балконе лежит одинокая маленькая засохшая какашка (нет, Word, и не предлагай). Я теряюсь. Зачем-то с подозрением смотрю в небо. Потом опять на какашку. Голуби, похоже,

ни при чем. Но не могла же это моя девочка?... Девочка лежит в комнате, спокойно дует в свой ус, чувствует себя как дома. Виноватость не повышенная. Я зачем-то нюхую какашку и убеждаюсь, что это именно она и ничто другое. Выкидываю ее с пятого этажа и, помыв руки, выкуриваю свою сигарету.

Я — солнце, я — солнце. Спокойна, мудра, несуетлива-2.

ВАРВАРА ПРИЗЫВАЕТ К ПОРЯДКУ

Выходные у нас проходят по незатейливому графику: в субботу — День лентяя, в воскресенье — День труда. В субботу разрешается есть в кровати и валяться в грязи, в воскресенье весь свинарник ликвидируется. Впрочем, разрешения и расписания касаются только одной из нас. Той, которая умеет писать. Той, чьи функции в жизни попроще — писать и принимать пищу, в выходные разрешается гулять, сколько влезет, при условии предварительного крепления мамы к поводку.

Да, мы живем по вышеписанному распорядку, если не вклиниваются досадные мелочи типа прихода гостей (уклоняемся) или приглашения в гости (увиливаем). Ведь что может быть приятнее субботнего задрыхона на четыре ноздри и дуракавалния! А вечером мы торжественно включаем телевизор и смотрим «Мисс Марпл» (Word предлагает исправить на «Мисс марал». Руки прочь от Агатушки Кристи!) Так вот, просмотр телевизионного фильма «Мисс, хм, Марпл» — мероприятие недели. Телефоны отключаются, свет гасится, пледы разворачиваются, чай с лимоном заваривается, праздничная кость Варваре выдается, и под аккомпанемент уютного грызения наслаждаемся сценами из жизни английской деревни.

Варвара на историческую родину смотрит с близкого расстояния, упираясь в экран влажным носом и усиленно нюхая пляшущих на экране человечков. Или плющ на стенах британских замков. Мы фанатеем от Англии.

В эти выходные День лентяя прошел на ура. План по ничегонеделанию был выполнен, свинарник разбит великолепный, грязелечебница, в которую превращается квартира за неделю, удалась на славу.

А день Труда отменился. С утра была тренировка, после которой мы не смогли... Не смогли и все тут. Свинарник продолжил свою работу и в понедельник. Дни открытых дверей в грязелечебнице продлились.

Так бы вся эта оранжерея фантиков, оберток, пустых консервных банок и упаковок от «костей со стоматологическим эффектом» процветала до следующих выходных, но тут Варвара сказала свое веское слово. Смотрю: собирает со всех концов комнаты игрушки и складывает к себе на подстилку. Аккуратненько так, рядом...

Потом села, смотрит на меня и хвостом метет. Как раз по куче щепок. Щепки со страху — прыг! — и под ковер. Сразу чище в доме стало. Дальше Варвара пошла, мячик боднула. Мячик под кроватью спрятался, и тотчас просторнее в комнате сделалось. Врать не буду, пылесосить Варвара не стала, по малолетству боится она гудящего монстра с хоботом. И пол мыть не стала: с ведрами и водой у нее недружба и нежвачка. Зато с любопытством смотрела, как с ведром, водой и тряпкой дружу я. С поощрением даже. С похвалой. Молодец Галка, Варина помощница растет!

КАЦМАНЫ И БАБАЦМАНЫ

Мои друзья сразу поняли бы: речь пойдет о кошках и собаках-бабаках. Есть у нас подруга Юля. А Юли есть подруга Люся. Кто из них кошка иногда понять бывает сложно. Мы частенько наведываемся к ним в гости. Варя ведет себя прилично: от кофе-чая вежливо отказывается, переходя сразу к бутербродам. Я пью и чай, и кофе, и вино, и кефир — все, что есть в доме, все пью. И неспешно беседую с хозяйкой помещения.

Варя в это время сидит у дверей в комнату и наблюдает за кошкой. Кошка сидит в

углу комнаты и наблюдает за собакой. Три месяца к ним ходим, три месяца они наблюдают. В контакт не вступают. В гляделки играют. Счет 85:85.

Хотя на улице Варвара прекрасно кошечка отражает. И даже несется за ними, как и положено приличной собаке. И на слово «кошка» напрягает уши и устремляется к горизонту. А тут вот нет. Не несется. И уши на месте. Только все время на меня оборачивается и спрашивает: а ты уверена, что это собака? Уж больно у нее вид подозрительный.

Мы их, когда знакомили, одной объяснили, что это маленькая такая собака, а другой — что это кошка-переросток... То есть все свои.

Поверили.

ТРЕНИРОВОЧНЫЙ ДЕНЬ

Тренировки мы прекращали по причине течки. С течкой на площадку, да и вообще «в добры люди» нельзя. «Как закончится, — сказала тренер Марина, — так и приходите дальше учиться уму-разуму».

Закончилась, И мы, не скрою, со вздохом снова пошли дрессироваться. К стыду своему я так и не выучила — чем мы так усиленно занимаемся: ОКД, ЗКС, ЁКЛ-МН... Проще говоря, учимся послушанию. Тест образцового послушания — выполнение команд: «сидеть-лежать-стоять-место-рядом-ко мне-фу-иди, сюда-иди, отсюда-може-иди». На снаряды нас не пускают: девочка попалась крупненькая — берегут несформировавшиеся кости и психику от потрясений.

«А хорошо было без тренировок! — мечтательно сказала Варя... — Печенье ешь, а команды игнорируешь. Трубы Страшного суда что ли запищали снова? Опять сидеть-лежать? Я уже все забыла...», — привычно давя на жалость, заныла она.

Поэтому накануне дня «Х» под сенью сумерек прокрались мы на местный стадион и стали вспоминать команды. Все давалось легко. Шероховатости скрадывала тьма. Особенno удивило, что невыполнимая для нас команда «место-лежать» стала выполнимой! (Собака бежит к условному «месту» и ложится. По команде — возвращается, обходит хозяина и садится у ноги слева). Сегодня команда выполнилась непринужденно! В темпе вальса, тогда как обычно, за то время пока Варвара идет «ко мне», можно повторить таблицу умножения и правила спряжения французских глаголов, а тренер ее походку комментирует не иначе как «Плыви, корабль!»... А тут — веселой полькой Варварушка бежит «ко мне»!

На этом повторение — мать учения завершилось, и на следующее утро мы с легким сердцем вкатились на площадку. Там уже подергивались от нетерпения на поводках наши друзья голдены и извивался новичок — шестимесячный толстячок-среднеазиат с какой-то простецкой кличкой а-ля Кузя (Word спрашивает: может, «шестимесячный» исправим на «шестиместный?»).

Мы не оплошали. Сидели, лежали, стояли. Как миленькие. И на «место» и с места в карьер. Все как положено по стандарту этого ЁКЛМН. Корабль плыл, швед бежал. Случилось, правда, одно недоразумение... Репетировали сцену «отход хозяев с поля битвы». На языке тренера это называлось «лежать с выдержкой»... (Word рекомендует: «летать с выдержкой»). Нехай. Летать так летать, я им помашу рукой.) Короче, летать ли, лежать ли, упражнение на выдержку. Кто первый сорвется с места, тот дурак.

Ну, для нас-то с Варварушкой лежать — детская забава. Поэтому я, совершенно не волнуясь, уложила девицу, не спеша добрела до нашей сумки, взяла очередную порцию лакомства — сыра и не торопясь почапала обратно, к Варваре.

А Варвары на месте не оказалось... Все лежали, даже шестиместный Кузя-среднеазиат. А Вари не было. Ее попу в метрах трех от поляны, в кустах, я увидела только благодаря своей природной наблюдательности. Окрас-то у девочки как раз под цвет потускневшей листвы, камуфляжный.

Нет, Варвара не нарушила команды, она просто по-пластунски переползла с поляны. Лежит собака? Лежит. А уж то, что не на поляне — это уже, извините, буквоедство.

В целом нас даже похвалили. Мол, мы молодцы и все такое, «выходите на засчетную неделю, тренируйтесь в наморднике». Про намордник мы сначала не поняли... Но потом выяснили, что это еще один стандарт ЁКЛМН: лояльное отношение собаки к наморднику. Они не видели наши «намордельники», в наследство от Бариного папы доставшийся. Туда еще одна Варвара влезет и круг сырья с собой запихнет. Втроем-то веселее!

МОЯ ТВОЯ НЕ ПОНИМАЙ

Вечером на прогулке опять отрабатывали команды. То сядьте, то лягте... И так раз 15. Под занавес — наше любимое: «место!» В роли места выступала моя перчатка.

Варвара взялась за старое: не доходит до «места» полметра и ложится. Не доходит, поросенок такой, хоть тресни. Хоть двадцать сантиметров, но не доходит.

В очередной раз, когда до «места-перчатки» остались жалкие крохи, я села рядом, проникновенно посмотрела Варе в глаза... И как заору: «МЕСТО-ЛЕЖАТЬ-МЕСТО-ЛЕЖАТЬ» — и ручонкой стучу по лежащей перчатке. Варвара устало посмотрела вбок, на предмет моего неистовства, потом на меня. «Ну и чего ты орешь? — спросила она. — Нормально скажи, чего тебе надо? Я где лежу по-твоему? На облаке? На месте и лежу». И что-то в сторону — про хреновых педагогов и про художников, которых каждый норовит обидеть...

О командах мы сегодня большие не вспоминали.

Варвара смешиная. Я тоже не грустная. Мы друг друга стоим. Сегодня разрешила собаке полизать меня в нос. Думаю — надо же когда-то начинать. Начала. Бывшему мужу назло. Ничего так ощущение, своеобразное. Варвара в упоении хотела заодно вымыть мне лоб и щеки... И тут я вспомнила, что за минуту до нашей нежной встречи, Варя с таким же упоением мыла себе попу. А тут как раз я подоспела. Разницы, в общем, никакой.

Ну что, все собрались? Поехали с третьей цифры.

ПЕРВЫЙ БАЛ НАТАШИ РОСТОВОЙ ИЛИ ВЫСТАВКА ДОСТИЖЕНИЙ

То была собачья выставка. Для меня — первое мероприятие подобного рода, зато Варвара такие макет-шоу уже посещала. Бывало, придет, отгребет полную лапу «сацек» к пущему довольству заводчиков. («Сацы» и «Сацыбы» — это такие награды в кинологии. Наберешь сколько-то «сацек» — автоматом получаешь «Юного Чемпиона России», потом опять набираешь — для настоящего ЧР, потом опять — для Интерчемпиона, потом — для Чемпиона мира...) Так вот, сколько-то «Сацев» у Варвары уже было. Еще — дипломы памятные, грамоты почетные, письма благодарственные родителям и «розеточки» — бумажки с ленточками, которые на выставках теперь вместо медалей. Розеточки надо развешивать по стенам, показывать гостям, и всякий раз проходя мимо осенять себя крестным знамением — чтоб счастье великое и вперед улыбалось.

Так что Варвара не волновалась. Явпрочем, тоже. Дуракам, говорят, везет.

То, что громко именовалось «выставкой» больше напоминало медосмотр в военкомате. Такой же нервоз, плохо организованное пространство и разлитый в воздухе страх-мандраж «заметит — не заметит». То есть недостатки — заметит — не заметит? Эксперт был один. Настроение у него застыло где-то в глубоком минусе. По крайней мере, он старался выглядеть сурово. Его все боялись.

Что они называют «шоу»? Спортзал, в центре которого, на зеленом покрытии, стоит дрожащий собаковод и растерянная собака? Спортзаловские лавочки по периметру? Людей в пальто, сидящих на этих лавочках, одной рукой удерживающих собак, другой —

свои сумки и пакеты с причиндалами? Шум, лай, гам всех тех, кто еще не выступил? Ноль внимания на «ринг»?

Собственно на ринге никаких фокусов и не показывали. «Посадите собаку — покажите зубы — поставьте собаку». Суровый дядя-эксперт смотрит недобро, что-то бурчит через плечо секретарше с блокнотом. Они про тебя всякую фигню думают и пишут, а ты стоишь, как пень в зимнем лесу — одинокий и гонимый. Потом суют тебе в руку бумажку, содержания которой не разобрать.

И мне такую дали. Увидев ее, отдел дешифровок ушел в отставку. Идентифицировать удалось лишь два слова: «круп...» и «... шея». И одну фразу, оборванную, как песня, на излете: «движ. сво», что означало, видимо, «движения свободные». Было там еще что-то вроде «морда постная», но друзья-собачники сказали, что так не должны писать. Может, костная? А вот что есть «дос. глуб. ер», «с чуть плоск. ж» и «х. высоко»? Какой еще х.? Хохол? Или хомут? Так мы вроде упряжь у ворот оставили...

Сравниться с О. — нашла, как называется — «оценочным листом» могла только «ветеринарная справка №46-44», выданная нам накануне. Там синим по зеленому что-то написали про «собак один штук» и имя владельца — Иванова, исправлено на Исакову (правильно, чего бланки зря портить: Иванова да и ладно). А про состояние здоровья собаки не поняла даже сама собака.

Ну и чем, захотите вы спросить, дело кончилось с выставкой в военкомате? Дали «оч. хор». Вот тут-то и началось шоу!

Сперва у всех, кто нас знал, что-то сделалось с глазами. Потом нас зачем-то стали утешать, прописали маскарадную покрышку от «Оки» и есть целые корыта каши. Чтоб, значит, потолстеть. Еще про судью сказали много слов и на «ер», и на «ж»... Чтоб, значит, нас поддержать. Вот этого уже вынести было нельзя. Поэтому я «включила дурочку», и мы бочком, бочком стали выбираться из псарни.

На улице, собрав последний урожай утешений, быстро и нервно покурили и поплелись к автобусу, И плечи такие опущенные. Чтоб, значит, горе изобразить... (Дома наелись до отвала кто консервов, а кто конфет, и завались спать.) А чего горевать, следующая выставка через 4 дня.

Одного не могу понять: ведь мастиф был один! Мы и были. Сами с собой соревновались. Наверняка у них там в разнарядке много места для одного маленького мастифчика? И чего жадничать?

— Ничего, — сказала я Варваре вечером, — в жизни каждого чемпиона хоть один «ХОР», но был!

ИЗ ЖИЗНИ ЧАЙНИКОВ

Давным-давно, месяцев пять назад, когда Варвара только пришла в мою жизнь, дали нам один совет. В любой момент, как только собака бросает взгляд на меня, делать радостное лицо и хвалить. Или говорить приятные слова. Так устанавливается доверие.

Посмотрела на тебя — «Молодец!», опять посмотрела — снова «Молодец!». Утром встали — «Молодец!», спать ложимся — (зевая) «Молооо... бррр... молодец!». Дошло до того, что кондукторша в трамвае за протянутый билетик сказала на автомате: «Молодец».

Говорить слова и уси-пускать в момент «смотрения» вошло в привычку... Иногда уже не соображаю, что говорю. На днях назвала девочку «Жопкой» в контексте «Молодец, Жопка, маму ждешь». Потом устыдилась: как вы яхту назовете...

Или, бывает, начинаю нести какую-нибудь ахинею приятным голосом. Мне голос как при работе на радио поставили, так он и стоит, а уж о чем бrezжу — дело десятое. Тут как-то говорю: «Умница, Варварушка, а далее в программе Брайан Адамс». Главное, фраза по ритмике подошла. Ну, и улыбочка — все как при работе с интуристом.

Но, как и многим собаководам, мне не дает покоя вопрос: понимает ли моя

четырехлапая речь человеческую? Или так, придуривается? Решила проверить. Идем. Варварушка оборачивается за похвалой. Я ей душевным тоном говорю; «Иди, поставь чайник, дорогая». Не поняла она. Как стояла, так и стоит. Я ей снова, но теперь вопрос по-другому поставила: «Где же ты была, Пенелопа?», и интонация — такая добрая-добрая. Не признается. Лапы уже примерзли к асфальту, стоит, не понимает, чего надо. В третий раз закинутая невод: «Губит людей, — говорю, — Варварушка, не пиво»...

Прогулка, по мнению Варвары, прошла бездарно. Интересно получается: «жопку» она понимает, а чайник так и буду сама всю жизнь ставить?

РЕЖИМНЫЕ УСЛОВИЯ

Я обожаю придумывать себе режим дня. И делаю это ежедневно. Желание втиснуть жизнь в систему так велико, что продумывание «в какое время вставать, сколько гулять с собакой и в четверть какого часа начинать принимать пищу» стало моей второй натурой. Это все «контузия детства». Помните, в моменты воодушевления доставался большой кусок ватмана, новые фломастеры и тщательно, с прикушенным от усердия кончиком языка, выписывалось неустоявшимся почерком:

- 7.00 — подъем
- 7.05 — физическая зарядка
- 7.15 — умывание
- 7.30 — прием пищи
- 7.45 — выход в школу
- 8.00 — начало уроков

И далее по тексту. В особо извращенческих «Режимах дня» среда утренних пыток стояло еще «повторение уроков перед школой», но на такие подвиги, как повторение школьного маразма в половине восьмого утра, моих родителей не тянуло.

С тех пор отношение к Режиму у меня двоякое, но всегда — как к святыне. Режим должен быть. Соблюдать его необязательно. Ибо планирование — все, планы — ничто.

Шли годы. Почтение к Режиму не проходило. Каждый вечер я завожу будильник на 8.00. Каждое утро дрыхну до 9. В 9 выколупываю себя из кровати и придумываю новый режим. С четким обещанием лечь ровно в 23.00. Ложусь в 2 часа ночи. Или в 3. Или в полдесятого. Но никогда — в 23.00. Ни-ког-да. Просто из духа противоречия.

Позавчера придумала новую фишку. Каждый вечер, ориентировочно с 22.45 до 23.00 себе прописала «общение с Варварой». Надо садиться на ее подстилку и вдумчиво общаться на общеполитические темы. Вчера села. В 21.30. Посидели. Помолчали о своем. Варвара клевала носом, а потом и вовсе засопела и невежливо вытихивала меня ногой на пол. Сегодня садиться надолго не стала. К чему? Все новости выболтала ей на прогулке, а новых тем как-то не придумалось. Но Режим есть Режим! Поэтому присела, почесала ей за ухом, помурлыкала какую-то песенку, наклонилась поцеловать в лоб. А она! Неблагодарная! Морду от меня воротит! Отворачивается с таким видом, как будто не мать я ей, а левая уборщица Клава. Пришлось поцеловать силой. Режим! Ничего, завтра вот как встану в 8.00, как приму пищу, как начну повторять уроки! Тогда она поймет, какая у меня сила воли! И поймет, что хочешь-не хочешь, а целоваться придется. Есть такое слово — режим.

ПОДРУЖКА

У нас новая вечерняя подружка — карело-финская лайка. Холеричное пушистое создание, похожее на лисичку. Рыжая и веселая. Зовут Шилка. Правда, я пару раз по рассеянности называла ее Втулка. Шилка, втулка — один хрен. В моем представлении.

Шилка — настоящая охотничья собака. Жила неделю в тайге. С хозяином. Ходила на охоту. Уже добыла пару куниц. Не боится выстрелов, умеет плавать, прыгать, громко лаять и цапать кабана под коленку.

Игра Шилки с титаном-Варварой проходит своеобразно. Варвара стоит и задумчиво смотрит вдаль. Как всегда. А настоящая охотничья Шилка нарезает круги вокруг нее, тянет, подпрыгивает и кусает Варшишу за ухо. Как правило, за левое. Почему-то. Может, у них, настоящих охотничьих, так положено. Иногда Варвара отвлекается от созерцания тьмы и отмахивается лапой. Иногда делает движение, отдаленно напоминающее бросок. Иногда ведет плечом и Вту... Шилка осыпается на землю. Веселья — море.

Хозяин Шилки мне симпатичен. Он уверен, что охотничья собака должна уметь уверачиваться от ударов судьбы, не бояться больших объектов и не терять задор ни при каких обстоятельствах. Правда, ему не нравится — что Втулка-Шилка иногда дрейфит и прячется за хозяйскую ногу. Это когда Варвара разбежится. И что Лисичка от полноты чувств иногда наскакивает на меня и, оттолкнувшись, как от трамплина, заходит на новый круг. Это, говорит он, охотничьим собакам, не разрешено. Мало ли, на охоте прыгнет на человека, а у того ружье возле ноги — возьмет да и выстрелит самопроизвольно. Секир башка получится.

А сегодня было совсем хорошо. Играли девочки по своему сценарию. Варя медитировала вдаль, Шилка скакала. «Играли» они так минут 20, пока трое из четырех участников пленэра не околели совсем. Поэтому пошли в сторону родных домов. И тут слон очнулся и начал гоняться за моськой. Целых два круга. Хозяин радовался, как дитя. «Как хорошо, — сказал он мне напоследок, — что наши собаки погонялись! Хочу вот на медведя скоро пойти, а не знал, как Шилка будет работать с медведем. Теперь знаю». Наверное, надо обидеться.

МЫ ВСЕ-ТАКИ ВЫЗВАЛИ «МУЖА НА ЧАС»

Того, который из конторы. Чиньщика сломанных вещей. Приятный такой дядька оказался. А Варюха его испугалась. Дядька-то к нам не с пустыми руками пришел. Впрочем, рассказ надо начинать с того, что встретили мы его на улице. Продолжение следует. Извините, режим-с.

... А про дядьку. Что дядька?... Пришел, починил. У него чемоданы были большие, эти, ремонтные сундуки с инструментами. Варя боится людей с нестандартными силуэтами. Это краткий сюжет истории. Если кто-то собирается написать повесть, взяв этот интереснейший сюжет за основу, он может украсить его деталями на свое усмотрение. Например, что это вовсе не ремонтник бы — с чемоданами, а Дядя Федор, пошедший за грибами, и случайно к нам забредший.

А я болею, вот, 38,5 температура и состояние, близкое к выходу в астрал. Сегодня утром вывела Варвару, а сил ходить нет. Стою, реву..., так жалко себя стало. Слезы замерзают. Еще и Варвара, пользуясь моей слабостью, как рванула к другой собаке! Ловила ее потом, как Старик свою Золотую рыбку в мутной воде.

На форуме, помню, кто-то писал, что собаки понимают состояние человека, стараются помочь (история была про то, как собака первая почувствовала, что хозяйка беременна, перестала на нее скакать и вообще стала образцово-показательной). А вот Варвара — фига с два. Не вошла в положение простуженной матери! Поэтому, придя домой, я села на пол прямо в чем ходила — в куртке, в шапке, в шарфе, в ботинках — и наревелась от души за жизнь свою горемычную. Я, говорю, Варваришка, обещала быть рядом с тобой до Последней луны, но такими темпами, чую, не доживем. Ни до луны, ни до завтра.

Варя сначала зачем-то скакала по комнате, как бешеный еж, а потом села рядом, пихала лапами, и — в первый раз в жизни — стала покусывать мою руку. Опять же где-то читала, что это вроде как игра-утешение. По крайней мере, я восприняла как утешение. А еще лизала лицо. И фыркала, как конь от просроченного овса. Я расценила это как презрение к страданиям, не к моим конкретно, а к страданиям как жизненной философии. Потом в

бессознательном состоянии мы убирали квартиру (Варвара помогала тем, что не шарахалась от пылесоса). А все эти жертвы были ради того, чтобы достойно встретить маму и тетю: они будут жить с Варварой и, подозреваю, всячески ее баловать, пока я езжу в командировку.

Тетя вообще у меня знатная: завела козу и дрессирует ее. Поэтому появилась надежда, что в середине ноября мы с Варварой все-таки сдадим УГС (вот, как назывались наши тренировки: Управляемая Городская Собака). Что-то торможу..., понятна логика? Коза — собака, все дрессированные. Причем по стандартам УГС. Там одна забава есть. Из распечатки «Нормативы УГС», п. 8... Приучение собаки к городскому шуму: ВЫСТРЕЛАМ, зонтикам, различным резким звукам. (Выделено мною — Галка).

И все бы ничего, если бы не предстоящие сегодня привечание гостей, сборы, завтрашние поезда. Как эта болячка не вовремя, а!

Хотя был в моей биографии случай и поинтереснее: приехала в Париж и свалилась с жуткой ангиной. Пока три дня отлеживалась, группа домой собралась. Вот так я побывала в Париже.

В Питере, если доберусь туда живой, мне поручили купить... папильотки и резиночки для этих папильоток! Здорово, да? Это чтобы йоркширам шерсть завивать. Страшный дефицит, оказывается! А мы-то с Варварой так и проживем, не завитые ни разу.

В общем, счастливо оставаться. Удачи вам, хороших тем и приятных собеседников. Присматривайте тут за Варварой. Цветы поливать не надо, еда в холодильнике.

Двадцать пять причин не заводить собаку

Потому что чума.

1. Будете жить без выходных. Этот цикл никогда не кончится. Вы никогда не расслабитесь. Утром и вечером прогулка ждет вас. Круглогодично и даже утром 1 января. Вы не сможете ездить в командировки и в отпуск. Жизнь превратится в два мероприятия: гулять и кормить. Гулять. Кормить. Гулять. Кормить. Гулять. Кормить. Гулять. Кормить. Гулять. Причем прогулки подразумеваются долгие и полноценные, интересные и бодрые, с непременным, энергичным обзором окрестностей на предмет людей, собак, детей, кошек, шуршащих пакетов и открытых люков... Реакцию отработаете, людей и собак (особенно пуделей) возненавидите.

2. Холод возненавидите тоже. Как и жару. Не говоря про дождь и слякоть. Весь календарь будет проходить перед вашими глазами. Журнал «Юный натуралист» выразит готовность купить ваши наблюдения за природой за большие деньги. Армия спасения предложит целый чемодан твердой валюты за ваши гуляльные одежки а-ля курточки и старые ботинки. И дурацкие шапочки! Вы научитесь утешать себя тем, что «тепло и не продувает, а в темноте все равно не видно».

3. Забудете о пьянках, клубах,очных загулах и спанье до упора. Теперь гораздо важнее — не какой коньяк покупать, а когда в последний раз пописала ваша собака. И если выходите за критическую отметку в 12 часов, то вас не спасет даже харакири. Потому как совесть. А пьяных мы не любим. И от курева чихаем и смотрим страдальческими глазами. А от предложения выйти вон — отказываемся тихо, но категорично. Типа — я лучше тут посижу. А то вдруг вы есть удумаете.

4. Приготовьтесь к новым кошмарам. Самый ужасный ужас — во сне вам привиделось, что закончился корм. Хотя вы буквально на днях купили тринадцатикилограммовый пакет этого долбанного корма и притащили его на своем горбу на пятый этаж. А он внезапно закончился.

5. Научитесь разбираться в добавках и витаминах; не слушать всех, кто грузит на предмет «как надо кормить собаку, потому что свою я кормлю так»; прогнозировать, что от молока собаку пронесет, от яиц будет крутить живот, а лохань хлеба плюс ведро корма плюс пара банок консервов будут на ужин в самый раз.

6. Научитесь запихивать градусник собаке в попу, смотреть — как и чем она какает,

вытирая ее богатырские чихи с обоев и зеркала в прихожей, станете специалистом по оттиранию слюней с джинсов и дубленок, вытираю после прогулки грязных лап и своих ботинок от чужих какашек, стрижке когтей, чистке ушей, протирке глаз и вытаскиванию из пасти всякой дряни, включая такие лакомства как провонявшая рыбка и разложившиеся кошаки. Запах мокрой псины будет вызывать умиление. Ваша куртка и штаны тоже будут пахнуть псиной. Не пишу про то, что собаки умеют вкусно пукать. Это сюрприз. Подается при гостях. В общем, физиологические радости на уровне санитарки дома престарелых.

Я не слишком быстро говорю? Успеваете записывать?... Поехали дальше.

7. Так понимаю, что жуть в виде выставок вам не грозит? Хоть в одном повезло... Но если что — обращайтесь. Шелковые шнурки (уже намыленные) — в ассортименте.

8. Сума ждет вас. Я на свою девочку трачу в месяц около 3-5 тысяч. И все равно она ходит голодная! Как и я.

9. Приготовьтесь к постоянному чувству вины перед собакой. Она целый день дома одна. С ней никто не играет, не разговаривает и не гуляет. А вечером, когда вы приходите, вам хочется только одного — залечь. Или спокойно посидеть в кресле и выпустить сигарету. В тепле. В тишине. И чтобы весь мир провалился в тартарары. А тут сидит бессловесная животина, смотрит на вас, метет хвостом и ждет долгой прогулки. И чтобы с беготней, отнимаем палок и догонялками. И словами поощрения.

10. Причем эта животина никогда не упрекнет вас, что самое противное. Ну хоть бы раз заорала, стукнула тапкой по столу! Так нет! Сидит, боготворит. Редко позволяет себе укор лишь в виде тихого повизгивания:...» Писать хочу, мама..., ну мама..., пожалуйста, я быстро»... Хочется рыдать и таскать себя за волосы, потому как сволочизм и издевательство над живым существом.

11. Кстати, сволочью вы будете себя чувствовать часто. Гарантирую. Особенно, когда ребенок желает рвануть к другим собакам, а нельзя.

Я ничего не пропустила? Немножко осталось, потерпите.

12. Научитесь собачиться с бабушками, дворниками и прохожими, которые смеют бояться вашего милейшего слоника. Вы наловчитесь посыпать их так далеко, что ЖЭКу придется искать других дворников (пропажа остальных, скорей всего, останется незамеченной).

13. Будете ездить на тренировки и краснеть от того, что ваша собака такая тупая и вы тупой тоже. Потом забьете на тренировки, а потом — за дополнительные деньги — будете сдавать и пересдавать экзамен на умение ходить рядом с собакой.

14. Ходить рядом она будет все равно только на тренировках. Зато вы накачаете левую руку.

15. Разовьете в себе редкий дар угадывать, чем занимается собака в темноте... Потому что собака может в этот момент; а) жрать какую-нибудь дрянь, б) мышковать, в) мирно какать, г) выслеживать одиноких прохожих, д) уже давно свалить в неизвестном направлении, е) как раз подбегать к дороге, поскольку рядом с оной, километрах в двух от вас, появилась какая-то другая собака, ж) делать что угодно, особенно то, чего нельзя.

16. Ваш дом превратится в филиал лесопилки. Вы приспособитесь пылесосить стоя на коленях, чтобы по миллиметрам выдирать из ковра щепки и нитки. А подметать вам будет нечем. Ибо веник давно сгрызен, а где дают новые, вы понятия не имеете.

17. Привыкнете к лаю, скрежету и вою. Редкому, но от того еще более душераздирающему. От жизни собачьей. Или рычанию на гостей. Гости вас скоро перестанут беспокоить, в отличие от соседей.

18. Вы будете представлять собой или лакомый кусок для анатомического театра: синяки, шишкы, царапины, пожеванные уши и пальцы, или сможете баллотироваться в армию на чин ведущего парад, ибо наловчитесь гаркать команды так, что стекла во всех окрестных девятиэтажках будут выбиривать от ужаса. Мужайтесь, конец близок.

19. Очень скоро из компанейского человека вы превратитесь в нелюдимого безумного собачника, выходящего из комы только при словах «прививка», «ошейник» «гулять». Вы

станете неинтересным собеседником, любой разговор сворачивающим на тему блох и корма. Вы напрактикуетесь уходить с пьянок в самый разгар, бормоча: «У меня собака»... Через пару месяцев вас уже не будут никуда приглашать, а если придете по своей инициативе, то своими глазами увидите финальную сцену гоголевского «Ревизора».

20. Перестанете запоминать имена, зато отлично будете узнавать в лицо всех окрестных псов, козыряя сведениями о датах их последних вязок и размерах ошейников.

21. Привыкните к тому, что собака все время ходит за вами по квартире. Даже в туалет. И положив голову вам на колени, задумчиво смотрит вам прямо в глаза. Или не в глаза. А то и вовсе — задумчиво нюхает воздух... Ладно, это уже детали.

22. Вы научитесь спать столько, сколько спит ваша собака. И вставать без будильника. И засыпать без поцелуя на ночь. Потому что любовники в этом дуэте лишние.

23. О господи! Чуть не забыла! Пылесосить подстилку от шерсти! Какая там опера «Иоланта» — вот где оргазм за оргазмом.

24. Вы откроете в себе способность усююкать, улюлюкать, повторять фразы по несколько раз без изменения интонации, придумывать невообразимые прозвища и говорить слова «Толстый» и «Жопа» с такой нежностью, что сотрудницы секса по телефону будут записываться к вам на тренинги.

25. К тому же через пару месяцев у вас появятся неудобные мысли завести вторую собаку. Вы думаете это все? Далеко не все, нам просто гулять пора. В общем, ЗАВОДИТЕ. Потому что, если вы справитесь, вам уже остальное будет по фигу. Потому что вы сильный. И ироничный. К тому же где-то через полгода вы вполне сможете давать советы на форуме на предмет заводить ли собаку. И, кто знает, может быть даже писать рассказы.

Удачи.

Ваша Галка.

Кто чем на прогулках занимается? И сколько примерно длится большая прогулка?

Меня часто спрашивают — тяжело ли каждый день ходить на прогулку? Особенно, если тебе не пять лет, когда энергия бьет ключом, а тридцать пять или сорок пять, или все пятьдесят. Не кривя душой отвечаю: нет, не тяжело. Гулять — не тяжело. Привыкаешь к определенной дозе физической активности, без прогулок уже чего-то не хватает. Вы никогда не видели собачников, которые гуляют «с варежкой»? Собаки нет — на даче, например, а гулять человека все равно тянет!

Так что гулять не тяжело. Труднее себя на прогулку ВЫТРЯХНУТЬ. Встать, начать одеваться, собираться... Особенно, когда за окном темно и холодно. Зимний вечер, например. Или воскресенье. Или ноябрьское утро. О, вот это да, тяжело. Ноябрьские рассветы на Урале — это вообще не для слабонервных. И выколупывать себя из теплой постельки для сомнительной радости прошвырнуться по стылой, припорощенной серым снежком уличке, — это, знаете ли, только для Героев Советского Союза. А вечером! Приползаешь с работы — чаю бы, книжку и спать, а вместо этого — теплые штаны, валенки и поводок. И бывает, так тебе неохота не идти — переться! — на эту осточертевшую улицу, что ты просто сам не свой от уныния. И говоришь себе: мы сегодня не будем долго гулять, мы только до угла и обратно. Все дела сделаем и домой. За один день собака не «слежится», завтра погуляем! Ладно, пес? Завтра погуляем хорошо и долго, а сегодня давай пять минуток, ладно? Там такая мерзость на улице — ты себе просто не представляешь...

Смотришь на эту радующуюся морду, которая гулять любит в любую погоду, к тому же банально хочет писать, входишь в положение и идешь.

До угла дошаркали, вроде ничего, не так муторно, как казалось из дома. Может, до следующего угла? Или до вон той площадки?

Проверено экспериментально: через 10 минут тоска по утраченному теплу проходит. «Разгуляешься» и нормально. Даже хорошо. Голова становится свежее, румянец и багрянец

украшают щеки, кровь по жилкам бегает, настроение резко улучшается, и уже никто никуда не торопится. И заряжаешь очередное гуляние на час, полтора, два — до упора. Это же собачино время. Вот и пусть гуляет, а телевизор, борщи на теплой кухне под абажуром, книжки и ноги в тазике — это все подождет. Более того, после прогулки возвращаешься бодряком. И начинаешь по дому «шуршать»: мыть полы, посуду, прибирать квартиру на ночь глядя, песни распевать, собаку тормошить, которая поела и потормошиться тоже не прочь. Кто не играл с собакой в первом часу ночи?

Летом проще. Вечером светло, утром светло. И тепло. Кроссовки надел, куртягу полегче — и уже на улице. Без душевного надрыва. Вечерком (часиков в 9) уходим бродить часа на полтора-два по зеленой зоне нашего района. Иногда по ходу движения команды повторяем. Иногда играем (я пинаю пластиковую бутылку, а Варишна скачет за ней). А чаще всего просто «наматываем километры» — может, мероприятие это и не сильно развивающее, но зато профилактика геморроя. Варишна, как правило, в свободном полете в радиусе 3-5 метров от меня. Я, как правило, иду и разговариваю сама с собой или тихонько пою песенки. Сразу скажу, что мы сознательно выбираем нелюдные места, а при встрече с другими зверями, действуем согласно п. 1 «Этики собаковода»: «Возьми свою на поводок!»

Многие наши знакомые-собачники сбиваются в кучки и стоят, разговаривают... Собаки или рядом играют, или рядом же сидят. Посидели, постояли полчаса — и домой. Слышится, и мы прибываемся к такой стае. Некоторые упорно все время прогулки повторяют команды. Некоторые ходят вокруг дома. Некоторые ходят вокруг и других домов тоже, но собака все время на поводке, причем коротком. Мне любопытно — хоть кто-то из этой пары нагуливается?...

Я понимаю, «правильных» ответов — как надо гулять — нет. Правда — она у каждого своя. Просто интересно — а как у вас проходят прогулки?

Вчера идем, я, как всегда, сама с собой веду задушевную беседу. Вдруг неожиданно меня обгоняет парочка — парень с девушкой. Слышу — девушка (как бы шепотом): «Ой, а что она сама с собой разговаривает?»

Парень: «Ну ты наивная! У человека гарнитура телефонная! «Hands free». Я раньше тоже так думал — сколько у нас людей сами с собой разговаривают! А потом понял: они же по телефону говорят!»...

Теперь, когда у моих монологов появятся неожиданные свидетели, я буду просто вставлять: «Алло-алло!»

Последний день лета

Последний день лета. А по часам — уже осень. И по ощущению тоже — уже давно, недели две. Темно, сырь, страшно. Осень — это долго и безнадежно. В осени застrelеваешь, как в топи, и буксируешь, пока спасительный снег не укроет твои страдания прохладной ажурной белой шалью. Идем сегодня. Последний день лета... Вечерняя прогулка. Почти на ощупь. Две тропинки. Одна, у дома, с мелкими лужицами и в общем, пригодная для ходьбы, другая — среди травы, в глубине, с ямами и грязью по колено. Дождь.

За нами прутся двое молодых людей. Прилично одетые, брючки-очки, портфельчики, матерок всего через слово, явно с работы. «Ну и что, что последний день лета, — раздраженно и громко вещает один, — у меня восемь заказов и всем надо сегодня!» Второй в тон отвечает. «Отпускнички прикатили, всем срочно, всем — сегодня, и последний день лета им не указ. Но с другой стороны, последний день лета — всего лишь дата, лист календаря. Ерунда это, просто массовая истерия. Надо четко знать свою цель и идти туда, куда тебе надо, а не куда бежит толпа! Соображать самому!».

Мы идем чуть впереди, пораженные красотой беседы и глубокими ее тезисами и, дабы предоставить лучшую дорогу философам, сворачиваем с тропы. Грязь хлюпает под ногами, Варвара, вздыхая, шлепает по бурым глубоким лужам. Молодые люди, ратующие за

«эксклюзивный жизненный путь», прутся за нами! В темноте, поскользываясь, хлюпая и утопая в грязи.

Мы ускоряемся, Варвара нервничает, я делаю вид, что рождена на болотах, и мне нравится вот так гулять, непринужденно загребая ботинками склизкую жижу. Парни не отстают. Рядом — чистая, почти стерильная тропинка, асфальтированная. Нет, прутся за нами!

Не выдерживаю. Поворачиваюсь. «Молодые люди, дорожка — вон там (для убедительности тычу рукой в ту сторону). А мы тут с собакой гуляем!»

Философы, поблескивая в темноте своими очечками, ошарашенно замирают. «А... Э-э... Ну, мы... Это самое... Мы смотрим — вы идете, и мы за вами...»

В общем, трепотня одна — эта ваша философия...

Кто сказал, что последний день лета — всего лишь дата на бумажном календарике? Самый что ни на есть Миистический день. Особенно вечер. Не говоря про ночь.

Не хотелось бы показаться человеком одной темы, но у нас по вечерам уже темно. Темнота густая, чернильная, вязкая. Ее не вспорешь ножом, как черный картон, в нее надо входить — осторожно, медленно, на вдохе. Потому что там, за поворотом, в темном океане травы под ногами может скрываться все, что угодно. И выйти из темноты — тоже может Кто угодно.

Это была Бабка с косой. Той, что косят, все правильно вы подумали. Кабы была румяная дебелая девка с лентами в длинной русой косе, разговор был бы совсем другой! Хотя тоже странный, признаться, был бы разговор.

Но это была Бабка в темном плаще с капюшоном и с железной косой на плече.

Кондратий вас когда-нибудь хватал? Меня тоже нет — до этого вечера. Бабка вышла откуда-то из темноты, лица не разглядеть, шла параллельным с нами курсом, пока не дошла до газона у дома. Там она встала в классическую позу косильщика, расставив ноги, расправив плечи и отведя назад правую руку с древком косы, в полной тишине стала косить траву.

На газон падал бледный от света далекого фонаря. Вшиииииииик-вшиииииик. Вшиииииииик-вшиик... План за лето, видать, старалась бабка закрыть. Совсем они там, на небесах, сдурили...

Последний вечер лета. Лучше провожать его дома. Закрывшись на все запоры и роняя тихую ностальгическую слезу на мятый календарик. До дня рождения Деда Мороза остался 121 день; до Дня рождения Пушкина — и того больше.

Лепехи делают не только коровы...

Уроды — это такие специальные люди, которые стараются. Честно!

Только у них плохо получается... Сочинение сопредседателя гильдии кулинарных кретинок, инвалида плиты и ножа Н-ой степени, почетного члена ассоциации практикующих идиоток — Исаковой Г. В. Пишу не под псевдонимом, ибо фамилия все равно мне не родная — мужнина. А он эти записки не читает, и вы ему не говорите!

Лучшие кулинарные рецепты от Галки

Дорогая, ну слушай. Берешь хлебцы. Хрустящие. В цилиндрических таких упаковках. Рит чего-то там называются. Режешь сыр. Любой. Пластами любыми. Все, первый этап закончился. Куришь.

Кладешь сыр на хлебец. Сыр с хлебцем кладешь на тарелку. Тарелку ставишь в микроволновку. На 30 секунд. Куришь.

Через 30 секунд микроволновка начинает пикать. Открываешь, достаешь тарелку с обалденным горячим хлебцем и расплавленным сыром. Наливаешь кофе в чашку. Хлебец с

сыром кладешь в рот. Осторожно! Горячее! Хрустишь себе, кофием запиваешь, крошки с бороды стряхиваешь, жмуришься от удовольствия. А потом с наслаждением что делаешь? Правильно! Куришь.

Рассказываю еще об одном рецепте, который опробовала сегодня. Нагреваете слегка сковородку, высыпаете сырье (из пачки) макароны, на масле 2 минуты обжариваете, потом убавляете огонь, наливаете чуть воды и «тушите» минут 15. Все. Получается вкусно, макароны как будто в «собственном соку», не развариваются и не надо возиться с дуршлагами, кипятком и кастрюлями. Можно еще макароны печь в духовке. Только воды побольше и овощей, ну и сыру там, грибочков, чесночка...

Если ножки не свои и не такие красивые, их надо зажарить!

Олега на форуме..., да, да, это не ошибка, девушку зовут Олегой или Олежкой — имя такое! А собаку ее — Кузей, Кузинкой, Кузьмой. Дог, между прочим. А дочь — Ева-Мария. Вот такие они, киевляне, затейники на имена! И не только на имена — на кулинарные вкусности тоже. Подсказала мне Олега рецепт, я попробовала и... получилось!

Берем куриную ногу. Большую. Или индюшачью. Если ногу взяли, остальное уже дело техники.

Осторожно снимаем с ноги шкурку до низу (как чулок), можно помочь немножко острым ножом. Если порвется — не страшно, потом замаскируем зубочисткой.

Теперь срезаем с косточки мясо, прокручиваем через мясорубку или мелко режем.

Перемешиваем с яйцом, зеленью, мелко нарезанным луком, солью, перцем и — на выбор — порезанными жареными грибами, предварительно замоченным черносливом или курягой, или даже мелко нарезанными апельсинами.

Вымешиваем, начиняем шкурку, формируем ногу обратно.

Если шкурка целая — защищаем ее зубочистками только сверху, положим на фольгу, у которой слегка приподнимаем края, чтобы сок не вытек, кладем все это в духовку и пекем.

Готовность ноги проверяем, слегка отколупнув вилкой фарш и попробовав его на «зуб». Если шкурка станет сильно запекаться, мажем ее майонезом или прикрываем фольгой, уменьшая огонь.

Курица готовится быстрее, индейка дольше. Зато индейка намного больше по размеру!

Делиться вкуснятиной ни с кем не надо.

Чем плохо отсутствие телевизора или моя самолепта в кулинарию. (Кулинарная идиотия)

Месяц назад мне нестерпимо захотелось лепешек. Таких — саможаренных, с хрустящей корочкой, золотистым бочком, из чуть кисловатого теста. К лепешкам полагалось блюдце прохладной сметаны и душистый сладкий чай.

Признаться, поначалу мысль о таком пиршестве меня испугала. Я вроде бы сидела на диете и картина меня, урчащей от удовольствия чревоугодия, со стекающей по подбородку капелькой горячего масла, воровато вытирающей жирные пальцы о собственные штаны, громко прихлебывающей сладкий чай из большой кружки и жмуриющейся от наслаждения, — такая картина меня удручила. Но лепешки занимали все большее место в воображении, наливаясь запахом, обретая цвет и уже почти возвышаясь горячей горкой на лучшей из моих тарелок.

Борьба добра со злом длилась недели две, пока однажды в припертом из магазина мешке не обнаружился целый килограмм дрожжевого теста. Вожделенный полуфабрикат являл собой замороженную глыбу в целлофановом пакете. Устраивать поварскую вакханалию в тот день было некогда и я, не забыв похвалить свою железобетонную силу воли, нежно устроила глыбу в пустующих недрах морозильника. До лучших времен, которые, я надеялась, никогда не наступят.

В мирной гастрономической дреме летели дни.

Но вот сегодня Трубы Страшного Желания задудели так сильно, а нос так отчетливо почуял запах горячих свежих лепешек, что пришлось встать с кровати, отложить книжку и, шаркая тапками, как древний дед, ворча веселым матерком, проследовать на кухню к заросшему паутиной мартену.

И тут случилось чудо! Забытые кулинарные потенции встрепенулись, подняли голову и потребовали для начала фартук, свежее полотенце и чистых рук. Все это им было предоставлено. На что — с присущей им наглостью — потенции заявили, что мы будем делать не просто лепешки, а **НАСТОЯЩИЕ ПИРОЖКИ С КАРТОШКОЙ**.

Пока Лень лежала в обмороке, а Вечная Занятость заботливо опрыскивала ее холодной водичкой, эти... в фартуке и с полотенцем на плече уже достали глыбу из холодильника и поставили в микроволновку размораживаться. Микроволновка, отродясь не знакомая ни с кем, кроме быстрых супов и сосисок, покряхтела озадаченно, но за дело взялась горячо и споро. Безумие — оно затягивает. В это время руки, тоже втянутые в пищевую оргию, быстро, словно боясь не успеть до включения сознания, чистили картошку.

Картошка лежала в коробке с последнего приезда мамы и явно обрадовалась, что ей не суждено умереть своей смертью, хотя первые, да что скрывать, и вторые признаки увядания, были уже на лицо. Не обращая внимания на такие мелочи, эти, кулинарные прихватки, радостно поставили картошку на плиту, сообразили даже налить туда воды и потрясти пустой солонкой над кастрюлей... Так положено. Тесто во всей своей квашнистой красе, как баба после бани, расползлось по микроволновке.

По слухам Великого Кулинарного Приступа, со стола были убраны все недопитые чашки кофе, стручки засохшей колбасы, зубочистки и фантики от конфет. Предполагалось, что на столе сейчас развернется плацдарм для будущих кругленьких хорошеньевских сочней. В поле зрения оставила лишь сигареты, как оставляет суеверный анестезиолог еще один шприц с наркозом для не вовремя проснувшегося пациента.

И тут выяснилось, что нет муки. То, что картофельное пюре придется делать без масла и молока, я поняла еще раньше. А вот отсутствие в доме еще и скалки озабочило уже не на шутку. Приняв стратегическое решение — «делать без всего, а тесто катать бутылкой», я полчаса искала бутылку. Картошка уже исходила влажным паром, сковородка, устав калиться на плите, стала гнусно шипеть, выбрасывая в атмосферу пары перегоревшего жира.

Бутылка не находилась. Пластиковым баллоном тесто кататься не стало, а размазывалось на нем, как теплая жвачка. К ножу тесто прилипало тоже. И к вилке, которой тесто отскребалось от ножа. И к деревянной лопаточке, призванной спасти вилку и нож от липких объятий. Более того, тесто прилипало ко всему, к чему прикасалось. К стенам, к столу, к штанам и даже к носу любопытной Варвары, купившей билеты в первый ряд на просмотр увлекательного спектакля «Мама сначала готовит, а потом моет раму».

Варвара чихнула, а я занервничала: не так, не так представляла себе праздничный воскресный вечер! Я сказала себе: в войну ведь был дефицит муки, значит, жарили как-то без нее. Ели какие-то там лепешки из полыни или из пижмы, или о! точно — из лебеды. И жарили их... на воде, что ли? Смочив руки и взявшись за тесто, я поняла, что это была очередная и, пожалуй, самая большая ошибка. Тесто из просто вязкой субстанции превратилось в некое подобие клейстера и формироваться в сочни или хотя бы в отдельно взятые куски отказалось наотрез.

Жестом отчаяния, ложкой, отцепила от массы три комка и с обидой бросила их на сковородку. Та жадно зашкворчала, забурлила маслом вокруг жертв и тут же сообщила мне, что с одной стороны корочка готова. С другой стороны корочка образовалась еще быстрее. Внутри подгоревших комочеков был все тот же клейстер.

Ужинали мы в тягостном молчании, давясь разварившейся картошкой и отводя взгляд от целой горы поднявшегося в своей злорадной усадле теста. Чай был прописан несладкий, сметана отдана Варваре, а самая красивая тарелка так и осталась горевать в одиночестве, не познав горячей тяжести лучших в мире лепешек из чуть кисловатого теста.

Эпилог.

Вечером, позвонив в службу спасения — маме по межгороду, стала выяснять — можно ли поднявшееся тесто снова запихнуть в морозилку? Или лучше сразу в ведро? Мама поначалу встревожено спросила — неужели у меня закончились запасы колбасы, что я подвергаю свою психику таким перегрузкам как жарение лепешек, и, получив уверения, что колбаса наличествует, а «жарение» — всего лишь временный заскок, успокоено дала инструкции... Тесто до утра не трогать, тряпочкой прикрыть, чтоб «не заветрилось», а утром смазать руки подсолнечным маслом и тесто чуть смазать, потом повторить все сначала. Сходить в магазин за мукой или хотя бы за скапкой мама мне почему-то даже не предложила...

В 158 китайский раз про путь к сердцу мужчины

... Лепешки!... Амммм!... Мммм... Хороши..., ой, горячие только! Сметанки на них..., вот так..., мммм... и чаю вкусного..., ароматного... умбррррррр, я молодец..., мммммммм. Вечная слава моей маме!... И плите... мммммм! А лепешки — объедение! Горяченькие, с пылу с жару!... Румяные, с золотистым бочком... кругленькие пышечки... на масле жареные! Я СДЕЛАЛА ЭТО.

Вместо муки взяла подсолнечное масло, руки смазала и сочни — слегка. Раскатала взятой в аренду соседской скапкой. Включила плиту, поставила сковороду, налила масла, подогрела, положила сочни и поджарила.

Смачного вам аппетита! Забыты и драчливые бабки, и гомики на выпасе. Я вам лучше другую историю расскажу.

Назову ее... ну, скажем...

С собакой замуж не возьмут?

То, что претендента нужно проверить «на любовь» с помощью собаки — и ежику понятно. А вот найти претендента, имея в загашнике собачку, — сооомневаюсь!...

Сколько гуляю — хоть бы одна сволочь подошла. Не идет клиент, хоть тресни! Только и слышу: «Ой, ОOOОЙ!... Попридержите собааааааку!» И ну драпать. Все мои уверения, что, по последним данным, собака — друг человека, пропадают втуне.

Хотя нет..., вру. Позавчера мальчика на пустыре нашли. Хороший такой мальчик, маалоденький, одухотворенный — Александр Блок в юности. Кудрей, вероятно, — из-за капюшона не видать. С боксером гулял. Увидел нас и аж присел от восхищения.

Вот оно, думаю! Вот оно! Девчонки предупреждали! Не веришь в него, в счастье женское, так оно само тебя на пустыре подкараулит.

А счастье было симпатичное. Высокое, глаз с поволокой, собачка породы боксер опять же рядом бегает — свой человек. Стоит счастье сусликом, шею в нашу сторону тянет. Иди, мол, ко мне, любовь моя, заждался тебя, истосковался! Вот какая поза у него была. Красноречивая.

Ну мы, значит, тоже цену себе знаем, вошкаемся в сторонке. Что мы — красавцев на пустыре не видели? Красавцев этих тут — метлой подметай! А вот какашка в сугробе — это да, это магнит! Или вон та картонка погрызенная... Не говоря про главное сокровище — настоящее, меченное перемеченнное кобелями колесо! Ходим, в упор Суслика не замечаем, но круги постепенно сужаем... Тут материя тонкая — клиента пугать сразу не надо.

А клиент и сам не робкий, рвется общаться, из суслика козликом сделался, на месте прыгает. Зябко, сердешному, без любви.

В таком деле главное — что? Вовремя закруглиться с маневрами и пойти на сближение.

Здрасьте — здрасьте, а у вас кто? А у вас? Сколько лет?...

Ну, думаю, золотой ты мой, сейчас я тебя окучу. Окучу, голубчик мой яхонтовый, бриллиантовый! Рондо в рот сунула, грудь там, ножки — все при мне. Кобуру под

пуховиком поправила, чтоб револьверт сам в руку прыгнул, если клиент сбежать удумает. Улыбочку добрую надела, драный шарф с шеи сорвала и незаметно в куст запнула. Товар, как говорится, лицом. Рот раскрыла на предмет презентации духовного богатства.

Чхать он хотел на богатство. И на Рондо. И на грудь с ножками. У него боксер гиперактивный, не то что козликом, кенгурутиной скачет весь день. Не помогают ни тренировки, ни нагрузки, ни копченое свиное копыто. Приходится выбегивать пса по пять раз в день! А зима на дворе — кому охота в штанах на вате бегать?

В общем, мальчик сдвинулся на этой почве — как прыгуна унять — и с таким же вожделением, как и я для любви, искал жертву для своих жалобных монологов. Как завелся от форте до пьяно... Как сел на мои хорошенъкие ушки! Сел и ножки свесил. И призывным взглядом призывал, не отпускал из контакта. И про штаны на вате говорил. И зубом цыкал — для убедительности.

Не надо было ему никакой любви, у него пес невыбеганный! Еле отвязались.

Дома паспорт спрятали — на фиг-на фиг таких женихов!

... А шарф так и валяется где-то там, в кустах, рядом с милым сердцу колесом, как драное напоминание о странностях любви.

Еще раз про Любовь. Или чем люди развлекаются, если у них нет собаки

Самый идиотский повод, он же причина для разрыва был предоставлен моим первым мужем. Жили мы в гражданском браке, но жили же! Года три. Или четыре? Впрочем, с ним, как на вредном производстве, год — за три. Так что, считай, все десять.

Зарабатывал он мало, от случая к случаю, я же получала больше и стабильнее... По тем временам это были слезы, а не деньги, которых хватало ровно на плохонькую еду, оплату квитанций и пару пачек «Тайда». Я играла в образцовую жену, крутилась ужом, выколдовывая из одной курицы обед из трех блюд и «еще супчик на завтра». Бралась за халтуры, носилась, как гончая, с одной работы на другую, прибежав домой, вставала к плите, потом к мойке, потом к пластмассовому тазу с замоченными рубашками. За три года замужней жизни я не купила себе ни одной (!) вещи, за исключением повседневной мелочевки типа колготок и стала адептом внешнего вида в стиле «натюрель» — без косметики, стрижек и сережек.

Свои деньги он тратил на компьютерные примочки и иногда на хлеб.

Я любила этого парня, мне нравилось быть женой, я перлась от своей жертвенности и прогрессирующей хозяйственной изобретательности, которой славится любая голь. К тому же он был творческая личность, у него был кризис на почве перестройки, неспособность к борьбе и апатия от своей неакульской сущности. Бросить мужика в такой момент — это как пьяного обобрать, как ребенка обидеть, как Генсеку ООН на лапу дать. Рублями! Не по-пионерски, не по-советски, не по-женски.

Мы бы и жили — не тужили, если бы любимый не изводил меня претензиями, что **я растратчица и мотовка**. И что веду хозяйство неэкономно. И вместо того, чтобы свеклу на борщ покупать в магазине, можно было веселой рысцой сгонять на рынок и еще поторговатьсья, чтобы купить на 2 рубля дешевле. И обратно не на трамвае, а пешком. Все той же рысцой. Для целлюлита полезнее.

И порошок стиральный можно попроще. И посуду мыть тщательнЕЕ. И вообще расходы записывать. И к нему, к мужу, записи на подпись.

О, как он любил после сытного, горячего, питательного обеда откинуться в кресло и, наставительно подняв указательный палец, философствовать на тему экономной экономики в семейном бюджете! Как он любил меня «журиТЬ», воспитывать и плясать на моем чувстве вины, что я вот такая — акула, а он, цветок прерий, растоптан копытами рынка! И что я в любой момент могу его, героя нашего времени, выгнать в метель и обречь. С нас всех, акул, станется! Наживаемся на трудовом народе. Транжирка, мотовка, кутила! Расточительница, миллионерша!

В общем, в один прекрасный день муж отбыл на Остров Посланных На.

Метелей там не обещали, да и компания за время существования человечества там набралась довольно большая.

...И потянуло на воспоминания.

Слушайте, как я однажды налакалась рому ямайского! Уууууу... До сих пор от воспоминаний пьянею!

Училась я тогда на старших курсах университета. Приехала на каникулы домой, тут и день рождения мой подоспел, 20 лет, не хиханьки вам!

Ну мама, понятно, настрогала салатов, мяса там, рыбы, колбасы, хлеба. Вина сухого, благородного папаня из запасов изъял и выставил на стол. Бутылки две, потому как семейство у нас не запойное. Посидели, поели, слова послушали, родители тактично в свою комнату удались, потому что ожидался приход моих бывших одноклассников и самого главного гостя, гвоздя программы — Бойфренда.

Бойфренд пришел не один. Он с ромом пришел. Воооот такая бутыль литровая ямайского рома, купленная бойфрендовым папиком где-то в районе валютных «березок». Друзья мои — тоже люди культурные, водки притащили, как в лучших домах Парижа. Подарки к юбилею также отличались серьезностью, вдумчивостью и отражали значимость момента: перчатки с мохеровым пушком и три пачки мыла Палмолив в прозрачном полиэтиленовом пакете. На дворе стоял 92-й год: кризис, талоны, пустые полки...

Ром Капитан Морган Черная Этикетка подвинул Бойфренда и сам стал гвоздем. Столпом и основой. Стержнем, на который, словно на шампур, нанизывались кусочки торжества.

...Перчатки, подвыпив, я нацепила и танцевала, изображая лису Алису, когда она поет: «Най-най-най... на-на-на... какое небо голубoooоое»...

Мыло, изрядно подвыпившие друзья пытались потереть в салат. Вроде как сыр. Было нам очень от этого смешно.

Бойфренд держался молодцом и в своей удали рому не уступал, только пытался курить в шкаф, приоткрыв его дверцы вместо оконных створок.

Вы пили когда-нибудь ямайский ром? Я спрашиваю, пили ли вы ямайский сорокаградусный ром с водкой? Заедали ли салатом с мылом? Чувствовали ли вы как огонь вдохновения, страсти, диких безумств расправляет крылья, разгорается пожаром и, грохоча цыганскими бубнами, зовет за собой в яркую ночь, полную пламени и жарких открытий. Слышали ли вы волнующий шелест ямайского сахарного тростника, шепчуЩего пиратские сказки Генри Моргана? Чувствовали на языке обжигающий вкус специй и пряностей, от которых кружится голова и хочется орать «Йо-хо-хо! На сундук мертвеца!» в гулкую черную пещеру духовки. Танцевали на столе в тапках, норовя прикрепить пиратский флаг — посудное полотенце к люстре? Падали со стола в чьи-то объятия с криком: «Эй там, на баркаааааасссссееее!»

Шик.

Эх, молодость...

Душа пела и звала в полет. Когда мы провожали кого-то домой, этот кто-то упирался. Но что такое упирающийся человек по сравнению с командой лихих матросов? И лишь когда клиент был отбуксирован к берегу подъезда и пришвартован у отчей двери, выяснилось, что это мой родной брат, по малолетству прибившийся к нашей разгулявшейся компании.

Кажется, по пути мы кого-то потеряли. Но главное — бутылка рома была с нами. Вввверный дружжиище!

Кажется, ловили машину, а поймав, попросили «пппостоять м-м-минуточку и включить

радиоприемник погромче: девочки хотят танцевать!».

Кажется, я все время прикуривала сигарету с фильтра.

Кажется, мы с Бойфрендом лежали у дороги на октябрьском газоне и видели чудо: звезды то отдалялись, то приближались к нашим пьяным глазам. С тех пор я люблю песню: «Ты знаешь, небо становится ближе», хотя, кажется, песня была написана лет через десять после той вечеринки.

Кто меня дотащил до дома?... Брат или Бойфренд? Не помню. Помню, что было весело, в сумке булькал ром, дома крепились сразу к небу, а люди шли кверху ножками.

У дома я снова хлебнула и опять попыталась закурить, но внезапно вспомнила, что с куревом шифруюсь от родителей, а посему сигареты надо тщательно спрятать в недрах сумки.

Финальные лобзания с Бойфрендом получились смазанными. Последнее, что он сделал, — нежно обнял тополь у лавочки, еле ворочая языком, пожелал ему «Счастливого Нового года». И, пошатываясь, растворился в туманной дали.

Брат транспортировал меня до квартиры. Белые лица родителей, белый потолок, белые простыни — все закружилось, завертелось перед глазами, бубны в голове барабаннули в последний раз и наступила тишина.

Странное дело: от рома я дрыхла, как суслик, но хрюпела, как сто тысяч чертей! Меня не перекричали бы даже с капитанского мостика, холера! Хеми... Хума..., Хамо... Химе... Химеры!

Утро...

Описание моего состояния больше подошло бы к теме «Паранормальные явления», но речь не об этом. На кухне меня встретила записка, написанная нервным маминым почерком. Там было написано... Ну... в общем, в том смысле, что они не ожидали ТАКОГО, что стыдно им всем..., что я — Алкоголичка! Да, да, именно так — с большой буквы и с большим укоряющим восклицательным знаком. Презрительным, суровым и упивающимся своей принципиальной правильностью. Вот таким —!

Все это было грустно и страшно, и почему-то сильно воняло. Воняло отвратно и как-то даже чересчур. Казалось, воздух просто пропитан тлеющим запахом неприличного разгула.

Воняла моя сумка. Незакрытый и недопитый ром вылился, утопив в своих крепких волнах не только документы, косметику и прочий багаж, но и сигареты, почему-то тщательно завернутые в красный махровый носок. Размокшие сигареты в роме — это было уже слишком.

Я решила больше не пить никогда, ни за что, ни с кем и ни по какому поводу. Двадцать лет мне уже исполнилось, а доживать до глубокой старости — до 30 или — ужас! — до 40, я не собиралась. Да, да, плавали — знаем; похмельное утро — лучшее время для зароков. Хе-хе.

Но ром с тех пор я больше не пила. Никогда. Ни за что. Ни с кем. Ни по какому поводу. Я вообще больше не напивалась, за исключением пары-тройки случаев. Даже на свадьбе. Даже после развода. Даже от безумной любви. Даже когда ее потеряла.

Хотя клеймо Алкоголички... нет, не так. Так — Алкоголички! мне еще долго не удавалось смыть. Особенno, когда мама нашла в главном кухонном шкафу недопитую бутылку сливянки, которую мы все с тем же с Бойфрендом, опасаясь расправы внезапного вернувшихся родителей, спрятали в первое попавшееся место. Куда благополучно мама и залезла спустя час, начав готовить ужин. Это ж додуматься — поставить бутылку в хлебницу!

С Бойфрендом потом мы, конечно, расстались. Давно я их не видела — Бойфренда, ром, сливянку... Вспоминаю иногда. Да, так — вспоминаю...

На этом вечеринку воспоминаний закрываю, потому что сегодня произошло такое!... Варвара потерялась!

Была — и нету. Отпустила ее с поводка и выпустила из поля зрения всего-то на минуту, в полной уверенности, что она за мной идет. Оборачиваюсь — темнота, тишина, пустота. Даже с косами никто не стоит. «Варя, Варя!» — тишина. А главное, не видно ни черта, фонари не горят, а Варвара хоть и палевая, но хорошо маскируется под окружающую природу. Хожу по пятаку, где ее потеряла, как часовой, ору в темноту. Пять минут стою, десять... Туда-сюда прошлась... Честно сказать, разозлилась. Ну, думаю, засранка, только покажись...

Когда и через 15 минут никто не показался, в голову стали лезть идиотские мысли, что ее украли и теперь продадут на шапку или в ресторан. Потом сама себе покрутила у виска: если я свою собственную собаку в темноте не вижу, то и ворам тем более ее не углядеть. Села на пенек, затылок почесала. Пришла к выводу, что Варвара у меня хоть и с заскоками, но все-таки не дура. Дорогу домой найти должна. И тоже двинулась в сторону дома. Спокойная, как танк, и констатирующая у себя полную душевную атрофию.

Сегодня же Варвара и нашлась... Сидела у киоска, где иногда покупаю себе сигареты, а ей печенье. Сидела, где ее обычно оставляю по команде «Сидеть! Ждать!». Киоск как раз находится «в сторону дома». С чем я всех нас и поздравила... Порадовалась, поругалась, но как-то без огонька. Варвара повинилась, но тоже без души.

Домой шли быстро и молча, недоверчиво поглядывая друг на друга... Поужинала она без выкрутасов, безропотно позволила влить в себя лекарства, которые мы пьем, чтобы «суставы не скрипели», и, положив ручки под голову, легла спать, как хорошая девочка. Вон лежит, спит..., аки ангел! Если бывают ангелы с хвостами и храпящие на всю ивановскую.

Завтра намажу ее фосфором. Воров отпугивать...

Как Варвара народ пугала

После того, как я собаку потеряла в夜里, решила: надо девочку подсвечивать. Фосфор, как не самое экологичное средство, отмела, светящийся ошейник с лампочками, как у Санта Клауса, тоже. Нет таких чудес в наших зоомагазинах. Купила несколько китайских фонариков за три копейки и думала, что я умнее всех.

Первый умер еще до выхода на улицу. Варвара по-богатырски отряхнулась, и фонарик, любовно приложенный к кольцу ошейника, с перепугу сдох. Второй продержался чуть дольше. Минут 20. Но с перепугу чуть не крякнула Варвара. Она все никак не могла понять: почему, когда наклоняешь морду, трава светится?! И что такое ужасное бряцает в районе шеи? И пыталась от своей шеи увернуться. Адское свечение ее преследовало. Потом она отряхнулась и «да будет свет» нас покинул. Третий фонарик я приделала с особой тщательностью. Чтобы в морду не светил, чтобы не брягал, не болтался, чтобы Варвара его не пугалась, а я видела. Прикрепила изолентой сбоку ошейника, и мы пошли на прогулку. Светил он, конечно, отвратительно, как тлеющая сигаретка, но в темноте его все-таки было видно.

Первая часть балета прошла ничего себе. Ориентируясь на точку света в траве, я спокойно шла себе по дорожкам. Варвара удивившись, что не окликну ее каждые 30 секунд, расслабилась и стала поедать траву вдумчиво и с аппетитом. Потом мы вышли на стадион... Темнотища! Только гравий хрустит под ногами. На мне черная куртка, черный беретик (мечта телефонистки 50-х годов), черные ботиночки. Маскировка на пять баллов. Чуть поодаль пасется огонек... 70 сантиметров над землей. Значит, Варвара.

Вдруг вижу далеко впереди некое шевеление. В силуэте угадываю нашего знакомого с

доберманом Доном. Мы к ним, они от нас. Мы к ним — они от нас. Пока догадалась крикнуть — мол, але, гараж, это мы, все в порядке! — успели за ними километр-другой намотать. Подходим. Дядька одной рукой за трибуну стадионную держится, другой за мышцу сердечную. «Ой, — отышавшись сказал он, — что же вы сразу не крикнули? А то я думал: все, привет, глючит меня: по стадиону ходит карлик и курит. А потом ка-ак начал нас преследовать!»

... А фонарик сдох через полчаса.

Мигалки от Галки

Пришла сегодня в киоск «Роспечать» и говорю: «У вас есть какие-нибудь значки, брелки, клипсы, любые штуки переливающиеся, чтобы сверкало в темноте?» Тетенька посмотрела на мое лицо, измученное нарзаном, осторожно спрашивает: «Вам на дискотеку?»

— Ага, — говорю, — на дискотеку.

— Нет, — отвечает, — для дискотеки нет, только для детских утренников.

— Давайте для утренников.

Тетенька озабочилась, присмотрелась повнимательнее. Заметно, что пытается определить мой социальный статус — между дурой-пэтэушницей и замордованной мамашей.

— Ну..., — после некоторого раздумья сказала она, — знаете, я бы не посоветовала вам для утренников. Они... дикого цвета.

— Дикого?! — обрадованно кричу я... — Как хорошо! Давайте! Две! Нет, восемь!

Тетенька в изумлении отпрянула от окошка. На мамашу я тоже явно не тянула. Тянула на идиотку.

— Чего «две»? — на всякий случай решив не спорить, мягко спросила она. — У нас только шарики. Воздушные. Люминесцентные. Ну, в смысле, светятся.

— Надувать надо? — после некоторого раздумья спросила я.

Если бы ее взгляд мог говорить, он бы сказал. Потому что шарики покупают, чтобы их надувать. Потому что на дискотеку с шариками не ходят. Потому что покупателям обычно не нравятся «дикие» цвета. Потому что людям не все равно, что брать. А мне все равно! Лишь бы светились, черт их всех подери!

Не купила. К тетенькиному облегчению. Она явно испугалась, что после шариков я попрошу «Комсомолку» с запахом роз или там расческу на батарейках, или даже — кто нас, психопатов, знает, — проездной на самолет. До Кащенко и обратно. О, а на самолеты они ведь что-то лепят для сверкания...

Думайте сами, решайте сами

Так. Теперь понимаю, почему бедный хозяин собаки Баскервилей был вынужден таскаться по болотам. И почему певец Валерий Леонтьев в своих блестящих концертных комбинезонах никогда не пойдет в сельпо за кильками в томате по главной улице села Большие Утки. И почему Штирлица всегда вычисляли по волочащемуся парашюту...

Казалось бы. Блестящие китайские финтифлюшки по 25 рублей штучка, а какой ажиотаж! Сколько внимания их обладателям! Сколько эмоций! Какой там фосфор на Гrimpenской трясине, я вас умоляю! Вчерашний день. Да и много ли было зрителей у прогулок подсвеченной собаки Баскервилей?

Нет, не для того рос мой английский цветочек, чтобы свидетелями ее триумфального выхода стали два-три жалких любителя! Вот она — жизнь, слава и огни рампы! Машины библиают, прохожие шарахаются, молодежь присвистывает. Народ уже не дохнет от страха и не бежит со всех ног в трясину, отнюдь. Наши люди сами кого хочешь в трясину загонят. Удивление, восхищение, упоение и экстаз они выражают словами «Офигеть!» и «Зашлибись!» (в более экспрессивном их варианте).

Наши люди читают классику, их воем не проймешь. Они сами кого хошь заставят «бежать через болото в отчий дом, отстоящий от баскервильского поместья на три мили».

- Ой! Кин-дза-дза идет!
- Пропустить спецавтотранспорт!
- Ух ты! Вертолет!
- Йо! Лазербол ходячий!
- А это чтобы она не потерялась, да?
- А это чтобы она сигнализировала, да?
- А «красенькие» огонечки — значит, она опасная, да?
- А это у вас настоящий электрический ошейник, да?
- Что ЭТО такое?! Это собака у вас там??!

А что такое... Светимся мы так. Чтобы МНЕ было видно в темноте. Но теперь собаку видят все. Даже те, кому видеть ее не надо. Например, людям, курящим на балконе. Куришь? Кури себе, зачем комментировать на всю округу, что там в траве «фигня какая-то движется, Витец, глянь». Эх, зачем я, с настойчивостью параноика, искала светящиеся штуки по всем киоскам, магазинам радио- теле и прочих товаров. Зачем с тоскливой завистью смотрела в небо на пролетающие в сумерках самолеты — вот где подсветка высший класс! Нам бы такую...

Счастье мое обретало в вокзальном киоске вместе с китайскими заколками, стразами и перламутровыми помадами за 20 рублей. Кроме помад, киоск предлагал всем страждущим динозавров в коробках, будильники, тетрисы и — о чудо! о мое вожделение! — светящиеся значки «сердечко» и «российский флаг». Огонек сверкает, рычажок вправо — светит. Влево — гаснет. Крепление незатейливое — никакое. Просто в комплекте прилагался магнитик — через ткань якобы держит. Через ошейник — нет. Поэтому значок зашиваем в пакетик, как волшебное яйцо (которое в ларце, а ларец — в тунце), а пакетик — к ошейнику. Опять же от дождя.

Да, я была абсолютно, без нюансов счастлива. Даже полученная в тот день зарплата — и та радowała меня меньше, несравненно меньше, чем эти красные пластмассовые «хиromантии» с кривоватой надписью «I love you!». Я впала в экстаз — такой, что, прискакав домой, полезла за нитками и раскокала большое зеркало, но даже это — при всей своей чудовищной печали событие — не испортило моего настроения.

В первый вечер мы летали. Мы порхали, мы перлись, мы тащились и млеши. Я — млеши, а собака радовалась моей радости. Мы фотографировались, мы прятались друг от друга в высокой траве — теперь не страшно! Я даже огорчалась, что, как назло, везде повключали фонари, темноты порядочному человеку не найти! А еще говорят, что Горсвет плохо работает. Как же, плохо работает! Светло, ешкин кот, как в витрине ювелирного магазина! Мы выбирали самые темные аллеи и веселились, как дети, когда тени по кустам начинали проридаться в противоположную сторону. От нас. Наконец-то. Вот она — свобода!

Потом я почувствовала: что-то мешает расслабиться и до конца на все 100% насладиться светоэффектами. На анализ ушло 2 прогулки. Вчера причина смутного дискомфорта наконец сформулировалась. Повышенное внимание. Повышенное, ненужное, напрягающее, обременяющее, стесняющее, сковывающее, черт его побери, внимание окружающих. Чтобы понять это достаточно..., ну, например, посадить собаку в санки и катать по центральной аллее ЦПКиО. Мне. Катать свою собаку. В санках. Или взять двух обезьянок и носить их на плече в центральном проходе ГУМа. Или ходить в сентябре по улице с елкой, на которой во всю дурь гирлянда поет «Джингл-белл». Все разглядывают. Вот так — МАМАДОРОГАЯ!

Собака у меня не самой распространенной породы, к вниманию мы привыкшие. Опять же закалка выставок. Но, когда ты выходишь прогуляться перед сном, отдохнуть, поиграть с собакой, надев старые штаны и удобную куртку, ты ни в коем случае не предполагаешь, что КАЖДЫЙ встречный будет плятиться с каким-то болезненным вниманием. И реплики, реплики...

Собачники с удивленным восхищением, прохожие — со смесью ужаса и трепета. Любовь и ненависть в Лас-Вегасе. Главная роль. А ты в старых штанах и вообще вышла пописать перед сном. Хозяева мелочи шарахаются метров на 30. И стоят, столбиком, на газоне. Думая, что если они не будут двигаться, бесовщина их не заденет. Жалко людей. «Один из них, как говорят, умер в ту же ночь, не перенеся того, чему пришлось стать свидетелем, а двое других до конца дней своих не могли оправиться от столь тяжкого потрясения».

Собаки, даже знакомые, Варвару не узнают. Лают. Подходить боятся. Потому что оно светится и с хвостом. Пахнет как собака, а выглядит как черт в ступе. Собакам страшно...

... Как-то бродячих собак встретили. Вся свора, издавна славившаяся свирепостью, жалобно визжала, теснясь у спуска в глубокий овраг, некоторые собаки крадучись отбегали в сторону, а другие, ощетинившись и сверкая глазами, порывались пролезть в узкую расщелину.

Через час все это начинает раздражать. Выключаешь опознавательные знаки и... все. Собаку не видно опять. Обидно. Впрочем, музыка недолго играла и фраер, соответственно, тоже недолго танцевал. Сегодня одно сердечко мы благополучно посеяли (Варвара отряхнулась). Осталось еще одно. Которое, зараза, самозажигается в квартире ночью. И самовыключается на самом темном пустыре. Летайте самолетами Аэрофлота, короче.

А российский флагок мы подарили нашему другу берну Степе, с которым шатаемся по темным аллеям. Флагок мигает тремя цветами; красным, синим, белым, как у больших. Степа издалека напоминает карликовую милиционскую машину с мигалкой. В компании с мигающим Степой гулять не так напряжно. А то идешь и чувствуешь себя негром в центре белого квартала. Кинозвездой, выносящей мусор в драной майке. Штирицем с парашютом. Певцом Валерием Леонтьевым в блестящих облегающих брючках, идущим за килькой в томате. Хозяином собаки Баскервилей, случайно вышедшим из своих болот и мечтающем только об одном: вернуться в глушь, в аллею, к Степе!

Таково, дети мои, предание о собаке. И если я решила поведать его, то лишь в надежде на то, что знаемое меньше терзает нас ужасом, чем недомолвки и домыслы.

Сейчас расскажу, как мы опозорились

Свежая история с вечерней прогулки. Начало традиционное; пошли мы гулять. А по пути, как водится, в киоск голову сунуть: сигареты поиздержались. Собакевич этот киоск терпеть не может: люди и нелюди сзади близко подходят, пальцами тычут, кто пугается, кто погладить норовит, а кто и напролом, витрину слепошарыми глазами рассматривать. Нервничает собакевич и курение мое в такие минуты особенно не одобряет. Тянет поводок, елозит, башкой своей стопудовой вертит.

А продавщица малахольная попалась. Тут еще черт принес трех дядек веселых. Встали кружком, на собаку глядят, породу угадывают. Стою, как ракопаук, одной рукой деньги в киоск сую, другой пачки по карманам распихиваю, третьей собаку держу, четвертой придерживаю, чтоб не металась, и разговариваю со всеми сразу. Шапка набекрень, варежки падают, деньги в кошель не суются, сигареты не влезают, а кикимора выказывает все признаки людофобии.

Разобрались с шапко-сигаретами, отошли в сторонку. А дядьки не отстают. Каков процент дисплазийных щенков в пометах последних трех лет? Можно ли считать плембраком мастифа голубого окраса? Итальянские и английские мастифы равно как и французские — это внутрипородный, прости господи, инбридинг или разные межвидовые группы?

Ходики с кошачьими глазами видели? С меня рисовали. Глаза тик-тик... тик-тик... Прээлестные разговоры у вечернего киоска. Об инбридинге и дружбе между народами. Стою, блею... Несу какую-то чушь. Чуть менее изящную, чем они. Потому что до сегодняшнего вечера мне до лампочки были инбридинги. А тут такое! Выдыхаюсь, начинаю

путаться в показаниях. Вершиной доклада становится фраза «руки-ноги у щенков».

На десерт, интимно сообщив мне, что «весной Серега собирается брать такого щенка и уже походил по клубам, но там только расхваливают», компания просит кратко охарактеризовать породу и тезисно перечислить недостатки в сравнении с мастино налолетано. А у меня уже запал кончился. Устала я от них. Распределили дядьки до такой степени, что я имя собаки своей забыла, не то, что характеристики породы.

Рассказ воспитанника подготовительной группы детского сада «Моя собака». Зрелище жалкое, местами до слез. Кульминацией презентации породы английский мастиф было драпанье английского мастифа. Скала, глыба, столп, матерый собаччище, мощь и флегму которого я в красках живописала, по праву считая это козырем выступления, — эта флегма КАК ЛЕВРЕТКА шуганулась от дядьки, который всего лишь переступил с ноги на ногу! Шуганулась и с квадратными глазами ринулась в спасительную темноту.

А за ней, вереща срывающимся дискантом: «Валлляя! Валляяяяяя!...», кинулась и я. Ну что ей, гири к ногам привязать? Чтоб не позорила, когда я о высоком вешаю... А себе книжечку купить? Про инбри... И гулять с ней... Зачитывая прохожим наиболее захватывающие места. Или на курсы промоутеров записаться? Которые зажигалки дают, если купишь целых три бутылки «Невского»...

Что же такое? Не могу про собаку свою коротенько рассказать. Нет! Начну-ка я с главного. Куплю-ка я себе помаду красную. И бантик на волосы. К шапке пришью. А то непонятно как себя позиционировать, если беседу с тобой начинают со слов: «Скажите, молодой человек...»

(Добрый смех, занавес, инбридинг).

ШОВИНИЗМ

Со мной в последнее время что-то не то в общей схеме. Бесит чужая собака. Завелся у нас на выгуле далматин. Точнее, не на выгуле, а перед моими окнами на лужайке. Приходят и три раза в день без выходных пищат мячом. Кто жил в домах с дворами-колодцами, хорошо может себе представить акустику. Ни я, ни собака моя не перевариваем эти жуткие пищания, напоминающие звуки со скотобойни... Бесит даже не сама пищалка, а то, что трое человек играют с собакой. Весело и непринужденно, как я со своей не играю. Занимают главную лужайку и мы вынуждены обходить их стороной, потому что они нас боятся — маленькие еще. Это бесит тоже. Далматин такой славный и ребята хорошие, но я, как злобная паучица, смотрю на них с балкона и злюсь. На себя, понятно, но...

Бесят собачники. Есть у нас пара-тройка друзей — бездомных собачушек, приписанных к стройкам и автостоянкам. Не те, которые на цепи, а те, которые хвост колечком и в свободном полете. На машины иногда гав-гав, на проходящих собак, на самолеты в небе... Мы с ними дружим в плане понюхаться, скоротать в компании пешую прогулку, сыром угостить. Вчера с одним таким подходим к выгулу, там собак штук 7-8, кто-то знакомый, кто-то не очень. Варвару сразу окружили — нюхаться, играть, а беспризорник стоит в стороне, боится... Хочется ему тоже подойти, но... А хозяева начали гнать его, улюлюкать, своих науськивать... Я говорю: «Он мирный, он маленький еще, он НАШ ДРУГ!»

Услышала в ответ и про блох, и про то, что «может увести наших на дорогу», и многое еще про «бесхозных шавок». Правда, камнями не кидали. Я была удивлена и даже морально растоптана. Ведь собачники! Развернулись мы и ушли. А серая беспризорная малышня, шерсть на боку в битуме, остался. Ему счастье привалило: не отпинали! Хозяин ягд-терьера разрешил своему поиграть, слегка брезгливо морщась. В общем, все бесят.

А больше всего — битые стекла.

Только мы с Варварой — девочки-принцессы. Чего хочу? Да ничего не хочу.

Дурацкая страна — хамов и выродков. И шовинистов. Приношу свои извинения тем, кто таковыми не является.

Наш дурдом процветает

Наш дурдом процветает. Эти, с далматином пищат с неустанным пылом. Правда, темнеть стало еще раньше, теперь пищат в темноте.

А еще завелся мальчик — нормальный мальчик лет двадцати пяти с доберманом. Взрослый доберман и взрослый мальчик. Мальчик не ходит... Бегает. Причем бежит красиво, ритмично, как бы чуть замедленно, на счет — иииииии-раз, иииииии-два, иииииии-три. На ногу центр тяжести перенес — иииии-раз, на другую — иииии-два. Бежит, видно, издалека. И все время говорит по телефону. Постоянно. Как дыхание не сбивает — загадка. В левой руке поводочек, в правой — у уха — телефончик. Одет по-спортивному, ярко-нарядно: белая фасонистая олимпийка, темные штаны, бейсболка и... модельные туфли, то бишь ботинки. Чудны дела твои, Господи. Иногда мы с ним на дорожке пересекаемся, иногда я его с балкона наблюдаю. Выпендривается... Явно не старый собачник.

Дополняет картину девушка с большой черной холеной овчаркой. Они гуляют исключительно стоя. На одном месте газона. Столбиком. Минут пять девушка меланхолично смотрит в одну сторону, потом — в другую, потом в третью... Собака сидит «копилкой» и смотрит тоже. Постоят и — домой. Красота.

Выйду, бывало, перед прогулкой на балкон окрестности обозреть: одни пищат, этот с телефоном бежит, те стоят. Все нормально, происшествий нет. Пора и нам собираться. Парад уродов — явка обязательна.

Зима Торжествуют только крестьянин и Варвара

Зима. У меня работа, любовь и тренировки. Старые тренировки — йога и Варварино «УГС», новая любовь. Любовь рвет сердце, взаимная, несчастная. Подарившая белые крылья и познакомившая с черной бездной. Странное дело, где вселенское равновесие? После тяжелого развода полагалось бы легкой любви. Но легкость только в порхании пальцев по клавишам.

Варварины тренировки помогли и мне. Инструктор научила правильно хвалить и правильно гладить собаку. Оказывается, целая наука! А еще — научила, точнее, помогла понять одну вещь. Никогда не срывай свое раздражение на собаке. Не она плохая — ты не научила. Не она бестолковая — ты плохой учитель. Не она вредничает — у тебя плохое настроение. Беды и негатив оставляй за дверью или выноси на прогулку и оставляй там, среди сугробов, деревьев, неба и звезд. Они и не такое видали, стерпят, если объяснить. Не срывайся, не рычи на собаку! Она ни в чем не виновата, она искренна в своих желаниях, она любит тебя и принимает такой, какая ты есть. Без условий. Без сложных объяснений. Без мук выбора.

Год 2004

Зима

Если бы у Ломоносова была собака

Планету Леониду завалило снегом... Потом синоптики скажут про месячную норму осадков, а если честно, то норма вполне тянет на полугодовую. Трамваи стоят: рельсы заметает сразу же после трактора с метелками, машины чистят не щеточками, а дворницкими

лопатами, движение в городе небольшое и медленное, потому что под слоем снега — лед. Матушка Метелица выбивает свои снежные перины.

Картина первая

Оно бы все ничего, но идти приходится по узкой тропке, по лошадиному высоко вскидывая ноги и с трудом вытаскивая их из снега. Шаг вправо, шаг влево — сугробы по пояс. Сразу вспоминаются рассказы, как до войны, пять километров в гору, в школу, через лес, и младших тащить на закорках...

Варвара сильно обрадовалась подвалившей стихии: можно буриться по снежной равнине, представляя себя ледоколом. Чем она и занималась первые пятнадцать минут. Я в это время шла вперед через снега, протаптывая для своего цветочка алеинского легкие пути. А цветочек, дочь койота, наскачивши по сугробам, потом бежала за мной, весело помахивая хвостом.

Картина вторая

Выносят на руках цверга. Потому что самому цвергу не пройти. Доносит, значит, добрая хозяйка собачку до газона и, оставшись стоять на проложенной колее, ставит цверга в сугроб — «дела делать». Цверг проваливается вместе с ушами. Визг, писк, прыжок вверх, к маме на ручки. Какие дела — домой! Домой! Под теплое одеяло!

Картина третья

Тропка упирается в горку. Варвара радостно взлетает и растворяется в тумане. А я не могу забраться! Под снегом — лед. И «лесенкой», и «елочкой» пытаюсь, и боком — не могу! Скатаюсь вниз. Тонны снега скатываются вслед за мной.

Зову Варвару, цепляюсь за ошейник, команда «вперед!». «Классная игра!» — сказала Варвара и начала вихлять по склону. С насоками, отскоками и прыжками в сторону воображаемого противника.

Помотавшись за собакой несколько минут и чуть ее не задушив, принимаю решение: встать на коленки, а если понадобится, то и лечь, и ползком забираться. Время позднее, людей практически нет, а если появятся, им предстоит такая же задача: другой-то дороги нет. Встаю на четвереньки... Скатаюсь... Еще раз... Скатаюсь... Думаю — ну, черт с ним, лягу и по-пластунски заберусь, иначе придется тут ночевать или идти в обход семь верст. Легла, ножками отталкиваюсь, ручками загребаю... Половину проползла.

Нелегкий штурм склона... А со стороны могло показаться, что мы попраздновать не промах

Вдруг слышу голоса. Оборачиваюсь — машина мимо проезжает. «Надо ж, — говорят, — так нализаться! Еще и с собакой!» — осуждающее.

Ничего не сказала им рыбка. То есть я. Придет зима, думаю, попросишь ты у меня снега, гад! Оборачиваюсь: собака валяется в снегу, раскинув лапы. Наслаждается, значит, природой. Нежится на мягким снежном матрасе. А что, действительно, со стороны могло показаться, что мы попраздновать не промах.

Картина четвертая

Бредем через засыпанный снегом стадион. Уже напролом. Уже дыша ртом и потеряв варежки. Уже лишь бы выйти на ровную дорогу из зыбучих снегов. Вдруг у ближайшего сугроба обнаруживаются глаза и черная пипка носа.

У Варвары шерсть дыбом, глаза по пять евроцентов. А это южнорусская овчарка отдохает!... Хозяин спрятался от метели за трибунами, покуривает в ладошку... А собака носилась, носилась, да и прилегла. А цвета она белого-белого, как теперь, после прогулки,

прядь моих волос.

Картина пятая, заключительная

Все, домой. Не прогулка, а издевательство! Твердой земли нет. Весь мир — белая колючая пустыня с островками заснеженных многоэтажек. В тренажерный зал можно не ходить неделю. Если бы еще можно было не возвращаться домой, а лечь, подгрести под бок собаку и позволить пурге сделать из нас снежный шалашик! До оттепели перекантовались бы.

Но шалашки и гаражи-ракушки у нас сносят. А не хотелось бы встретить капель на свалке.

Собрав последние силы, думая о высоком — о том, что похудею, вспоминая кадры из фильма — Ломоносов идет в Москву, наклонившись вперед, придерживая шапку от ветра, с трудом передвигая ноги, — выходим к жилью.

Одновременно с нами к подъезду лихо проталкивается соседский джип. Вылезает красавец: «С Новым годом вас! Отличная погодка! Гулял бы да гулял!» И, не замарав замшевых ботиночек, взлетает по лестнице. А у нас снег был не только в валенках и в дырках ошейника, но почему-то даже в карманах. И даже в носках.

1 февраля

Примечательный диалог, участницей которого я стала сегодня.

— Это у вас как собака называется?

— Мастиф.

— Ротвейлер?

— Мас-тиф.

— Но помесь с ротвейлером?

— Нет, не помесь. Такая порода. Отдельная.

— Как, вы сказали, называется?

— Мастиф.

— Это который наполетано?

— Нет, английский.

— Это который на слонов?

— ...Каких слонов?! На слонов, я слышала, испанские...

— Кто?

— Ну, мастифы... Испанские мастифы.

— Какие мастифы? У вас же ротвейлер...

Мы прибавили шагу. Бродя месяц еще до весны... А обострения уже начинаются. Но мастифы здесь ни при чем!

20 февраля Ночь. Как в прежние совиные времена

Еще не вышла из образа мамы Цили — большой доброй тетки, которая одна за всех и всех одна голыми руками. Добрые — они такие. Их семеро держать не должны, они всех накормят, исцелят, всем придумают занятие.

Это я такая иногда бываю на работе. Энергичная — такая вся такая, что сама от себя устаю.

И сижу потом, как рыба: прозрачные пустые глаза — в одну точку, не мигая.

Время полночь..., странное такое время — 00.00 — то ли вчера, то ли сегодня, то ли завтра... Сила пребывает со мной.

После работы — погуляли. На стропе, но что ж делать! Руки изрезаны, истерты и

перчатки не спасли. Учу Варвару подлетать по команде, без раздумий. Пятнадцать метров парашютной стропы — ходим по Ботанике, как безработные альпинисты.

Телефонные деньги ушли на корм, да и ладно. Без телефона проживу — пока, без корма — нет. Купила свой любимый фасончик — 13 килограммовый пакетик, доперла до дому, ох, мои руки, рученьки...), полечили наши многострадальные уши (если каждый день лечиться, оказывается, процедура может быть недолгой — минут 30-40. Так, не пора ли снова составлять Режим дня?), попели песенки (сегодня в репертуаре «Бремене-кие музыканты» и Розенбаум), вымыли пол (а как же... хозяйственный раж надо ловить, он же как птица: упустишь и — не поймаешь), погрызли косточку (гулять так гулять), сходили даже на форум. Там темы сегодня интересные — про заводчиков, про русский язык, про то, кто на форуме самый умный.

При всем своем образцовом материнстве я все-таки не играю с собакой, сколько ей хочется... Да и вообще почти не играю. У нее такие специфические игры... С когтями и зубами. Мы их, не зубы, а игры, быстро сворачиваем.

Про радости напишу. Кобелячи.

Есть у нас знакомец — доберман Дон, лет 7 ему. Огромный такой пес, плохо воспитанный, но в общем безобидный. Я ни разу не видела его на поводке. Обычно пес гуляет сам по себе, а хозяин — метров за... много, ходит по своему маршруту. И все бы ничего, если бы Дон не запал на Варвару, как видит — сразу пристраивается сзади. Но и это тоже ничего: Варвара последнее богатство честной девушки блoudет. Хуже другое: у этой честной девушки сейчас течка, по причине чего мы гуляем поздно, недолго и в глубине «сибирских руд».

И вот, на днях идем вечером с прогулки. Я замерзла, устала и мечтаю о чашке горячего чаю, а лучше — ванной. На одной из тропинок-лужаек встречаем Дона, как ни странно, с хозяином. Но, как всегда, без поводка. Дон прямой наводкой бежит к Варваре и начинает к ней — даже не приставать, а делать вполне конкретные «садки». Хозяин, не говоря ни слова, разворачивается и удаляется от нас на хорошей крейсерской скорости. Видимо, подразумевая, что Дон рванет за ним. А Дону — до лампочки. У него глаза большие, увлеченные, задница ходуном ходит, и слюна от счастья капает. Варя ему не дается, выворачивается. Он на нее, она от него. Моя — в строгаче, я боюсь за его зубы. Раставлю. Хозяин усвистал куда-то в ж...

Ну, думаю, и пошел к черту, волочу компашку в сторону нашего дома. Причем я знаю, где их дом, а они нашего — не знают. Соответственно, где потом искать своего «ходока» хозяин не сориентируется.

Совесть загрызла: уведу, думаю, собаку — потерянется. А собака просто с ума сошла, на меня скалится, с Варвары не слезает, Варвара мечется. Беру кобеля за ошейник, оттаскиваю, поводочком — пару раз вдоль спины. Ноль реакции. Раставила их: одного в одну руку, другого в другую. Держу двух больших мечущихся псин. Хозяина нет. Ночь. Встали около их дома. Подъезда не знаю, квартиры не знаю... Чума. Стоим. Дергаемся. Но я собак держу, как могу, и железным голосом обоим: СИДЕТЬ! ТИХО! Моя-то села... А этого пришлось снова стаскивать.

... Ждем. Мечемся по двору. Ночь. Никого. 5 минут, 10 минут... Холодно, поздно... Раздражает!

Думаю, сейчас привяжу этого... Дона к турнику во дворе нашим поводком, пускай сами разбираются. Не можем же мы всю ночь тут колбаситься! А собаки — точно — колбасятся. И все на одну тему...

Я почему еще дергалась-то. Дон известен своими «внеплановыми вязками», причем даже с теми девицами, которые и не текли. Не знаю — может так быть или нет, но проверять мне не хотелось. А Варвара все чаще делала задумчивое лицо.

Я сломала в «боях» два ногтя. Для нас, красивых девушек, — не пустяк! Не забуду этого ощущения — две обезумевшие сильные собаки, их надо держать.

Хозяин нарисовался минут через... дцать. И метров за пять так — мне: «Держите его, держите! А то он у нас бойкий мальчик...»

Тут без комментариев. Хотя я ничего не сказала. Мы просто гордо, но быстро смотались оттуда. Руки у меня теперь до колен. И нелюбовь к озабоченным мужикам — хоть собачьего рода-племени, хоть не собачьего...

Может, кто-то это назовет радостями...

Не быть же в самом деле чужую собаку... Я не смогла. Так, тычками, рывками...

Вот.

Но все чаще удивляюсь разным типам. Психологическим. Хозяев.

Первая весна

Погуляли..., девочка Варя не слушается меня совершенно. То есть абсолютно. Игнорирует напрочь. Не слышит и не слушается. Причем как-то даже напоказ, что ли..., когда вдвоем гуляем, слушается через раз, как только с кем-то все, сушите весла. Как там кричала бабка? «Бобик, Бобик, Бобик, ко мне, ко мне, ко мне!»

Вот именно. Варя, Варя, Варя...

Борзометр зашкалило так, что не перешкальть. Бить, что ли, ребенка? Или себя бить..., одинаково по силе противодействия...

Как корова на выпасе, ей-богу. В хорошем, буквальном смысле. К тому же еще все отаяло — запахи кругом, всякие интересные огрызки, фантики, кости. Носом в землю и пошла по своей программе. Если на поводке — не сдвинешь, если в свободном полете — хоть заорись. И жрет с земли, если успеваю просечь — плюнь! — плюет. Если нет — жадно сжирает, а начиная подходить — убегает. Ко мне, правда, идет, не боится, я ее хвалю за подход, но больше напоминает цирк, чем общение хозяина с собакой..., кто кого опередит.

Утешаю себя тем, что для нас это первая весна... У меня — первая весна с собакой.

У нас грязь, тепло, на газонах помойка, никакого эстетического удовольствия. Ну разве что тепло, от этого полегче.

Конечно, не утешать себя надо, а за волосья оттаскать: собака просто запущена.

Это как история про радио..., длинная, дурацкая история про радио, где я работала. Рассказать, что ли? Жизнь моя тогда была крайне неустойчива, а с меня требовали жажды карьерного роста. Причем не роста, а именно жажды, огня и задора. А когда человек не знает, хватит ли у него денег доехать до дома и не вышвырнут ли его завтра из квартиры, с работы, не до задора ему. Такие Варькой..., не до упорных тренировок мне... Собакой занимаюсь по мере сил, что и дает свои плачевые всходы... Уделяю ей, конечно, время, но..., но...

Ребенок одичал (или оборзел) и исполняет свои беспризорные ганцы.

Погуляли...

Завтра с утра приедет очередная партия ветеринаров. Смотреть наши уши. Глаголов приличных, обозначающих, как они меня достали, просто уже нет. Суeta вокруг дивана. Наверное, надо уже принять решение, да? С этими дружу, а эти — пошли лесом! Так ведь интеллигентная девочка, ссориться не хочется ни с кем, и рычать на людей тоже. Послушаю, что завтра скажут. Бакпосевщики хреновы...

Еще одна пыточная капля на мое истерзанное темя плохого собаковода.

21 марта

Приспособилась ничего не варить, а заливать крупы кипятком. Нужно дать настояться часа два и можно есть. Вчера так готовила гречку, позавчера рис, сегодня утром овсянку.

Очень приятное впечатление. Что говорит наука по этому поводу?

А науке некогда говорить, она трапезничает. А на самом деле это все очень полезно, грубая клетчатка улучшает работу кишечника.

Я молодец?

Здравствуйте, дорогой.

Благодарю вас за письмо, слова которого, как и сам факт получения, доставили мне большое удовольствие.

Надеюсь, вы и в будущем не утеряете благостного расположения духа и будете — пусть изредка — баловать меня своим вниманием.

Вы пишите о лете, о том, что оно почти наступило. Читаю эти строки с легкой ностальгией, ведь у нас снег! По ночам по-прежнему доходит до минус 10, а днем, хоть и солнечно, но ветрено и не слишком уютно в вязанных шапочках.

Вы пишите о лете, о встречах с друзьями и мыслях обо мне. Я тоже думаю о вас, а также о том, где провести лето, когда оно все-таки наступит. Не съездить ли куда-нибудь, не посмотреть ли те места, которые люблю или еще только хочу полюбить, а может, напротив, не ездить никуда, а окопаться в снятой на лето дачке и медитировать, сидя под яблоней в чужом саду.

Вы пишите о лете, шашлыках и алкогольных именинах сердца. Пусть так! Пусть хотя бы у вас на душе будет благостно и вдохновенно, а я порадуюсь вашей радости.

Сегодня суббота. Которую всегда так жду, но так отчаянно скучаю, что даже сквозняк кажется развлечением. Я буду бесконечно пить кофе, курить сигареты, читать Стругацких, мучительно борясь с завистью к их наиболее выигрышным оборотам, умиляться безмятежности своей собаки, которая умеет быть счастливой просто от лакомства, купленного по случаю субботы, буду ходить из угла в угол, изредка заглядывая в форум и, не найдя чего-нибудь мало-мальски интересного, со вздохом выключать компьютер, изнывать от скуки и одиночества, больше всего мечтая о том, чтобы никому не пришло в голову набрать мой номер или — не приведи Господь — заявиться в гости. Я охраняю свое одиночество, хотя оно меня тяготит.

Мне не хватает общения, но я уже так одичала, что пустая болтовня — кого-то, не меня — раздражает. Нет, мне не придет в голову включить телевизор; я не хочу превращаться в помойку чьих-то образов и сама — в ходячий телевизор. Я буду ждать вечера, стоя у окна, ища в небо предвестников спасительных сумерек. Вечером пойдем гулять, а потом лягу спать, повторяя, если буду в силах, сочиненную остроумную молитву на тему, что все равно мне везет и завтра все станет иначе.

А пока до вечера далеко, придумаю себе дело или буду лениво выбирать — кого взять с собой в Прагу: шведа или финна, настолько инородных моему сердцу, что различия между ними укладываются ровно в разницу написания их имен, и может быть, потом придумаю я, в Прагу достоин поехать тот парень с соседней улицы, никогда не видевший меня в глаза, который пишет мне восторженные письма.

По весне меня часто одолевает «цыганщина» — ветер странствий и та, почти неслышная мелодия поиска философского камня. Мне хочется уйти из дома налегке, взять только скрипку, собаку и фикус — для уюта. Потому что в глубине души я очень домашняя, тихая и светлая девочка, мечтающая о незатейливом счастье..., но уже все заранее знающая.

Сегодня суббота. Ваше письмо. Благодарю вас за маленькое подаренное развлечение.

Просто весна

Вчера днем я почувствовала непреодолимое желание поднести улицу.

Дворник почистил аллейку перед домом избирательно. Одну половину дорожки подмел, в кучку мусор сгреб и... все. Уже неделю где-то курит бамбук.

Вторая, большая половина дорожки являла собой удручающее зрелище: метров двести

ровным широким слоем сухие какашки — сезонная коллекция. Пешеходы брезгливо протоптали сбоку масеньку тропиночку, а «подснежники» лежали себе, ни на что ни намекая, не плача, не боясь и не прося. Вчера по зову сердца я пошла подметать это безобразие. В конце концов, мы тоже какали. Взяла домашний веничик, собачку на рулеточку, беретик на голову, сигареты в карман, вышла на улицу, встала в позу «зю» и три часа ширкала по асфальту.

Собака в это время маялась, ходила, лежала на уже чистых местах, охраняла дорожку от прохожих, иногда садилась в самую грязь или валялась на влажной земле. Хозяйственный раж закончился мини трудовым десантом, ходила по лужайке и собирала стекла, бумажки, бутылки, пакеты... Набрала два больших мешка для мусора, снесла в помойку.

Зато сегодня весь день маюсь. Собака лежит в грязном коридоре, положив голову на лапы. А у меня нет сил сделать уборку. Одно утешает — подхожу к окну, а там большая, чистая, широкая аллея. Сразу налетели всякие велосипедисты, мамаши с колясками, свой брат собачник. А мы сидим тут, как две принцессы в грязной башне, смотрим на все глазами героев Советского Союза, у которых при совершении подвига оторвало руки и ноги.

Помог чужой опыт

А уши мы вылечили все-таки! Спасибо, К-9! Три месяца мытарств и похождений по Айболитам закончились благодаря маленькому пузыречку, который посоветовала подруга по несчастью — Юля с бордосиной. А то мы и уколы научились в уши ставить, и делать какую-то настойку из фурацилина с водкой (рекомендация врача №2. А всего их было шесть — и врачей, и рекомендаций. Я не знаю, как они трудные случаи лечат? Если банальный отит собирает такие палитры способов врачевания!).

Варвара стала «диванной собакой». Ура!

Вот и все, прошла наша последняя выставка! Правда, заводчики пока не знают, что она последняя, надеются, что после вязки и щенков, мы снова вернемся в Большой спорт, но они не отгадали правильный ответ. Мы с Варварой спим и видим завершить выставочную карьеру. Не идет нам! Не куражные мы, не горит в груди огонь соревнований. Энергии выкачивается море, а в активе — розеточка, кубок, еще одна ступенька к чемпионству. А смысл?

Варвара для меня и так самая красивая собака, самая-пресамая на земле! «Нет, нет, — спорю я с невидимыми оппонентами, — я все понимаю. Выставки — это не только нервы, эффектные стойки и это... как его... забываю все время слово — не в активном лексиконе оно... честолюбие, во! Выставки — это еще и смотр содержания собаки, ее класса, породности: ухоженная шерсть, белые зубы «в комплекте», тренированное тело. А также проверка психики и воспитания — ведь только гармонично развитая собака, красивая и здоровая во всех смыслах может быть признана лучшей в группе и стать чемпионом».

Это все мы с Варварой понимаем, поэтому и ходили «демонстрироваться» почти год. А Варвара так и все полтора. Отрубили, как миленькие! Но быстро дотумкали: кроме слова «надо», есть еще другие слова: «нравится или не нравится». Нам не нравилось. Мы не загорелись, не вдохновились и решили дать дорогу молодым, резвым и куражным. А нам и отсюда хорошо видно!

Выставились в последний раз, получили своего «Юного Чемпиона России», отправили через Клуб родословную в Москву на обмен (будет у нас теперь экспортная, блатная, с регалиями, на английском языке. Мало ли, вдруг мы на Берег Слоновой Кости эмигрировать надумаем... Там тепло и бананов много, а Варвара бананы очень уважает!). Дома розеточки пришипили булавками к стенке — красота. Дипломы в папочку собрали и на полку положили. А кубок я потом подарила начальнику на день рождения. С деньгами был перебой, а надо было что-то подарить.

Посовещались с Варварой: что нам, кубка жалко? Да и кубок нестыдный — хоть и малюсенькая, но все же «золотая чаша» на постаменте.

Стремитесь, говорю, дорогой шеф, быть лучшим представителем своей менеджерской породы.

Весна. Заговор. Куртка

Предыстория, вкратце, такова. Я возглавляю Клуб интернациональной дружбы имени меня. Пишу в дальние страны разные письма — любовные и не очень. С любовью иногда бывает напряженка — тогда эксплуатирую образ моей собачки: пишу о ней и о нашем житье-бытье.

Сегодня моим друзьям ушло письмо следующего содержания:

«Варваре в выходные было жарко. Валялась на линолеуме, дышала... Пила по полведра... В результате вышли раньше обычного. В выходные ленились, жарились на балконе — было очень тепло, чуть ли не 30. Вечером пошла гулять в майке, на которую сверху, можно сказать — на голое тело, надела зимний пуховик. Не успела еще достать легкие куртки.

Гулять стало затруднительно и противно — везде люди, люди, люди... Густонаселенный район в период тепла. Дети шарятся до ночи, велосипедисты, парочки с собачками. Конечно, без поводков... Прогуливаются, мать их. Поэтому ходим на рулетке, ищем малопроходимые места, почти не находим их... Не прогулка, а маразм. Ночью почему-то фонари не горят. Экономят, что ли? Выжидаем малолюдья и идем. В темноте. Но уж лучше в темноте, чем как на демонстрации.

Вот, за что не люблю теплое время года. То ли дело зимой — ни людей, ни зверей. Одно радует — надо все меньше одежд надевать».

Пишите письма — источник информации!

Про гулянья под Луной

Про мальчика рассказывала, помните? Про того, который «с соседней улицы и письма пишет». Серьезно, писал человек мне письма. Вроде как поклонник. Фотографию мою увидел в газете и проникся (я фотографу потом премию выписала — за вклад в искусство). Проникся, значит, и написал мне письмо, мол, давайте, дорогая Галю, дружить домами и семьями, а если семьи у вас нет, то давайте ее создадим и будем дружить между собой. А то, говорит, вы какое-то безобразие написали в газете к 8 Марта. Да почитайте сами! И вырезку приложил, как будто я в маразме и не помню, что написала месяц назад! Но вырезку все-таки просмотрела.

«Заголовок: Этот стон у нас песней зовется.

Текст: *В какой-то момент ты начинаешь не любить праздники. Вот что прикажете делать неомуженной женщине 8 марта? Самой себе дарить щеточки? И накрыв ужин — с салфеточками, свечечками и фамильными серебром, — всплакнуть, что жизнь не задалась?*

Да ничего подобного. Не одинокая — самостоятельная! Не ищу — а выбираю! Не жалуюсь — а язвлю! А мужчина, когда он, наконец, заведется в доме, — за все ответит! За всех. Если, конечно, не случится любовь. Себе дарить цветы и духи — в любом случае.

Подпись: Галина Исакова».

Точно, мое. Читаю письмо дальше: «Давайте что-нибудь придумаем, чтобы прошел ваш феминизм, сквозь дырки которого пробивается серая тоска одинокой тетки». Подпись: Алекс-шоу.

Думаю: надо же, прыткий какой! «Дырки», ишь! Одиночество он мое усмотрел, спасатель Малибу.

Но сердечко забилось, затрепыхалось. Вдруг это ОНО и есть? Судьба на крыльях ночи (зачеркнуто) любви.

Сказано — сделано. Отвечаю: яволь, давайте встретимся и посмотрим — нет ли противопоказаний к применению.

Пишет: «С удовольствием. Когда?»

Молниую; «Сегодня. Вечером. В 23 часа. На аллее у «Дирижабля». На мне будут: красный китайский старый пуховик, горнолыжные штаны и шапочка «Прощай, молодость». Рядом — собака. Большая. Не бойтесь».

Хоть и хорохорилась, но глазки все-таки накрасила, ботиночки, поплевав, протерла, а Варваре велела с комментариями не встревать.

Пошли на свидание.

Идем, гадаем: какой он? Высокий? Светленький? В длинном небрежно не застегнутом пальто? Наверняка поигрывающий брелком от машины, которая непременно у обочины — ждет сигнала. А машина такая черная, низкая, быстрая...

Глазами по сторонам стреляем, но умеренно, марку держим и делаем вид, что всецело заняты обычным вечерним гулянием с собакой, а свидание — так, между делом.

Стоит у деревца нечто. Пардон. Некто. Невысоконький, темненький, в очках, в кожаной курточке, с большим букетом цветов в безумном розовом гофре.

М-да. Точно — шоу. Алекс-шоу.

— Спасибо, — говорю, — за цветы, но мне с собакой неудобно, вы несите их, пожалуйста, сами.

И то правда. Все, как обещано: холодная апрельская ночь, ветер, китайский пуховик, штаны, шапочка, собака. Ну какие цветы, ну куда мне с ними? Да еще это тошнотворное гофре?

Но человек старался, надо человека подбодрить. Завязываю милую беседу. Мальчик охотно на беседу откликается, и напряжение первых минут спадает.

Пойдемте, — говорю, — устрою вам блиц-вояж по ближайшим пустырям. По кафешкам каждый дурак ходить может, а я покажу вам лучшие помойки и автостоянки района. И люки открытые, вдруг когда пригодятся.

Наверное, не так он представлял себе избавление от феминизма и излечение от одиночества. Но виду не показал, улыбнулся, не очень искренне демонстрируя энтузиазм, и мы пошли.

В пути он периодически пытался поиграть с Варварой, пинал ей камешки, устраивал «футбол» и «догонялки». Варвара на такое поведение смотрела с интересом, зато я оценила и даже простила гофре. Потому что видела; человек уделяет внимание моей собаке, через которую лежит самый короткий путь к моему сердцу.

Погуляли мы неплохо, расстались, можно сказать, друзьями, хотя и не перешли на «ты». Но договорились встретиться завтра.

Он позвонил в 8 утра. «Вставай, — громко пропел он мне в ухо, — новый день наступил!»

Я посмотрела на трубку: с ума, что ли, мужик сошел? Какой еще новый день в 8 утра? Что вообще за вольности?

Не случилось у нас дружбы. Этот день стал и последним. Много в нем было шоу, а машины не было. И квартиры не было. Зато были жена и дочь. Правда, на грани развода, но такого гофре мне уж точно не хотелось. Я продолжала ему «выкать», а он в сердцах сказал, что я воображала и витаю в облаках. Принца жду.

А я ответила, что вся человеческая мудрость заключается в двух словах: ждать и надеяться.

Май

А вот кому не про собаку!

Как я уезжала из Праги

Прага — город чудесный, особенно, когда из него уезжаешь.

Хозяйка пансиона, бывшая русская подданная Раиса Пална, заверила: такси от крыльца до аэропорта стоит 350—400 крон. Я девушка доверчивая, в последний пражский день потратила все, оставила ровно 400 крон.

Сажусь в такси, отъезжаем. Говорю: «Нам ведь хватит 400 крон?». Небрежно так спрашиваю, разговора ради. Таксист шипит чего-то по-чешски с общим смыслом, что 400 крон нам хватит доехать только до ближайшего светофора. Я делаю глаза: как так?! Да быть не может! Да у меня и нет больше, вот смотрите! И трясу у него перед носом своим потертым кошельком, в котором 4 купюры ровненькими рядами.

Таксист по тормозам: «Просиме панова, вернемся в пансион, вы у своей комарАдки попросите денег». Объясняю, что идея дрянь. Чех «не разумеет» и бормочет, что «получища плэхэ, раз у пановы нет крон»... Заплакали блюдца — не лучше ли вернуться. Дискуссия продолжается, стороны увлечены подбором аргументов, время уходит, счетчик щелкает, а мы кружим по трем улицам поселка, несколько раз проезжая мимо пансиона, где в окне маячит изумленное лицо Раисы Палны. Принимаю отчаянное решение: все-таки выехать из понравившегося таксисту района и двинуть в аэропорт, а там снять с карточки деньги, если остались; если не остались, писать записку Раисе Палне, чтоб отдала алчному чеху. Последнюю рубашку чтоб сняла, и отдала. И вот — едем. Налитая тяжелыми думами, не вникала в пейзажи, последнее «прощай» Чехии не прошептала, а сидела, как бабка, страдающая геморроем, и ерзала... Чех, как назло, стоял у всех светофоров, ехал строго по правилам. В общем, вел себя непринужденно, периодически выдавая руладу на чешском языке с нравоучительной, думается мне, моралью.

Прикатились.

Я готова была выскочить из машины метров за 500, схватить чемоданы и переть их волоком, как бурлаки на Волге, лишь бы не слышать, как адская машинка считает мои деньги. Чех же напротив сбавил скорость и мееееееедленно полз в сторону парковки. В результате всех мытарств, натикало ровнехонько 390 крон. 10 сдачи. Из вредности дождалась, пока чех наколупает эти 10 крон, а потом царственно их же дала ему на чай. С сопроводительным спичем на классическом русском языке. Ах, никогда не забуду эту минуту триумфа! «Милый мой, — сказала я ему, — задумайтесь на минуту: зачем мне ЭТИ ДЕНЬГИ?! Через 5 часов я буду в России! Благодарю вас за роскошную поездку и всего вам самого наилучшего». Подхватив свои бебехи, удалилась, не оглядываясь, но думаю, там, на обочине, чех стоял и плакал.

Потом правда я вспоминала эти 10 крон, ибо бренчащей мелочи хватило только на гаденькую минералку с померанцем, а так, глядишь, купила бы чистой родниковой. Ну да что поделать, люблю размах. Даже если потом приходится спать на сквозняке в проходных комнатах, сиротливо занавешенных потертymi гобеленами.

Так о размахе. Часть вторая.

Пру в самолет три сумки ручной клади. Потому как в багаж не взяли. Одну взяли, а остальные три не взяли. Корячусь в салоне, запихиваю под кресло. Рядом стоит стюард-чех и брезгливо наблюдает. После того, как сумы утрамбованы, а я, распаренная, как пористый нос после бани, плюхаюсь в кресло, — этот милый человек подходит и просит сумки убрать

наверх. Мол, вы сидите у аварийного люка, и рядом с креслом могут стоять только ваши ноги, да и то нежелательно.

Дарю стюарду взгляд василиска, вздыхаю, встаю раком и с усилием вытаскиваю сумки из-под кресла. Вы думаете, эта сука в ботах помогла мне запихнуть их наверх? Как же. Стоял, ждал. Проснулся только, когда сумка чуть не шарахнула его по голове. Ладно, запихнули. Села я, попила водички, обмахиваюсь буклетом, смотрю в окно на виды аэропорта.

Подходит опять: вашу маленькую дамскую сумку, ту, что на грудях болтается, тоже надо запихнуть наверх. И тянет ручонку!

Тут у меня от переизбытка впечатлений перемкнуло, и я начала верещать: «НЕ ОТДАМ! Там золото-брильянты! Все, что нажито непосильным трудом! Там у меня еда! Там маменькины иконы! Старинные книги!»

Верещала не так чтоб громко, но противно. Наиболее убедительным мне показался пассаж про золото, и я его повторила. Для закрепления. Чех не мигал. И даже, по-моему, не дышал. Информацию переварил и совершенно на полном серьезе спрашивает: «А как вы прошли таможню, если у вас золото и иконы?» Тут заинтересовались пассажиры ближайших кресел. Маленький театрик нашел своего зрителя.

Подходит стюардесса: «Господа-товарищи, пане и панове, об чем вой?» Чех ей пишает про иконы и брильянты, и теперь уже стюардесса с вожделением смотрит на мою задрипанную черную сумку с ремешком, скрепленным булавкой. Я блею на англо-русском в том смысле, чтоб не забирали последнее, ибо сумка для женщины — оплот всего сущего. А может, меня тошнит в полете? И тошниться я желаю только в свою сумку? А может, фотографии пятерых малюток, на которых я привыкла смотреть каждые две минуты? А может, корка черного хлеба, которую буду грызть, уезжая из этой жестокой страны?

Подходит третья стюардесса.

Вникает в суть дела и мне жестами объясняет, что сие — аварийный выход, что за стропы моей сумки могут зацепиться эвакуирующиеся пассажиры, подразумевая, видимо, что мне в эвакуации отказано, и буду сидеть, глядя на пролезающих через меня желающих спасти. Вопрос о золоте тактично не поднимается.

В конце концов, мне предлагают пересесть на другое место, где сумке будет разрешено висеть под сердцем. Я доверчиво смотрю на затявшего свару чеха и ангельским голосом предлагаю ему в таком случае перенести все мои недавно утрамбованные вещи с верхней полки. А может, у меня там целый альбом с малютками, какое его дело. Пассажиры ржут, чех сатана, но клиент всегда прав, даже если он с приветом. Сговорились на том, что я остаюсь, сумку у меня забирают ровно на время взлета, а потом торжественно, с оркестром и фейерверками, возвращают.

При взлете несколько раз, для тупых, повторили, что мобильные телефоны надо отключить, иначе создаются помехи в радиосвязи. Мой телефон лежал в экспроприированной сумке и отключен не был. Помехи, которые он создал, помогли нам долететь на час быстрее, чем было заявлено в расписании.

А тут о-па! Сюрприз! В России, в Екатеринбурге, в зале прилета уже дежурили тетки в форме... Думаю, то были происки чеха. Сначала подозревала, что тетки хотят изъять волшебный телефон, ускоряющий самолеты, но их интересовала сумка в целом. Не так чтоб навязчиво, но дотошно пару раз просветили ее рентгеном, золота, увы, не нашли, отчего расстроились сами и расстроили меня. Иконы я успела утопить в туалете.

Сейчас, спустя три часа после полета, понимаю, что вела себя подозрительно. В зале прилета несанкционированно поперлась курить в туалет; выжидая пока пройдет толпа. Затесалась в последние ряды и оказалась в стайке словаков, которые никак не могли заполнить какие-то пограничные бумажки, отчего дергались. Судорожно вспоминала, куда убрала рубли и чем буду расплачиваться в такси, из-за этого поминутно вставала на цыпочки, высматривая через стекло свою багажную сумку, а когда добралась до нее, шурowała в ее переполненных недрах. Искомое не находилось, и я озабоченно сводила брови

у переносицы. Атмосфера накалялась, поэтому сочла необходимым поскорее покинуть гостеприимный аэропорт.

... А рубли нашлись. Дома — при подробном обыске. Они хранились в мешке с сувенирами, а мешок — в коробке с футболками, а коробка — в пакете из продуктового магазина, который вместе с абсентом был завернут в полотенце, и для пущей сохранности — в куртку. Все это покоилось в ручной клади, в рюкзаке, а отнюдь не в багажной сумке. Так что на цыпочки можно было не вставать.

Книжку вот прочитала...

Жил в Москве богатый старый человек. И было у него не то пять, не то десять, не то пятнадцать дальних родственников. Наследнички, ни в чем ни уха, ни рыла! Одна мужем из провинции обзавелась, а тот бочком, бочком да и к кормушке, другая дурой всю жизнь была, сопли в детском саду сорок лет вытирала, третья упрямая и норовистая, своей дорогой шла, четвертый — безопасный сумасшедший. Под глазами — круги, в глазах — страсть. Страсть редкая — собачья. Собачьим приютом заведовал. Пятый — прихвостень, хоть верный помощник и голова светлая, шестой четырех своих бесполковых дочек мечтал поднять, седьмой все не мог квартиру свою крохотную в Питере поменять, думал у деда денег занять, но без отдачи... Восьмой... Девятый...

Долго старик голову ломал — страниц тридцать. Но придумал потом и делами распорядился. А умер в одночасье.

В завещании было две строчки. Всем — по чашке из семейного сервиза, а все имущество, движимое и недвижимое, он завещал своему племяннику Козлову Александру Ивановичу — на содержание собачьего приюта.

Людмила Улицкая «Второе лицо».

Есть все-таки справедливость на свете!

По первой строчке

Сегодня гуляем с Варварой, а дорогу переходит колонна детсадовцев. И по обе стороны перехода встали воспитательницы и держат красные флаги. Машины выстроились вереницей, важные малипупсы идут парами через дорогу, щебечут, за ручки держатся.

И я почему-то заплакала.

Идут пионеры — салют, собаководы!

Мы сейчас салют наблюдали. У нас, ишь, повадились салюты при любом удобном случае давать. Магазин откроют — салют! Ларек закроют — салют! Я с работы пришла — салют!

Варвара сначала салют не заметила, такова уж наша мастифья сущность. На нас только Тунгусский метеорит мог бы впечатление произвести, да и то, если бы рухнул перед носом. В общем, не боится мастифья мать салютов, но так как бабахало долго и упорно, да еще мерцало по всей округе, Варвара оторвалась от нюханья газона, флегматично подняла на меня взгляд и, кривя рот в зевке, спросила: «... Война, что ли?»

Да не, говорю, просто красиво. Ты глянь, какие фигли-мигли прямо перед глазами сыплются. Варвара, убедившись, что, точно, ни противогаза, ни сухпайка, ни ривольверта при мне нет, а парашют мы снова оставили дома, согласно кивнула и честно уставилась в противоположную сторону неба.

...Пришли домой, лапу левую в ведре побулькали, какашку чью-то отмыли, да и ладно. Всех денег не заработкаешь, всей грязи не отмоешь. Чай не баре, каждый день мыться!

На ужин было предложено все то же: корм плюс консервы. У нас новый цирковой

аттракцион: корм мы из миски виртуозно носом выкидываем, а 50 граммов консервов, не торопясь, вдумчиво и с аппетитом, съедаем. Потом вальяжно потягиваемся, заявляем, что сыты, и идем в комнату, вытирая морду о покрывало.

Так как у меня идет период обожания своей собаки, и финансовое благополучие вновь осенило нас своим крылом, я таки созрела покупать Варе мяса. За неимением физических сил, машины и времени, делаю это в ближайшем супермаркете. Придумала покупать суповой набор. Такие пластины костей с прожилками мяса, жил и прочего. По научному звучит так: «Говядина. Мясокостные кусочки шейной, спинно-реберной, поясничной, крестцовой частей, грудинки». У меня сдвиг по фазе относительно сырого мяса. Видеть его не могу.

Но чего только не сделаешь ради обожаемого зайчика! Купила, в общем, и даю собаке грызть, как лакомство. Сырое. Грызет — аж за ушами трещит.

Иногда покупаю в Зоомагазине телячье копыто, от чего в доме милый, приятный носу, кладбищенский запашок. Ну и пусть. Лишь бы ребенок не скучал. И лишь бы не было войны.

Боевое ранение

Ну что, поздравьте нас. У Варваришины в боку (на шкуре) теперь тоже есть две дырки от чужих зубов.

Только вот боя не было.

Варвара — мирный бронепоезд. Маленьких не ест, больших не боится. Мы все равно больше. В драках замечена не была, тяги к склонничеству не имеет, характер спокойный, если партнер по играм неадекватный, мы просто разворачиваемся и уходим. Доказывать нам ничего никому не надо. С кобелями дружим, с суками приветливы. В общем, тип-топ.

А тут идем себе. Впереди тусуются знакомые нам немецкая овчарка и доберман. С хозяевами. У добермана к Варе роковая страсть, а овчарка... С ней сложнее. Ревнует, что ли?... Как увидит/учнет нас — хоть за километр, хоть за два — берет низкий старт и с дикими воплями несетя жрать. Но не жрет. Поорет, прогонит с территории и убегает обратно к хозяину. Ну и мы не лезем особо на рожон. Если есть возможность обойти нервную девушку — обходим. Если нет — по команде «рядом», не снижая темпа, проходим. В друзья не набиваемся, разборки не чиним, с укором на такие публичные истерики смотрим и дальше себе чапаем.

Идем, значит, и — нате вам — сладкая парочка впереди. Обойти не можем — с одной стороны стена школы, с другой забор. Поворачиваться и идти обратно тоже уже нет смысла.

Немка в своем репертуаре. Увидела — несетя. Вопли, танцы вокруг, наскоки, оскал до ушей — хоть завязочки пришей, хвост в боевом положении — все как надо. Варвара при таком раскладе обычно разворачивается лицом к противнику и при атаках просто старается увернуться, не забывая потихоньку двигаться в сторону «выхода». Я в это время поравнялась с хозяевами, поздоровалась, извинилась за нарушенный интим и сказала, что мы транзитом, сейчас покинем их территорию. Оглядываюсь — мать честная! Немка — жопа с ушами — висит на Варваришине! Еклам! Контакт третьего рода.

Отбились, конечно. Варишна массой давит, если уж совсем припрет. Грудью противника к земле и, пока тот звезды в глазах считает, сваливает. Мы маленьких не бьем!

А мне теперь интересно. Есть у собак какие-то церемонии начала боя? Ну там, в рог дудеть, в барабаны бить? А бой может быть объявлен в одностороннем порядке? Потому что мы ведь все равно будем встречаться с «психической». И к чему быть готовой? Что она увидела — примчалась — вцепилась? Жалко мне ее...

Пьем таблетки

Как ковбои обезжают мустангов видели по телевизору? А теперь представьте эту картинку в замедленной съемке... Человек подходит... Лошадушка смотрит... Отворачивает

голову... Со вздохом отходит в другой конец стойбища... Человек за ней... Нависает громадой и пытается переупрямить зверя... Цепляется за шкирку... Седлает... По инерции делаем еще пару кругов по комнате...

И все бы ничего, если бы цель была покататься, а не запихнуть в собаку таблетку или того хуже — сироп.

Зажатая в угол, Варишна демонстрирует невиданную гибкость шеи, способной поворачиваться в любую сторону, кроме моей. Научилась бормотать: «Ах, оставьте...» и не стесняется меня отпихивать.

Страшный сон стоматолога. Зубы разжать невозможно даже клещами. Уважаю свою собачищу! Когда она чего-то не хочет, впихнуть это в нее невозможно. Только уговорами, напором и хитростью. На том стоим.

Интернет-покупки

Все началось с того, что мне до чертиков надоело ходить в продуктовые магазины. Точнее, надоел весь алгоритм: бежать туда после работы, класть в корзину один и тот же набор продуктов, стоять в кассу и, главное, потом тащить домой тяжелые сумки. Вспомнив, что сама же и писала в газете об интернет-магазинах, решила попробовать. В случае неудачи — дорого, например, или неудобно — никто не отнимет у меня права надрываться с сумками до конца своих дней.

Первым зашла на сайт «Звездного». Но не смогла разобраться с навигацией. Или просто не понравилось, не помню...

Больше повезло с «Интенсивником».

Что к чему разобралась быстро и «пошла» по виртуальным отделам, «складывая» в виртуальную корзинку привычный набор: макароны, хлеб, сметану, пельмени, йогурт, фрукты, минералку.

Единственное, что не понравилось — не было картинок или хотя бы дополнительной информации. Указаны какие-нибудь «язычки мясные слоеные», а что это?

И еще не нашла мяса — обычного нормального мяса, вырезки для гуляша.

Но в общем, заказала почти все, что нужно, на радостях добавив к набору банку джина с тоником и килограмм груш. Общая сумма получилась в районе 180 рублей. Зарегистрировалась, указав свое имя и контактный телефон, написала большими цифрами, что привезти все это надо сего дня с 20.00 до 21.00.

Через 3 минуты мне перезвонила администратор и уточнила заказ. Например, не было сметаны 20% жирности, спросила — можно ли заменить на 15%-ную. Разобрались с мясом, добавив к заказу. Спросила, когда мне удобнее — до половины девятого или после. Я соблаговолила после.

Ровно в 20.40 прибыл опрятный дядечка с фирменным пакетом «Интенсивника», в котором (о чудо!) все лежало в аккуратных мешочках, ровными стопочками. Не возникло чувства брезгливости, мол, кто-то чужой «собирал» мой мешок, скидывая в него что попало. Кстати говоря, мясо привезли отличное.

И еще — никакой самодеятельности. Вот вам,уважаемый покупатель, товарный чек, где все расписано. Только после этого отдаю деньги. Ровно столько, сколько посчиталось на сайте и сколько мы обговорили с администратором. Доставка бесплатная, потому что заказ свыше 150 рублей. Никаких «на чай, на водку».

Не скрою, была мысль, что меня «развели» и привозное намного дороже, чем в самом магазине. А иначе — какой смысл всем этим заниматься? Но — никаких накруток. Позже нашла этому объяснение: они могут себе это позволить, так как я заказываю не на 20 рублей, а на 150 и больше.

Более того, дядечка мне спасибо сказал. За то, что ОН мне продукты привез.

Июнь

На прогулке Варвара увидела собаку больше себя. Это была лошадь

Лошадь шла себе по тротуару, цокала копытами, с каждым шагом удаляясь от трудного жаркого дня. Наездница задумчиво курила, смотрела куда-то в даль, отдыхая сердцем где-нибудь под Гемпширом, в усадьбе миссис Лорример посереди заливных лугов.

Откуда взялась эта лошадь в спальном районе, куда она шла, чей глюк материализовался — знал только его создатель. Мы с Варварой не знали. Варвара видела лошадь в первый раз. Вид у нее был ошелевший.

На прогулке Варвара увидела собаку больше себя. Это была лошадь

Как замерла в движении, оттянув заднюю ногу, так и застыла со шнурком слюны, свесившимся с правой брыли.

— Охренеть! — подумала Варвара.

— Ничего особенного! — ответила лошадь. Варвара хотела сказать: «РРРР...», но вырвалось лишь невнятное карканье.

Она совсем было собралась басовито взлянуть, да поздно — круглый круп лошади уже покачивался вдали, как Луна в морском приливе.

Еще долго Варя сбивалась с шага, неуверенно пялясь в точку на горизонте — а было ли нечто со странным названием «Лошадь»? А это все к тому, что на каждое действие есть противодействие.

За пять минут до описываемых событий нас обляял бешеный моток пряжи, которого доверчивым хозяевам сбагрили под видом пуделя. Пряжу вздувал ветер, иногда приподнимая от земли. Шерстяное недоразумение обляяло нас всеми нехорошими словами, которые только поместились в ее небольшой, размером с перезревший орех, голове.

Только я подумала: «Бесиши ты меня, кулек лохматый, на форум про тебя напишу», — как кулек исчез в кулисах, сгустился полумрак, из которого и вышла, грациозно щокая, красавица Лошадь. А может, Конь, кто их там разберет.

Может, и пацаны тоже увидели ленты в гриве, твердое седло, пружинистые конские мышцы, почуяли бодрящий ветер скаковой дорожки? Иначе с чего бы они с таким очумелым видом неслись по узкому тротуарчику за школой? На машине, на раздолбанной «копейке», не выключая какие-то свои тинейджерские пляски-тряски, не включая фар?

Куда они гнали, я поняла спустя три секунды. На нас. Три секунды. Две. Одна. Крик: «Стоять!», обращенный ко всем сразу. Ноль секунд: почти посмертный памятник Гитлеру. Почти Гитлеру, почти посмертный. Рука вверх, ладонь почти в лобовое стекло: «Стоп!» Но успели по тормозам! Резьба в голове срывается и начинается взаимный ор из серии: «Ё! №;%:?*()@#\$%^ё!!!!»

— Да ты...

Я поняла: ошелевшие подростки сейчас выскочат из своей галошницы и... исход встречи поливариантен.

Пускаю в ход тяжелую артиллерию.

— Связываться с нами не советую! А то... а то собаку свою спущу! Она... злая!

Собака флегматично стоит в стороне. Картина Рериха «На пути в Тибет».

Пацаны на всякий случай отступили. Мало ли, вдруг все-таки бросится? Буддисты — они, конечно, ребята спокойные, но, если их задеть, посохом как начнут махать, только знай уворачивайся!

Чтобы унять запоздалую дрожь, я прибегла к испытанному средству: задышала

по-собачьи, высунув кончик языка и часто-часто, чтобы диафрагма ходила ходуном. Долго так дышать невозможно. Вдох-выдох, вдох-выдох. И медленнее: вдох-выыыыыыыох... Пошли все на... — выыыох — лесом... — выыыыыох... Спокойствие — вдоооох, только спокойствие..., выыыох. Я солнце — вдох, я солнце — выыыыох...

Ничего, перемолось..., перетерлось..., сплюнулось и дальше пошло.

Подходя к дому, встретили знакомого Сергея с бобтейлом. Хороший мужик. И бобтейл классный.

«Вы видели?! Видели?» — возбужденно спросил он, когда мы с ним поравнялись.

Приключений на сегодня нам было достаточно, и мы малодушно попытались увильнуть в сторону подъезда. Я невнятно пробормотала себе под нос, мол, да, ужасы ужасные и жуткие, но нам, к сожалению, пора.

«Эти, с пятого этажа, Наталья и ее «Вася» мне балкон мыли!»...

Помывка балкона ничем нам не угрожала, а Сергею хотелось сокровенным поделиться... Я решила послушать, а Варвара, вздохнув, легла на асфальт — путь в Тибет затягивался.

Тут надо в скобках пояснить, что нижние соседи Сергея, застеклив балкон, сделали довольно большой козырек, на который теперь падало все, что выбрасывалось из окон и с балконов верхних этажей: презервативы, сигаретные пачки, цветы, кости, мешки, бутылки.

Все это приземлялось в аккурат перед Сергеевыми окнами — на козырьке, скапливаясь Монбланом и периодически пованивания. Его жена даже завела лентяйку на длинной ручке, чтобы чистить «крышу».

Вчера вместо звездопада к ним под окна прилетели носки. А Сергей в это время как раз прогуливался с бобтейлом под окнами. И момент грехопадения засек. И окно — центр управления полетом — засек тоже.

Не поленился, поднялся к ним в квартиру. «Слышишь ты, олень, — душевно сказал Сергей, поигрывая желваками, — завтра вечером жду. Мыть балкон». Может, для придания словам веса он еще чего добавил, ну там, «сверчок штопанный», например.

Знаю только, что в кульминационные моменты Сергей бывает очень и очень убедительным. А сверчков — обычно приберегает для контрольного выстрела.

И вот сегодня состоялась историческая помывка. Когда мы еще только вышли на дорогу, а впереди в туманной дымке едва угадывался силуэт с колокольцами и лентами вшелковистой гриве, к Сергею пришли Наталья и ее «Вася». И не сильно жужжа, почистили козырек. Да и чего бы им жужжать — сверчки, чай, не мухи.

Так что все, милые мои, имеет и обратный ход. Мусор, летящий на крыльях ночи, автомобильная шантрапа, тяжкающие кульки. Вот о чем я хотела поведать вам. На пути в Тибет.

Варвара уже спит и видит о нем сны.

24 июня

Сочинение «Утро главного бредактора»

В июне у нас родились щенки. Про привычке пишу «у нас», хотя щенячья мама — все-таки Варвара, а я так, играющий тренер. Пять мастифчиков теперь живут с нами — Лелик, Сафи, Влад, Дим и Бархатные Сумерки! — растут и уже безобразничают. О, как они безобразничают... Не написать ли отдельную книгу об этом? Как мы с Варварой стали матерями¹.

Одна из глав там будет такая:

Проснулась я рано, часов в 5. Над головой привычно зудел комар, дети привычно ели, кормящая мать-страдалица лежала в загоне, положив голову на бортик. Встретившись с ней глазами, я узнала о себе всю правду.

Застыдившись, я снова уснула.

Когда проснулась, поняла, что опять опаздываю на работу и снова придется брать тачку, но до этого надо успеть сделать кучу дел: в душ! Кофе! Перестелить загон! Забросить в машинуочные пеленки! Снять с балкона вчерашнюю стирку! Вывести Варвару! Вымыть Варвару из ведра в коридоре! Вымыть коридор после помывки Варвары! Накормить Варвару! Загнать Варвару в загон и проследить, чтобы Сафи достался «рассосанный сосок»! Не забыть причесаться! И зонтик в сумку! И список покупок на холодильнике! Еще дискету из компьютера, чтобы ночная писаница статей не пропала даром! Куртка! Очкис! Сумка! И мусор вынести!

Но сначала в душ! Проснуться, прийти в себя, стать розовенькой и вменяемой... Вменяемой как минимум.

... А не было воды. А никакой. А новый прикол такой у нас.

Заначек воды не было тоже. То есть ни в чайнике ни в банках — нигде. Пока я столбом стояла на кухне, почесываясь и туго соображая, Варвара осторожно откашлялась: «Мам, я пить хочу»...

В ее миске воды не было тоже. «Милая, — издалека начала я, — видишь ли, тут такое дело...»

«МАМ! Я ПИТЬ ХОЧУ!» — настойчивее повторила она, обрывая мои объяснения. Мастифы иногда бывают так упрямые!

Обозлившись, предложила ей на выбор: пойти на улицу и напиться из лужи (благо, лил дождь) или хлебнуть из унитаза. Варвара ухмыльнулась мстительно и демонстративно подергала унитазную «смывалку». Воды не было. «Да, — читалось в ее взгляде, — пусть я умру от жажды, но и ты не почишишь зубы!»

Электричества не было тоже. Видимо, чтобы никого их жильцов не убило током. Впрочем, кипятить нам было все равно нечего. И мы пошли гулять. Спустились пять этажей в полной темноте и обнаружили внизу запертую подъездную дверь... И запертую — почему-то — на большой амбарный замок. Пошутил, что ли, кто-то? Нехорошие слова в темноте звучат очень убедительно и, отразившись от стен и лестниц, возвращаются многоголосым успокаивающим эхом. Через несколько минут из катакомб нас вызволила дворничиха.

Прогулка прошла под ливнем. Брюхо и лапы загрязнились. Вернувшись домой, поплевала на тряпочку, гармонично растерла грязь по Варваре, утешив ее напоследок, что «гигиена — враг туриста».

А время поджимало. Решив перед уходом проверить детей, обнаружила очаровательную картину: у Олечки, цветочка моего ненаглядного, произошел понос и все простили... Да Бог с ними, с простилиями..., все дети..., их плюшевые шубки...

Пришлось позвонить на работу и сказать, что перевожу через дорогу отряд бабушек-тихоходов, и вероятно, задержусь.

Бегом — через темные пролеты лестниц — в магазин за бутылем воды. Естественно, в ближайшем воде не было, бегом в дальний. Бегом домой. Протерла засранцев, поменяла простили, налила страдалице воды, залпом сама выпила кружку... Уф...

Все! Можно бежать на работу! Сунула в сумку зубную щетку и пасту, драгоценную дискету...

Ну, о всяких приятных мелочах типа застрявшего в замке ключа, забытого кошелька и попыток вспомнить — а закрутила ли я краны?! Да или нет?! Нет или да?!

— даже не упоминаю.

До работы доехала без приключений. Да и что за приключение — подрезать трамвай и шарахнуться на пешехода. Детский лепет, а не приключение.

Охрана с вахты дала денег в долг — расплатиться с водителем.

На рабочем столе, усыпанном опавшими листьями пионов, ждала записка: СРОЧНО! К КОММЕРЧЕСКОМУ ДИРЕКТОРУ!

Оказалось, в одном рекламном макете, в заголовке (!) вышла ошибка. Аршинными буквами написано: ВЫИГАЙ ПРИЗ! Без буквы «р»... КоРРектора пришлось расстрелять.

Отряхнувшись, как собака, от передряг утра, выпила-таки кофе и пошла, как ни в чем не бывало, чистить зубы. Как будто так и надо.

А что? Нормальное утро нормального дня.

Июль — макушка лета и жизни!

«Все предвещало, что у Кролика опять будет очень занятой день. Кролик вышел из дома и, принюхиваясь к теплому ветру, размышлял о том, с чего начать...» Итак, сегодня! Написать заявление, уйти с поста Главного, купить Варварушке витаминов, себе — новые туфли и книжку, и заняться, наконец, личной жизнью!

Август

Я люблю:

чужой город, в котором живу, хотя он надменно-равнодушен ко мне; люблю чужого мужчину, хотя он никогда не будет со мной; люблю своего бывшего мужа, хотя он предал меня; люблю свою собаку, хотя она трусиха и не говорит правды — но и не врет; люблю свою квартиру, хотя она не моя; люблю колбасу, хотя, говорят, ее делают из бумаги; люблю книжки, хотя их всегда не хватает; люблю горячую воду, хотя она вонючая и желтая; люблю спать, хотя... нет, тут без оговорок; люблю своих подруг, хотя иногда они меня раздражают; люблю день зарплаты, хотя денег не хватает на достаточное количество книжек и путешествий; люблю самолеты, хотя они падают и в аэропортах нельзя курить; люблю курить, хотя знаю, что это неполезно; люблю сидеть в форуме, хотя денег сжирается ой-е-ёй; люблю праздновать сегодня годовщину своей грусти; люблю себя за способность любить, хотя любить все это с таким чудовищным количеством оговорок очень сложно.

Август Депрессия

Я боюсь зимы. Как вспомню, что опять будет все время темно, холодно, сто штанов, цыпки на руках. Опять все сначала... Бесконечная серо-белая зима, пустое небо... Мне кажется, я не переживу этого. Если завтра встану утром и пойму, что «опять зима» — просто закрою глаза и умру. Мне не хочется плакать — хочется удавиться.

Вдруг вспомнила наши зимние прогулки, как было хорошо — народу нет, светло, в пуховике тепло, румяные щечки, собаке не жарко. Тут и поймала себя на мысли, что, пожалуй, зима — это прикольное время года.

Но это словно два разных воспоминания. Они идут параллельно и никак друг на друга не влияют. Комфортные прогулки и усталость, копящаяся годами, от вечной зимы. Я цепляюсь за лето, как Ди Каприо в «Титанике» за разваливающийся плот, но чувствую, что неумолимо сползаю в зиму. Необратимо. Я не готова, не верю, не могу, не хочу! Мне нужно сделать что-то такое, от чего ход времен потерял бы свою силу, сломать к чертовой матери это обреченное ожидание... Уехать на зиму в Италию, на остров Корфу, на самый пупочный дико-жаркий-вечно-солнечный экватор, вбить колышки и врасти там намертво, на ближайшие 10 месяцев.

Я не хочу снова доставать варежки, сапоги, шапки. Если завтра наступит зима, то послезавтра для меня никогда не наступит. И я стала бояться старости... Старости, болезней

и запаха старых вещей, настоящий на дешевых лекарствах. Я боюсь, что умрет моя бабушка, и каждый день жду звонка. Не хочу быть старой, с морщинистой кожей и некрасивыми руками. Я не буду старой, потому что умру раньше — зимой.

28 августа Воскресенье

Чтобы морально подготовиться к уборке квартиры, полдня сидела в форуме, потом мокла в ванной, потом читала Агату Кристи. У Кристи — большая семья обедает в родовом замке. Слуги, канделябры, благородный звон столового серебра. Кушаютъ.

Кушаютъ и кушаютъ. После обеда пошли пить рейнвайн в библиотеку и ждать, пока папу укокошат... Девочки остались в гостиной дуть кофе и чопорно молчать. Понятное дело, пока папу не убили, говорить особо не о чем. Папу убили, но сначала все решили поесть. И кларетом заполировали. И кремом с тушеным инжиром.

Через два часа такого безобразия захотелось есть и мне. Не просто есть, а что-нибудь такого сожрать — урча и не жуя, глотать большие горячие куски из сковородки. Обжигаясь и дуя на пальцы. Вытирая жирные руки о рубаху. Пучка глаза от жара во рту и обмахиваясь ладошкой. Жадно глотать, чувствуя, как вкусный кусок прокатывается по пищеводу и падает в желудок, уже исходящий желудочным соком. Утолив первый голод, уже сесть, не торопясь, в кресло, а на входную в дверь вывесить табличку, чтобы в течение получаса не беспокоили. Поймать в радиоприемнике Альбано и Рамину Паэур и, ритмично гребя челюстями, плыть по волнам блаженства.

В доме обнаружились только чеснок, сыр и сметана. Ну и пачка вареников со шкварками. А также неисчислимые запасы кофе и кулинарных книг. А, ну и помидоры. Специально купленные вчера на случай пищевого пожара. Пока кипели вареники, мне было даже не лень сделать «сырную закуску». Первый раз в жизни сделать. Сыр, чеснок, сметана — потереть, перемешать и на черный хлеб, сверху кружочек помидорины. Свежей, красной, сочной, смачной...

Боже мой, что за жадность-то, а? Так нажраться чеснока. Так набить себя хлебом. Будто амбар осенью, Чтобы ворота подпирать пришлось. И вареников сверху. И кофе...

Обошлись без кларета. Инжира, конечно, не хватало, но после тарелки чеснока мечта об инжире как-то поблекла. Уборке снова не повезло. И то сказать: с таким пузом не за пылью гоняться, а в кресле сидеть, отдуваясь и пыхтя. Распространяя такой дурманящий запах чеснока, от которого бациллы дохнут еще на подлете к подъезду, а коварный папин убийца из книжки только чистосердечным признанием может спасти себя от удушья. Я, конечно, снова взялась за книгу. Только бы они не ели, только бы не ели...

5 сентября Как избавиться от сурка?

Иногда мне хочется сойти с ума. Мне хочется спать и не просыпаться, не умереть во сне, нет — спать и видеть сны, как бывает всегда. Сны — это единственное, что меняется в моей жизни. Хотя даже их, спасительные сны, я перестаю запоминать, а может, и видеть. Меняются декорации — зима, весна, лето, осень. Меняется форма одежды: кепка — на шапку, кроссовки — на ботинки, куртка — на кофту, потом — в жару — на футболку. Вечные джинсы и вечный белобрысый хвостик на затылке, стянутый старой махрушкой. Меняется цвет лака на ногтях, но иногда я забываю и об этом; смотрю на свои руки, удивляясь — мои ли это руки и почему на них все еще нет «маргариток смерти» — веснушек, пигментных пятен. Наверное, мой биологический возраст — лет этак 89. Я так давно живу и мне давно уже все понятно. Шлейф смертей тянется за мной — настоящих и придуманных. Иногда мне хочется, чтобы моя собака умерла.

И мои родители тоже. Тогда мне уже некого будет ждать в этой жизни, и я смогу уйти, никого не ранив.

Конечно, я никогда не уйду — все это треп, пар в свисток, разговоры в пользу бедных. Меняются декорации, я все та же. И жизнь однообразна до тупости: те же чувства, те же лица, те же темы. День сурка... Несколько лет одно и тоже. Одно и тоже! Каждый день.

Даже мысли. Даже движения. Алгоритм — изо дня в день, изо дня в день. Это даже не дежа вю, это осознанное хождение по кругу. Утро-работа-домой-собака-книжка-спать. Утро-работа-домой-собака-книжка-спать. Утро-работа-домой-собака-книжка-спать. Зима, лето, осень, весна. Утро-работа-домой-собака-книжка-спать. Утро-работа-домой-собака-книжка-спать. Осень. Утро-работа-домой-собака-книжка-спать. Зима. Утро-работа-домой-собака-книжка-спать. Все еще зима. Утро-работа-домой-собака-книжка-спать.

Утром я дико, нечеловечески хочу спать. Трясясь от недосыпа и грея руки о чашку с кофе. Зимой и летом. Я все время мерзну, если меньше двадцати пяти градусов. Вечером спать не хочу. Загоняю себя в кровать, понимая, почему не хочу. Потому что страшно — наступит завтра и будет то же самое. Зимой и летом. Двести страниц книги читаю за час. Иногда я вырываюсь из круга. Уезжаю или пишу.

И то, и другое — это путешествие. Комфортное путешествие, начиная которое ты не знаешь, к чему придешь, но как будто управляешь этим. Появляется чувство веселой ненависти к миру; чувство, что полагаться можно только на себя, при этом себе не веря. Счастье — это так просто: нужно изменить направление движения, поменять верх и низ. Я возвращаюсь. Быть рабом на небесах или звездой в аду — не все ли равно. От себя не убежишь. Потому что я и есть — сурок. И собака — такая же чокнутая, как я. День сурка. Убить бы его?

Степень моей свободы достаточно высока — я стремилась к этому и этого достигла. Теперь мне скучно. Я хочу удивляться.

6 сентября

Море неконструктивных монологов

Состояние такое, знаете... как бы описать... когда ты утром встаешь в совершенно разобранном состоянии и понимаешь, что жить так дальше нельзя. Потому что осень, потому что холодно, потому что хочется спать, потому что на работу, потому что жирная, потому что никто не любит, потому что собака опять на весь день одна, а с утра ей хочется играть, скакать и долго нюхать траву. А времени нет, сил, впрочем, тоже, и хочется лечь под куст и умереть, пусть нюхает.

Вчера выпила два бокала вина по случаю чьего-то дня рождения, а утром болит голова как с похмелья. И опять слишком много курила.

Потому что зарплата только в понедельник, потому что на щеке вылез какой-то неуместный подростковый прыщ, потому что красивые сапоги натирают ноги, а кроссовки выглядят уже неприлично, потому что задолбали волосы, которые надо все время мыть, и они либо пушатся, делая меня похожей одуванчик, либо висят жирной прилизанной соломой.

И хочется купить собаке вкусную дорогую косточку, но тогда в выходные придется есть одну вермишель.

Потому что на работу все приперлись в пиджаках и костюмах, а ты, как идиотка, в какой-то лыжной толстовке дикого оранжевого цвета, в которой выглядишь как перезрелый рыхлый апельсин, и эти ненакрашенные маленькие глазки — мерзость, и статью они сверстали по-дурацки — потерялось все очарование; а после обеда надо участвовать в мозговом штурме о методах подачи передовицы. Какая на хрен передовица в преддверии снега? И собака так грустно смотрела в след, когда я сказала: «Я пошла, моя хорошая, будь умницей». И сижу, как дура, на работе с бутылкой минералки и пью, надеясь похудеть. И

хочется купить таблетки жуй-дэмэн и похудеть сразу и навсегда. И заболеть анорексией, чтобы все хачапури выметались из организма сразу после заглатывания. И читаю на каком-то сайте, что нет ничего лучше «Львовского портера» или «22». Сижу, давлюсь холодной минералкой.

И чтобы мальчик, который сфотографировал меня на турбазе, потерял свой идиотский фотик и способность фотографировать надолго, потому что тот ужас, которым теперь любуется весь офис — это ни в сказке описать, ни пером — чего там? — тоже не описать. А начальник на турбазе сказал, что я похожа на кикимору: зеленый дождевик и мокрые волосики.

Жизнь удалась. Сижу. Хочется пойти домой и тупо наесться какой-нибудь вредной еды, и уж тогда окончательно решить, что надо прекращать пить, курить, жрать и жаловаться.

8 сентября Мой фетиш — самолеты!

Пошла покурила, затушив окурок по-шоферски — о подошву, и подумала о самолетах. Надо сказать, что я испытываю близкие к абсолютному счастье и довольство собой сидя во взлетающем самолете. Улетая. Четко зная, куда и зачем лечу, длительность полета — чтобы успеть подумать, вздрогнуть, накраситься и выпить газировки, щурясь от яркого солнца, такого, которое бывает только над облаками. Нет никакой ответственности — села и лети. Главная обязанность — быть собранной и спокойной. Как пружина внутри будильника.

Тик-так, все понятно, все уже решено, механизм запущен, вся беготня по аэропорту, такси, таможням закончена, и вот ты сидишь в кресле — мобильная, уверенная, с минимумом мыслей и багажа, оставив порядок в тех местах, которые покинула, и еще не испортив его — в будущих.

Это такое потрясающее состояние БЕЗВРЕМЕНЬЯ, между мирами, иллюзия ЗАВИСАНИЯ при объективной огромной скорости ДВИЖЕНИЯ к цели. То, к чему всегда стремятся: свобода в заданных рамках.

Да и сам процесс ОТРЫВА от земли, от притяжения, от тяжести — это ли не счастье? Многотонная машина, которая взлетает вопреки всем доводам разума. Я хотела бы быть самолетом.

Я боюсь высоты, ужасно, иррационально, на грани с тяжелой фобией, но больше всего на свете люблю летать. Во сне, в жизни, в своих фантазиях.

Я часто вижу в небе серебристые искорки самолетов. Я смотрю на них с нежностью и тоской не умеющего летать. Пройдет 2 месяца, и я снова испытаю то захватывающее дух наслаждение отрыва от земли...

30 ноября Черный человек

Нас сегодня на прогулке преследовал Черный человек..., ходил за нами..., а мы, надо сказать, ходили не так, чтоб сильно протоптанными тропами. Времени было около полуночи. При ближайшем рассмотрении ЧЧ оказался выношней, с завидным упорством преследовавшим нас.

В конце концов, я ему говорю; «Что вы за нами ходите?» А он: «Я за вами не хожу». Я ему говорю: «Видите, я собаку с трудом сдерживаю!» (Собака в тридцати метрах от менянюхала снег).

Он: «Вижу».

Я: «Ну так и идите своей дорогой»...

Он: «Я и иду».

В общем, мы как-то напряглись слегка, я даже подумывала испробовать гриндерсы в

деле отпинивания маньяка; Варишне шепнула волшебное слово: «ЧУЖОЙ!», чтобы она отвлеклась от снега. Варишна встрепенулась, волооко посмотрела по сторонам, буркнула что-то в сторону выноши и снова уткнулась в свои снежные газеты.

Выноша понял и пошел лесом.

Меня спрашивают:

— Галка! Как? Вы гуляете без пулемета и других приспособлений? А если на Варишну нападут?

— Да, — легкомысленно машу рукой, — она убежит! У нее же тюнинг! Четыре ноги мы ей сделали!

12 декабря

Утро. Снежок. Лужайка.

На лужайке двое — моя собака и я. Красотища и подъем духа: снега много, народу мало, палки в ассортименте и даже не холодно, едва до минус 10 дотянуло.

Идут наши знакомые: пожилой хозяин с пожилым кобелем немецкой овчарки. Видим друг друга, машем в знак приветствия руками и хвостами. Хозяин отцепляет пса от поводка.

Я ему кричу: «У Вари ТЕЧКА!» Ноль реакции. Думаю, ну, может, не расслышал. Кричу опять: «ТЕЧКА у собаки!»... Ноль реакции. Мое дело — предупредить. По причине своих размеров и непонятно откуда взявшейся целомудренности, Варвара отгоняет кобелей с искренним недоумением монашенки. Так что я честно предупреждаю хозяев про течку, на всякий случай ходим огородами и не в «часы пик», но если хозяину плевать, то и я не особо напрягаюсь. Варвара, русская душой, — в плен не сдастся. Ну и вот. Отпускает дядечка своего кобеля, и тот несется к нам. Веселые игры, скачки, догонялки. Тем временем я, высоко вскидывая ноги, как лошадь на параде, выбираюсь из снега на дорожку, подхожу к хозяину. Здрасьте-здрасьте, как дела, хорошая погода. Течка, говорю, у нас. Так что расходиться на поводках будем. Да, говорит он, погода прекрасная.

В это время кобель плотно утыкается носом под хвост Варваре. Та вздыхает — игры кончились — и двигает ко мне: «Мам, ну они опять за старое, пойдем домой, что ли». Пес приkleился намертво и, пуская слюну, решает остаться с нами на всю жизнь. Сопровождать нас и в горе, и в радости. Идти рука об руку и в будни, и в праздники.

Хозяин выходит из умильтельного созерцания, внимательно на своего кобеля смотрит. «Что-то пес подозрительно себя ведет». Его озаряет догадка: «Слушайте, а у вас ТЕЧКИ нет случайно?»

17 декабря

Рассказываю историю про вчерашний вечер. Прихожу домой рано. Относительно. До прогулки еще полтора часа. Думаю — надо поужинать, чем Бог послал. Засовываю быстро суп в микроволновку, включаю чайник. Пробки не выдерживают, свет гаснет. А щиток у соседей за железной дверью. А соседей дома нет. Итак, света в половине квартиры нет, радио не работает, телевизор тоже. Ну и телефон молчит. Звоню по сотовому в круглосуточный ремонт, говорят: «Никакие не пробки — это обрыв кабеля. По району. Завтра все починим». Следовательно, выйти в интернет и посидеть на форуме не могу тоже. Темнота. Тишина.

Говорю Варваре: «Ну что, душа моя, собирайся! Пойдем в дальний поход. Делать все равно нечего. Будем гулять, пока не упадем. Часа 3-4, а лучше 5-6».

Погуляли 2,5. Вернулись. Света нет, соседей нет, интернета нет.

Я в такие минуты почему-то всегда думаю одно и тоже: «А чем Пушкин по вечерам занимался? Без телевизора, без телефона, без форума собачьего?» Ответ, в общем, предсказуемый: сидел при свече и стихи писал.

Пошла, откопала свечу..., стихов писать не стала, а сделала то, до чего Пушкин сроду бы не додумался. Взяла и сантиметром портновским измерила высоту косяков. Мало ли,

пригодится. Оказалось, 2 метра 50 см. Теперь буду знать. Потом в постельке почитала при свече... Темновато... Да и без капора при свече читать в постели как-то неприлично. Задула свечу и спать легла. Помолиться только забыла. Темным силам электричества.

28 декабря

Звонит подруга, к которой мы с Варишной на Новый Год намылились. Говорит: «Мы все закупили, с тебя один салат!» Я аж трубкой чуть не подавилась: «Неееее, девочки, я вам лучше грузоперевозки из Лапландии оплачу, но хоть режьте меня — салат делать не буду. У меня зарок. Я в магазин пойду только 1-го числа. И баста. Сижу без хлеба, и что самое страшное, без колбасы, ем каши «Быстров», но в магазин НЕ ПОЙДУ. Не пойду и все. Если поесть не дадите, я так посижу, но не заставляйте меня ГТОВИТЬ или ИДТИ В МАГАЗИН, ТЕМ БОЛЕЕ, КОГДА ТАМ ОЧЕРЕДИ. Я лучше ботинок свой съем. Или Варюхин ошейник».

Сошлись на блоке сигарет в качестве взятки. Салат разрешили не делать! Сказав, что я хоть и не очень ловко, но все же, так и быть, отмазалась. Так что гуляюююююююю! А другая подруга сказала, что таких магазинофобов надо лечить электрошоком.

Зарисовка про нашего друга Степу. Малыш Степа великан

Чаще всего Нину Шилко, хозяику красавца Степы, прохожие спрашивают, не скрывая удивления: «Что вы сделали с ротвейлером?!» Вариант: «... с сенбернаром?!» Или: «... с ньюфом?!». Хотя на ньюфа, то есть ньюфаундленда, Степа похож лишь отчасти — размерами, весом — к 60 кг, роскошной шубой и выражением морды, умеющей быть лукавой и о-о-очень серьезной одновременно. Порода Степы называется «бернский зенненхунд», или, по-простому, «бернская овчарка» — самая популярная из альпийских собак Швейцарии. В Россию зенненхундов стали завозить не так давно, а в Екатеринбурге они до сих пор редкость.

«Мы долгое время держали такс, — говорит Нина, — а тут захотели большую собаку-компаньона. Стали узнавать про породы и, оказалось, что бернцы — чуть ли не единственные из собак, кому не «прививали» такое качество как агрессивность».

И то верно: зачем собаке альпийских лугов быть злобной и «работать на поражение»? На поражение — нет, а вот работать — да: любая пара рук и даже лап в крестьянском хозяйстве не лишняя. Если надо, то собака может и скот пасти, и за детьми присмотреть, и тележку с сыром довезти — от сыроварни до амбара. Представляете такую мультишную сцену: собака, запряженная в тележку с сыром! Но это в Альпах. Наш Степа не возит тележек, да и со скотом отношения у него как-то не сложились... Хотя «тусовки» любит, а за сыр готов душу отдать.

Правда, есть у зенненхундов одна интересная особенность, о которой честно предупреждают все книжки: года в полтора бернцы «могут понять, что им дороже свобода и покинуть семью». Куда они уходят, что делают на свободе — не указывается. Степе до «определения» еще три месяца, но, судя по его настроению, он покидать семью не собирается.

Да и куда уйдешь от милой сердцу лежанки на балконе, от мамы и папы... да соседской мастифиши Варвары, которым он подарил свое большое собачье сердце.

Официально эту собаку-медвежонка зовут Дивус Из Большого Дома. Можно просто Степа.

17 января 2005

Я жива-здорова, вернулась из дальних стран. Съездила в Скандинавию. Люблю я отчего-то этот милый несуетный край. Успокаивает, настраивает на задумчивое времяпрепровождение. Более близкое мастифам.

Мастифы дома были. Варвара по мне сильно скучала и от скуки, видимо, начала на улице есть всякую дрянь. На днях мне продемонстрировала. Я ее увлечения не разделила, заорала новое слово, которое выучила в дальних странах, звучит так: «Ебти юми!» — это иностранцы так слышат наше ругательство про мать. Юми и летящий в спину поводок, Варвару убедили, но не до конца. Но мы над этим работаем. Впрочем, еще свежи в памяти воспоминания о беременных временах, когда в пасть засасывались пивные крышки, окурки и камни. Так что чуть подмерзшие объедки мне уже не кажутся ужасным ужасом и, вспоминая последние кадры из комедии «В джазе только девушки», пожимаю плечами: у каждого свои недостатки.

Еще — как-то так совпало — в новом году звезды не благоволят Варвариной лежанке. После приезда в родную страну у меня обострился не только взор, слух, но и нюх. Зайдя в квартиру, почувствовала, что пахнет грязными мужскими носками. Единственное объяснение тому могло быть — муж, покидая нас полтора года назад, забыл носок где-нибудь за кроватью... Но нет. Встала на четвереньки и добросовестно обнюхала всю квартиру. Варвара подумала, что из дальних стран я привезла новый ритуал приветствия жилья. Ну, или игру какую-то...

Ходили паровозиком минут двадцать. Я нюхала углы, Варвара меня. Выяснилось, что благоухает девическая лежанка. Матрасик. После двух дней моральных терзаний, матрасик ушел в страну заходящего солнца, а Варвара переведена на менее роскошный, но зато не вонючий коврик, сшитый на скорую руку из туристического добра.

Самое смешное, что единственной вещью, купленной в зарубежных магазинах, — стало «одеяло для собак». Очень симпатичная такая штука вроде обычного пледа, со следами «лап» и «котпечатком» большой мокрой носопимпы. Но Варваре одеяло не достанется. Подарю подруге. В знак благодарности за то, что она с Варварой сидела, пока я за собачьим одеялом ездила.

У Варвары новая привычка. Называется «а я со двора далеко не пойду». Появилась после того, как мы с ней в новогоднюю ночь...

Дело было так: встречали НГ у подруги любимой-закадычной в доме за городом, я была с Варварой. Встретили, поели, выпили — все стандартно. Но часа в 4 ночи захотелось мне домой. Смертельно. Лечь в СВОЮ постель и чтобы рядом никого чужого, только теплый Варюхин бок.

Хозяйка говорит: «Ты что, дура?! Ни такси, ни транспорт в такие пампасы не ходят, тем более, в новогоднюю ночь».

Вы думаете, меня это смущило?

Смущило, но не сильно.

Попрощались мы с хозяйкой, взяла я Варишну и почесали мы пешком. ДОМОЙ! На улице минус 20, ночь, лес, праздничные не слишком ватные штаны. А мы летим на крыльях — ДОМОЙ! Ничего, три часа пешком и дошли.

Ничего сверхинтересного больше в ту ночь не произошло. Год покатился по колее.

Вот только с подругой позднее мы рассорились. На ровном месте. Мне вожжка попала под хвост. С тех пор почти не общаемся...

Рядом — лишь Варюхин теплый бок...

После той прогулочки по «лесам-по долам» Варвара сомневается в моей адекватности и на дальние походы соглашается не без опасения. Завершая мини-отчет, скажу, что в эти

праздники я так и не поела вдоволь салатов и за столами не насидалась. Только в сам Новый год, да и то — нахваталась перед едой колбасы, за стол села сытая, поклевала там чего-то. Все, больше столов в эти праздники у меня не было.

Сейчас все глаза закатывают при упоминании о празднике, а я — то ли с завистью к их обжорной судьбе, то ли с недоумением... Зато джином импортным наугощалась.

3 февраля

Окинула взглядом свою кухню и с улыбкой обнаружила, что самые удобные «емкости для хранения сыпучих продуктов» — баночки из-под собачьих витаминов!

Трава какая-то (то ли укроп, то ли петрушка, кто их там разберет) — в банке из-под «8 в 1 для щенков», запасы сахара — в банище «Calcidee», сода — в «Канвит Хондра». А бадейка из-под «Stride» — для муки!

А что? Удобно. С крышечками, легкие, яркие ярлычки, морды веселые собачьи... Это вам не пошлые красные тары в затейливый белый горошек.

«Красивая собака, а титьки висят!»

«Висят, висят, сердешные», — сказала нам сегодня продавщица. Субботний церемониал: выдрыхнувшись до верхней границы нормы, мы идем в зоомагазин. Обе. Покупать вкусняшку. Заходим внутрь и под умилиительные уси-пузы персонала, не торопясь, ищем единственное наше вожделение — бычий, не при дамах будь сказано, пенис, целомудренно названный производителями «бычий корень». Бывает он косичкой, бывает палками, бывает «кулиткой».

Выбрав «корень» и оплатив покупку в кассе, мы бежим домой, счастливые от счастья друг друга.

Нынче с пенисами была напряженка. Поэтому купили сущеный желудок, который воняет. Рубец, вот! И какую-то «бычью булочку» (по виду и цвету напоминает патиссон, пахнет копченными субпродуктами). Продавец, явно закончившая курсы по пиару, сказала: «Возьмите, не пожалеете, она из того же места сделана». Взяли. Очень мы, незамужние, эти места уважаем. Погрызть-помусолить... Все предлагаемые лакомства были фирмы «ТИТ-ВИТ». Никакой самодеятельности.

Пока я копошилась с денежными купюрами, подошла к нам тетя. Из персонала. Вроде как врач. Но не врач. Из серии «я только учусь»... Грудь, говорит, у вас висит. Хоть и не мне сказала — собаке моей, но это же почти личное оскорбление! Пока я перчатку бросала, на дузель вызывала, сморгнула, присмотрелась. И точно ведь. Висит у экс-кормящей матери грудь. А я и не замечала. «Титьки», точно, висят. Чего уж тут скрывать. Эстетика хромает, да и бог бы с ней, если бы не опасение заработать какой-нибудь мастит. Гуляем долго, по 2-3 часа, а морозы у нас, на планете Леониде, в феврале по ночам до -20.

Мастит у мастифа? Почти стихи. А ну как вред какой собаке?... Значит, ЧТО ХОЧУ ОТ ВАС, милые мои собачеводы и их родители узнать:

1. Есть ли какие-то способы безврачебного вмешательства? Массажи, Растирания? Кремы от морщин?

2. Может, мне себя надо ремнем отходить? После бани в воскресенье... Где глаза-то были? И срочно бить тревогу?

3. Или булочкой бычей утешиться? Все равно Варишна рубец схрумкала, а булочку не поняла. Понюхала, фыркнула, лапой отодвинула: «Ешь сама, мама. И никогда не ведись на слова продавцов».

Морковка

Как обратить на себя внимание.

Не успели мы кремов от морщин набрать, а тут еще бешенством стали пугать народонаселение. То ли лису кто-то видел бешеную, то ли козу...

В предыдущей серии: напуганные угрозой вируса бешенства, люди и нелюди планетки Леониды ринулись в ветмагазины. Туда же пришла Мама (в роли Мамы — артистка Галка) и купила много таблеток Страшного и Ужасного Глистогонного Средства. Тем же вечером Средство, по величине больше напоминающее таблетки нафталина, было принудительно скормлено Собаке (в роли Собаки — артистка Варвара). Ночь прошла беспокойно. У Собаки болел живот и все — глисты, Собака, Мама и ночник — маялись, стараясь забыться в тревожном сне.

СЕРИЯ 31

Утром наступил рассвет. И пришло утро. И птицы, если бы не осипли от морозов, пели бы свои песни во все воронье горло. И окна, будь они с рамами старого образца, радовали бы глаз заинdevевшими узорами. И прохожие, будь они даже старцами с посохами, танцевали бы в ритме Бесамэ Мучо. Вот как хорошо было бы.

Ничего этого Мама и Собака не заметили. Они вскочили, быстро и в общем-то бесцельно погуляли, вернув природе малые долги, а большие — зажопив (да, да, и это слово здесь уместно, а уж как оператор будет изображать на экране — дело второе). Вернувшись, Мама засобиралась на работу, а Собаке был предложен завтрак. В меню значилось: корм, смешанный с кормом, в соусе из корма и с десертом из корма. Собака взгрустнула над миской. Тогда добрая Мама, чтобы Собака не скучала, предложила Собаке на «погрызть» скромное ведро моркови и на «попить» — жбан простоквashi.

Ни мало не смущаясь набором деликатесов (слабительная морковь, слабительное молоко и слабительное глистогонное), Мама уперлась на работу. День выдался насыщенным, а главное — до ночи.

Усталая и довольная Мама нарисовалась, когда рассвет уже снова близился к закату. И увидела в доме то, что и следовало увидеть. Собственно, увидеть ей хотелось совсем не это, а например, мирно стоящие в уголке уютные тапочки, веселый бок закипающего чайника, ванну, полную пены, колье Шарлотты, небрежно брошенное поклонником на расстеленную в томном намеке кровать.

Вместо пены на полу были небрежно набросаны кучи навоза. В томном намеке. Вместо поклонника — неунывающая Собака, радостно обнявшая Маму у порога. Лапами на грудь (оператор перебьется)... Количество навоза впечатляло... Словно поклонник все же был, скакал по квартире на коне. С приятелями — тоже на конях. И эти кони... Весь полк... И соседний тоже... Дивный запах струился по комнатам, проникая на площадку и даже в лифт, неся по двенадцати этажам легкую песню свободного кишечника.

Не то чтобы Мама ничего слаще моркови не нюхала в этой жизни. Отнюдь! После пяти маленьких Собак, квартировавших летом в однокомнатных Маминых апартаментах, подобными картинами и запахами можно было отпугивать непрошенных гостей, но не хозяев. Но было одно досадное обстоятельство. Амбрэ смешивалось с запахом ушной пудры, которой добрая Мама лечила Собаку. А пудра пахла дихлофосом. Чтобы бактерии дошли еще на подходе к ушам. И с запахом пригоревшей каши, которую Мама варила себе на завтрак.

Репутация Странной Квартиры прочно закрепилась за номером 308. Но Мама знала: главное — вести себя непринужденно.

Смотрите в следующих сериях: не присесть за 60 минут; имеет ли смысл гулять с Собакой, сходившей в туалет дома; Мама ведет себя непринужденно и в такой ситуации.

Гулять — да, выводить на горшок — НЕТ. Потому что мы шлялись полтора часа (на улице мороз — хорошо за 20), и хоть бы хны! Собака скачет, как шарик на резинке — легка и подвижна! Я уже дошла до ручки, иду, пристально собаке под хвост смотрю и бормочу, как детям говорят: «Пись-пись! Пись-Пись! Псcccccc!». Одинокий прохожий от меня

шарахнулся. Варвару не увидел, а меня не понял.

Уже у самого дома животная в качестве одолжения присела, писнула..., а не какала еще сутки. Зато у меня было время обдумать выкройку льняного бандажа, чтобы от холода защищать обвисшую грудь. Созданием и укреплением оного мы и развлекаемся в эти дни. Лифчики Памели Андерсон отдыхают!

Продолжение следует...

Так что ответом на ваш вопрос будет междометие. НЕТ. Смысла выводить собачку нет. Разве что лапы размять. Но для этого достаточно купить домой тренажер-дорожку. Пушай ходит под присмотром!

15 февраля

У Бориса Житкова есть рассказ «Что я видел». Для детей. Нуднейшая, надо заметить, вещь. Уступая классику, но не слушая злых языков, утверждающих, что ко мне в будни в гости ходить — только худеть, а по праздникам — на колбасу, рассказываю: «Что я ела». Завтрак: фруктовый салат (бананы, яблоки, орехи, морковь, апельсины, йогурт); кусочек эскалопа (запеченная свинина в сыре, с луком и помидоркой и кружочком крепкого маринованного огурца сверху); кофе с каплей коньяку; круассан с шоколадным кремом; мороженое с цукатами. Второй завтрак: кусочек нежирной буженины, кофе. Обед: салат из чего-то там, тушеная цветная капуста, жареная форель..., зеленый чай с африканскими цитрусовыми, на десерт: красное полусухое и копченый сыр. Полдник: салат из чернослива с орехами, кофе, паштет чешский деревенский нежный. Ужин: фасолевый суп, макароны, остатки эскалопов, чай каркаде, яблочная пастила. На ночь: фундук, зубочистка для выковыривания фундука из зубов...

Просто к нам мама приехала!

Вчера у нас троих (у мамы, собаки и у меня) случился культурный шок. Ну, так говорится — «культурный шок»: то ли в смысле «цивилизованный, т. е. не очень сильный», то ли в значении «расширение кругозора», кто его разберет. Говорится — да и ладно.

Началось все с того, что я купила две пачки печенья. Одно собачье, в ярко-красном брикете, с собачкой на упаковке, а второе — обычное, человечье, в неказистой серой бумажке с горнистым пионером на обертке. «Пионерское» — так и назывался сей кулинарный шедевр. В два маленьких рядка печеньушки сухонькие лежат, знаете?

Ну и вот. Купила, на стол кухонный выложила, чай поставила и пошла переодеваться. Не прошло и полгода, возвращаюсь.

Сидит мама, чаевничает, собакины печенья из пачки достает и ест, чаем запивает. «Вот ведь, — говорит, — до чего прогресс дошел! Уже печенье в форме косточек делают, удивительно!!» Откусывает, жует, сладким чаем запивает. «Ничего, — продолжает, — вкусное. Свежее печенье, рассыпчатое. Только сахара мало. Варенье мне дай, пожалуйста. Я его с вареньем буду есть».

Рядом Варя сидит, слюнями обливается, каждый кусок глазами провожает. И в глазах — не то чтобы осуждение, а именно он — шок культурный. Села я рядом с Варей и тоже за мамой наблюдаю. Слюней, правда, поменьше пускаю. И размышляю — в какой момент ей правду открыть.

А мама ничего так, с аппетитом уминает. «Я, — говорит, — Варюшке предлагала то печенье, с пионером, — не хочет. Надо ее тоже этим, ИМПОРТНЫМ, угостить. А ты почему не ешь?...» Наливаю себе чаю-кофе, беру тоже из пачки... Откусываю... А что, вполне. На «кириешки» похоже. Или на черствый хлеб. Надо было, видимо, запивать сразу, чтоб оно рассыпчатым показалось...

А Варюхе в качестве компенсации мы потом еще и «пионера» всего скормили. Чтобы не обижалась.

Это отнюдь не единственная история про гурманов. Один мальчик у меня на работе долго просил принести ему корму собачьего — попробовать. Он когда-то, по пьянке, этим кормом пиво закусывал. Вместо чипсов. И осталось у него воспоминание, что корм — питание вполне удобоваримое. Пристал — принеси да принеси, буду есть!

Ну, принесла ему горсточку. «Для крупных собак». Погрыз он в своем уголке, почмокал, зубом посыпал. «Нормально, — говорит. — Я счастлив. Я сыт». А потом, через часок, ка-ак начал на людей бросаться! Приступ злобности с ним случился. Поругался с кем мог, а с кем не мог, просто порычал в след.

Коллеги велели больше корму ему не носить. Хотя он просит, мерзавец.

Весна

КУЛЬТУРУ В МАССЫ

Портным и не снилось. Все началось в тот февральский день, когда мы, ничего не подозревая, пошли себе за бычьим пенисом... А может, чуть раньше, в июне, когда из Варвариного животика на свет появилось пятеро очаровательных малышей. Или еще раньше, по весне, когда мы спровоцировали шумную свадьбу, все чин по чину: с инструктором, и двумя контрольными вязками — в петлю. А может, начало истории лежит во вчерашнем дне, когда Аллегра написала: «Коллеги, слово Говно пишется именно так. Через «О». Все эти события положили начало новой истории девушки Варвары.

Что за невидаль такая идет... японская

Мы, мастифы, люди не быстрые. В конце зимы наконец поняли, что ночи холодные и забоялись обморожения обвисшей груди, в марте созрели носить бандаж:.. Бандаж:.. для мелких собачек попросту делаемый из эластичного бинта, для нас не годился. Испробовав старые футболки, полотенца и даже колготки, остановились на лифчике системы «нипель» — льняная простыня, подтягивая живот, завязывается на спине эффектным бантом, как у гейши.

Когда нас увидел наш друг бери Степа, он от неожиданности бухнулся на попу «Что за невидаль такая идет?» — спрашивал он, переводя взгляд с невидали на свою хозяйку.

Хозяйка удивилась тоже. В последний раз она так удивлялась, когда услышала название понравившейся ей породы: «Бернский зенненхунд, ранее именуемый дюр-бахлер».

Поначалу и Варвара чувствовала себя скованно. Наверное, стеснялась, что она, как маленькая, вышла гулять в пальто. А Степа стеснялся — вот так, сразу — предложить dame раздеться. Но, понюхав, разобрался, что в сущности секрет женских одеждек, как всегда, заключался в одной веревочке... Потянул — и нет льняного пеньюара, скрывающего фигуристое тело.

В общем, на срывание покровов ушла пара минут. С каким наслаждением они раздирали так искусно сделанный бандаж! Рвали, драли, таскали, наступали лапами и тянули ткань зубами. В том, что осталось от изысканного наряда, Варвара смело могла садиться на паперть. И я рядом с ней: простыней-камикадзе в доме больше не было. Сегодня мы снова вышли в бандаже. Его роль исполняла списанная наволочка в непринужденный цветочек на розовом фоне. Коллекция «Весна-Лето».

Погуляли, попугали голубей и дворника, почесали задней лапой под мышкой, отчего цветочки заиграли новыми красками, и совсем уж было собирались до хаты, как чу! — послышался звон разбивающегося стекла. Нехороший такой звон, подозрительный.

В метрах тридцати от нас прямо посреди дорожки каких-то два малолетних

охламона били бутылки. Бутылку об бутылку. И еще подошвой старались растереть, чтоб осколки сделать помельче.

Я сказала: «Варвара, детка, похоже, у тебя сегодня будет славный обед. Пойдем, малышка, ну же, двигай попой». И не меняя приветливого выражения морд, руки в карманах, походка с оттяжечкой, мы двинулись к милым детишкам. Увидев меня, дети испугались. Увидев Варвару в цветочек, остолбенели — она шла так, словно цветочки маскировали на теле патронташи и ракетную установку в придачу.

— Раздевайся, — сказала я вместо приветствия одному из уродцев.

— Чего?

— Чего-чего, раздевайся, говорю, ботинки снимай!

— Чего?

— Р-ррр, — сказала Варвара.

— Она у вас бешеная, что ли?

— Бешеная. Раздевайся, я сказала! Нам с собакой тут не пройти, вы стекло набили, она же босиком, — пойдет в твоих ботинках.

— Чего? Она не босиком..., она..., она..., она в ПАЛЬТЕ у вас!

— В пальто — это от сосулек, а по стеклу ты сам сейчас босиком пойдешь.

— Да идите вы...

— Я-то пойду, но сначала надо собаку перенести. Берись с того края, — показала я в сторону белоснежных зубов.

— Вы че...

— Ниче! Так, быстро взяли и собрали все стекло. Собака рядом постоит, а я вам помогу.

Собака не поняла, но сделала умное лицо. И запрыгала вокруг, аки бабочка, благо цветы мы с собой принесли.

Веселая игра — «Давайте все вместе ковыряться в снегу!» — удалась. Парни справились быстро, можно сказать, спортивно. Видимо, подБУХивания подружки дюрабахлера служили неплохим водителем ритма. Собрали, как миленькие. Потом мы га до помойки отконвоировали, слушая бурчание про придурочных теток и бешеных собак.

А мы не бешеные! Мы позавчера прививку сделали! Но пацанам это знать необязательно.

А причем тут правописание через «о», спросите вы? Да ни при чем! Просто Аллегра весело написала.

Зачем вы его в чехле водите?

— Он у вас, что, больной, раз вы его в чехле водите? — дядька, зашедший с нами в лифт на первом этаже, кивнул на Варвару в комбинезоне.

— Кто — «он»? — помедлив, спросила я не слишком дружелюбно. Предположить, что моя девочка, моя зайка, моя Чебурашка — больная и чесоточная! Надо ж такое придумать! — Кто — «он»?

— Ну Шарик ваш! — Дядька казался себе таким остроумным!

— Это от грязи, — спокойно объяснила я. (К чему нам в лифте эскалация напряженности?) — На улице несколько э-э... мокро, вам что-нибудь известно об этом?

— спросила я, переводя взгляд на забрызганные дядькины брюки.

— Так на собак ведь грязь не липнет!

Мы рассеянно кивнули ему в знак согласия и выгрузились на своем этаже. «Придурок», — пожала плечами я. «Придурок», — вздохнув, согласилась Варвара. Ее всегда огорчало, когда к ней относились неадекватно. Мы помолчали в полном согласии и зашли в квартиру — снимать комбез, мыть ноги, мыть коридор...

Апрель на Урале может сравниться только с октябрем на Урале. Иногда — с сентябрем или ноябрем. Но если осенью грязь на улице воспринимается со знаком «минус» (впереди

зима...), то весной — это чаще повод для шуток: еще немного, еще чуть-чуть! Ну такая у нас весна-красна, ничего не поделаешь! Снег мешается с дождем, лужи с сугробами. Утром — снегопад, вечером — реки разливанные. Утром — в валенках с галошами, вечером — в резиновых сапогах. Нормальное дело! Вчера было +5, сегодня -4, к ночи обещали -10, а завтра 0.

Все, что валится с неба, а потом тает, собака тащит домой. Поэтому наше спасение — комбинезон! Да, мы в меньшинстве. В нашей округе в комбезе, кроме нас, ходит только одна собака — кокер-спаниель. Может, поэтому прохожие уверены, что комбинезон мы надеваем для тепла. «Смотри, Кирюша, собачка гулять пошла в пальтишке, потому что мерзнет! И не плачет, и не капризничает, как ты!»

Собачка не плачет. Собачка делает такое специальное несчастное лицо, которое особенно удачно получается на фотографиях и которое имеет большой успех у окружающих в плане сочувствия. «Посмотрите, люди добрые! Бьют меня, лапы моют, в шуршащем мешке ходить заставляют!... Голуби летят над нашей зо-оной. Голубям нигде преграды не-ет... Хорошо бы вместе с голубями мне сейчас на волю улететь!»

Одевание на прогулку и мытье лап после нее — аттракцион «Кто кого переупрямит». Уговаривать ее бесполезно... Варвара прячет лапы, вздыхает, бурчит, переступает. Надо делать все быстро, весело, сноровисто. Но даже потом, когда все кончено, она поднимает на меня глаза — печальные, карие, со слезой, со всей скорбью еврейского народа, хотя никакого отношения к еврейскому народу она вовсе не имеет.

Увидела в телевизоре, наверное, что так смотрят все лирические героини. Впрочем, разгулявшись, Варвара о своих апрельских страданиях забывает. Ничего ей не жмет, некусает и не колет. Варвара скачет, носится за бутылкой или игрушкой, выбивая фонтаны грязевых брызг, с интересом занюхивает территорию и с гордым видом флинирует мимо двух сторожевых стоячих псов. Те ее не узнают и заходятся в лае. Варвара весело бежит вперед. И вот снова передо мной любимый вид: задорно помахивающий хвост надтолстенькой круглой попой.

Апрель — самый веселый месяц. Хотя по пейзажам такого и не скажешь.

Одни апрельские беседы на улице «со знатоками собак» чего стоят!

— Это у вас как порода называется?

— Мастиф.

— Какой мастиф?

Ну, думаю, попался знаток. Английского мастифа от испанского отличает! Может, даже филу и бордоса знает! Открыла рот, только успела вякнуть: «Английский», как собеседник меня перебил: «У моего соседа на даче такой же живет, как у вас, один в один — ВНИМАНИЕ! — кунгурский мастиф. Они, говорят, хитрые такие... Ваш хитрый?»

7 июля ПОЕЗДКА В ЛЕС-2

Лето — тоже человек, и в этом году оно решило отдохнуть где-нибудь в Турции. Однако и мы с Варварой — человека, поэтому, помахав лету платочком, выехали на близлежащий водоем. Для компании была приглашена еще дюжина моих коллег — старых и новых знакомцев Варвары...

Итак, Урал, начало июля, поездка с ночевкой. Собственно, она, поездка эта, была вполне классическая: основная масса и мы с теми Варей доехали без приключений на арендованном микроавтобусе, отдельные индивидуумы, желая выпендриться и непременно ехать 50 километров с рюкзаками на велосипедах, разумеется, потерялись — приехали на другую сторону озера, пришлось в сумерках выдвигаться группе спасателей, нам с собакой в том числе.

Как проходила поисково-спасательная операция? Сейчас расскажу. Собака шла за

мной след в след, нимало не заботясь о том, что порядочным псам полагается нюхать дорогу и рыскать по темному лесу в поисках тропы. Естественно, по пути мы залезли в болото, потерялись сами. Светила себе сотовым телефончиком. Нашли все, слава Богу.

Потом еще одни товарищи, отправившиеся В ПОХОД на машине, застряли на проселочной дороге, не доехав до нас пару километров, пришлось всем гуртом идти, толкать. Варвара благоразумно держалась в тени и стать тягловой лошадью не торопилась.

Потом пели-пили, жарили шашлыки, сидели у костра, я на лодке, пробитой пулей (дырка в днище, как бутылка закрытая какой-то простецкой пробочкой), катались по озеру. Как сказал нам местный рыбак, одолживший лодочку: «Главное, не бойтесь и не шевелитесь. Плавать все умеете?». Лодочку делал явно тот, у кого обе руки левые, ибо раскачивалась и кренилась она почище подвесного моста в фильмах про скалолазов. Никто, впрочем, не свалился, зато покатались — хапнули экстрему.

Скованная обещанием «искупаться ночью голышом», отведав алкоголю, я все-таки решила слово сдержать, но... наполовину. Испкупаться, но в купальнике. Благо, все уже были хороши, солнце погасло, и в чем я там купаюсь — всем было по барабану. Сотоварииц мой по купанию «голышом» под шумок тоже искупался в приличном виде, так что, увы, обошлось без непотребства и оргий.

И о чем хочется написать, не сдерживая праведного гнева! Я, кандидат в мастера спорта по плаванию (в далеком прошлом), на третьем гребке запыхтела, как загнанный паровоз, зафыркала, как раненый кит. Вот что значит нездоровы образ жизни, девчонки!

Стоны мои и судорожные плавательные вздохи неслись по глади озера аж до самой Новой Зеландии, и, в конце концов, народ заинтересовался — чем мы там занимаемся. А ничем. Просто я проплыла два метра и стояла, дышала с присвистом минут пятнадцать. А, ну и для вида побулькивала ногами иногда. Типа — ревлюсь в водах. Как русалка. Игравая нимфа. Афродита недобитая. Но надо заметить, при такой фантастической акустике, что давало ночное озеро, бронхиальные хрюпы звучали и вправду эротично. Добавьте к этому вздывающуюся грудь, голую спину с лямкой купальника, мокрые волосы...

Мальчик-сотоварииц от удивления вообще не особо плавал (пловец, видать, такой же, как я), стоял, глазел. Ну и слушал. Готова поклясться, что у него на языке вертелась фраза типа: «Теперь я знаю, как заниматься с тобой любовью».

Сие свербит в мозгу третью сутки и на данный момент составляет базис моих порнографических фантазий. Правда, после того, как довелось полюбоваться собой на фотографиях, сексуальной прыти у меня поубавилось. Все люди как люди, а я как колода. Ужасssssssss. Не знаю, нравится ли себе хоть кто-нибудь на фотографиях, но я точно не из их числа.

В целом, с погодой повезло. Все было хорошо: выпивка закончилась ночью, еда утром. Варварина держалась молодцом. Поначалу, правда, шарахалась от мужиков (есть у нее такая фобия), даже предупредительно бурчала, когда особо резвые тянули ручонки к морде. Потом ничего, привыкла, гладить-тискать разрешала. Обработала ее Фронтлайном, она тут же, не отходя от кассы, полезла в воду. Купаться не купалась, так, бороздила у берега по колено в воде. Плавать не любит. Я ей и мячик кидала, и под попу ее подпихивала — нет, не хочет. Если я залезала в воду — бегала по берегу, лаяла, скакала, беспокоилась, но хоть ты там утони сто раз — в глубину не полезла бы.

Конечно, корм свой есть не стала, попрошайничала, но ненавязчиво, умеренно и быстро отвязывалась. Представьте, люди без закалки — сидят, едят, а на них смотрят эти печальные глаза, в упор смотрят, причем не откуда-то снизу, а на одном уровне. Луж и забыла, что «эти глаза напротив» могут оказывать такое влияние. Причем, самое интересное, что у меня поросенок не просил. Знал, что от матери-ехидны только огрызки могут перепасть, да и то по настроению.

Неправильно было бы написать, что она носилась по лесу. Отнюдь. Плелась нога за

ногу, исключительно в качестве моего хвоста. Без особой инициативы, так, по долгу службы. Понюхивала кусты, иногда забегала чуть вперед, но никакие птички-рыбки внимания ее не привлекали.

Надо отдать должное: ходила со мной до последнего, на все вылазки, и только убедившись, что я подбираюсь к спальному месту, заняла исходную горизонтальную позицию. В общем, Варшина молодец, ни разу не выбилась из образа мега-флегматичной, благодушной, в меру воспитанной собаки, в гробу видевших всех походников.

Но все-таки один раз она удивила даже меня. Дело в том, что изначально ей было выделено место У ВХОДА в палатку. Место было оборудовано на уровне 5-звездочного отеля, с ковриками, подушечками и дежурным колокольчиком для вызова прислуги. Сверху местечко было закрыто тентом, так что снега-дожди неженке не грозили. С собой же в палатку мы ее не пригласили по причине того, что палатка позиционировалась как ОДНОМЕСТНАЯ, в которую меня саму взяли по блату. Ну и вот, поцеловав Варюшеньку-душенку на ночь, запаковавшись в спальники, закрыли палаточку на «замочек»...

И тут Варшина встает и деликатно так кашляет у входа. Мол, алле-гараж, вы никого тут не забыли на улице?! Совести-то совсем ни стыда?! Оставили, главное, собаку посреди леса и довольны?!

Мы замерли, ждем, что дальше будет. Варвара, пока кашляв вдовое, начинает натурально ломиться «в дверь», грозя сломать не только «замочек», но и саму палатку на хлипких колышках. И при этом так душераздирающе кряхтеть и вздыхать, что сердце мое дрогнуло. Думаю, сама буду сидя спать, но дитя на улице не оставлю!

Дитя, вломившись внутрь, довольно свернулось калачиком в ногах и тут же захрапело на всю ивановскую. Кстати, нам оно, дите, совсем не мешало, наоборот, грело всю ночь, а комары от запаха мокрой псины обалдели и даже не кусали.

Под утро, устав спать калачиком, Варшина, тактично походив по нам копытами, нашла еще более удобное положение: легла между нами третьим номером. Тоже, как ни странно, было вполне уютно, мягко и сладко. Так мы и встретили новый день.

Потом, когда пришло время потихоньку выползать из палаток, выползли все..., кроме Вари. Ей так понравился «домик», что она, на две секунды смотавшись к ближайшему кусту, молнией ринулась обратно в палатку, чтобы никто не занял тепленькое местечко. Там она и провела почти весь второй день, изредка совершая разведывалки в сторону стола. А на столе — шаром покати. Варшина особо рассстраиваться не стала, а зевнув, почапала обратно в палатку — дремать на боевом посту. Умаялась вчера ходить по лесу, бедняга! А лапы-то не казенные!

Финал нашего пребывания на природе оказался смазанным. Дав понять, что хорошего помаленьку, пора бы и в сторону домашнего матраса двигать, Варвара явно затосковала. Села у машины, хозяева которой на берегу невинно резались в «мафию», и гипнотизировала дверцу. Пришлось попроситься пассажирами, хотя по сценарию вся группа возвращалась на электричке.

В машине было не протолкнуться, ибо туда сгрузили всю тяжесть: палатки, спальники, мангалы, ведра... Так что мы ехали, как улитки, застрявшие на выходе из своей раковины: под головой мешок с мусором, бок колет чья-то палатка, под ногами коврики, на голове Варвара, дышит, слюнями обливает, ерзает, потому что ее под бок подпирает чей-то сложенный велосипед. В результате мастиф все-таки нашел оптимальную позицию. Попа и задние ноги — на сиденье, а передние ноги — на полу. Медвежий же ее лобешник удобно подпирал ручку переключения скоростей. Доехали как в капсуле приземления космонавтов: руки-ноги вперемешку, бортовые приборы махнули на нас рукой и уже ничего не показывали. Толку — нам показывать...

Выгрузившись из машины, честно отбуксирована собачку на травку — пописать. Собачка, еле переставляя ноги, доковыляла до травки и рухнула, как большой жираф. Еще пять минут ушло на уговоры дойти-таки до подъезда, подняться на лифте, прошмыгнуть в

квартиру и там уже отдастся во власть ничем не замутненного лежания.

Дома Варвара доползла до кухни, залпом выпила два или три литра воды, отдохнула, попросила добавки, шумно выпила и ее, обтерлась лапой и, повесив на спину табличку «Не беспокоить!», завалилась спать. Давно, понимаешь, не спала!

Табличку моя выносившая девушка сняла только к вечеру следующего дня. Реабилитации очень способствовал здоровый сон, нежная свежая колбаска и забота близких, тоже, впрочем, ходивших на полусогнутых.

Вечером мы осторожно, как паралитики, тихонько выползли на свет божий, на улицу. Быстро сделав свои дела, собака остановилась и с недоверием уставилась на меня: не понесет ли черт опять куда-нибудь в Сыктывкар или во Владивосток. И если что, она меня тут подождет.

Сегодня с работы она велела мне особо не торопиться. Логично полагая, что чем позднее мы выдвинемся на прогулку, тем на меньшее расстояние уйдем от дама. Так что сегодня я гуляю.

16 июля Хозяйственная я

Решила сесть на диету. Основная мысль: «налегайте на мясо и уменьшится пузцо».

Какие «мясы» есть в природе, кроме колбасы, я не знала. Обратилась к могучему Интернету. Выдает: «мясо (баранина, говядина), птица (гуси, утки, курица), печень говяжья, бифштекс, колбасы, корейка, салоязык, ножки свин. бульоны, печень куриная, сард. гов., сосиски молоч.». «Сард. гов.» я прочитала как «сардины говяжьи», а что такое «салоязык» вообще не в курсе. Вот, сижу, оголода... По одному из рецептов похудения съела пол-литра воды — не помогло. Червячок не утоп. Ноет, есть хочет, зараза. Пошла, порылась в холодильнике, хотя со вчерашнего дня там ничего не изменилось: банка рыбных консервов, соленая стручковая фасоль и куриное филе — смерзшийся кусок льда и мяса.

Полистав кулинарную книгу, поняла, что консервы и соленую фасоль вряд ли имеет смысл жарить, поэтому остановилась на филе. Оп-па! А масла-то нет..., сметаны, соли, чеснока, майонеза, хлеба тоже. Да и откуда бы им взяться, если я их сроду не покупаю! Налила воды в сковородку, набросала туда размороженного филе, весь килограмм, залита кетчупом, прикрыла композицию железной миской, завела таймер на 40 минут и сижу жду. Ай да я, ай да хозяйшка! Ай да мясная диета! (Интересно, что-нибудь путное получится?).

Кстати, ничего, пахнет аппетитно. Булькает, похрюкивает варево, еще пяток минут и все. Я сказала, что все это безобразие в духовке делаю? Нет? Так вот, не жарю, а в духовке. Потому что жарить без масла не будет даже такая кулинарка, как я. А я тушу. Прямо не нарадуюсь на себя — до чего умна, до чего пригожа, до чего находчива! Женщина — мечта! Женщина — мачта! С парусами хозяйственности.

Докладываю: получилось вполне недурственно, даже вкусно. Тушите и обрящете.

26 июля

Сегодня себе нравлюсь. Я же вчера, считай, даже сегодня! До 4 утра! Драила, чистила, полировала, и главное — готовила!

Рецепт такой:

Берется все, что куплено, и запекается! Вот. Уф..., устала, пока писала такой длинный рецепт. А кроме того, купила какого-то чуда заморского под названием «шоколадные прянички-мини». Такая вкуснотища! Выложила на тарелку, попробовала один — уммм, ум отъешь! И знаете, чем дело закончилось?

Воровато таскала весь вечер сама у себя эти прянички, припасенные для гостей. Потом сама от себя спрятала в холодильник. Потом глотнула пивка, чтобы, значит, на пряники не тянуло. Уж ругала я себя, по рукам била, рот скотчем заклеивала — бесссссссполезно. А змея (Варвара) так просто села у дверцы холодильника и гипнотизировала ее, телепатически морзируя пряникам. До утра дожили немногие из них. Светлая память!

Наступил сентябрь

На прогулке сочинила маленькую хвалебную оду любимой породе...

Мастиф...

Умен. Ненавязчив. Несуетлив. Дружелюбен.

Больших собак не боится, маленьких не обижает.

Уход за шерстью минимальный.

Справки по тел...

P.S. Тут, конечно, могут начаться сомнения, возражения, упреки. Но мы же не занимаемся буквоедством, мол, «если вам нравятся такие морды» или «если хорошо воспитан». Опять же: кто скажет, что данная порода не подходит под определение «компаньона» — пусть придумает свое.

«Компаньон — тот, кто составляет компанию кому-либо, участвуя вместе с кем-либо в чем-либо».

(Большой толковый словарь русского языка, М., 1989 г.)

МА — ма-ма-ма-ма

СТИ-ти-ти-ти-ти

Ф-ффффффффффф!

10 сентября

Мне понравилась мысль про Первую любовь. Я раньше как-то не задумывалась. Любовь — это всегда постфактум... Мы просто живем с собакой. А жизнь — разная бывает: со ссорами, с бурными примирениями, с резкими, накатывающими внезапно приступами влюблённости, боготворения, вот этого Чуда рядом и чувством благодарности судьбе, с вопросами, с ответами, с закатами-рассветами...

Книга откровений продолжила свою работу вчера, уже вне форума. Принесла я с кухни несколько морковок — любим мы иногда погрызть. Одну — себе в зубы, одну — Варваре, остальную кучку — на журнальный столик. Варвара, как обычно, справилась первая и начала тыкаться мордой под локоть, мол, маманя, добавки бы. На что, как обычно, когда она претендует на мою долю, отвечаю: «Не объедай мать». Иногда совестится усатая морда, иногда нет...

В этот раз не успокоилась и сидит, бодает лобастой башкой. Отмахиваясь, говорю совершенно нейтрально: «Хочешь морковки — иди и возьми сама». А она пошла и аккуратно со столика взяла! Хотя на столе куски можно оставлять спокойно — воспитание такое, что не возьмет без разрешения. Тем более куски у нас и не лежат. Я не провоцирую собаку — под нос не раскладываю.

Оказалось, она понимает слова! Если хочет. Вот, где чудеса. Крутится там что-то в голове, надо же. Не то чтобы я собаку держала за тварь безмозглую — отнюдь, но впечатление было таким мощным, как если бы Варвара вслух процитировала что-нибудь из Канта. Или Фиша. Или Борхеса. На языке оригинала.

А сегодня — еще одно удивление. Гуляли мимо садика, а там на заборе, в тени висел чей-то оставленный не то мишкаН, не то львенок... Сначала Варвара его сильно испугалась, струхнула, прямо скажем, не по-детски. Я и сама вздрогнула: висит в темноте большое такое

нечто на заборе и смотрит на тебя. Разобрались, познакомились. «Мишка, — говорю, — мишка!» Обнюхали мы мишку вдоль и поперек и дальше пошли по маршруту. Дальше уйдешь — дольше погуляешь. Часа полтора ходили, на обратном пути я возьми да и скажи: «А где мишка?» Варвара хвост подняла, обрадовалась и точно к тому месту побежала. Мишки, правда, там не было — валялся уже у дороги и при ближайшем рассмотрении оказался весь разодранный с клочьями вылезшего поролона. До помойки теперь не модно ходить, бросают, где упало.

Мишку мы взяли, как трофей. Радость кое-кого при встрече с задрипанным мишкой не описать. Друзьям так не радуется. Всю дорогу домой его пасла, ревнивым глазом косилась — не слишком ли крепко прижимаю я драную игрушку к груди. Не удержалась я и решила проверить, «Иди, — говорю, — Варишна, погуляй. А мы с Михайлой потренируемся». Прицепила к мишке поводок и давай его «рядом» водить. Мишка рядом волочится — я нахваливаю, по голове гладжу, голос медовый, улыбочка добрая. Мишка, кстати, все команды с первого раза. Особенно «лежать». А я радуюсь, как певчий дрозд первому солнцу.

Смотрю краем глаза: морда сидит на газоне, цирку дивится и врубиться не может: то ли лыжи не едут, то ли мама... того... Не выдержала, побежала, смотрит заискивающе, мол, вы придуриваетесь, да? Это же игра такая, да? «Нет, — говорю, Мишка у нас теперь главный строевой полковник, а ты иди кури, Варишна, раз маму не слушаешь».

«Да как же не слушаю-то! — кричит Варишна. — Да что ж это делается, люди добрые! Да самозванец он! Лжедмитрий! Я очень даже слушаюсь! Да в первых рядах слушаюсь! Да с любого аккорда! Да мне сыра не надо — только дай послушаться лишний раз!»

А нам с Михой уже море по колено, мы наяриваем «рядом!», «сидеть!», «лежать!»...

И что делает моя собака. Понуро, как пригретая сирота, пристраивается сбоку и тоже выполняет команды! Вот это фокус! Просто таки победа российской науки, я вам скажу. Триумф мировой кинологии. Выполняет, главное, команды и смотрит со слезой.

Не стала я над девочкой издеваться. Ладно, говорю, оба молодцы! Играем! Ох, и досталось Михе! Уж она трепала его будь здоров! Из него и без того набивка лезла, а в конце прогулки Мишаня лишился последнего уха.

Дома, пока мы ужинали, присмиревший Мишка тихо сидел в коридоре на стуле. Потом я села писать этот рассказик, а Мишку Варя в зубах унесла на подстилку. И лапой сверху — чтоб не сбеж. Чтоб под присмотром, значит, был и к маме втихаря не подлизывался, гад поролоновый.

12 сентября Повара и поварята

Сегодня в приступе кулинарного безумства решила добить мясо, которое неделю назад осталось от шашлыков. Неделю оно мерзло в холодильнике, часть была отдана Варваре. Варвара не ломалась и ела на ура.

Сегодня я решила, что надо мяском угостить и себя. А то перла три кило — остатков с турбазы, и все псу под хвост? Разморозила, кинула в сковородку, высыпала из пачки макароны, налила водицы и сунула в духовку. Минут через 40 запахло жареным. Точнее, горелым. Это гадские макароны, вместо того, чтобы млечь в мясном соусе, взяли и обгорели. И как с жить с такими ненадежными продуктами? Ни на кого нельзя положиться! Сгорели не совсем до углей, чтобы есть невозможно, но по вкусу больше напоминали задубевшую яичную скорлупу. А мясо чуток не дожарилось... Или как там это называется? Не докоптилось. Нет..., не допеклось, короче.

Варвара опять не ломалась и ела на ура.

21 сентября

Оркестр! Пунш!

Как мы с коллегами пуншевали. Из всех живущих на земле глинтвейн не пил, наверное, только мой брат. И еще пятилетний сын моей подруги. Первый — по причине чрезмерного увлечения работой, второй — по малолетству и пока еще здоровому образу жизни. Впрочем, нельзя сказать, что глинтвейн — это первая ступень в мир нехороших зависимостей. Если по чуть-чуть, да не часто, да в непогоду, да в хорошей компании — тогда можно. Согревает и тело, и душу, и гонорарный фонд редакции.

История умалчивает, кто первым из журналистов редакции предложил расцветить промозглый, осенний вечер бодрящими напитками: глинтвейном, гротом и пуншем. Главное, что все как-то подозрительно легко согласились.

То, что грот не случится, стало понятно еще в магазине. Главный его ингредиент — ром — оказался мало того что среди нас непопулярным, так еще и дорогим. Поэтому на ром машили рукой и закупили чего попроще: яблок, апельсинов, шоколада, изюма и, конечно, красного сухого вина в демократичных трехлитровых коробках. И коньяка — для пунша, испить который еще оставалась надежда.

Глинтвейн готовится на раз-два. Подогретое вино плюс пряности. Приготовить его может даже неумеха, вершиной кулинарного творчества которого являются горячие бутерброды. Разумеется, можно готовить глинтвейн «по-научному», сварив отдельно пряности и только потом добавив их в чуть подогретое вино... Но можно на первых порах не заморачиваться и варить по-простому: вино вылить в кастрюлю, добавить дольки яблок, апельсинов, лимона, пряности — какие есть под рукой (корица, гвоздика), сахар — туда же. Главное — глинтвейн, как и кофе, ни в коем случае не должен закипать. Нагревать вино следует до тех пор, пока не исчезнет образующаяся сначала белая пена. Т. е. градусов до 70-ти. Ненаучно это проверяется рукой.

Наша компания, являя между собой нечто среднее между неумехами и эстетами, решила сварить глинтвейн «по-болгарски». Смесь вина, сахара, нарезанных кубиками яблок, пряностей (гвоздика, корица, зерна черного перца) довели почти до кипения, сняли с огня и дали настояться минут 15. Процедили, разлили по бокалам, положив в каждый по кусочку лимона и по несколько кубиков яблок. Желающим также были выданы соломинки для коктейля, что оказалось весьма кстати, но вызвало непродолжительную дискуссию: а пили ли английские графы, уютно устроившись в кресле у камина, глинтвейн через пластмассовые трубочки?

Благодать сошла на нас примерно на третьем глотке. Мир как-то сразу и вдруг заиграл красками, знакомые лица коллег оказались вполне симпатичными, тело стало расслабленным, мысли плавными, а душа нежной и ласковой. Тут надо обязательно указать еще на одно замечательное качество глинтвейна. Он волшебно преобразует самое неказистое винце в горячий нектар. Многократными экспериментами достоверно установлено: не надо брать дорогие сорта вин — результат будет практически неотличим для «Каберне» и какого-нибудь «Бургунь Пино Нуар 1998».

А вот табуретка от того, что вы, сидя на ней, пьете глинтвейн, не преобразится в мягкое кресло. Об этом мы не подумали, и спина еще долго ныла, что ей хочется прислониться к чему-нибудь устойчивому. И ноги укрыть. И чтобы свечи, И музыка...

Очень подошли принесенные кем-то красные салфетки. Они придали интерьеру законченность и уютную торжественность. В такие моменты по сценарию полагается начинать медленные чувственные танцы. Парами. Под красивую мелодию.

Но в компании был дефицит мужчин, поэтому обошлись без танцев — включили свет и скоротали часок за игрой в лото. Чувственность игре придало то, что на деньги: 10 копеек карточка. Мелочь? Вы не видели лица нашей журналистки, когда она сорвала банк! Джулия Робертс на вручении «Оскара»!

Во втором отделении вечера значился «Шведский пунш». Его приготовление доверили единственному мужчине, потому что рецепт не терпел вольностей вроде «кардамона на глазок» или «щепотки имбиря». Пусть и с помощниками. Готовили по бумажке: 50 мл коньяка, литр вина, 2 чайные ложки сахара, по чайной ложке имбиря и кардамона. В вино

налили коньяк, добавили специи и подогрели. Затем ароматную жидкость сняли с огня, дали настояться и подали на стол. По идеи, его надо было остудить, потом процедить, потом снова подогреть, но времени на эти церемонии уже не хватило. Изюм бросили на дно бокалов, залили пуншем, а шоколад пожевали просто так.

Для тихого вечера напиток оказался сложноват. Он сильно пах коньяком и по вкусу напоминал крепкий чай с душком. Смаковать пунш было трудновато, но в одном все сошлись: напиток очень согревает. Особенно душу, которую уже после двух-трех глотков потянуло на русские народные песни. Еле отбились...

Домой расходились с неохотой, теплые и разнеженные. Вот и теперь, когда прохладно и мечтаешь согреться чем-нибудь вкусненьким, так и хочется воскликнуть: «Оркестр! Пунш!».

«Скажите, пожалуйста...»

Когда мы гуляем с Варварой, то практически каждый день стабильно отвечаем на три вопроса: «Ой, а это что за порода?», «Она у вас злобная?» и «А ест много?».

Как только вижу обращенный ко мне взор прохожего, говорю сразу, на опережение: «Мастиф. Незлобная. Килограмм в день».

Прохожий только откашляется и заведет: «Скажите, пожалуйста...», а у меня уже ответ от зубов отскакивает: «Мастиф. Незлобная. Килограмм в день».

И вот сегодня ситуация повторяется. Идет навстречу мужичок, смотрит на нас, явно хочет что-то спросить.

Набираю полну-грудь воздуха. «Мастиф, — произношу я громко и отчетливо, тщательно артикулируя, чтоб не терять времени на повторы. — Незлобная! Килограмм в день!».

Мужичок оторопел, остановился, стоит, моргает. «Спасибо, конечно, за политинформацию, — осторожно говорит он, — но вообще-то я хотел спросить, где здесь автосервис».

Какой-то автосервис ему интереснее моей собаки! Подумаешь!...

25 сентября

Мы с Варварой очень любим рыбу. Не всю, конечно, и без фанатизма, но горбушу любим. Запеченную. И с лимончиком сверху Вах!... И консервы любим. И морскую капусту. Не всю, конечно, и не всегда... Но «в охотку» любим. Когда-нибудь мы уже перестанем есть мясо и перейдем на рыбу. (Варвара прочитала через плечо и настоятельно попросила исправить местоимение «мы» на «я». Ошибка, говорит, и ненужное обобщение. Она, Варвара, без мяса жить несогласная!)

Так вот, когда-нибудь я перейду на рыбу. А рецепты ее приготовления начну собирать уже сейчас. Особенно рецепты класса «Для косоруких» — тем, кому медведь на кулинарное ухо наступил.

У кого бы я ни спрашивала, никто не может объяснить, почему это так вкусно: хлеб, «рыбная консерва» и сверху огурец. Но делаю такой бутерброд уже лет пятнадцать — с голодных времен общаги. Одно на другое, каплю майонеза — и в духовку. Через пять минут достаешь, водружаешь сверху, как флаг над Рейхстагом, дольку прохладного маринованного или соленого огурчика — и готово!

Почему рыба с огурцом улетает со свистом — не понимаю. Но факт. Сегодня у меня не было майонеза (ограничиваю себя), да и духовку было лень включать, а микроволновку не лень, но потом, наверное, попахивало бы рыбой, так что соорудила просто «консерву» с огурцом. Вот, сижу, жую. Вкуууууусно!

Метитация

Да, ребятушки, бутерброды — это хорошо. А вот меня в данный момент топит. Квартиру, в смысле. И сижу я, как старик, почти у синего моря, и гляжу на это текущее по стенам безобразие, и поделать ничего не могу. Потому что верхних тоже топит. И все сидят, ждут сантехника, прощаются — кто с ремонтами, а кто и со сладкой идеей поспать посередине дня. Поскольку работал полночи и буквально с утра сильно мечтал о кроватке.

И пришла я домой. И было мне хорошо от предвкушения. И размышляла я о высоких технологиях, о XXI веке, когда вот так — мимоходом, убежав с работы пораньше, — можно открыть Интернет-счет в банке. И ненавязчиво покидать безнадежно со счета на счет. И получить вторую карточку Visa. И словно шутя заплатить за телефон, плюя на очереди в сберкассе, да и на саму сберкассы. Человек — царь природы и технологий!

А с текущими вешними водами по стенам, ешкин хвост, сделать ничего не может. Кровать манила, манила и обиделась. А человек пошел, покурил да и засел в интернет... Зато у меня теперь есть свой — не китайский! — водопад для медитаций. И уже на стене, устанавливать не надо! Сплошная экономия!

(на мотив «Песня не прощается с тобой»)

А воду перекрыли... всю... и надоооолго!...
А воды в чайнике нету... и не будет.
А провода залило тоже...,
И было замыкание, ла-ла...,
И света в той части квартиры поэтому нет тоже...
А лило с девятого этажа...,
А долилось уже до первого и пошло в щитовую, ла-ла...,
И спать не ляжешь, потому что все ходят и ругаются,
А я выпила джинчику, и мне уже все равно...
А у Варвары — бычий член.
Песня не прощается с тобой!

(Ремарка. У Варвары — вкусняшка такая, не подумайте чего... Я рассказывала, помните?)

Просто так. Чтобы оттянуть уборку

Воскресенье сегодня, уборка по плану, а убирать-то не хочется совсЭм. Девушка Варя созрела и линяет, как бешеный еж, скидывая рога и ороговевшие части тела, шуба сыпется иголками, привет вам, старые, не выброшенные до мая елки! Ковер седой, как питерский берег в тумане, клининговые службы, для профессиональной уборки, вызывать дорого, а мы и так вошли в пору финансового кризиса, сидим на воде и каше, ну это ладно, это завтра кончится.

В прошлые выходные, устав запинаться о клубки шерсти, решила-таки почистить ковер. Пылесос, вкусив шерсти, на третьей минуте ушел в глухую несознанку. Тряпка порвалась на пятой. Щетка сказала, что она для одежды, а ваши рогожки чистите сами. Вздохнула. Набрала в ведерко водички, встала на коленочки, окунула ручки в ведерко и ладонями стала возить по ковру, собирая шерсть. Сначала хорошо пошло, а потом, чувствуя, горячить мои руки, кожу сдираю помаленьку..., но все равно, как пионер-герой, сорок минут ползала, чистила вручную. Уфффф... Потом застелила чистоту старыми половицами, а все равно толку — чуть.

Сегодня мне снова светит эротическая поза «зю» да что-то не сильно манит. Утром нагло проспала выставку, куда была приглашена смотреть на наших детей. Надо было

придумать выставку в 10 утра (в 9 по-старому, сегодня же часы перевели!) в конце географии!? Нет, хватит с нас подвигов! Хотя жаль, конечно, но поспать — это святое. В воскресенье даже хрюндель спит так сладко, что стаскиваться с кровати раньше двенадцати просто кощунство. К тому же британские ученые очень вовремя подсуетились и доказали-таки, что рано вставать вредно для здоровья. От этого подскакивает давление, томление и прочие огорчения.

Зачем нам огорчения? Ни к чему! Для поднятия духа мы вчера даже такое кино посмотрели — закачаешься. Маньяк всех резал бензопилой, мы лежали, боялись. А в самый напряженный момент, когда он медленно, шаг за шагом, с душераздирающими паузами, поднимался по скрипучей лестнице на чердак, где спряталась главная героиня, Варвара от напряжения ка-ак хм... пукнет! Вот это, я понимаю, долби стерео! Вот это было эффектно! Героиня еще держалась, а я уже смотрела из-под одеяла. Варвара яблок наелась, плюс переживала за сенбернара, которого первым убили. Так что вечер мы провели в удручающей атмосфере.

Спали тревожно, подоткнув одеяло, и морщась от светившей в окно полной луны. Какие там выставки.

Еще я морально созрела убирать на улице за собакой, вот. Обдумываю процесс. Сразу нашла трудность — в доме нет стольких мешков для мусора. Еще поймала себя на разгулявшемся бытовом шовинизме. Смотрю на других собак и в глубине души искренне недоумеваю; ну как можно было завести такого крокодила? В любой породе вижу какой-то изъян, одни не слишком красивые, другие мелкие, третьи дурные, четвертые голые, пятые сильно мохнатые, у шестых ушей нет, у седьмых вообще ничего..., одна пасть на ножках. Нет, не подумайте плохого — всех люблю, всех гляжу, играю, гуляю. Но вот поди ж ты, случился неострый приступ непонимания — как можно заводить кого-нибудь, кроме мастифа? Где у людей глаза-то? Наверное, они в жизни чего-то упустили. Ощущаю себя Мессией, не меньше. Знание — в массы!

Ура! Позвонила подруга. Накупила мороженого, придет спасать нас от голодной смерти и уборки. Едет. Любоваться на наш новый комбинезон. Ползание по ковру, кажется, отменяется. Расскажу ей, как мы чуть не превратились в Пожарную команду. Не в смысле тушения на водах, а в плане внешнего вида. У меня куртка элегантного фиолетово-красного цвета, пик фантазии китайских мастеров, красная шапка, сапоги с красными полосками, у Варишны комбинезон тоже с красными вставками. Так получилось. Прихожу покупать ей ошейник, а нашего размера только красные. Жуть. Я говорю: «Только не красные! Мы и так, как пожарная команда!»

Продавщица на секунду брови свела, кончиком носа пошевелила, словно что-то вспоминая, и радостно улыбнувшись, выдала: «А! Так это вы! Большая собака в красном и девушка в красном! По Ботанике ночью ходите. Рассказывали про вас!»

Ошейник я не купила. Еще свежи в памяти обзвывания моего демисезонного наряда — «Пчела Майя» из-за бочкообразной курточки, а тут уж новое подоспело — Пожарная команда. Нет, чтоб, я не знаю, Летнее Утро. Пропавшие Нимфы. Или там Снежная Каравелла. Или, на худой конец, Песни Ветра... Нет ведь! Новые, блин, Жильцы Мавзолея. Караван, блин, ходячих историй...

Октябрь А как в такой ситуации поступит ваша собака?

Воскресенье, середина дня, неплохая погода. Мы пошли в лес. Мы — это моя подруга, Варвара и я. Листвами пошуршать, палки покидать, у озера горячий чай из термоса попить, поболтать и подышать. Лес — это большой лесопарк, малолюдный, хотя и не заброшенный. Дошли до озера, сели, пьем чай, видами наслаждаемся. Собака сзади где-то, по кустам бродит, палки ищет. Тишина, простор, покой, народу никого. «Октябрь уж наступил, уж

роща отряхает...»

Откуда взялась эта машина? Она резко затормозила в нескольких метрах от нас, прямо перед носом. Смотрю, в машине веселая гоп-компания, шпана лет по 17-20. Человек... ну, наверное, сколько там в «девятку» войдет? Двое впереди, трое-четверо сзади. Рожки протокольные, штаны спортивные, мат через слово, музон, все дела. Ведут себя так, как будто нас нет. Ну, то есть в контакт не вступают. Один побежал к воде с канистрой, другой номера протирает, двое чуть ли не за нашей спиной пошли мочиться, остальные из тачки выгружаются.

Не скажу, что мы струхнули — нет. Но напряглись. Уж больно вид у парней не консерваторский. Угрозы вроде и нет, но намерения не ясны. Точнее, не оглашены. Их пятеро-шестеро, нас двое. Вокруг лес... Тут, слышу, с басовитым лаем, больше похожим на тяжелый кашель разбуженного медведя, несется из кустов моя драгоценная собака. Выбегает на поляну и встает ровно посредине между нами и парнями, мордой к ним. Шерсть на загривке красивым гребнем, хвост в боевом поднятии. Лает. Угрожающе, но без насоков.

В жизни всегда есть место подвигу

Я командую: «Тихо! Ко мне!» Не слишком, впрочем, усердствую, чтобы, значит, у парнишек прыти поубавилось. Собака идет ко мне, но не доходит, а опять же встает лицом к ним. Поза напряженная, в простонародье — стойка. Требовать исполнения команды до конца не стала: мы в это время уже встали и покидаем место. Команда «Рядом!». Выполняется не идеально, а так, как будто прикрывает наш отход: чуть сзади, с выворачиванием головы и прощальным рыком в сторону противника. На поводок ее брать не стала.

Вот это хорошая фраза, подходящая — у противника именно что поубавилось прыти. Двое полезли обратно в машину, другой, ляпнув «ни... уя себе гиена!», двинул в ту же сторону, а тот, который от воды возвращался, толстый недомерок, так и замер. Но стал что-то громкое и неприличное орать и канистрой махать.

Вот честно, как на духу, признаюсь. Сказала собаке: «Иди куси толстого». Не столько для собаки, сколько для подруги и для себя. Это был жест мести, громкого хлопка дверью — за испорченный отдых. Собака такую команду не знает, поэтому я не очень рисковала.

Короче, толстого разрешила облять. Издалека. Когда мы уже покидали берег. Акция устрашения. Ушли мы красиво, гордо. Только настроение было испорчено вот этим ожиданием разборок, никому не нужных «контактов» любого рода, наглостью. Обратную дорогу собака вела себя как ни в чем не бывало. А мы с подружкой уже не смогли вернуться в состояние блаженной созерцательной расслабленности.

А как повела бы в такой ситуации ваша собака? И как в идеале должна вести себя собака, когда явной угрозы нет, но ситуация двусмысленная и очень напряженная? Может ли принимать решение самостоятельно?

29 октября Хозяин-однолюб — патология?

Большинство форумчан имеют по две, три, пять, девять собак. Рекорд тут у нас 16, по-моему? И возникает у меня мысль: «Я-то хочу еще?» А вот не хочу Мне так хорошо с моей одной-единственной собакой. Самодостаточно. Один хозяин — одна собака, я у нее, она у меня.

Когда я долго не могла продать щенка, у меня пять месяцев было две собаки. И поняла, что не мое. Хотя весело, конечно, не спорю. И когда тебе двое радуются — тоже неплохо. И на прогулках интереснее. И собакам вдвоем не так скучно. Вот это, пожалуй, для меня аргумент весомый: завела бы вторую собаку — для ПЕРВОЙ... Чтобы ей было веселее. Но как-то несерьезно это, инфантильно, неправильно. И вот думаю: почему я не хочу ни вторую,

ни третью, ни десятую собаку? Ни другой породы, ни маленькую, ни большую, ни щенка, ни потеряшку. Мне вообще кажется, что большинство собак сильно проигрывают моей — по всем статьям. Нет у меня истерики: хочу еще!. Может, я моральный урод? Или не собачник? Может, эгоистка? Или здравый смысл имеющая?

Сейчас мы с собакой представляем некоего Кентавра — единое целое. И мне не хочется, чтобы было Я плюс собаки.

Я люблю свою конкретную собаку..., вот и все...

Собака должна к тебе сама прийти, тогда и проживет долго, и все будут счастливы...

2 ноября **Я хочу помочь себе разобраться**

Дело в том, что у нас во дворе бегает давно уже, с полмесяца, рыжий кобель овчарки или лайки. Скорее всего, метис, но славный, явно потеряшка — в ошейнике и даже в строгаче, с обрывками каких-то веревок.

Мне кажется, его никто не ищет, потому что он бегает по одним и тем же маршрутам, и если бы хозяин хотел — найти собаку труда не составило бы. Вот именно что — «бы». Никто, видимо, не ищет.

А пес славный, ласковый и... потерянный. Сначала дичился, а теперь уже ослабел — подпускает меня, я его гладжу, а он глаза закрывает. Устал он..., измучился..., кормлю его иногда...

Я не знаю..., сама измучилась..., болит у меня за него душа..., сердце плачет... Вот именно этот пес, конкретный рыжий пес тревожит мою совесть. Я потом места себе не нахожу. Варвара ревнует. По условиям — не могу я его взять. Не могу. Съемная квартира, живу одна, да и все остальное до кучи...

Но каждый день я его вижу... Он смотрит на меня..., только меня подпускает... Что-то в нем такое... Я боюсь за него, и когда вижу, испытываю облегчение и острый укол в сердце. Облегчение — жив! И такую лавину сочувствия к нему, что меня аж сметает... Сижу рядом с ним, глаза на мокром месте. Приют? Рука не поднимается, хотя я думала об этом. А вдруг он все-таки чей-то? Взять? Но я в явном аффекте...

Он напоминает мне рыжего пса, за которым я с умилением наблюдала несколько лет с балкона — когда у меня еще не было собаки. Та рыжая собака воплощала для меня идеал отношений Человека и Собаки. Хозяин пожилой был... Может, это тот же самый пес...

Вон он спит... рыжая морда... на коврике... Мы его взяли.

Длинные истории Рыжего

Как все случилось. Доживем до понедельника

Часть первая

Пятнадцать минут второго. Уснувший микрорайон, забывшийся в своем куцем сне под тонкой колючей суконкой ноябрьского неба. Темные дворы, дыры проулков... Мы сидим на земле — все трое и думаем о жизни. Я курю, Варвара пытается дремать, Рыжий ждет приговора. Какая рука связала нитки наших судеб в один клубок?

Все началось, с того, что несколько недель назад в нашем дворе появился большой рыжий пес, по всей видимости, потерявшись. При ближайшем рассмотрении он оказался

кобелем, сильно смахивающим на лайку — такие же стоячие уши, пушистый хвост кольцом, густой подшерсток. На собаке болтался кожаный потрепанный ошейник, проржавевший строгач с обрывками полуистлевших веревок. Пес явно когда-то был домашним: не дичился людей, хотя вел себя с достоинством.

Шли дни, октябрь сменился ноябрем, а пес так и бегал по дворам, искал, ждал. Потом уже не бегал, а понуро ходил, нюхая голую мусорную землю, по которой ветер, ища развлечений, перекатывал бумажки, мешки, обрывки чьей-то сытой вкусно пахнущей жизни. Ярко-рыжая шуба пса поблекла, к ободранному боку прицепились репы, глаза подернулись дымкой тоски.

Он еще ждал, но никто не приходил. Он укладывался спать всегда на одном месте — между домами, свернувшись калачиком, уткнув растрескавшийся нос в теплое брюхо. Он учился быть незаметным и учился никого не ждать. Он смотрел на меня как-то особо. Он просто смотрел, ни о чем не спрашивая. Поднимал на меня глаза — так смотрят потерявшие надежду люди. Теперь знаю, какого цвета боль. Карего. С золотым отливом.

Я уходила от этого взгляда, как могла. Шла другими тропинками, меняя маршруты, старалась не думать о нем, развлекая себя искристыми воспоминаниями... Даже про себя никак не называла эту собаку... Названное Имя — ключ к сердцу. То, что имеет имя — уже не может быть не твоим.

По ночам пес выл. Я лежала в теплой постели, на своем далеком пятом этаже в безликой, одной из сотни, многоэтажек, и знала — этот вой по мою душу. По мою сытую, привыкшую к комфорту, душу, изъеденную мелочными страстишками, страхом и туповатой беготней за главным призом — деньгами... Души осталось мало — это и есть малодушие. И она разболелась, душа. Душонка. Разболелась, расплакалась. Так ноет больной зуб, так саднит порезанный палец... Но эта боль была сильнее. Я не могла ее убаюкать, заглушить, задвинуть. Я могла только одно — что-то сделать.

Пожалуй, это не была Моя собака. Моя — чтобы сразу, всем сердцем и на веки вечные. Порода, темперамент, пол — все не мое. С Варварой нам было вполне уютно, без зияющих пустот, куда могла бы поместиться еще одна собака.

Карие глаза. Вот, что полоснуло по сердцу, оставляя глубокий кровавый след. Глаза, в которых умерло даже отчаяние. Глаза, все понявшие. И простившие — меня. За то, чего я не сделала. Глаза, равнодушные даже к смерти.

Вчера у меня был очень трудный день. На работе сдавали отчеты и планировали будущее, а мой путь домой растянулся на полтора часа пешим ходом — под унылый рассказ подруги о том, как ее все достало. Я вымоталась, устала и была на эмоциональном пределе. Мечтала только об одном — отгулять с собакой, лечь, вытянув ноги, и прикрыть покрасневшие, как у кролика, глаза. Прикрыть их теплыми, влажными веками и разрешить себе не думать — ни о потерянном рыжем псе на стылой земле, ни о своей газете, которая мечтает о сверхприбылях, ни о таможнях в московском аэропорту и измучившейся подруге Татьяне. Мне не хотелось думать даже о своей собаке, ждущей меня в сумеречной квартире. На сегодня пыток мне было уже достаточно. Более чем. Я шла домой и предвкушала большую чашку горячего чая.

С чаем не получилось. Времени было десять, собака решительно настаивала на прогулке. И мы пошли.

Пес лежал на своем месте. Он поднял глаза, узнал. И снова уткнулся носом в свой бок... Что будет раньше — рассвет или смерть?... Что может быть проще, чем ждать?

Собрав по лоскутам истерзанное сердце, окликнула свою собаку, и мы с решимостью зомби, уже не знающих ни сомнений, ни пощады, двинулись в сторону автостоянок. Охранники сильно удивлялись, видя в окошке нелепую вязаную шапочку, обрамлявшую полуневменяемое лицо с красными глазами. Лицо шевелило пергаментными губами. А вот голос был не в пример бодрее.

— Возьмите собаку. Корм буду привозить. Подстилку дам. Собака хорошая. Иначе погибнет зимой.

От усталости я невольно перешла на телеграфный стиль. Но не это удивляло охранников, а мающаяся в отдалении ухоженная Варишна. На нее они зыркали с удивлением и оторопью, и глазки постепенно разгорались. Через две стоянки в свою программную речь внесла коррективы.

— Возьмите собаку. Не эту. Корм буду привозить. Подстилку дам. Собака хорошая. Иначе погибнет зимой.

Я просила, заискивала, уговаривала, по-дураски хихикала, настаивала, давила, взывала к совести, к сочувствию, сулила прибыли и место в раю. Я курила с охранниками, плевала, как они, на землю, цыкала зубом, критиковала владельцев и автолюбителей. Я шутила, шептала, рыдала.

На пятой стоянке нам повезло. Собственно, это была не настоящая стоянка — так, внебрачная дочь строительного склада и кладбища автокранов. Но она раскинулась на пустыре, где когда-то мы гуляли с Варишной. Это был знак. Охранник сказал, что им нужна собака, но точный ответ дадут в понедельник. Поняв по инерции, но ничего более толкового не выкрутив, мы со смешанным чувством двинулись в сторону дома.

Время подходило к часу ночи. Я не мечтала даже о чашке чая. Мне хотелось лечь прямо здесь, под кустом. За мной плелась уставшая от впечатлений Варвара. Я знала, что увижу пса и скажу ему о хороших новостях. Что надо продержаться всего лишь до понедельника.

Всего лишь 4 дня и 5 ночей. Холодных, страшных ночей. И что я буду рядом. В своей стылой многоэтажке, но с незримой, протянувшейся между нами ниточкой. Будет трудно — позови. Помощь потребовалась раньше...

На него натравливали собаку. Страффорда, кажется. И кидали камнями. Съехавшая с катушек шпана, ублюдки, выродки, не отражающие уже ничего — ни неба, ни земли. Была жертва и была охота — в их понимании. Травля — в обычном человеческом. Тот «карман» между домами, где спал рыжий, где чуть меньше ветра и чуть больше пожухлой травы, стал ловушкой. Пес стоял на слабых ногах и готовился, возможно, к последней в жизни схватке. Он не продержался бы долго: у него не было шансов победить холеного страффорда. Но Рыжий с усилием встал и посмотрел в глаза противникам. Он ждал.

И тут из-за угла выкатились мы. Невменяемые от усталости и поэтому уже почти беззаботные.

Сначала я не поняла мизансцену. Слишком много проблем для одного дня. Слишком много и слишком насыщено. Слишком плохо, чтобы быть правдой. И слишком хорошо. Потому что в следующую секунду меня накрыла волна ярости. Ярости — холодной, обжигающе-ледяной, восхитительной, излечивающей мое выжженное сердце. Потому что я решила. Потому что кто-то решил за меня. Я была свободна и знала, кого сейчас буду убивать. Видимо, на моем лице была написана такая чистая, ничем не замутненная кровожадность, такое предвкушение пиршества человеческим мяском, в глазах — такой яркий огонь садизма, в ноздрях — жажда пронзительного запаха чужого страха — что отморозки остолбенели.

Закон подворотен они усвоили четко: на каждого отмороженного найдется еще более отмороженный. И это будет не просто урод, развлекающийся за чужой счет, — нет, это будет Настоящий Беспределщик.

Именно в этом образе я и предстала перед ними. Безумная с Собакой. Страфф, менее чувствительный к эффектам, еще пытался что-то нам сказать... Но Варишна... Ах, эта Варишна! Ну не боится она страффов. Не нападает — просто не боится. А какой смысл в драке, если тебя игнорируют? Вцепиться Варе в холку страфф не смог — не дал натянутый поводок. Видимо, когда ублюдки еще не были ублюдками, они отработали выгул на поводке до автоматизма. И на том спасибо.

В общем, обошлось без крови. Психическая атака с нашей стороны, тяжелые оборонительные матершинные бои — с их. Схлопотав все-таки по плечу камнем, я осталась победителем... С Большой Собакой. И Рыжим.

Все это время он молча стоял у стены. Он понимал — в эту ночь решается его судьба. Он не бросился к нам с благодарностями, не стал юлить, заискивать, лизать руки. Он сделал больше. Подошел и сел передо мной. Близко-близко. И посмотрел своими карими глазами. В них больше не было смерти.

Часть вторая

Пятнадцать минут второго. Мы сидим на земле — все трое и думаем о жизни.

... Я не смогла его там оставить. Черт, черт, черт! Я знала, что это неправильное решение, но не смогла. Я прицепила к чужому ошейнику рулетку и сказала: «Ну что, Рыжий, пошли?» И появилось имя. Оно и было, это имя. Просто я произнесла его.

Рыжий сначала не поверил. А потом ПОНЯЛ. Наши незримые связи обернулись вполне конкретным шнуром рулетки. Он готов был пойти со мной куда угодно, он в нетерпении бежал чуть впереди, но возвращался спросить — я правильно иду? Хвост распушился, движения стали энергичными. Черт, он даже сам изменился — словно стал моложе и бодрее. И он умел ходить на поводке. Мы видели свои окна — единственные освещенные в доме. Мы всегда оставляем свет — чтобы возвращаться. Но мы шли не домой.

Мы шли на ту стоянку, где нас ждали в понедельник. Было ли это предательством? Доверившийся, радостно бегущий рядом пес, старающийся угадать все желания нового хозяина — я увлекала его в дебри стоянок и строек. Все дальше и дальше от света, окон, домов, ждущих нашего возвращения.

Охранник посмотрел неодобрительно. Еще бы — перед ним была юродивая и навязчивая. Таскает ночью собак по всему району. И сама не спит, и людям не дает. И курит одну за другой. Затягивается несколько раз — бросит, через минуту снова рассеянно по карманам хлопает в поисках пачки... Да, с явным приветом.

А пес понравился. Но все равно — «приходите в понедельник».

А Рыжий, словно понял. Сначала громко и гневно лаял, а потом сел рядом со мной, закрыл глаза и... как-то внутренне смирился, что ли. Мне даже казалось, что его покачивало: «...Делайте что хотите... я вам верил». Может, меня уже саму качало? «...В понедельник. Ничем не могу помочь», — голос издалека.

Пес рвал поводок в сторону дома.

Часть третья

Дома я тихо сползла по двери. И села, почти уже по традиции, на пол. Собаки устроились рядом и смотрели на меня. Варишна — все с большим непониманием. Рыжий нетерпеливо: ему хотелось все поскорее обнюхать. Я сняла с него ошейник, распутала веревки, расцепила строгач. Провела рукой по густой короткой шерсти — незнакомое ощущение для пальцев... Дунула в смешные стоячие уши — незнакомая картина для глаз... Рассмотрела впервые его усы — вроде не седые. Зачем-то вяло спросила: «А что у тебя с зубами, милый?»

Милый не ответил, а я устыдилась своего коновальского интереса. Какие зубы, господи..., зубы, уши..., глаза, лапы, хвост... Мысли в голове уже путались... Пес, устав ждать приглашения, сам побежал смотреть территорию. Я тихо сказала его ускользающей спине: «Все будет хорошо, Рыжий...»

Рыжему было выделено место — из наспех сдернутого с кресла покрывала и запасного коврика.

Место тотчас оккупировала Варвара. Она немедленно устроила на новой подстилке свою толстенькую попу и с выражением упрямого обиженнего ребенка заявила: «Это мое. Понятно?» Подумав, приволокла все игрушки — даже давно забытые, сложила на подстилку горкой и села охранять. «Мое. Понятно?» С ревностью наблюдала за чужаком, обнюхивающим квартиру. Потом вытеснила его у миски. Съела свое, а потом его. Выпила

всю воду. А когда я налила еще, давясь и кося глазом, решила выпить и добавку. При этом вставала пошире, чтоб ни пройти ни проехать. Ни рядом, ни за километр. Понятно?

— Здесь я живу, — поджав губы, шипела она. — А ты кто такой? Куда пошел? МАМ! — срываясь на обиженный вопль. — Он взял мою игрушку!!!

Пока жадина Варвара накачивалась дармовой водой, Рыжий подтянул канатик и рвал из него нитки. На попытку Варвары приблизится — тихо, но грозно рычал. Варишна поняв, что за рупь двадцать чужака не возьмешь, сменила тактику: осторожно, преувеличенно радостно махая хвостом и делая заинтересованное лицо, стала сужать круги. Рычание — отскок. Хвост пропеллером. Типа — ты чего, братан, да все свои люди! Слыши, братан, расслабься! Сближение. Рычание — отскок.

Я отстраненно наблюдала за Рыжим. Какой-то он не такой. Не такой, как Варишна. Не так дышит, не так смотрит, и эти поднятые уши — словно прислушивается к чему-то, что должно прозвучать, а я никак не могу расслышать...

Три часа утра. Боже мой, этот день никогда не кончится? Рыжий ходил за мной как хвост, скребся в закрытую дверь ванной, бился о закрытую дверь кухни — куда я удалилась курить. Бился и выл. Тогда я еще не знала, что это гвоздь программы — протяжный, с переливами, вой. Открыла дверь и запустила страдающую собаку. Надеясь, что он сам выйдет, нюхнув дыма. В свое время с Варишной мы поняли друг друга именно так. Ничуть не бывало: пес сел в центр кухни и уставился на меня круглыми глазами. Теперь в дверь билась Варишна: «Откройте! Что вы там делаете?!»

Решив, что битвы божьих коровок, в которые грозилась перейти наша эпопея, подождут до завтра, я дала сигнал к отбою. Варвара ревностно сидела у кровати и давила косяка. Рыжий наматывал круги, цокая когтями по линолеуму. Закрываю глаза. Чтобы открыть их через минуту. И вытянуть руку к ночнику. Что опять? Варишна взгромоздилась на кровать, Рыжий пытался подойти поближе. Одна рычала, другой скулил. Примерно под такой аккомпанемент и прошла ночь.

Иногда мне удавалось провалиться в сон, но тут же я из него выныривала: Варвара яростно чесалась, кровать ходила ходуном. Рыжий плакал во сне, прикорнув на коврике у кровати. Я поздравила себя с тем, что ко всему прочему у нас у всех будут блохи, глисты, клещи и невроз — от стресса. Мне казалось, что блохи уже ползают по мне, и тоже чесалась. В бок сильно давил отвоеванный канатик. Рыжий плакал с переходом на вой.

Из сна-обморока я вышла только к 9 утра. И проснувшись, очутилась в кошмаре. В комнате чем-то воняло, моя аллергия на собачью шерсть за ночь славно разгулялась: к сыпи на лице добавились еще и расчесы, Рыжий скулил, Варвара, набычившись, сидела у окна. Я чувствовала себя как с тяжелого похмелья. Во мне бродила усталость, чувство вины, жалость, раздражение и в сто тридцать восьмой китайский раз удивление своей способности попадать в историю.

Не обошлось и без подлой мыслишки вывести Рыжего на улицу и сказать ему: гуд бай. До понедельника. Откупившись подстилкой в любом выбранном им месте и грузовиком корма. И навещать его, разумеется. И любить — на расстоянии. Зарубив на своем дурацком сердце, что все широкие жесты, приправленные жалостью, — не для меня. Кишка тонка. Слишком привыкла к своему образу жизни и молчаливой доброй Варе, чтобы что-то менять. Не могу и НЕ ХОЧУ этого делать.

Но Черт! Черт! Черт! Я не могла вчера его там оставить. Не могла! И не хотела. Хотелось быть доброй и сильной. Как папаша Бэтман в красных трусах. Прилетела, все решила, и всем стало счастье. А хренушки. В чем самая главная подлость? Нельзя списать на аффект. Хоть в аффекте, хоть под наркозом, хоть с пьяну, хоть с врожденной идиотией. Принял решение, вовлек в круговорот живое существо — все, сдохни, а сделай. А не можешь — сиди дома и рисуй соплями на обоях.

Рыжий приветливо помахал хвостом. И аккуратно лизнул руку. «Привет!» — сказал он. Как ни странно, это примирило меня с действительностью.

«Привет-привет, — ответила я, — только ты не вой больше, ладно? А то у меня зубы

начинают болеть. Привет, Варишна!» — обратилась в сторону молчаливого изваяния у окна. Варя посмотрела на меня с укором: «Приведут домой невесть кого, а ты тут гостеприимничай...», — проворчала она.

Отгуляли образцово-показательно. С ходьбой шеренгой по троем. С орошением кустиков посредством поднимания лапы. Многократного. Я сбилась со счета... Какал он тоже не так, как Варвара — не так красиво и законченно. И еще он пил из луж! И хрюкал что-то с земли. И не притормаживал у дороги. И не знал фраз: «Подожди, я тебя отпущу», «Проходим мимо», «Мажем лыжи в сторону дома». Да, Варвара стремительно приближалась к идеалу.

За исключением того, что я ни на минуту, ни на секунду не могу остаться одна, день проходит без эксцессов. Стоит мне только приподняться со стула — Рыжий вскакивает и бежит за мной. Варвара вздрагивает и плетется следом. Если я закрываю дверь, Рыжий воет. Если не закрываю — сидит рядом и скулит... Жалостливо и на одной ноте. От этого звука у меня уже едет крыша. Господи, ну собаки ведь должны когда-нибудь спать?

Выходили на улицу несколько раз, его отпускала — думаю, может, ветер свободы зовет? Нет, не зовет. Сидит рядом со мной. Идет за мной. Кормила несколько раз. И кормом, и капустным листом, и блинчиком. Другого питания, пригодного для собак, в доме не было. Обычно Варвара два раза в день ест корм, так что собачью еду не готовлю. Да и человеческую тоже. Предполагалось, что сегодня пойду на работу, а потом зайду в магазин. Пришлось взять отгул. У Рыжего стресс. Он привыкает. И плачет. Плачет, как ребенок. Я привыкаю.

Рыжий славный. У него красивые, полные жизни глаза. Мы сидим на полу — я и две собаки у ног. И эта длинная повесть — попытка принять и пережить последствия своего собственного выбора.

Ночь, среда, 2 ноября 2005 г.

Длинные истории Рыжего. День первый

День первый, четверг... Огромное спасибо тем, кто откликнулся. Огромное, выходящее за рамки буквенных символов, спасибо! Я очень нуждалась в этой поддержке, и ваши слова как-то помогли продержаться вчера — в странный день, в первый день, который я прожила с двумя взрослыми собаками.

Как у нас обстоят дела? Утром до меня дошло, что пес не скулит, а разговаривает, эмоционирует, как сказала бы моя подруга-психотерапевт... Варвара-то у меня молчаливая и, если высказывается, то только по делу. А так, в основном, мы телепатируем и читаем по мордам друг друга. Она даже когда рожала, молчала, как партизан.

Естественно, песнопения Рыжего я восприняла как скулеж, вой, плач. Если собака скулит, значит, у нее что-то невыносимо болит. А что болит, я не понимала. И вот эти постоянные «уааа-уа-уаа»... И бегание за мной хвостом, и заглядывание в глаза, и быстрое дыхание — открытая пасть, язык на плече, и скорость передвижения по квартире — все не вписывалось в мое привычное. Мы с Варварой как будто наблюдали за теннисным матчем: крутили головой вправо — влево, вправо-влево...

Вечером он решил гулять отдельно от нас. Он так рвался с поводка куда-то по своим делам, что я его отпустила. Некоторое время он еще прибегал «докладываться», а потом перестал, и Рыжего из виду мы потеряли.

Я почувствовала облегчение. В глубине души знала, что он все равно бегает по нашим дворам, а если потерянется, то заляжет спать на своем месте, — мимо не пройдем. Мне нужен был отдых от приглядывания за двумя собаками, поэтому с Варварой гуляли, как в самоволке: наслаждаясь обществом друг друга и вдыхая ветер БЕЗответственности.

Когда мы вернулись к дому, Рыжий кружил у подъезда, и компания восстановилась.

Ночью я решила его вымыть. Фиг вам. В ванну он не захотел залезать, а запихнуть сил не хватило. Уговоры не сработали, да я и не сильно настаивала. Подруга обещала прийти и помочь с мытьем.

Ночь прошла, как в раю. Тихо, спокойно и замечательно. Я выдыхалась — до 11 утра спала, ни одна морда даже головы не подняла — спали тоже. Поэтому утром все встали бодрыми и вполне пригодными к дальнейшей жизнедеятельности.

Опускаю описание истерики Рыжего при сборах меня на прогулку. Не могу сказать, что долго валандаюсь, три часа надеваю штаны и свитера, но несколько минут для скафандризации мне все-таки нужно.

Рыжий ничего слушать не хотел, он хотел гулять и немедленно. «Встала с койки, поводок в руку и пошла!» — вот как он рассуждал. Пригрозив завязать ему морду веревочкой, чтобы перестал ворчать по любому поводу, мы радостно вытряхнулись на улицу.

Нужно заметить, что Варвара перестала реагировать на Рыжего. Спят они по разным углам, не играют, не скачут, не общаются. Ведут себя автономно друг от друга. Варишна спокойно ждет, пока Рыжий после прогулки напьется, пропускает его вперед в дверях, лежанками они меняются в течение дня спокойно.

Ну и где, я спрашиваю, «вторая собака — на радость для первой»? Даже святое место — коврик в ванной, на котором Варвара сладко дрыхнет, пока я принимаю водные процедуры, — вчера был отдан без боя, хотя и не без вздоха. Коврик занял Рыжий, а Варишна зашла, потопталась, поняла, что места не хватит, посмотрела на меня, мол, ты видишь, какая фигня получается? — и ушла в комнату. Рыжий вылетел за ней. В результате, Варвара спала в комнате, Рыжий в коридоре у порога ванную комнату — пас меня и настаивал на открытой двери. Пришлось сделать страшное лицо и пригрозить снятием с довольства.

На прогулке опять рвал с поводка. Конечно, удержать лайку — не вопрос, но Рыжий так тянул в нужную ему сторону, что отцепила его, помня о вчерашнем опыте отдельных прогулок. И он усвистел на третью космической скорости. И все. Больше Рыжего мы не видели. Ждали, кружили, возвращались. Рассудив, что на ночь мы его снова приютим, а днем пусть бегает, если неймется, успокоила свою совесть. И вот сижу дома, бегаю к окну, переживаю. Отпустит меня когда-нибудь эта собака или нет?!

Длинные истории Рыжего. День второй

Больше Рыжего мы не видели. Днем выходили гулять, походили по окрестностям, смотрели по сторонам внимательнее обычного. Рыжего не было. Мы провели еще один странный день, полный украденной свободы — и постоянным саднящим ощущением неправедности. Всего и с самого начала. Я снова и снова подходила к окну и не знала — облегчение или тревогу испытываю от того, что не вижу на улице Рыжего.

Вечером гуляли вдвоем, как обычно. Встретившись с тремя партиями собачников и каждой рассказывая о наших приключениях. Все видели эту собаку, и поворот в ее судьбе всем был интересен. История, в зависимости от аудитории, подавалась мною то комедией, то мистическим триллером, а то и вовсе высокой драмой — с накалом страстей и неизменным шекспировским вопросом.

Собачники смеялись, вздыхали, сочувствовали, в нужных местах подавая нужные реплики. Смысл их реакции сводился к одному: жалость — плохой советчик, но дай-то Бог...

Зачем я это делала? Если историю раздать по кусочкам — на каждого — будет не так больно.

С последней партией — нашим излюбленным визави берном Степаном и его хозяйкой гуляли, как всегда, долго, с неизменным провожанием нас до дверей подъезда. Будучи человеком заструвающим, я так и не смогла спрыгнуть с темы Рыжего и, уже стоя рядом с подъездом, на прощальных аккордах, не переставала вертеть головой и всматриваться в темноту. Рыжего не было. Мы рассеянно попрощались, и я начала подниматься по ступенькам к двери, ворочая мысли все о том же. Что, наверное, передохнул у нас и снова побежал искать. Видимо, купленный шампунь от блох не пригодится: рыжей морды не было на своем месте — между домами.

Я набрала код подъезда и открыла тяжелую железную дверь. Мне на грудь прыгнул Рыжий.

Длинные истории Рыжего. День третий

Удивительное дело — блох у Рыжего не было. Это выяснилось, когда мы с подругой вымыли пса, высушили и вычесали репьи. Хотя нет, высохнуть он не успел до сих пор, как и Варвара, тоже вымытая под шумок. Лежат теперь, чистые и пригожие, дремлют. В доме стойкий запах мокрой псины и конюшни. Но терпимо.

Удивительная вещь: оказывается, когда надо, могу быть страшно активной и деятельной. Словно ритмично работающий паровой двигатель. Хоть сегодня и суббота, но с утра мы успели провернуть массу дел — погуляли, поговорили с еще одним собачником на предмет пристройства Рыжего в деревню, дошли до Степановой хозяйки, подарившей нам пару дорогущих шампуней, а заодно и пакет разнообразных расчесок. Потом мы зашли в местный, маленький, полудомашний зоомагазинчик — на правах старых знакомых. Я спросила, можно ли поместить объявление, а заодно попросила совета — как быть с собакой? В магазинчик иногда заглядывают охотники и рыболовы, может, полулайка с хорошим характером — как раз то, что кому-нибудь из них нужно?

Знакомая продавщица только развела руками — шансов мало. Но почему бы и нет? Пишите, повесим объявление, у своих поспрашиваем. С болью она рассказала, что их магазинчик скоро станет филиалом Красного Креста и Собачьего Приюта: в этом году брошенных собак и кошек больше обычного и многих несут к ним — помогите! вылечите! пристройте!

До меня самой стало доходить: чем больше людей вовлекаю в нашу историю, тем менее очевидным кажется быстрое и безболезненное пристройство собаки. Думала, что достаточно взять потерявшуюся собачку на поводок и отвести ее туда, где она нужна.

Рыжий опять гулял без поводка, но не отходил ни на шаг. Видимо, свежи еще были воспоминания о вчерашнем ожидании в закрытом подъезде и бурной встрече, которую я списала на фактор внезапности. На вопросы: «Как он открыл железную кодовую дверь и давно ли ждет?», Рыжий лукаво улыбнулся в усы: «А вот! Секрет фирмы!»

Рыжий — молоток. Четко стремится на место Самой Заглавной в нашей компании собаки. Ему нужен хозяин, и он — по-собачьи хитро — идет к своей цели. Заглядывает в глаза, старается опередить команды, от избытка чувств прыгая лапами на грудь и норовя лизнуть в ухо. Или куда придется.

Деликатная Варишна все больше уходит в тень.

Вот еще одно открытие: раньше я думала, что вторая собака автоматом занимает в иерархии почетное второе место, а если уж претендует на первое, что в стае идет честный, открытый «бой». Ничуть не бывало. Рыжий бодро и искристо оттесняет Варю... Темперамент — хорошее подспорье в борьбе за лидерство. Меня эта искренняя вероломность удивила. Впрочем, это так, намеками, набросками, внутренними тихими звоночками. Внешне все даже забавно. Рыжий потешный. Вот именно это слово. Потешный. Славный. Из серьезного, полумистического пса, взявшего в плен мою душу, он как-то быстро превратился в простецкую огненно-рыжую собаку, умеющую улыбаться и весело тырящую сырную свеклу из корзины с овощами. Выть и поскучливать он стал реже, характер золотой, проблем особых нет. Даже в закрытую кухонную дверь ломится через раз.

На прогулке собаки обезьянничают: один нюхает, второму срочно надо туда же! Рыжий ни с того ни с сего вскинулся на проходящего мимо неприятного дядьку, Варвара, до этого тихо покуривающая на травке, тоже сделала стойку, даже толком не разобрав, что к чему. Я быстро пресекла подобную самодеятельность. Хотя — и это тоже странно — мне трудно ругать Рыжего. Трудно и все. Что-то из серии «сироту каждый обидеть может». Хвалить не трудно, а ругать, вот так, за дело, серьезно, получается с трудом. Сначала воспитай — потом

ругай...

В ожидании подруги, чтобы не позориться, решила прибрать наш дом, всего за пару дней превратившийся в бомжатник. Непостижимым образом. Но как в квартире, где есть дети — прибирать бесполезно. Хотя беспорядок появился не из-за собак — он был лишь отражением моего внутреннего раздражения. Я включила простое, как три копейки, Русское радио, открыла на кухне кран с горячей водой, напенила в таз Фэйри и с громкими песнями стала чистить, мыть, скрести чашки-ложки и протирать мокрой губкой все поверхности.

Меня охватило восхитительное чувство, что я все делаю правильно. Или Бог все устроит сам, или даст мне сил все устроить. Все так, как должно быть. Мне было хорошо и спокойно. Я сделала то, что должна была сделать. На сегодняшний день.

Длинные истории Рыжего. Вечер того же дня

Ну вот, сломалась наша компания для прогулок. Степан, самый наш верный друг, искренне считающий Варвару своей дамой сердца, не принял Рыжего. Никаких откровений тут не было: со Степаном два последних года мы гуляли почти каждый вечер и были довольны. Немного найдется собак, способных на равных игриво биться с мастифом. Мы гуляли ежевечерне и прекрасно знали доминантный нрав Степана.

Только поводки спасли Рыжего от превращения в британский флаг.

А Варища так и не поняла — почему Степан и Нина-с-сыром-в-кармане ушли без нас... Вторая компания тоже сломалась. Да и сложно это — вписаться в сложившийся коллектив с новым взрослым шустрым кобелем. Еще раз повторить подвиг удерживания на поводках двух крупных собак — нет уж, спасибо! Гулять «самим с собой» тоже было неинтересно... Что за радость, летишь за собаками, как парусник по волнам, как кучер на козлах — в руках по поводку. Один в лес, другой по дрова. Один вправо, другой влево. Одному надо оросить каждый куст и рваться к новым свершениям, другая тормозит у каждого газона и вдумчиво нюхает все, что понаписали за день.

После такой, с позволения сказать, прогулки, меня саму бы кто выгулял. В санаторий по болезням центральной нервной системы. У Варвары скоро течка... Я притомилась быть все время «под прицелом». Рядом с холериками выжить могут только холерики. Мне кажется, что я все время бегу или смотрю восемнадцатое, без перерыва, цирковое представление — с громким оркестром, бегающими собаками, вертящимися акробатами, кривляющимися клоунами и ярко-красным ковром арены. Хочу в уютное маленькое кафе с приглушенным светом и тихими звуками прохладного джаза.

Веселая простота Рыжего — это, конечно, стиль, но почему ж все так напролом-то? В дверь обязательно надо биться, препятствия сносить, заграждения ломать, к лицу прыгать, прогулок требовать, а игры навязывать. Где деликатность?

И, наконец, как и предполагала: собаки стали отдельно, а я отдельно. Не 1+1, а 1 + собаки. Вместо «мы», появились «они» и я. Я одна и мне трудно. Рядом лежат две морды, которым тоже трудно. Представила, как буду уходить на весь день, и морды будут лежать по своим углам и скучать по мне в два раза сильнее. Чувства вины в два раза больше — хороший рождественский подарочек, ничего не скажешь. Что в активе? «Так, сентиментальность...», игра в благородство, любопытство, изнасилованное проклятым пионерско-комсомольским детством с его проклятыми тимуровскими принципами.

Рыжий победил Сурка. Того, который «изо дня в день одно и то же, лето-осень-зима-весна и вечный хвостик на затылке, перевязанный махрушкой». Но теперь я думаю, что с Сурком не надо бороться, его надо приручать! Надо наслаждаться ровной предсказуемостью уютного бытия! Рыжий победил Сурка. Завалил напрочь и джигу станцевал! Он помог мне выбраться из бесконечного пожирания себя за то, на что не могла решиться. Теперь в деле самопожирания поставлена точка. И надо идти дальше.

Длинные истории Рыжего. День четвертый

Соседка по дому, из породы подъездных общественниц, миску сваренной каши принесла — то ли сечки, то ли ячки. Корми пса, говорит, один раз в день, не балуй! Живейшее участие приняла в судьбе Рыжего... Я ее побаиваюсь, соседку, она Путину письма пишет! Кстати, может, Путин собачку возьмет? Пусть соседка напишет...

К сечке прилагались куриные... горла, что ли... или трахеи. В общем какие-то фиговины такие, как трубки.

Звери с ума сошли, как учゅяли. Я их, блин, Проформансом кормлю, а они от запаха курячей трахеи слюнями исходят..., свиньи! Вспомнила еще одно из названий круп — пшеница! Может, это пшеница? Пойду понюхаю кашку нашу в веселенькой голубой тарелочке, Стынет вон на столе. Подумав, к куриным вкусностям, предложила зверям гречки... Сечки-ячки на всех не хватит, а запасы корма стремительно подходят к финалу — спасибо Рыжему, прогрыз мешок, морда из тряпок! До зарплаты дотянем на одном крыле — не зря, не зря люблю фильмы-катастрофы! Небрежное мужество с прилипшей к углу рта сигареткой — вот он, мой новый имидж.

День расцвётился миленькой сварой; Рыжий, не доев свое, сунул нос в миску к Варваре, покушаясь на куриное объедение. За что был бит. Через минуту сунулся снова. Получил по мозгам, и, нимало не смущаясь, отряхнувшись, пошел смотреть — чем я завтракаю. Я лакомилась обнаруженными в холодильнике баклажанами с чесноком и, давясь, запивала их кофе. Чеснока было столько, что теперь глистов у меня не будет точно. Рыжий на чеснок не соблазнился.

Звери чешутся. Сейчас устрою им медосмотр с пристрастием. Достала убранный с лета «Фронтлайн». Вот засада — написано «для собак весом более 25 кг». А сколько весит лисья морда — не знаю. Пыталась запихнуть на весы — опять индейская изба «фигвам»: даже секунду посидеть на месте не может! Вертится, как блоха на сковородке. Или не блоха, а уж? Тыфу, совсем мне голову заморочили!

Гуляли... Очередной встреченный собачник, пожевав усы, задумчиво сообщил, что на лайку Рыжий не тянет. Лайка, может, и ночевала, но получилась дворняга. Хвост все портит. Нету тугого кольца, елки-палки! А есть веселое помело... В целом пес вполне упитанный ухоженный и милый.

Варишна полпрогулки, сидя у моих ног, пасла кошку, нагло расхаживающую под балконами соседнего дома. И плевала с сорок пятого этажа на Рыжего, на его палочки, на его игры и на его челночные рейсы от кустиков ко мне.

Случилась интересная вещь. Под одним из кустов Рыжий нашел что-то вроде недоеденного хот-дога: булка с огрызком сосиски. Нашел, значит, упер, облизнулся и... посмотрел на меня. Я как раз тяжело думала — запрещать или нет. Поэтому просто стояла и смотрела. Рыжий — клянусь! — вздохнул и отошел от сосиски. Ко мне. Я уж конечно, расстаралась, расхвалила и потрапала по пушистой холке. Молодец — что тут скажешь!

Пока я пела осанну Рыжему, Варвара, не без сожаления убедившись, что кошка убралась в подвал, подсекла сосиску и, потирая ручонки, намыливалась еекусить. Я опять затормозила, потому что мы вроде как отучились подбирать с земли. И наблюдала — помнит Варвара наш договор или нет? Нет. Не помнит. Я, не скрывая улыбочки Главного Инквизитора, неспешно подошла к Варваре и гаркнула над ухом: «Отдай мое сердце!». Варвара отдала и сердце, и душу, и пятки, куда это все сигануло от страха.

В общем, день прошел весело, разжились сечкой-ячкой... А что — благодарная идея: жалостивить людей и кормиться за их счет. Надо попрактиковаться. А то много денег уходит на кормежку. А мне холодильник новый надо...

Пойду гладить белый халат. Будем играть в «Айболит-следопыт» — блох искать, заныканых по натуральным шубам.

Длинные истории Рыжего. День пятый

В странных чувствах нахожусь. Звери страшно чешутся. Без перерыва. Блох у них так и не обнаружила, может, от шампуня?

Сегодня понедельник — вечером Рыжего надо вести на стоянку. Все во мне протестует против такого решения. Не потому, что решила оставить себе, просто поняла — ему нужен Один хозяин и Дом. Характер у него слишком живой и общительный, слишком солнечный для жизни на цепи. Это пес для жизни с Человеком. Ночью был такой страшный ветер... Он выл за окном, а я лежала в темноте, под теплым одеялом, обнявшись с шерстяной Варварой, слушая сонное сопение Рыжего на коврике у кровати. Я была счастлива, что Рыжего мы решились забрать с улицы. Представлять себе живое существо на стылой земле в такую страшную ночь — человека ли, собаку ли — было бы слишком мучительно... Пусть ради нескольких ночей — Рыжего стоило взять домой.

Так и не могу перебороть в себе мысль, что отдать его — подлость. Обмануть ожидания во второй раз... Успокаиваю себя тем, Рыжему нужен другой хозяин, не я. Он должен стать для кого-то единственной звездой — самой любимой, самой яркой. Я помаленьку начала к нему привыкать. Он к нашему режиму — тоже. С Варварой они по-прежнему дружелюбно-нейтральны. Со мной ведет себя ласково, приветливо. Улыбается хвостом. Это что-то новое в моей биографии: утром на тебя, заспанную, нечесаную, в плохом настроении, смотрят две собаки и радостно машут хвостами. Они так оживлены, так восторженны, так преданы... Рыжий научился, подражая Варваре, после прогулки садиться в коридоре и ждать, пока сниму ошейники и скажу привычное: «Молодцы, ребята. Все, газуйте по своим делам». Рыжий газует проверять кухню — не нарисовалось ли там что-нибудь вкусненькое за время нашего отсутствия. Варвара трусит в комнату — проверять игрушки. Дружба — дружбой...

Уходя на работу, подозвала зверей, присела на уровень их глаз и попросила минуточку внимания. Сообщила, что праздники закончились и мне надо сходить на службу. Квартира в полном их распоряжении, полотенца в шкафу, обед в мисках, спички на подоконнике. Очень надеюсь, что они, собаки, будут умненькими-благородненькими и вечером я увижу их в добром здравии.

Рыжему дослушать как всегда не хватило терпения, он побежал проверять — правда ли насчет обеда. Варишна по обыкновению выслушала меланхолично, хмыкнув напоследок, что она бы лично спички из списка развлечений вычеркнула, помня о любознательном нраве нашего общего рыжего друга.

Поцеловав ее в нос, я сказала, что она — Варишна — сгущает краски и все будет чики-чики. А я скоро! Не пройдет и восьми часов.

Не успела загреметь затворами, как Рыжий немедленно принялся стонать, рыдать и биться в дверь. Потом переключился на вой — да такой, что хор Краснознаменного ансамбля имени Александрова показался бы колыбельной. Я собрала волю в кулак и, помолившись, села в лифт. Протяжный вой был слышен и на первом этаже. Черт, черт, черт! Сволочной пес!

Вышла на крыльцо и встала в нерешительности... Если он будет продолжать так выть, то завтра нас просто выкинут из этой квартиры. Пес выл — громко, с тоской, с чувством. На крыльце встретилась с дамой, живущем в нашем подъезде. «Это ваши собаки так воют? — спросила она, изогнув тонкую стервозную бровь. — Что же вы стоите? Идите и успокойте собак!»

Рыжий волк крашеный, не унимался. Он как чуял, что я топчусь в нерешительности где-то рядом. И надрывался так, как будто только что похоронил всю семью и весь поселок, в котором родился. Вернулась, открыла дверь и посмотрела в эти несчастные глаза.

— Выбирай, — сказала я, — либо гуляешь весь день, либо сидишь тихо и не вопишь.

— Я с тобой! — запрыгал он — Я с тобой!

— Куда со мной? Я на работу!

— Я здесь не останусь! Я не хочу! НЕ могу! Не будууу!

— Значит, гуляешь, — задумчиво констатировала я. И уточнила, — До вечера... Да?

Мы правильно друг друга понимаем? Как взрослые люди?

— С тобой! С тобой! — кружил Рыжий. — Побежали смотреть, что там, на улице!

Молча надела на него ошейник и вывела во двор. До вечера, до вечера, только до вечера... Воровато заскочив за угол, тормознула первую маршрутку и только потом подняла глаза. Рыжий бегал вдоль дороги и искал меня. Я, нижеподписавшаяся... Сволочь. Сволочь. Сволочь.

Длинные истории Рыжего. Все еще день пятый

Нашла красавца. Тут надо бы про «куда денется с подводной лодки» сказать и цинично плюнуть на пол, но не буду. Потому что все было совсем не так. Я бежала домой так, как будто мне черти в спину дули... Свалила с работы — шапка набекрень, морда перекошенная, глаза выпученные — предварительно написав заявление на недельный отпуск (эх, берегла для Нового года), распечатав несколько объявлений с большими фотографиями и не менее большими буквами. И — вперед!

Трамвай полз, как черепаха, светофоры засыпали на красном сигнале... Я стояла в вагоне и ногами сучила от нетерпения, барабаня пальцами по поручню, нервно кусая губы и край шарфа. Уже у дома забежала в зоомагазинчик, отдала часть объявлений.

Миленькое дело: объявления висят — а собаки-то нету. Ай да я. Чтоб мне в ад гореть. Скорым шагом — в родные пампасы. Рыжего не было. Даля круг почета по дворам, с таким тщательным вниманием обшаривая взглядом все сумеречные углы, что народ шарагался. Не было его! Чтоб мне! Я пошла домой и решила пореветь. Включила чайник, переоделась в домашние шорты, футболку. Взяла сигарету. И уже сделала специальное плакательное лицо и задрожала нижней губой, но выглянула в окно.

Там оно и было. Не окно, не лицо, а несчастье мое Рыжее-бесстыжее. Счастье мое и мое сумасшествие. Котлета моя Пожарская, Огневушка-по(с)какушка. Какала сидела, радость моя, вдумчиво, под кустом. Я заорала: «Рыжий!» Пес закрутил головой, забегал... Забыл, что делал. Услышал! Понял! Узнал!

Схватив зачем-то Варишну на поводок, я понеслась на улицу. Ума хватило скинуть тапки, но времени на ботинки не было — ноги сунула в резиновые сапоги. Так и выскочила — в шортах, в резиновых сапогах, в развевающейся куртке, с ничего не понимающей разбуженной Варварой. На крыльце чуть не сбили мирных граждан. «Видать, сильно прижало», — посочувствовали они, уступив дорогу. Прижало. Встреча на Эльбе. Поцелуй, объятия, оркестр, цветы. Дело не испортила даже висящая на рыжем хвосте какашка. Она тоже собралась пойти к нам домой.

Дома, потирая озябшие ручки, Рыжий первым делом сунулся на кухню: «Нуте-с, что у нас тут новенького-вкусненького? Что наварили-нажарили в мое отсутствие? Да не жабьтесь! Я малость оголодал, вас дожидаюсь. Вечно с вами все не слава Богу!» У нас наконец-то все было и слава, и Богу. На радостях нажарив блинов с картошкой, угостила собак и плюхнулась читать книжку. Все были дома, впереди была неделя поиска хозяев для Рыжего и воспитания в нем терпения, деликатности и навыков жизни с человеком, вставать завтра рано на работу не надо, в среду нас ждал ветеринар, объявления, куда могла, дала — в общем, жизнь удалась и снова улыбалась нам щербатым ртом.

Попозже вечером, отдохнув от волнений дня, решила заняться воспитанием Рыжей морды. Совместив приятное с неприятным: прогулку с учебой.

За сыр Рыжий был готов Луну с неба достать, а уж простое «сидеть» исхитрялся исполнять чуть ли не в полете. То есть за сырром подпрыгивал и тут же приземлялся на попу. Попа, надо сказать, ходуном ходила от вожделения сыра.

Труднее оказалось с запретом подбирать всякую пакость. Дрянь, раскиданная по просторам, почему-то не казалась Рыжему ни пакостью, ни падалью, ни мерзостью — в чем я пыталась его убедить: а) уговорами; б) страшным лицом, издающим шипение; в) угрозами; г) криком; д) ласковым словом и обещанием «сильно не бить»; е) «летеющей банкой», роль

которой исполнял небольшой, но увесистый камень. Сыр к тому времени мы съели, менять пакость было не на что. «А раз не на что, — логично рассудил Рыжий, — тогда и разговаривать не о чем! Пишите письма!» И, взяв сокровище в пасть, сделал ноги.

«Ладно, — устав бегать за ним по газонам, сказала я. — Хрен с тобой, золотая рыбка. Отлучаю тебя от дома и материнской груди. Живи себе по помойкам!». И свистнув Варвару, мы, руки в брюки, развернулись и пошли в сторону дома. Варя за моей спиной показала Рыжему язык. Рыжий вломил за нами. За что был хвален. Правда, с представлением к ордену, торопиться не стали, обошлись почетной грамотой.

Сегодня точно был НАШ день. Рыжего судьба искушала на каждом шагу. Уже почти у дома, он уперся носом в чью-то метку. И все, привет. Минуту, две, три... Носом в землю — и не сдвинешь. Кто бы мог подумать, что в этом кобелишке столько силы и упрямства! Пришлось, выждав дипломатические пять минут — что мы не люди, что ли! — взять мерзавца за ошейник и почти отнести с места разгула подростковых фантазий. Тренированная на мастифе рука почти не почувствовала тяжести. Рыжий убедился, что с такой рукой не поспоришь и с воплями: «Ну ладно, ладно, я понял уже, грабли убери, да?!» — вырвался, отряхнулся и побежал чуть впереди. Делая вид, что его мужская гордость ничуть не пострадала. Варя, глядя на нанайских мальчиков, тихо ухмылялась: «Хлипковат ты, братец...»

Потом они нашли дерево. Натуральное молодое дерево, спиленное, подсохшее... Варвара, старая носильщица бревен (Ленин, Троцкий и Зиновьев — единая в трех лицах) сразу за дерево ухватилась с целью упереть на лужайку и там разгрызть в щепки. Рыжий сначала не врубился (потому что Зиновьев с Троцким никогда не работали по субботам!), потом подумал было ухватиться за край, но не решился... Шагающая Варишна с деревом наперевес — это вам не блох по пузу гонять!

А дома наш бойкий рыжий друг... О да, наш юный бодрый друг нашел себе занятие поинтереснее: стырил кусок сыра, легкомысленно оставленный на кухонном столе. Стырил, наглая морда, съел, после чего сидел, облизываясь.

А сыр предназначался для запрятывания в него горького порошка — Варвариного лекарства. Варвара за моей спиной пожала Рыжему лапу. Спасибо, друг. Я не знала, как реагировать на эти отношения в уголке Дурова, поэтому сыр Рыжему простился — но в блокнот юного дрессировщика записала.

«Никто, никто, сказал он, намылив руки мылом... Никто, никто, сказал он, съезжая по перилам... Никто не скажет, будто я тиран и сумасброд, — продекламировала я с куражом, глядя на притихших зверей. — Так вот, друзья мои! Никто, никто не забыт и ничто не забыто! Так что штучки свои бросьте. Все ходы записаны». Лекарство Варваре было выдано.

Во мне однозначно погибла великая воспитательница детского сада. Погибла в цвете лет и даже слегка разложилась. Как сказали в КВН: «И это был не первый случай смерти в ее теле». Ранее во мне погибли певица, балерина, дрессировщица и сотрудница клининговой службы.

Нет, правда! Возиться со зверями, гулять, разговаривать с ними, писать свои писульки — что еще надо в жизни? Еще бы кто деньги приносил и деликатно клал у двери. И быстро-быстро уходил, чтобы звери не гавкали на посторонний площадочный шум.

На автостоянку мы зашли, как же иначе. Сегодня же понедельник. Там нам отказали, мы уверили, что не очень-то и хотели, а заглянули к ним так, из вежливости. Звери на всякий случай обляяли дядьку, ограбили за несанкционированное вмешательство в переговоры, и ко всеобщему облегчению мы удалились.

Я действительно не отдала бы Рыжего на стоянку: ему светит участь получше. Новые хозяева. Поисками которых займусь. Лично!

Длинные истории Рыжего. День шестой

Сообщение от Helga: «Галка, а как объект-то? Облагораживается?»

Субъект валяется у ног и ворчит; по его мнению, вместо того, чтобы пойти и нажарить котлет, я бездарно провожу время. Утром состоялось «Изгнание торговцев из храма» — из кухни, где торговцы мешались под ногами и норовили сунуть носы в кастрюлю с кипящим супом.

Сообщение от Дядюшки Ау: «Галка! Породу собаке придумайте. С породой пристроить легче!»

Породу! Семен Семеныч! Где ж вы раньше были! А какую? Ферфилдский скотишволф, контрабандно вывезенный из туркестанских лабораторий?

Длинные истории Рыжего. Вечер шестого дня

Кто-кто, а доберманы — точно не мои собаки. На 200%. У меня от них голова кружится. Вот то ли дело — мастифы! Собака вдумчивая, тяжелая, верная, но не навязчивая. Наши отношения, сейчас попробую сформулировать, они гораздо прочнее, потому что в них нет страсти... Есть только ощущение, что ты не один, что кто-то другой очень близко. Не нужно быть лучше, чем ты есть на самом деле. Ты просто ДОМА, там, где ровное ласковое тепло... И нежность.

Но с недавних пор, как знают все присутствующие, в нашем ровном доме появилось еще одно существо. Ласкового тепла стало так много, как будто мы тут и там — прямо на полу в квартире — костры жжем. Аж жарко.

Главный костровик-затейник попыток нас расшевелить не оставляет, а пик его неуемной натуры приходится на моменты закрывания ключом двери и ожидания лифта. Он носится по площадке, нарезает круги, ноет, подпрыгивает в нетерпении, толкает Варвару и распевает свои следопытские гимны. Что-то вроде: «А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер! Моря и горы мы обшарим все на свете!» Любимый трюк Рыжего — забежать в открывшийся лифт и, пока двери закрываются, сделать еще пару ходок — из кабинки на площадку. Каждый раз боюсь, что ему прищемит хвост. Или нос. Но Рыжий успевает. А потом садится в лифте и смотрит снизу своими круглыми карими глазками — ну как, здорово я, да?!

Прогулка омрачилась дракой. Все-таки не удалось избежать встречи с нашим Степой, который сначала угрожающе зарычал, а потом и просто повалил Рыжего и вцепился. Обошлось безувечий. Рыжая шуба примялась и лапа подвернулась, но в целом пес вел себя молодцом. Оказался не трусливым, отходчивым, не ревел и не жаловался, хотя ему досталось.

Единственное, что меня удивило, — не сечет поляну! Ведь Степаныч ясно ему сказал: «Не подходи!» Куда там! Поперся напрямую, здороваться со Степановой хозяйкой, легкомысленно помахивая хвостом. Может, он дурачок? Баловень судьбы из «страны непуганых идиотов»? Во-во... Солнце жизнерадостное.

Еще одним выступлением нашей звезды стал номер художественной самодеятельности в стиле «прятки». Идем, значит, себе по дорожке. Мягкий снежок с неба сыпется, хоть и ночь, а светло, хорошо. Никого нет, угол медвежий, собаки без поводков. Рыжий впереди, Варвара позади. Снег нюхают. Глазами хлопают — нет Рыжего. «Рыжий! Рыжий!» — кричу. Тишина в ответ.

Вернулись чуть назад. Варвара тоже ничего не понимает. Вдалеке помойка. Думаю, точно, удрал на помойку, свинота такая. Потащились на помойку. Идем, покрикиваем, ищем... Нет Рыжего. Ни на помойке, ни в окрестностях. Вернулись опять на дорожку. Спасибо Варваре, доброму человеку — нашла постояльца.

Эта пакость с глазками лежала на газоне, в двух метрах от нас, и, совершенно не обращая внимания на посторонние шумы (наши крики!) с наслаждением что-то грызла. «Убью-зарежу», — подумала я и шагнула к Рыжему. Он на всякий случай отскочил в сторону, дрожевал, проглотил и, улыбнувшись во всю пасть, как ни в чем не бывало, подбежал. «Привет! Соскучились? Чем занимались тут в мое отсутствие?» Ну не двинешь

ведь по чайнику, раз подбежал! Нет, я восхищаюсь этой простодушной наглостью. И этой смекалкой. Вчера понял, что партия не одобряет подбиания. Сегодня тихо, без шума и пыли, лег в сторонке, чтоб глаза не мозолить. Молодец.

Я так и ему и говорю: молодец. Каждые три минуты, когда он прибегает ко мне за одобрением или на бегу поворачивает голову, мол, ну что там? Как курс? Нормально? Все по плану? Нормально, говорю, молодец. Жми дальше, идешь на рекорд. Он постоянно ищет контакта, радуется, когда хвалю, слушает, когда разговариваю.

Из «зверей», собаки превратились в «зверюшек». Зверюшки! — кричу им из кухни — идите полдничать! В меню капуста и помидоры. На ужин рис с мясом. На поздний ужин — поцелуй и глава из Майдодыра. После полуночи я буду работать, а вас чтоб не видно-не слышно... По койкам и спать. Вопросы? Мнения?

Мнения находятся. И даже высказываются. Например, про то, что тот дядька с первого этажа, владелец настоящей лайки, который сказал, что уши у нас сильно большие, ни черта не понимает в классных псах. Настоящий пес — он во всем не знает удержку: ни в ушах, ни в поступках. Широкой души люди — настоящие, правильные, пацанские псы. А девчачьи свои помидоры сами ешьте!

Очень отзывчив Рыжий на ласку и доброе слово. За доброе слово даже готов «сидеть», если успевает дослушать команду. Любит, когда чешу за ушами, жмуется от удовольствия, голову под руку наклоняет — еще, еще, во-от здесь, ага, хорошо... Если бы он умел, то мурчал, мурлыкал и похрюкивал от удовольствия. Если бы умел.

Если бы умел, он многое бы нам рассказал. Как пахнут листья, как звенит скованная ледком вода в лужах, как прекрасно нестись навстречу ветру... Как интересно там... Там! Особенно, когда есть куда возвращаться. Потому что обязательно надо с кем-то делиться впечатлениями. Этот мир слишком прекрасен, чтобы наслаждаться им в одиночку.

... Когда я думаю о Рыжем и том времени, когда его, возможно, не будет с нами, даю себе зарок больше не ввязываться в такие авантюры. Все. Больше никак подобранных собак. Зашью сердце суровыми нитками и буду отворачиваться от очередной потеряшки. Я смогу. Ведь смогла в тот день отвернуться от маленького, растерявшегося французского бульдога, черного с перцем, который заглядывал мне в глаза, словно спрашивая... Я ускорила шаг и, закусив губу, ушла... Сегодня мы возвращались с прогулки. На торце дома трепетал листок. «Пожалуйста, помогите! Потерялся наш любимый Тема, Темочка, старенький французский бульдог, черный с перцем...»

Длинные истории Рыжего. День седьмой

Всем доброе утро от нашей компашки! Утром проснулась в расчудесном настроении. На часах было хм... почти 12. Сонное царство — морды дрыхли по обе стороны кровати, дрыхли и посапывали...

На прогулке зашли в наш зоомагазинчик. Там собаки сели, как матрешки, рядом, бок к боку и демонстрировали просто армейскую выщечку и выдержку. При этом не забывая обаятельно смотреть на продавцов и на их руки — мало ли, может, награда какая перепадет.

Умилили продавцов до слез. Они сказали, что Рыжий сильно изменился и стал гораздо спокойнее. Не пою ли я его димедролом? Не, говорю, просто нас с Варишной не перешебешь. Купила зверям по косточке. Днем сходим к ветеринару — посмотрим зубки, узнаем сколько псу лет. Пусть еще кто-нибудь похвалит за чудесные перемены в собаке — нам нравится!

Длинные истории Рыжего. Все еще седьмой

Кстати, на прогулке случился неожиданный тест. Собаки нюхали траву, а рядом тут шел кот. Сильно надо было ему перейти дорогу в этом месте. Правда он как-то весь изогнулся — принял позу «верблюда» и передвигался на полусогнутых —

боятельно-угрожательная поза. Варвара кота не увидела, а Рыжий заметил. Голову поднял, проводил бедного котишку глазами, зафиксировал, куда тот двинул, и — преспокойно продолжил нюхать траву Молодец. На хозяйских собак демонстрирует лояльно-нейтральную реакцию: не ломится, но и не боится. Если мы с Варварой к знакомым идем на сближение, подбежит тоже, носом ткнется, хвостом махнет — привет, мол, и дальше бежит. Он торопится жить, открыто смотря на мир и воспринимая его таким, какой он есть. Даже чуть лучшим...

Длинные истории Рыжего. Опять седьмой

А теперь, пожалуйста, все взя-яли, ручки в кула-ачки сложи-или, палец в чернила, пятачок под пятку... Придут смотреть Рыжего.

Длинные истории Рыжего. День восьмой

Кулачки можно распустить. Рыжий пока с нами. Ему оказалось три года.

Длинные истории Рыжего. День все еще восьмой

У нас все хорошо. Вчерашия моя лаконичность связана с простой усталостью. Смотрины прошли вполне удачно. Под пару-тройку бокалов наливки «Сливянка», от чего мой, отвыкший от веселых напитков, организм запросился спать сразу после прогулки. Про медосмотр и про наши дела отпишу — попозже.

Сегодня у меня очень важная встреча, Которая была запланирована аж в начале октября, которую ждала, дни считая. Надо с мыслями собраться. И уйти на 4 (!) часа из дома. Какое тут собраться... Рыжий будет или выть, или гулять на улице. Один... Любой из вариантов не подходит, но придется выбирать. Сказать, что слегка нервничаю — это ничего не сказать.

Длинные истории Рыжего. День девятый

Встреча моя прошла хорошо. Мне удалось сосредоточиться и даже — невозможно представить — минут 30 не думать о собаках. Ни о своих, ни вообще. Правда, где-то в середине чуть было с собеседником не сцепилась, когда он сказал нечто вроде: «Это вам не с собаками возиться». Мол, есть НАСТОЯЩИЕ ДЕЛА, а есть так, собаки-кошки... Я тут же взвилась, но вовремя взяла себя в руки, сказав, что «не согласна и в следующий раз буду с вами спорить»... Собеседник тут же дал задний ход: он неточно выразился и вообще хотел сказать о другом. На том и порешили.

В это время собаки мои, по агентурным данным, мирно дрыхли... Если и выли, то не сильно. По крайней мере, у дверей не было демонстрации с петициями. Перед уходом я вывела собак погулять, а потом с Рыжим наперевес обошла всех соседей — по лестничной площадке, снизу, сверху. И предъявляя это веселое чучело, объяснила ситуацию и заранее принесла извинения... Челобитная была воспринята благосклонно, и, помолясь, я ушла. Все, что могла, — сделала.

Собаки радовались моему возвращению сильно-сильно. Так что я духом воспряла. И тоже стала радоваться. Мы вытряхнулись на вечернюю прогулку, где Рыжий проявил себя во всей красе, быстроходная помойка. Всем хорош пес, только: нет стоп-сигнала перед дорогами, машинами; с земли всякую дрянь подбирает; рвет с поводка.

Собаки стали взаимодействовать, друг на друга реагировать и даже изображать что-то, отдаленно напоминающее игру в догонялки.

Сейчас поужинали и сопят у моих ног. Так что у нас все прекрасно. Завтра будем глистов гонять. Жалко, конечно, глисты свои, родные, а что делать...

Длинные истории Рыжего. Все еще день девятый

Вышли газеты с моими объявлениями. Считайте, прошел один день. Было 18 звонков. Правда, собаку я отдаю бесплатно, думаю, это сильно способствует интересу. Но звонят вменяемые, очень приятные люди — кому-то одиноко, кому-то на северах холодно одному, кому-то просто «жалко собачку». Один звонок был совершенно удивительный: «Мы тут с семьей поговорили, возьмем, зовут меня глава семьи Артемьев Сергей Павлович»...

«Жалко, что Рыжий у меня один», — вот на какой мысли себя поймала. Лучше всего сработало объявление с фотографией, написанное в стиле: «Сокровище! Чудо! Золото!», были еще объявления в жалостливом ключе, в нейтральном и в сулящем. Сравните:

«Зимой так мало солнца... Его выбросили на улицу месяц назад. А может, просто хотели повесить, но пес вырвался, перегрыз веревки и убежал. Он не знал, что такое предательство и бегал по дворам, в ошейнике, с обрывками полуистлевших веревок, — искал, ждал, верил. Пес верит и сейчас — в то, что у него будет Хозяин. Солнечный пес по кличке Рыжий с отличным характером. Собака здорова. Бесплатно. Тел...»

«Друг семьи! Ясно солнышко! Это все про Рыжего: двухлетнего кобеля лайки. Его хозяева уехали сначала в гости, а потом и насовсем. Поэтому милый, ласковый, дрессированный, приученный к туалету на улице Рыжий ищет себе новых друзей-хозяев. Собака без блох, привитая. Бесплатно. Тел...»

«Ищу хороших хозяев для найденной собаки лайки (не чистопородной). Пес здоров, воспитан, с хорошим ласковым преданным характером. Тел...»

«Рыжему нужен Дом! Обаятельный пес Рыжий — почти лайка. У него задорный хвост кольцом и хитрюющая рыжая морда. Он умеет наслаждаться жизнью на полную катушку, он отличный охранник, преданный и веселый друг. Пес здоров, воспитан, приучен к туалету на улице. Бесплатно. Тел...»

По последнему объявлению звонят чаще. Не хотят люди ужасов. Может, ужасы и цепляют, но в доме хочется иметь «солнечного пса», а не «полумертвую потерянку с возможно покосившей от пережитых страданий психикой». Так мне сказал один умный человек. Кстати! Давно я не продавала щенков, забыла, как люди звонят по объявлениям. Самый первый и часто встречающийся вопрос: «А какая порода?», самый оригинальный: «А шарпеи есть?»

Длинные истории Рыжего. Венер того же дня

Юля — моя подруга. Она меня уламывала завести ребенка, а я ее — собаку. Пока я веду в счете. И знаю, почему вдруг Юлечка захотела взять эту собаку. Она сама рыжая, сын у нее рыжий, и Рыжий у нас рыжий. Будет солнечная семья. «Дело рыжих»... Если бы не она, кто знает, как сложилась бы судьба Рыжего. Так и волынилась бы я...

Длинные истории Рыжего. Ночь

Ночь.

Мы сидим на полу — оба. Рыжий и я. Варвара на своем месте — спит. А нам с Рыжим надо пошептаться. Рыжий не спит, смотрит на меня... С ожиданием. Я не знаю, чего он ждет — приглашения ли на кухню, за сырром, ласки ли — почесать еще раз за ушком, и еще, еще раз провести рукой по мягкой шубке, запоминая... На ощупь... А может, он ждет слов... Слов о главном... О том, что будет завтра.

«Завтра» уже растворено в воздухе нашей квартиры. Оно тикает будильником, хлопает предрассветной подъездной дверью, чьими-то пугливыми каблучками на еще темной улице. Завтра... Завтра нас разбудит телефонный звонок: «Галя, мы выезжаем». И будут быстрые сборы, бегом — в последний раз к знакомым кустам, на родную лужайку. И будет встреча, и

будет прощание. Его возьмут на руки в машину. Непременный снимок на память — мы и Рыжий. Улыбочку!

Коврик, поводки, игрушки — возьми, возьми, Рыжий!... Торопливый, смазанный от неловкости поцелуй — ну как целовать собаку? Не рыдать же в самом деле. Не приковать же его в самом-то деле к батарее и не выбросить ключи!... Что такого? Уезжает собака... Твоя собака...

И машина уедет. Рыжий Ленчик по традиции будет долго махать мне рукой через заднее стекло... Машина мигнет левым поворотником... Прости меня, Ленчик, завтра я буду смотреть не на тебя. Я вернусь домой, к Варваре. Одна. Она спросит, где Рыжий, и я пошучу что, наверное, застрял опять у одной из своих любимых помоек и скоро прибежит, а мы пойдем его встречать, Варвара привычно заворчит в том смысле, что давно пора этого наглого мымрика научить уму-разуму, но я знаю — научить его невозможно. Он вообще невозможный тип, наш рыжий тараканишка, смешной, привязчивый, совершенно необидчивый пес. Он, как стихийное бедствие, как лезвие ножа, как цунами — как научить цунами? В него можно только попасть. Он, как ПЕРВАЯ НА ЗЕМЛЕ СОБАКА — был всегда и будет вечно. Он похож на всех в мире собак и один-единственный. Обаятельное чучело, неотразимое чудовище, любимый шалопай, нежная балбесина.

Теперь я знаю, как пахнет грусть и какаяшелковистая она на ощупь. В ней запах травы и немножко кофейных зерен. Кто еще будет совать нос, когда пересыпаю кофе из пакета в банку так, что вся морда в коричневом порошке, — аaaaaапчхи! Грусть пахнет собачьими лакомствами и самой затрапезной вонючей требухой, тайком слопанной на прогулке — на бегу, на лету! Немного шампунем, немного лекарствами, немного тем непередаваемым запахом счастливой собаки — ложбинка на лбу становится горячей... Так пахнет Варвара, когда встречает меня.

Чем пахнет грусть? Осенней травой, старым ошейником, черно-белыми снами. Непойманными кошками, непонятыми воронами, недонюханным газоном. Осиrotевшими мисками, недочитанными книгами. Верностью и благодарностью. Немного дымом...

Рыжий так и не отучился ходить со мной за компанию на кухню. Встает, заспанный, теплый, пошатываясь и позевывая, ковыляет за мной. «Я рядом... просто полежу рядом»... Он научился ХОДИТЬ — не носиться по квартире. Вприпрыжку, весело, помахивая хвостом, но уже не так стремительно, как раньше. А мы научились двигаться чуть быстрее. И соображать. И реагировать.

Раньше Варвара думала, что она человек, и живем мы с ней — два человека, сестры-близнецы, одна в шубе, другая в пуховике. Что ж, такой аванс я могла себе позволить, держа лидерство в остальном. А тут появился Рыжий, и Варвара поняла, что попой надо двигать, — конкуренция потому что! И иногда конкуренция оказывала ей совсем неплохую услугу. Например, когда Рыжая морда, изловчившись, подпрыгнув и совершив немыслимый пируэт, выхватил у меня из руки кусок сыра... со спрятанным в нем гадким порошком-лекарством...

Только воспитание не позволило Варваре заржать во все горло. А Рыжий сначала облизнулся, потом фыркнул, потом икнул, а потом улыбнулся — хотите видеть меня клоуном, я буду! Клоун — не самая плохая роль в этой жизни. И не самая глупая, между прочим. Он улыбнется, как улыбался, слушая мои переговоры по телефону: «... Да, отдаю собаку... да, похожую на лайку... да, перезвоните». Как улыбался, когда я плакала, уткнувшись в Варвару, о том, что не могу больше Рыжего выносить. Как улыбался на осмотре у ветврача..., на прививке..., на помывке... Как улыбался, когда воспитывала его, когда жалела, когда полюбила. Прости меня, Рыжий.

«...Да, отдаю собаку... да, похожую на лайку». Какой он? Как описать Рыжего одной фразой? Как рассказать о наших странных прогулках втроем? Когда одна рулетка на всех. А если с поводками, то спутанными, а если через дорогу — то за ошейник, а если удирать — так со свистом в ушах. Как зацепились шнуром рулетки за бампер стареньких Жигулей и ползали в темноте, обтирая грязь и ржавчину... А в автомобиле, в темноте, сидели

подростки... То ли ждали, то ли спали... И сильно были удивлены моим бесцеремонным ползанием на коленках под машиной. В окружении двух собак... Подростки от такой наглости сидели, вытаращив глазки, в темном салоне машины... Отцепив рулетку мы, как ни в чем не бывало, двинулись дальше, беззаботно помахивая хвостами в прощальном привете полуночной автомобильной шпане.

Как рассказать о том, почему Рыжий научил нас? Не бояться жизни и жить быстро, с удовольствием, жадно глотая этот предзимний воздух, не прожевывая, не смакуя, не оглядываясь, не сомневаясь. Петь под мелодию звонка сотового телефона, просыпаться с улыбкой и засыпать, едва касаясь головой подушки. Общаться с соседями, варить кашу. Рычать за свою долю. Трепать игрушки, защищать свое, нетерпеливо ерзать в лифте. Убегать. И возвращаться. Со сбившимся дыханием от быстрого бега, со светящимися от открытых глазами, с победно поднятым распушившимся хвостом и такой всепоглощающей радостью от встречи, что... что... что тебе становится даже стыдно за то, что ты не умеешь жить настолько взахлеб. Ты прыгаешь ему навстречу, ловишь в охапку это рыжее солнце, прижимаешь к себе, только что не кружишь. Ты смеешься и хвалишь его — непонятно за что... Просто за то, что тебе хорошо. Гладишь эту улыбающуюся морду и шепчешь на ухо всякие милые глупости. Что он лоботряс... И ремня бы ему... И Тараканий царь... И Помоечник... И Львенок — Рыжее сердце... И тварь последняя... И вонючка... И Конопатый-убил дедушку лопатой... И пугало огородное... И шалопут бестолковый... И лисица недобитая... Рыжая бестия! И все равно хороший, хороший, хороший. Только «молодец» не говорю. Молодец устарел. Теперь он — умняга. Лукавая морда улыбается — то ли еще будет. Варвара была не так уж не права, думая, что она человек. Только человеков оказалось на одного больше. На одного Рыжего больше.

Я поверну часы к стене. Это наша ночь.

Прости меня, Рыжий.

Длинные истории Рыжего. День десятый

Уехали.

Забыли, конечно, подстилку..., забыли свой шарф и все мои инструкции. Не выпили, не чокнулись... Все на бегу... Время! Машина! Домой! Скорей!

Новые хозяева — Юля и ее сын Ленчик сразу потащили Рыжего в магазин — за обновками. Я потащилась в качестве консультанта, Варвара потащилась в качестве компании. Долго выбирали ошейник, остановились на благородном бордовом, выбрали рулетку под цвет. Миски, намордники, игрушки, карабины. Под конец я еще вспомнила про всякие ужасные вещи типа «рыжевой цепочки» и стропы. Но на стропу Юлю уже не хватило, и так глаза были по пять копеек. У всей компании. На первом же газоне обнаружилось, что в рулетке не предусмотрен фиксатор: хочешь остановить размотку шнура — дави сильнее пальцем! Ужас ужасный. Да и обещанных пяти метров явно не набиралось. Нет, в магазине нас не обманули — все купили в упаковке чин-чинарем, предварительно распечатав и оглядев товар. Но одно дело любоваться у витрины, а другой испытывать в боевых условиях.

Посовещавшись с Варварой, мы отдали им свою супер-десантную рулетку для мастифов и их рыбков, с фиксаторами, с 8 метрами шнура и прочими железобетонными гарантиями. Теперь к бордовому ошейнику у рыжего появилась веселая зеленая рулетка. На счастье. Мешок корма, аптечка первой помощи, новые миски и сам Рыжий — все с трудом поместилось в машину, и процессия отчалила... Рыжий напоследок устроил маленькое концертное выступление — не пойду в машину! — пришлось взять парня под попу и не слишком деликатно впихнуть внутрь. Отчалили.

Никому я не махала. Сидела на бордюрчике и курила в небо. Потом пошла в магазин, купила колбасы, вина и конфет, немножко выпила, немножко погрустила, немножко походила из угла в угол, успев два раза позвонить Юле, потом собралась и пошла на работу.

Ну и что, что суббота. Или сегодня уже воскресенье? Варвара Рыжего потеряла тоже. Искала, нюхала дом, легла в коридоре — морда на лапы — и вздыхала.

Зато у Рыжего все было хорошо. В новый дом вбежал бегом, кошку не заметил, трехкомнатную квартиру обозрел, хвостом вилял — все признаки довольства жизни продемонстрировал. «Это наш пес», — сказала Юля. Ну, и дай Бог ему, моему беспечному охламону, моему Золотому мальчику.

Длинные истории Рыжего. Послесловие

Отрывки из Юдиных отчетов:

— Рыжий смешной такой! Вчера меня облизал всю, когда с работы пришла... Обрадовался так! При этом я переодеваюсь, а собака скулит типа: «Ну чего ты возишься? Чего копаешься? Сколько одеждек на себя натягиваешь?» Все время норовит выскочить в коридор.

— Нас не любят псы. Облаивают, и к нам никто не подходит, а мы так мечтаем с кем-нибудь дружить!

— Трус! Ужас какой-то! Сегодня проходим, а на нас собаки лают — так он за меня спрятался. Я на собак наорала, отогнала. Дальше идем, какая-то мелкая собачонка бежит мимо. Рыжий начал громко и грозно лаять и рычать! Прямо так, по-взрослому.

— Спит в комнате со мной, у балконной двери. И просыпается вместе со мной, по будильнику. Сразу начинает скулить, как будто это не с ним гуляют по три часа!

— И еще: мы за все кусты поводком цепляемся. — У нас все хорошо. Пес чудо. Вчера мы с ним опять гуляли ровно три часа. Знаешь, как он летел домой! Утром гуляем по часу или даже по два.

— Еще про рыжепопого. Собака с таким наслаждением ест хлеб, что становится неловко предлагать ей корм.

— Жутко любит цыганить и попрошайничать. Все время рядом. И что особенно интересно, на улице ходит важно, как Варвара. Но все время по диагонали от края тротуара к краю. Все прохожие тихо умирают в «пробке» за нами.

— А я тебе рассказывала, какая у нас собака аккуратная? Значит, кот от стресса какает где попало. В первый день прихожу: прямо посреди коридора валяется книжка, которую я читала, горбушкой вверх. Книга целая, не погрызенная совсем, просто лежит. Я подхожу, поднимаю... А там — кошачьи какашки. На книжке — собачьи зубы. Рыжий принес, чтобы какашки пейзаж прихожей не портили... Эстет!

— Рыжий, говорите? Рыжий победил соседского Рекса? Рыжий победил всех, даже кота.

— Настроение у меня паршивое. Усталая. В 6 вскакиваю, собаку выгуливаю час, потом ребенка в сад, потом рву на работу. Мечтаю прийти домой и лечь. А ведь не ляжешь... Меня отовсюду выгонят, у меня не будет денег, а мой ребенок и моя собака умрут с голода...

— Рыжий вообразил себя коровой. Ест траву — по верхам, обкусывает ветки, и так смачно, аж сено из пасти торчит. Это пресекать?

— Рыжий постоянно просит есть. Даже когда стоит полная миска корма. Ленчик удержаться не может: дает ему хлеб или сыр. Научите, как жить!

— Ах, если бы с собакой можно было на работу ходить!

— А как хлеб жует! И скулит за дверью, пока мы едим! И еще — собака храпит! Не мешает, просто прикольно — как будто мужик в доме взрослый...

— Что за корм «Оскар»? Почему он такой дешевый? Можно ли его покупать? Если нормальный, то почему 230 руб. за огромный мешок (13 кг кажется)?

— А еще собака просто так облавляет мужиков на улице. Я вот думаю, это может потому, что тетки в 6 утра по лесам не ходят?

— Слушай, я вчера реально видела, как мой кот улыбается... Ленчик выкинул в ведро куриную кость, я недоглядела, Рыжий полез за костью. Я — как ты учила — баночку

гремящую рядом с ним бросила, пес шарахнулся, ушел. Кот сидит на стиральной машинке возле раковины и улыбается. Типа: дааа, вот так в нашем доме будут с тобой обращаться.

...Через 2 года Рыжий все же убежал. Весна шепнула ему: «Иди... Иди ко мне!».

Свежайшая история о Великом глюке

Тут у меня случился день высоких скоростей. В смысле подвижного сознания.
На выходные ездила к родителям в другой город на папин юбилей.

Что такое юбилей никому рассказывать не надо? Гости, телефонные звонки, люди туда-сюда, радио орет, магнитофон поет, сотовые пилякают, внучка бегает, машинки игрушечные бибикают, куклы пищат китайские песенки. Люди» цветы, конверты, корзины, бокалы, тарелки, бутылки, подарки... Весь балкон заставлен коробками, подносами с пельменями и мантами, которые накануне вся семья лепила часов пять за большим кухонным столом.

Раз в несколько часов я насилиана свой сотовый — звонила в Екатеринбург доброму человеку, приглядывавшему за Варварой. «Как поели? — кричала я через сотни километров. — Покакали? Не слышу! Все нормально? Как спали? Во сколько встали? Пузо Варе гладили? Вас никто не обижал?!»

Добрый человек с терпением матери Терезы успокаивал мою истеричную материнскую душу, подробно рассказывая, как, сколько и во сколько. Выслушав все по одному разу, я просила рассказать по второму. А иногда и по третьему. Человек пообещал, что напишет подробный отчет прямо в моем компьютере, чтобы, приехав, я сразу ознакомилась с подробностями почти трехсугодного пребывания моей девочки без меня! (Строки из отчета: *Распугали на тротуаре всех мужиков. Варик останавливалась и подозрительно их осматривала. Удовлетворенные прогулкой, мы пришли домой. Пенисы жевать.*) В то время, когда добрые девочки ходили на охоту за мужиками, я зажигала на папином юбилее. Не забывая иногда, засыпав телефон, выбегать из комнаты и громко, наплевав на гостей, кричать: «Покакали?!»

Примерно в том же ритме румбы-самбы меня провожали на вокзал. Сумки, поцелуи, прощальные махания ручками. Из атмосферы бразильского карнавала я попала в библиотечную тишину вагона первого класса. Все как в лучших голливудских фильмах: мягкие кресла, телевизоры, столики, зоны для некурящих. Сиди, в окно пялься, отодвинув бархатные занавески и радуйся все 6 часов скоростной дороги. Думала, посижу спокойно, отдохну, почитаю, подумаю о вечном. Сейчас!

В вагоне было адски холодно. Дверь в тамбур, конечно, заедала. Телевизоры не работали. И главное, было холодно, холодно, холодно! Я сидела в пуховике, шапке, капюшоне, варежках, засунув нос в шарф. О вечном не думалось. А думалось о том, могут ли простыть колени? Правда — могут ли от сквозняка простыть колени? Тело в пуховике, голова в шапке, а колени — только в джинсах... А холодно так, что зубы сводит. Минус 12 градусов (на стеночке предусмотрительно висел термометр) и сквозняк несущегося на огромной скорости поезда.

Курить нельзя. Следовательно, вставать с места смысла особого не было. Читать невозможно — в перчатках трудно переворачивать страницы. Спать — тоже не спалось. Потому что сильно мерзли ноги. А спать, пританцовывая ногами, я как-то не научилась. Пепси в бутылочке замерзло насквозь.

Через 4 часа я озверела. Пошла ругаться. Сначала с проводницей. Потом со старшей проводницей. Потом с помощником машиниста. Потом с машинистом. Думаю, печку не включают, так хоть развлекусь — ехать еще 2 часа, а может, и согреюсь: скандалы хорошо адреналинят кровь.

Народ в вагоне с интересом взирал на мои похождения. Вместо телевизора. В

результате я написала три экземпляра заявления в Управление железной дороги и выступила перед народом с пламенной речью на тему «что мы как быдло, е-мое!» Но родной вокзал уже маячил вдали, и интерес в глазах народа быстро таял. Я развлеклась и согрелась.

Когда мы прибыли, время было за полночь. Точнее, без нескольких минут полночь. На метро, если очень быстро двигать ножками, можно было бы успеть. Но я решила довести дело до конца и поперлась в Управление дороги. Ночью. С сумками. Уставшая. Одинокая. С фанатичным блеском правдолюбца в глазах.

До Управления дороги пришлось тащиться три квартана. Никаких дежурных там, конечно, не обнаружилось, избушка была на ключке, а из-за стеклянной двери на меня подозрительно щерился зрачок камеры слежения. Странница, блин, из Пскова, собачку говорящую пришла посмотреть. Стояла я там, на крылечке, с сумками, с бумагами и задумчиво курила. Наконец-то мне выпала возможность подумать о вечном.

Но о вечном не думалось — мне было весело. И интересно — в полпервого ночи в глухих проулках завокзалья стою с сумками, помятым лицом и с прошением в руке... Одинокая и гонимая. Дура? Потом плонула, поймала тачку и двинула домой. Думаю — утром вернусь сюда, приеду — всех порву. Водитель попался разговорчивый и смешливый. Рассказал как тут город три дня жил без меня. Сколько снегу намело, и как горожане готовятся к Новому году. А я ему поведала, как за правдой ходила.

Доехали. Попрощались. Выхожу из машины — здравствуй, родной город, родной двор, родной дом! Встала, вдохнула полной грудью. Снежок... Тишина. Час ночи, ни одного человека, фонарь горит... Хорошо-то как, Господи! Иду к подъезду, сумки уже просто волочу за собой за лямки. Думаю о Варваре — как встретимся, как жила она без меня, как хорошо вывести ее сейчас — побегать по новому снежку. Приготовила ей гостинчик — сунула в карман.

Подхожу к подъезду, у дверей сидит большущая собака и смотрит прямо мне в глаза. Лохматая, огромная, никогда ее не видела. Сидит, привалившись к двери, не шелохнется, хвост чуть подрагивает — дружелюбно. И смотрит на меня с выражением «ну, и где тебя носит?» Я могла поклясться, что в те две минуты, пока шла от машины, никто у подъезда не стоял. Тем более, собака — глаз у меня на них натренированный. Как и у всех собачников. Я осталась. Говорю: «Привет, собака..., ты чья?»

— Чья-чья, — отвечает собака.

— Твоя...

— А ты... Ты чего тут сидишь? — я по-прежнему не могу прийти в себя.

— Чего-чего, — собаку удивляет моя непонятливость.

— Тебя жду.

Вытаскиваю Варварин гостинчик из кармана, даю собаке, она жадно ест, благодарно машет хвостом, явно собираясь зайти со мной в подъезд. Я говорю: «Погоди, собака... Я чего-то не пойму... Подожди, сейчас мы с Варварой выйдем и во всем разберемся». В прострации захожу в подъезд, легонько оттесняю лохматую псину. Дверь закрывается, слышится звук скрежета лапой по железной створке.

Поднимаюсь к себе, открываю дверь, ловлю в объятия Варвару, а из головы не выходит лохматый пес. Еще вспоминаю, что забыла у подъезда сумку.

Встреча смазана. Наспех надеваю на Варвару ошейник, бежим вниз. Сумка стоит у лифта (!), на улице соседка выгуливает свою собачку. Мы выбегаем с квадратными глазами и с воплем: «Где собака?!» Соседка испуганно смотрит на свою болонечку, переводит взгляд на Варвару у моих ног и, заикаясь, спрашивает: «К-к-какая собака?...»

— Большая такая, лохматая, минуту назад здесь сидела! — объясняю сбивчиво, верчу головой по сторонам.

— Я только что приехала, а она тут сидит... Я ей бутерброд дала. Вот от него бумажка.

— Галь, — говорит соседка. — Га-а-аля! Что с тобой? Я видела, как ты приехала. Мы как раз на помойку шли. И как ты стояла, на снежок любовалась — видела. И как дверь в подъезд открывала. И как зашла. И сумку оставила. А собаки не было. Как съездила-то?

— Хорошо, — говорю растерянно.
Варвара сидит на снегу и внимательно на меня смотрит.

Ода хот-догу

У Варвары есть любимая игрушка — меховой хот-дог в масштабе 1:1. «Сосиска» в игрушке, как настоящая, — из резины, а «булка» — из бежевого меха. С игрушкой мы не расстаемся даже в походах. И дома каждый день, утром и вечером, «хот-дог» в центре событий. Эта игрушка — индикатор настроения в семье. Его кидают, его прячут, его ищут, его отбирают, его таскают в зубах, колошматят, когда мотают мордой, вытягивают из пасти и приносят в кровать, если все ложатся спать. Сколько раз эту игрушку стирали, зашивали дыры, штопали! Собираясь в поездку, мы можем забыть миски и поводок, но хот-дог никогда! Варвара лично следит, чтобы милую ее сердцу меховушку положили в первую очередь. Чем эта игрушка так тронула ее душу, сказать трудно. Но в зоомагазинах Варвара давно не проявляет интереса к канатикам, мячикам и резиновым уткам. «Нет, — равнодушно говорит она, — у меня дома есть лучше! Моя! Любимая! Игрушка!»

Давно уже не «горячая собака» для горячего английского мастифа.

Год 2006

Январь Холодно. Гуляем

Вчера, завершив-таки одну нудную работенку, которая висела надо мной две недели, на радостях испила яблочного сидра, поела колбасы салами и выкурила сигарету с шоколадом вприкуску. И взалкала душа моя общества. Собачка, до этого уже привычно выведенная на 5 минут (в сильные морозы, когда за минус 20, Варвара гуляет быстро), была снова призвана на срочную службу и мы, вооружившись телефоном, пошли в ночь искать приключений.

Погода шептала. Особенно после сидра, булькающего в теле, укутанном — на всякий морозный случай — в сто пятьдесят теплых одежд. Собака, как всегда пошла голая и неохотно.

На ловца бежал и зверь. Зверем оказался наш знакомец берн, знаменитый тем, что они с хозяйкой гуляют в любую погоду подолгу. Гуляют активно: с играми, беготней идальными походами по окрестностям. Мы присоединились к берну, который, ошелев от счастья снова видеть нас в своей компании, тут же оседлал Варвару и хотел горячо ее любить «всю ночь до утра», Варвара не возражала, этому берну она вообще не может сказать «нет». Любовь у них. Безжалостными руками мы разъединили влюбленные сердца, взамен пытаясь объяснить прелесть других игр: догонялки, тянучек, пряток и просто развед-вылазок в сугробы. Хозяйка берна, тоже ошелев от счастья, — чем еще объяснить? — подарила нам новехонький миленький канатик, жестом фокусника достав его из кармана.

И пошли мы гулять, как нормальные собачники: далеко, не спеша, в компании своих собак и своих разговоров.

Через полчаса Варвара сказала, что у нее устали ножки и вообще теплая кроватка зовет. И лучше бы чудесно гулять вокруг дома минут по пять, а не как народ Моисея — по сорок лет. И нельзя же так, сразу, после двух недель гулятельного воздержания, уходить в дальние дали. И делать вид, что нет ничего в этом мире прекраснее, чем прогулка под падающим тихим снежком по малолюдным улицам под светом фонарей в хорошей компании, хотя бы и с новыми игрушками да кусками сыра. Ну и что, что не -20, а всего -15? Зима все-таки! Лапы стирать и морозить она тут не нанималась!

Мы уговорили ее погулять еще капельку: «ты посмотри, какая погода!»

Через час Варвара решительно села на попу и, посмотрев на нас взглядом несчастного привидения, которое никто не любит, слабым голосом попросила принести ей бумагу и перо. Писать завещание и прошение на внеочередное присвоение мне звания матери-ехидны.

Мы — все трое — встали на колени и просили ее осчастливить нас своим обществом еще пару минут или хотя бы не умирать прямо здесь, а самостоятельно донести свою тяжеленькую тушку до подъездного крыльца.

Варвара, поджав губы и давая нам понять, что мы убийцы малолетних, дойти до крыльца согласилась.

Куда мы и прибыли ровно через полтора часа после начала прогулки.

Прощание с берном и его хозяйкой не затянулось. Варвара, невежливо тянула в сторону дома, переминалась с ноги на ногу, нетерпеливо на меня оглядывалась и еле сдерживалась от крепких ругательных слов.

Все остальные участники банкета расстались в размягченных от душевной прогулки чувствах. Две недели без нормальных долгих прогулок — это ж озвереть можно!

Дома Варвара высказала мне все, что думала, заставив несколько раз повторять упражнения на послушание: Села! Наклонилась над ведром! Выжала губку! Взяла ее, Варварину, ногу и-и-и вытерла! Хорошо! Молодец, девочка Галя! Ай, молодец! Села! Выжала! Протерла! Умница! Встало! На кухню вперед! Молодец! Корму насыпала! Быстро! Ай, умница! Сыру! Сыру побольше! Вооот так.

Впрочем, ни с сыром, ни без сыра есть Варвара не стала, решив покочевряжиться. Но я в тот момент узрела на столе недопитый сидр и наплевала на кочевряжки. Более того, я мстительно пообещала животному, что завтра оно снова пойдет на длительную прогулку, а сачок гнуть, если хочется, можно днем.

Потому что вечером у нас снова начнется совсем другая ЖИЗНЬ!

А утром...

Но жизнь к нам приходит по вечерам. Или по ночам — как раз, когда нормальные люди видят третий сон. По ночам мы бодры, активны и полны планов, как обустроить не только свою жизнь, но и Россию. А утром...

Собака спит рядом. Звенит будильник. Вслепую шарю рукой по столику, выключаю звенящее чудовище, разрешаю себе: «Еще пять минут». Когда совесть заедает, говорю, зевая: «Ну что, собакин, встаем?...»

— Встаем, — со вздохом отвечает она, и мы, как две старые бабки, кряхтя, стеная и скрипя, выползаем из-под теплых одеял. Какие планы, какая Россия?! Доползти бы до кухни! И там обустроиться — досыпать...

Апрельские развлечения

На меня в апреле, вот уже который год, накатывает легкое сумасшествие, которое выражается в непреодолимом желании подмети улицу. В этом году снова накатило. Подмети. Но так как подметать пока нечего, везде снег, — то хотя бы дорожку от снега почистить. Дворницкой лопатой. А также начать убирать за своей собакой. Как вижу дворничиху, а она у нас образцовая — целыми днями скребет-чистит (помогает это мало: одна дворничиха против свинства всей многоэтажной округи) — мне становится стыдно. Все время хочется подойти и извиниться, а лучше — взять и помочь в уборке. Но дворничиха нас, видимо, побаивается. Думает, что мы с претензиями подкатим. Обидеть дворника, как известно, может каждый.

Сегодня половину прогулки преследовали дворничиху с целью попросить лопату или метлу. А дворничиха, увидев нас, изобретательно от встречи уходила. В общем, как в мультике про Простоквашино: «...Теперь ты еще полгода будешь за ним гоняться, чтобы

фотографию отдать!» Лопата и метла нам не улыбнулись, а так хотелось улицу поскрести!

Неопознанный лающий субъект

Сегодня подруга, в почетную обязанность которой входит будить меня по утрам телефонным звонком и уже озверевшая от этой процедуры (дружба — дело тяжкое), решив, что пробудить такую соню может только нестандартный вопрос, вместо приветствий воскликнула:

— Ну, как там твой инопланетянин?

— Какой инопланетянин?... — с трудом выплывая из сна, промямлила я.

— Какой-какой, да твой дружок с Марса!

Я со скрипом открыла глаза, мутным взглядом уперлась в будильник, потом зачем-то в окно, потом на похрапывающую рядом собаку. Никаких инопланетян в мглистом сумраке не наблюдалось.

— У кого лечимся? — вежливость с утра — не мой конек.

— Я! Вчера! Поняла! — не обращая внимания на мое бурчание, продолжала напирать подруга. — Они все — инопланетяне! Моя с Венеры, твоя с Марса.

— Угу, — я досыпала сидя, не вникая в чужие фантазии.

— Ты слышишь меня?!

— А как же! — я не слышала ничего и никого, кроме нытья своей не высавшейся души.

— Животные — это инопланетяне! Вот! — подруга замолчала, чтобы дать мне возможность прочувствовать всю глубину и нетривиальность открытия. Не дождавшись реакции, продолжила. — Ну, посуди сама! Они нас понимают? Понимают! Но по-нашему не говорят!

Мысли читают? Читают! Вертят нами, как хотят, хотя нам кажется наоборот..., — аргументы явно заканчивались, но будущий претендент на Нобелевскую премию сдаваться не желал. — В общем, засланцы они. Из космоса.

— Засранцы... — привычно плоско сострила я.

— О, ну раз шутишь уже, значит, проснулась, — обрадовалась окончанию своей нелегкой миссии моя собеседница. — Но ты за своей понаблюдай, понаблюдай.

Вот я с утра и приступила к наблюдению. Точно — космический гость. Со своими заморочками, идеями, придумками. Прикидывается обычной собакой, но в голове такая галактическая геометрия, что мама не горюй!

Наблюдать и устанавливать контакт, общаться на ее языке — это так интересно и захватывающе, что я чуть не забыла сходить на работу.

Развлечения майские

Истории про то, как лезут на рожон.

Все описываемые события реальны, совпадения не случайны.

Мне интересно — почему неглупые в общем-то собаколюбы иногда ведут себя странно. Нет, это не про «притеснения». Про другое.

История 1

Роскошный вечер, лужайка, у собак есть возможность побегать в свободном полете. Что они и делают во главе с юной доберманкой-энержайзером... Мы, хозяева, стоим, умиляемся. Подходит к нам дядька с лайкой на коротком поводке. «Здрасьте-здрасьте, у меня девочка, можно к вам?»

Можно, отчего ж нельзя. Собака вливается в коллектив, но хозяин ее не отпускает —

так и держит на поводке.

Хозяйка доберманки: «Да отпустите свою побегать! Что вы ее на веревке томите!»

Хозяин лайки: «Не могу, убегучая она. Пусть уж лучше так».

Хозяйка доберманки (заводясь): «Не понимаю я вас! Ну как можно не давать собаке побегать? Конечно, она у вас будет убегать, если вы ее не отпускаете. Вон моя — носится целыми днями и то не выбегивается. И поводок-то у вас какой страшный — цепь настоящая! Вы же мучаете собаку, еще бы к будке ее гвоздями приколотили! Нет, таких хозяев самих надо на цепь сажать!»

Хозяин лайки (еще дружелюбно, но уже оправдываясь): «Да где же вы цепь видите? Нормальный поводок. А бегаем мы раз в неделю за городом. Это ж лайка, ей километры не надо наматывать, она по белкам у меня».

Хозяйка доберманки (не скрывая раздражения): «Ну так и идите к своим белкам! Мучают собак, потом жалуются!»

Хозяин лайки (тоже заводясь); «Да кто жалуется?! Мы к вам познакомиться подошли, а вы нас жизни учите».

Развернулся и ушел. На кой черт она полезла к нему с нравоучениями?

История 2

Те же и Чебурашка. То есть доберманка, доберманья хозяйка, мы с Варварой и еще несколько «пар». Подходит дядька с таксой... «Здрасьте-здрасьте, у меня девочка, можно к вам?»

Можно, отчего ж нельзя. Собака вливается в коллектив, да так резво, что через пять минут гоняться с ней может только добермания. Что и делает с душой и великим удовольствием. Естественно, от безостановочной беготни появляется небольшая пена в углах пасти.

— (Ой, — орет мужик, — заберите свою собаку! Она у вас больная! У нее пена!

— Да она просто убегалась, — пытается успокоить его хозяйка, — не беспокойтесь, собака здоровая!

— ...И мою укусит, пожрет, — не слушая, гундит таксовладелец, — забирайте скорее! (Сам причем стоит, не двигаясь).

— Я вам говорю, что собака здоровая, — уже со сталью в голосе говорит доберманья хозяйка, — вы чего паникуете? Боитесь, так возьмите свою и идите, это же вы к нам пришли.

— ...А прививки у нее есть? А от бешенства? А от глистов?

— Слушайте, мужчина, а родословную вам не надо вынести показать?

— А с бродячими собаками вы не играли?

— Слушайте, мужчина...

— ...Она вообще у вас, по-моему, хромает. Отгадайте с трех раз, что было дальше...

История 3

Стоим в дальних, непроходимых кустах — ротвейлер с хозяином и мы, болтаем. Ротвейлер по причине агрессивности ко всем, кроме Варвары, — на строгаче, в наморднике, на коротком поводке. Слышим, кто-то к нам ломится. Мужик с французским бульдогом. Вздохнули мы с «ротвейлером», что кого-то нелегкая несет, но делать нечего, земля общая, выбрались из кустов и перешли на другую лужайку.

Проходит три минуты — опять мужик с французом! Ротвейлер когтями скребет, хочет порвать и бульдога, и мужика. Вздохнули мы снова, думаем: может, мужик подслеповатый попался? Мало ли... Ходит по своему маршруту, а нас не видит. Бывает!

Передислоцировались. Встали уже так, что даже аист с середины Днепра нас рассмотреть сумеет.

Ёклмин! Идет! К нам! Напролом! Прямой наводкой! С французским бульдогом! Ноль

внимания на ротвейлера в строгаче-наморднике, красноглазого от ярости, на заинтересованного мастифа, на нас, хозяев, вылупившихся на такого камикадзе. Держим своих на исходе сил.

— Але, мужик, — кричим мы. — Ты куда идешь? Ты не видишь — собаки большие! Мало места, что ли, тебе? Стадион целый, бульвар, лужайки. Мы от тебя специально уходим! Так и будем весь вечер француза твоего спасать?

— Да я думал, поиграют они... Мой играть хочет. Может, вы своих на поводках подержите, а мой побегает между ними?

Занавес.

28 мая

У меня радость! А у Варвары течка началась.

Радость — потому что гулять в этом майском хаосе гуляльщиков теперь две можно легально меньше и легально огородами. Поведение Варвары в течку не меняется — такая же дружелюбная спокойная девица, а наши меры предосторожности продиктованы скорее заботой об окрестных кобелях... Вижу, кто-нибудь приближается — радостно ору на всю округу: «У нас течка!». Не знаю, почему меня так это радует. Надоели люди, наверное. А тут — такая шикарная отговорка от общения, и главное, не обидная ни для кого.

С утра занимались трудовым десантом на улице. Под окнами встали три шикарных машины, вылезли шикарные мальчики и девочки и общались. Ничего не могу сказать, общались не громко, музыка из машин не орала, пили пиво на капотах, ели кальмаров... Потом уехали. Газон — ровным слоем пустых банок, бутылок и пакетиков. Пустая урна — ровно в трех метрах. Я этого не понимаю. Страна варваров, безкультурного быдла, уродов... На скамейках сидят школьники, разговаривают, из пяти слов три — мат. Тут же, за скамейкой, справляют свои нужды...

Я плачу от этой страны. Взяла мешок, пошла мусор собирать.

Ночью я потеряла Варвару. В квартире.

Начала делать уборку, накидала на кровать вещей, книг, с антресолей достала летние вещи. Завал надо было тематически разобрать и разложить по местам. Но к вечеру стало лень, отдала себя дивану, решив, что утро вечера мудренее. На диване и заснула, рядом, у ног — Варвара, на кровати — завал. Все на своих местах.

Под утро просыпаюсь, голову поднимаю..., картина Тициана «Венера в мехах» — кровать в кучах одежды, зимней, летней, книг, распечаток из английских учебников... Сверху на всем этом уютно почивает Варвара.

Ну и правильно. Можно сказать, пустая, без хозяйки, кровать. Не пропадать же пространству?! А то, что навалено на ней всякого, — так это чепуха. Не шлакоблоки ведь, терпеть можно.

Июнь

Что для меня означает «Пришло лето». Вот уже который год летними выходными утрами просыпаюсь от того, что какая-то малолетняя девочка орет под окнами: «А-ле-ша! А-ле-ша!» Типа «гулять выходи». То ли «А-ле-ша» так и не вышел ни разу, то ли девочка попалась супер- mega упрямая, горланит она уже года три как минимум. И главное, часов в 9 утра в субботу и воскресенье. Сегодня утром слышу: «А-ле-ша!», думаю: здравствуй, лето красное!

Улыбнулась-потянулась, повернулась на другой бок и еще соснула часок-другой-третий под аккомпанемент «А-ле-ши».

Все мечтаю выглянуть с балкона и посмотреть на эту крикунью. Но лень...

11 июня

Варвара меня мучает — дышит все время, как запыхавшийся конь. Зимой, если она так дышит, значит, сильно хочет на улицу. А летом не поймешь — то ли жарко ей, то ли воды нахлебалась и хочет в туалет. Спрашиваю:

— Ты писать хочешь?
Стучит хвостом: «Ага!»
— Или жарко тебе?
Стучит: «Ага!»
— Что «ага»? — спрашиваю. — Гулять хочешь?
— Ага!
— Или жарко?
— Ага!

Вчера специально вывела на заключительный попис в 2 (!) часа ночи. С утра слышу — опять пыхтит. Погуляли... Весь день ходит за мной и пыхтит. Или валяется на линолеуме. Поэтому летом у меня слабый комплекс вины перед собакой.

Еще опять июнь

Вдогонку, на тему о международных контактах. Значит, случился у меня на днях легкий алкогольный заплыв. Шли с коллегой с работы, времени — половина седьмого вечера, душа поет, ноги зовут гулять. Зашли к коллеге, взяли ее пятилетнего сына, велосипед и отправились гулять. По пути выпили по баночке джина. Дошли до моего дома, взяли Варвару и пошли уже в полном составе — дети, собаки, велосипед. Еще по баночке...

В общем, вечер прошел в приятной атмосфере.

Придя домой примерно в час ночи, слегка навеселе, поняла, что хочу с кем-нибудь поговорить. Ну и решила позвонить знакомому австрийцу. У них-то еще вечер, значит, не спит, решила умная я. Страсть как хотелось с кем-нибудь пообщаться! Пусть и по-английски.

Думаю: как раз состояние подходящее, без комплексов, надо звонить австрийцу.

Сначала долго рыла в почте его телефон. Нашла.

Потом искала на кнопках стационарного телефона символ «+», чтобы набрать международный код. Не нашла. «Звездочки», «решетки» — все есть, а плюса нет.

Стала звонить по своему мобильному. Дозвонилась.

Чтобы услышать приятный голос девушки-автомата, который на классическом немецком языке чего-то говорил. Мое знание немецкого исчерпывается вечным «Гитлер капут», но в репертуаре девушки про Гитлера не было.

На этом попытки можно было бы и завершить, но! Мы же не привыкли отступать.

Набираю «девушку» еще раз и слышу что-то такое, отдаленно знакомое, из детства.

Путем несложного двадцатикратного прослушивания, понимаю, что это немецкие цифры! Что-то вроде «зибэн, зибэн, фир, цвай...» А я ж в первом классе как раз умела, как и все, считать на всех трех основных европейских языках. Как там? «Айн, цвай, драй...» или «Эн, до, труа...» На немецком, правда, всего до семи...

Если бы в соседнем доме завелся в ту ночь вуайерист, он бы удивился. Картина: два часа ночи, полуночь, на полу по-турецки сидит девушка, что-то сосредоточенно пишет на клочке бумаги, высунув язык от усердия, каждые несколько секунд поднося к уху телефон.

Кто-нибудь в покачивающемся состоянии пытался на слух записать немецкие цифры вразброс? «Драй, фир, зекс, айн...» Если соберетесь, рекомендую сначала написать столбиком:

Айн — 1
Цвай — 2
Драй — 3

Сэкономит массу времени. А то я сначала на пальцах считала.

Не удалось идентифицировать лишь одну цифру, которая, вероятно, была больше 7.

После дешифровочных работ я пропротрезвела и уже в состоянии была понять, что звонить в заграницу в такое время да еще и не факт, что по правильному номеру, — наверное, не культурно. Спит себе какая-нибудь австрийская семья, а тут звонок... Невнятное бормотание на русско-английском вряд ли окажется тем, что они мечтали услышать всю жизнь.

Может, и не культурно, но я все-таки позвонила. Чтобы... Чтобы после часа кропотливого труда услышать на прекрасном, чистом, звонком русском языке — НЕПРАВИЛЬНО НАБРАН НОМЕР. Коды областных и районных центров узнавайте в справочной вашего города.

Все, это был финал. Потому что попасть в какую-нибудь Тынду или Барнаульский край мне вовсе не хотелось.

Я сдалась. Я сказала себе, что не судьба... Да и для репутации полезнее.

Я брякнулась спать. Утром на дисплее телефона, лежавшем на подушке (!), обнаружилось 4 непринятых звонка. А я и не слышала! Во как упахалась, бедняга.

На следующий день по «аське» у австрийца ехидно поинтересовалась, где его носит, потому как я звонила (гордо). Он мне объяснил, что голос-автомат просто просил оставить свое сообщение или перезвонить по номеру. Что вернувшись домой буквально через несколько минут, он обнаружил много интересного. В частности, обрывки моих: «... ля», «черт...» и «куда жать-то?!»

Так я внесла свой вклад в укрепление международных отношений и дружбы между народами.

Походницы

Я считаю себя матерой походницей. Оыта нам с Варварой не занимать: каждый год мы выезжаем на пару дней в лес «водку пьянствовать», а кроме того, в моей биографии как-то случился байдарочный поход. Единственный и неповторимый! Зато на три недели.

Как сейчас помню, в байдарочном сплаве, за исключением общего энтузиазма, меня впечатлили четыре вещи.

1. В турклубе выдали список вещей и продуктов, которые необходимо взять с собой. Последним пунктом значилась... собака.

Без кавычек и без всяких объяснений.

Примерно так: 1) картошки — столько-то кг, 2) крупы пшенной — столько-то, 3) сгущенка, 4) резиновые сапоги, 5) крем, 6) собака.

Собака в походе — животное небесполезное, но собак в тот момент ни у меня, ни у друзей не было. Прилично ли одолживать в поход чужую собаку, мы не знали. Разрешили вопрос самым простым способом — спросили у начальника турклуба.

Он смеялся громко и заливисто. Оказалось, «собакой» походники называют индивидуальную вкусняшку, которую нужно брать с собой. Сидишь, стало быть, у костра за ужином и смертельно охота «чего-нибудь вкусненького» («синдром пельменей» у русских туристов в Европе). Каждый день группа ест чью-нибудь одну «собаку». Кто-то взял шоколад, кто-то сироп, халву, щербет, кофе, семечки... Так что «собака» — это вкусный сюрпризный десерт, радующий сердце и желудок даже самого махрового путешественника. Привет с родной кухни!

Слава богу, вопрос с арендой соседского ротвейлера отпал, моей «собакой» стала банка шоколадной пасты. К походу я подготовилась.

(Удивительно, но пункт «КЛІМН» из этого же списка мы расшифровали быстро. (Хитро подмигивая): а вы? Правильный ответ: кружка — ложка — миска — нож!)

2. Итак, к походу я была готова. Вернее мне так казалось, пока не начала укладывать вещи.

Засунув в рюкзак резиновые сапоги, поняла, что туда войдут еще только косынка и

железная тарелка. И все. Сапоги заняли 80% места в рюкзаке! Да что 80! Все 150!

Не входило ничего! Ничего! Куда пихать чертовы ветровки, штормовки, непромокающие штаны, футболки, трусов на три недели... А еще туристический коврик!

Не засовывалось...

Как я рыдала! Сидела, как всегда ночью, в последний момент собираясь, и горько-горько рыдала над своим идиотизмом и тяжелой судьбиной. Психовала, швыряла сапоги в стену, проклинала тот день, когда села за бараку этого пылесоса (зачеркнуто) подписалась на этот поход!... И заново, в сто пятнадцатый раз, укладывала и укладывала рюкзак. Коврик в результате скатала и привязала сверху, а утром, когда шла до автобуса, он не сильно, но ритмично бил меня по темени.

3. В программе похода был спуск в пещеры. Пещеры настоящие, страшные, глубокие и темные. В каком-то лохматом веке там прятались раскольники, демидовские фальшивомонетчики и прочие лихие люди.

Никаких лесенок и светильников. Фонарик в зубы, обвязываешься веревками, страховочный трос перекидывается через березу, и шагаешь вниз, в бездну Висиши в темной дыре, а тебя рывками спускают метров на тридцать. Веревки впиваются в тело, тебя переворачивает вниз головой, бьет об острые стены, пока чьи-то крепкие руки не примут внизу и не поставят на землю...

Жуткие воспоминания. Фотография сего исторического момента с моим лицом крупным планом («расстрел в подвале») до сих пор хранится у меня в шкафу, под стопкой белья.

Внизу, в самих пещерах, очень холодно и мало кислорода. Как там жили раскольники, и главное, как они туда спускались, для меня до сих пор загадка.

4. Посетили пещеры, поплавали на байдарке. Зато потом, когда через двадцать дней вернулись в город, были как пришельцы с другой планеты. Все не такое, всего много, шумно, грязно, пыльно... Народ суетится...

В знак протеста и невыветрившейся походной удали надели свои «попперы» и пошли по городу. (Сидушка (она же — поппер) — из того же материала, что и «пенка», только меньшего размера и с резинками, ее надевают на место, которым сидят. Надел — и садись, где хочешь, не боясь простудиться или замарать штаны.) Представляете? Идет колонна туристов, вихляя тощими задами в походных «трениках». А на задах — куски поролона с резинками!

Когда покидаешь лоно природы и возвращаешься — все немного не такое в городе. И мозги съезжают набекрень.

А с Варюхой мы **на катамаранах** ездили. Катамараны ей и мне понравились. А сам поход — не очень. Расскажу, если хотите.

ПОЕЗДКА В ЛЕС — 3.

Рассказ в 5 частях

Часть 1

Знаете, кого в лесу видели? Такую большую пчелу, сильно смахивающую на маленького воробья. Шершня, что ли. Все пугались, визжали, ну я, конечно, тоже. Потому что если ЭТО сядет на плечо, от тяжести можно рухнуть. А страшно как! Оно такое мохнатое с крыльями, бrr!

Варваре поход дался тяжеловато: жарко (под тридцать), что непривычно, много новых испытаний и много людей. К тому же я сама была «в нервах», поэтому собаку постоянно дергала...

Собственно, приключения начались сразу. Во-первых, выяснилось, что поход у нас будет по супер-заповедному заповеднику, куда с собаками категорически нельзя. Вот просто нельзя и все. Даже если приехали за 200 километров и тряслись два с половиной часа по жаре в микроавтобусе. Даже если собака послушная вся из себя. Даже если

предварительное разрешение было получено (переговоры или неделю, вопрос о собаке специально обсуждался, имелась соответствующая бумага с подписью). Даже если за поход уплачены деньги (а они таки уплачены). На КПП нас просто развернули и сказали — до свидания. Ничего не знаем, сказали на КПП. Россия-мать. Один разрешил, другой запретил. Кто на КПП сегодня, тот и главный.

Потом наше начальство сходило пошептаться, и с собаками разрешили, взяв с нас честное пионерское, что собаки (моя и лайка девочки-коллеги) будут под 100% контролем, и ни в пещеры, ни на прочие «природные памятники» мы ни ногой — будем сидеть на поляне при палатках. Или плескаться в ближайшей реке. А также будем убирать за собаками и водить оных на поводке. В лесу! Причем лес, прошу заметить, не европейский — три сосны, а нормальный такой, добротный лес, юго-западная Сибирь как-никак. А может, еще не Сибирь, а еще горный Урал, но тоже не Дисней-лэнд, а вполне себе местечко, где видели купающихся медведей.

Легко представить маразм гуляния по лесу на поводке. Поводок через некоторое время я, конечно, отцепила, но за собакой следила, как дрессировщик на арене — во все тридцать три глаза, и слегка через это нервничала. Каждый проводник, а у нас были проводники, считал своим долгом сделать выговор насчет того, что мы «додумались в лес приехать с собаками!». Я вяло оправдывалась, поскольку психануть и уйти из «тайги», и пилить домой 200 километров с рюкзаком и собакой было бы э-э... несколько нерационально. За каким лешим нашему начальству понадобилось вывозить коллектив в такую глухомань, почему нельзя было «посидеть у костра» в 10 км от города в ближайшей роще, выяснилось позднее, но первые впечатления оказались смазанными.

Инструкторов вокруг нас суетилось человек 10-12, плюс наши коллектив с детьми и мужьями — в итоге набралось не меньше 45 походников. От обилия новых лиц у меня случился приступ социофобии. Последние годы я держусь несколько отдаленно от людей, как-то перестала ими интересоваться. Мне хотелось забраться в дупло, замуроваться Варварой и просидеть там до прихода обратных автобусов. Ни водки, ни костра, ни «общения» мне не хотелось, а сильно хотелось домой. Меня заедали комары и мошки, совершенно игнорировавшие отпугивающие мази, рюкзак адски, до крови, натер плечи, пиво не пьянило, Варшина с опаской присматривалась к каждому к нам приближающемуся... а коллектив пел песни под гитару, ел шашлыки, женщины склоняли разомлевшие головы на плечи к разомлевшим мужьям.

Увела было собаку гулять. Но куда там! Трава по пояс, лес стеной, темно, страшно, мошка. Я вообще лес как-то не очень люблю. Мне в лесу страшно, неуютно, одиноко и грустно. Ну разве что раз в год, с компанией, в центре солнечной поляны, когда пахнет свежей травой и нагретыми иголками, теплой землей, речка мелкая плачет, собака радуется, пиво веселит и через два часа ты поедешь домой спать в свою кроватку. Вот тогда лес я люблю, а бывает, что «зимними вечерами» еще и взгрустну по такой природе.

Часть 2

Вероятно из-за того, что зимних вечеров в нашей с Варварой жизни набирается гораздо больше, чем летних солнечных полян, во мне живет неистребимая уверенность, что зимы, весны и повседневная унылая серость-это все несущественно и является лишь прелюдией, подготовкой, ожиданием главного. А главное — это ВЫЕЗД НА ПРИРОДУ.

— И вот тогда, — думаю я, — все будет совсем иначе! Не будет скуки, не будет вялых гуляний нога за ногу, не будет послеработной усталости и «срочных вопросов», которые надо решать, длинных, никому не нужных вечеров, не будет велосипедистов и неожиданных визитов, не будет дорог, машин, жухлой городской травы, дымящихся помоек и этой вечной лужи перед подъездом. А будет одно сплошное удовольствие, бодрость, веселье и здоровье столовыми ложками. Собака станет бегать, играть в мяч,нюхать траву и чуть ли не приносить в пасти жирных тетеревов. А я буду хохотать во все горло (обнажая

безупречные белоснежные зубы), запрокидывая голову (красивые длинные волосы рассыпаются по спине), вытягивая длинные ноги в модных кроссовках (именно ради этого случая они и куплены и ждут своего часа в шкафу!), Я буду молодая, веселая, спортивная, яркая, звонкая и хохочущая, буду тетеревов отпускать — ну зачем они нам, тетерева? Пусть летают! Пусть живет все живое и радуется жизни, как радуемся мы. И будет счастье и Настоящая Жизнь. Все предыдущее — репетиция, а скорее — просто маятное сидение в вокзальном зале ожидания. День за днем, «А вот наступит лето и тогда!»...

И никто не будет бояться мою собаку, и собака никого не будет бояться, и я наконец-то перестану быть «пограничником в дозоре». И никто не будет спрашивать, какая это порода, сколько она ест, злобная ли она, не боюсь ли я гулять по ночам, а заодно и спать под угрозой быть сожранной... Я привыкла к этим вопросам, отвечаю на них почти автоматически, не отвлекаясь от своих мыслей. Но иногда, примерно раз в год, мне хочется, чтобы вместо всего быть обычной молодой женщиной, соловеющей у костра на плече мужа и присматривающей за разыгравшимся (потом опять полночи не уснет!) ребенком.

Одним словом, главный урок, который я вынесла из похода — нет никакого ЗАВТРА. Есть только СЕГОДНЯ, И даже если сменить декорации, внутренняя суть все равно останется прежней. И не будет у меня собака бегать и играть, и не буду я хохотать. Тетерева превратятся в «глухарей» — в самом распространенном милиционско-процессуальном смысле. А сама я постепенно превращаюсь в подыхающее на холме чудовище с зажатым в лапе цветком. И выезд на природу не опровергает, а очень даже подтверждает этот факт, любезно предоставляемые еще и правильные задники для финальной сцены подыхания. Вот такие у меня впечатления были вечером, когда мы с собакой таскались по окрестностям, слушая гитарные вопли тех, кто не слишком обременился мыслями о высоком.

Комары и прочая гадость меня просто заедали! Я ходила в кепке, в капюшоне, и сильно мечтала о пчеловодческой сетке на голову. Зато поняла, что такое «мошка». Это когда мелкие мошки лезут в глаза, уши, рот, нос, в волосы, И больно кусают. Кто-то из них укусил меня прямо в ухо. Впечатление такое, как будто мне «дали в ухо». Красное, оттопыренное, как у дворняжки, висит. А оса укусила в попу. Она не хотела, правда. Просто ползла себе по ноге и заползла в штанину. Когда я ее, не подумавши, прихлопнула, в душе родился крик — первый раз в жизни укусило меня это животное. Птицекрылое...

Варвара вела себя в целом прилично. Из вежливости даже не стала какать в лесу, решив не отдавать природе все взятое, а увезти с собой в город. Поэтому убирала я за ней всего один раз, потом долго искала помойку. Не найдя таковой (странны, да?), утилизировала мешочек, как и все отходы, — в костер. Там как раз солянка варила. Я про запах подробно рассказывать не буду, ладно? (гы...)

Так что в целом, говорю, собака вела себя вполне прилично. Ну, разве что, откушав свое, полезла в миску к лайке, которая никого не трогала и мирно в сторонке поедала оставшиеся от ужина макароны. Лайка от такой наглости даже забыла, что побаивается Варвару, и заорала в том смысле, чтобы чужая морда убралась из ее тарелки. Варвара, поняв, что нет ничего на свете вкуснее макарон, заорала тоже — в том смысле, что по размеру туловища и ужин! И в принципе она, Варвара, не против дружбы, но только после еды. А лаечий номер — шестнадцатый, кресло приставное, в проходе, — добавила Варвара с набитым ртом.

В общем, девки слегка повздорили, а публика слегка возбудилась, решив, что вот он — давно ожидаемый бой «кто кого сожрет». Однако боя никакого не было — не дождется! — ибо больше всех боев и лаек Варвара боится моего «Таааак»... И подхода к ней с видом «сняла решительно пиджак наброшенный».

Бойцовского мастифа с поляны сдуло. А я решила идти спать.

Часть 3

Еще насладились «настоящей лесной баней» (на горячих камнях в шатре), разнообразными купаниями в разнообразных видах, переправой на ту сторону реки в пещеры, разговорами начальства на все интересующие его темы, включая чтение стихов Маяковского, — но без нас с Варварой.

Мы с ней — с мокрой после купания — завалились в палатку, обнялись, как встретившиеся после разлуки сестры-близнецы, и заснули. Я, как девушка почти-всегда-мерзнувшая, залегла в куртке и штанах. И только проснувшись окончательно поняла, что еще в кепке, и кроссовках...

Как ни странно, утром я встала, как роза. Свежая. Без всяких похмелий, плохих настроений и тоски по своему благоустроенному туалету и ванне. С удовольствием поела даже пшенную кашу (!), которую, отродясь, не ела и не собиралась. Кашица была с изюмом, приготовленная на костре, на родниковой воде. Варишна морду воротила, а я съела с удовольствием, запила кофеем и села на солнышко выкурить первую сигаретку. Жизнь в общем и целом пока радовала.

Потом мы сплавлялись на катамаранах. Долго строились, надевали спасательные жилеты, примеривались к этим плавучим средствам, грузили детей и собак. К счастью Варя ко всем видам транспортировки относится очень спокойно, залезает-вылезает без проблем. На катамаранах плывли ровно три минуты. До другого берега. Инструктор шел (!) рядом и контролировал процесс. В самом глубоком месте реки ему было по грудь. То есть при необходимости речку под названием Серьга можно было перейти вброд. Мы же, как настоящие недобитые туристы, плывли на катамаранах, потому что «уплачено». На той стороне были натуральные скалы — огромные голые валуны, уходящие вверх. И козья тропа среди камней — для тех, кто желает подняться наверх. Пожелали все. Кроме нас с собаками. Собакам скалы были просто не по силам. Да и мне, честно говоря, с моей боязнью высоты на такие вещи смотреть лучше всего по телевизору.

Все ушли, а мы остались среди камней на берегу. В тени. На сквозняке. Напротив нашей стоянки прямо по курсу. Через пять минут стали мерзнуть. И приняли стратегическое решение перейти/переплыть обратно «домой» — к солнечной поляне, палаткам и костру. Переплыли все — хозяйка лайки, лайка и я — кроме Варишны, которая, брезгливо помочив копыта, решила, что плыть ей неохота и лучше перебраться обратно таким же способом, каким и прибыла — на плавсредстве. А что — мальчики гребут, девочки восхищенно повизгивают, и не жарко, и оно само плывет — чего, правда, шубу-то мочить? И побегав для порядка по берегу и возмущенно пару раз бухнув мне в спину, мол, маманя, не суетись под клиентом, отыхать же приехали!, Варвара улеглась на сложенные на катамаране мои вещи, сделав вид, что тут и росло.

Катамараны были в сцепке. Три таких больших резиновых дуры. Какими-то веревочками связанные (чальниками, что ли?) между собой и «на бантик» — к камушку на берегу. От Варвариных маневров вся эта композиция пошатнулась и сделала «кхе...» — то есть попыталась стронуться с места. Вместе с Варварой, моими вещами и горой из тридцати весел. Варвара лежала и излучала полное довольство жизнью. Когда я это увидела, а точнее, услышала подозрительное «кхе», то в чем была — в шлепанцах, шортах и кепке ломанулась через реку — спасать. На ходу прикидывая насколько эффективна команда «Стоять!» будет по отношению к катамаранам. Шлепанцы норовили утонуть. Кепка тоже. Катамараны скрипели, выворачивая якорный камешек. Я, старая пловчиха, отплевываясь шуровала через реку. Варвара по-прежнему лежала и, позевывая, лениво наблюдала за маневрами...

Спасла я народное добро. Все закрепила, отловила весла, надела свой спасжилет и сделала еще одну попытку перетащить упрямое животное через реку. Животное твердо сказали; «Нет». Спасжилет не сказал ничего, просто не давал мне погрузиться в воду с головой.

Маски-шоу «Купание красного коня» продолжалось до тех пор, пока не вернулась

группа. Я, правда, к этому времени была уже снова на своем берегу, плюнув и на коня, и на его купание.

Спустившись со скал умилились; стоят себе катамаранчики бочок к бочку, весяща аккуратно сложены, вещи стопочками лежат, а посреди этого благолепия в киношной позе пограничного пса Верного, без сна и отдыха третью сутки охраняющего колхозный амбар, сидит моя псина. Вот, мол, люди-человеки, сижу, как приказано, жду вас, а то мало ли, ходят тут всякие... Люди-человеки замерли в восхищении. И до меня на том берегу, мокрой, уставшей, тяжело раскуривающей заслуженную сигарету, донеслись слова восторга. Хозяйка, дескать, уплыла бамбук курить, а Пес сидит! Сидит и в снег, и в дождь! Сидит, так его растак! Во дрессура! Во дает кинология!

Я могла бы им порассказать про кинологию, но не стала. Дождалась, пока ценный груз переправят обратно в мои железные материнские объятия.

Часть 4

На берегу собака деловито отряхнулась, пересчитала прибывших и... пошла купаться.

А так как в программе заезда значился Большой Сбор перед Большим Сплавом на другую стоянку, пришлось девочку выгонять из воды и привязывать к рюкзаку, потому что новоприбывший инструктор еном выступил с заявлением на тему — откуда здесь собаки, если их быть тут не должно. Но тут меня какая-то тварь укусила в ухо, и я не смогла поддержать беседу на должном уровне.

Сплавляться мне понравилось. У меня был опыт трехнедельного путешествия на байдарке, поэтому всего через каких-то двадцать минут я вспомнила, как держать весло, что такое «Табань!», где у плота правый борт, а где левый. Варвара изображала фигуру впередсмотрящего, отчего наши катамаран сильно кренился вперед и сидящие на носу люди вынуждены были отталкиваться от дна, чтобы тот не сел на мель.

Я гребла сзади, попутно мочила ноги в теплой водичке и даже изредка покрикивала что-то вроде: «Эге-гей!» А может, «Ио-хо-хо!». Периодически Варвара смутно припоминала, что приехала вроде бы не одна, а вроде бы с кем-то. Точно вспомнить с кем, она не могла, поэтому таскалась по всему катамарану, и без того перегруженному вещами, как тарантас в эвакуацию. Тарантас скрипал, но двигался. Варвару боязливо отодвигали, чтобы не заслоняла обзор.

Потом на посту гребца меня сменили, я легла, устроив голову на чьем-то рюкзаке, и закинув ногу на ногу. Достала сигаретку, тарантас тут же превратился в пароход. Варвара улеглась рядом, в натекшую лужу. Виды были чудесные. Солнце светило, скалы громоздились по берегам, птички печи и перенасыщенные хлорофиллом вечнозеленые насаждения радовали глаз, легкие, голову и душу. Речушка булькала, есть не хотелось, товарищи по катамарану от избытка благодати как-то притихли и, если бы не необходимость грести, погрузились в сон. Потом хозяйка лайки угодила под катамаран. Случайно. И хотя воды там было по колено, все немедленно воспользовались шансом разнообразить плавучую жизнь и соскочили в реку. И лайка тоже. И я. Лайку немедленно понесло течением вдаль. За лайкой поплыла моя тапка. За тапкой — чьи-то черные очки. И только Варвара лениво потянувшись, спросила, зевая: «Ну, чтооооо опять случилось?»

Варваре было велено лежать, а мы, затормозив катамаран на мелководье, начали ловить тапку. Лайку к тому времени уже выловили. Тапку ловили своеобразно: кидали камнями, чтобы она из-под коряг выплыла. Не поверив в эффективность такого способа, к тапочке двинулся доброволец.

Инструкторы, выплывшие из-за поворота и замыкающие сплав-парад, были немало удивлены: стоит себе катамаран, никуда не торопится, один человек — в отдалении, а шеренга товарищей методично швыряет в него камнями с криками: «Левее! Перелет! Вот он! Почти достал! Давай еще раз жахнем по нему! Камень побольше возьми, а то не попадешь!»

Танку выловили. Товарища тоже. Очкы тоже. Правда, без дужки. Зато выяснилось, что утонул пакет с едой. Но еды было много, и об этом пакете печалиться не стали, великодушно подарив «рыбкам». Варвара последних реплик не расслышала и очень заинтересовалась лежащими на дне булками и парой окорочек... И шагнула с катамарана — рассмотреть поближе. Катамаран качнуло, волна накрыла берег. Потом мы водрузили Варю обратно, еще немного проплыли и увидели передовой отряд наших. На скале, мимо которой мы плыли. «Эй! — крикнули мы, — далеко еще плыть?» «Да нет, километра два... Мы уже причалили и вас заждались, вот, гуляем», — ответили нам. Мы налегли на весла. И чуть не промахнули стоянку, которая была ровно в десяти метрах, за выступом скалы. Пошутили над нами ребята.

У берега оказались хляби. Грязь. Жидкая, тонкая, засасывающая. Это, знаете, когда одну ногу вытаскиваешь, вторую засасывает. Вторую вытаскиваешь — первая уже намертво застрыла. Я таки порвала свои многострадальные тапки, вымазалась по уши, Варвара в недоумении сигающая туда-сюда угваздала весь катамаран и половину рюкзаков. А также людей, спешащих нам на помощь. В этот момент они пересмотрели свои взгляды на кинологию.

Часть 5, заключительная.

В общем-то на этом приключения закончились. Потому что большая часть группы пошла «в пещеры» (5 км туда, 5 обратно), а мы остались в лагере. Я потащила было Варину «гулять и дышать», но она плелась с видом сироты, угоняемой на чужбину, высунув язык и перебирая лапами, как сонная муха. Из-под ее опущенной к земле морды слышалось невнятное бормотание, сильно сдобренное нехорошими словами. Если бы она работала, как лошадь, прикомандированная к мельнице или шахте, прибыль владелец получил бы лет через пятьдесят. Да и то не факт.

С гулянями не получилось. Зато получилось с загоранием. Я тогда еще не знала, что на катамаране у меня обгорели... колени и, бережно прикрыв плечи, руки, голову, радостно легла и выставила ноги навстречу солнцу. О чем до сих пор жалею.

Мы позагорали, поскучали, полежали, опять поскучали, опять полежали, потом, уже на исходе терпения, дождались-таки наших, поели, попили, собрались и, сделав марш-бросок в 3 км, вышли к автобусам. Варина замыкала колонну, и все отчетливо слышали ее: «... Чтобы я еще раз!»

Домой мы добрались ближе к полуночи. Варвара выпила ведро воды и брякнулась, взгромыхнув, как упавший сервант.

В следующий раз мы вышли на улицу только в 4 часа дня. Нас обходили стороной: Варвара шла, пошатываясь, а я с искусственным комарами лицом сильно смахиваю на любительницу подраться. А также выпить.

Про то, что мы вернулись из похода, никто и не подумал. Не похожи, видать, мы с Варварой на походниц. Они не знали, что мы только что вернулись из **НАСТОЯЩЕЙ ЖИЗНИ** в свой зал ожидания. В котором тоже неплохо. А временами даже отлично. По крайней мере, никто не кусает за...

А кашу мы и тут сварить сможем. А Варюхе — макароны!

Июль

А я как раз пришла из зоомагазина.

Захожу туда примерно раз в неделю-две. И продавщицы там меняются примерно с такой же периодичностью. Но что интересно: наташивают их всех одинаково! Кто бы что бы ни покупал — банку корма ли, игрушку ли, вкусняшку — обязательно разговор с покупателем начинают словами: «А у вас кто?»

Подразумевается, что разомлевший от внимания человечек сразу начнет рассказывать

про свою мусю-пусю-чижика-пышки, доставать из портмоне зацелованные фотки, ударяться в описания прекрасных моментов жития с животным и растроганно блестя глазами, делать, делать, делать покупки.

Но иногда это «А у вас кто?» бесит.

Времени нет или настроения, или вообще приступ аутизма и социофобии. И хочется не разговоры разговаривать, а быстрее все купить и домой бежать к своей недоцелованной мусе-пусе.

И вот вчера.

Стою, рулетку выбираю. Понятно — самую большую, самую прочную, самую длинную. Стою, напряженно думаю.

Подплывает продавщица. Вместо «здравствуйте» выдает дежурное: «А у вас кто?»

Да ёклмн! Не меняя выражения лица, сухо говорю: «Медведь у нас» в контексте «Отстань от меня, дорогуша».

Интересуюсь, на какой вес рассчитана самая крепкая рулетка. На 50 кг. А нам надо на 80. Но шнур вроде толстый, да и была у нас похожая, нормально. Добавляю рулетку к прочим своим покупкам. И иду к витрине с лакомствами.

Девушка тут как тут. Подсовывает мне какие-то несеръезные финтифлюшки: печеньюшки, ушки, хвостики. Говорю — нет, это медведю моему на один зубок, надо что-то посеръезнее!

После некоторого колебания останавливаемся на ноге с копытом — размером с бейсбольную биту.

— Вот, — говорю, — то, что надо! Может, на подольше хватит, я хоть ботинки успею снять и руки помыть...

Девушка смотрит со священным ужасом:

— А что, вы его в квартире держите?!

— Кого?

— Ну, медведя...

— Да, — говорю. — В квартире. Сами-то мы в сарай перебрались.

Июль, еще июль

Из-за дождя сегодня опять весь день спала. Не помог даже купленный специально для трудовых подвигов напиток-энергетик с «натуральным компонентом гуараной», которая «уменьшает чувство усталости, повышает тонус и является источником силы и энергии». Напилась гуараны и спокойно залегла. Плед, диван, собака рядом, выпавшая из рук книжка... Устинова очередная. Дождь по оконшку — кап-кап..., спи-спи...

«Люблю собак...» прочитала не без грусти. А я, наверное, не заведу после Варвары никого... Я не хочу, но не могу не думать о том, что... когда-нибудь... И как это — без нее? Но... больше (в смысле +1, +2) никого не хочу... Кошку, может, потом, когда...

Для меня Варвара — больше, чем собака. Поэтому я — не собачница... И наверное, ею уже не стану.

Август

Мы тут с Варишной развлекаемся кашеварением. Корм у нас кончился, а до денег еще несколько дней.

Подъедаем какие-то сине-фиолетовые овощи, которые по дремучести своей огородной так и не знаю, как называются: кабачки или баклажаны. Сама я в этих овощах не понимаю (трава-травой, хуже только шпинат), но мамины запасы принимаю с благодарностью, тем более что, как выяснилось, Варвара их вполне употребляет. В общем, крошу ЭТО в кашу, яйцо вареное туда же, помидоры-огурцы, тушенки для запаха, маслица подсолнечного. Варвара говорит, что вкусно.

Тут выяснилось, что забыла, как варить крупу — в горячую или холодную воду сыпать?!

Так и не вспомнила. Зато опять вспомнила тот отличный рецепт моей свекрови, дай бог ей здоровья.

Кажется, я этим рецептом уже всем плешь проела, но не устаю делиться гениальным! Берешь крупу, засыпаешь в кастрюлю, заливаешь кипятком, чтоб слегка закрывал крупу, сверху — крышку и идешь спать. Утром встаешь, открываешь кастрюлю — а там! Рассыпчатая, вкусная, обалденная каша! Серьезно!

Каша из топора...

С яйцами была та же беда, не могла припомнить, в какую воду их кладут и варят. На всякий случай сунула в кипящую, варила минут 2-3, получилось слегка сыровато, но в общем тоже вполне.

На курсы кулинарные не пойду все равно!

Вчера и сегодня на улице периодически проскакивает что-то, отдаленно похожее на лето. Солнце изредка показывается, с удивлением понимаю, что оно даже греет. Почти как летом. Потом ловлю себя на мысли, что лето вообще-то есть, но чукчу-то не обманешь! Кто ж летом в куртке ходит?

Вчера соседка смеха ради назвала Варвару «коровушкой», но мы шутке не посмеялись, сама она — коровушка, а мы нежные девочки, которые ждут лучших времен.

Что-то там на небесах перемкнуло, и случился у меня нынче вечером приступ человеколюбия.

Идем, значит, с Варварой, гуляем. Погода хорошая, мысли... Нет, даже мыслей никаких нет — в голове тихо, на душе гармонично. Окружающая действительность входит в меня и выходит, не задерживаясь в фильтрах рефлексии.

Ночи опять темные стали, с фонарями беда... Идем, значит, гуляем, Варвара чуть сзади у кустов притормозила, нюхает. Я чуть дальше прошла, оборачиваюсь — не видно ничего, а главное, не видно Варвары. Стою, глазами шарю по темноте. В это время за спиной слышу: «Уберите собаку!» Оборачиваюсь: моя красотка, сделав какой-то хитрый маневр, проскочила мимо меня и не спеша, вальяжно, но необратимо двигается в сторону тетеньки, у ног которой шевелится что-то небольшое и темное. Я, конечно, сразу: «Варвара, стоять!» и ускоряюсь к потерпевшим. Подхожу. И тут случилось это.

Говорю: «Ой, вы извините меня, пожалуйста, я задумалась... Собаку свою не проконтролировала. Мы вас не напугали? Простите, темно, я ее из виду потеряла, мы мирные, вы нас, пожалуйста, не бойтесь, я сейчас собаку заберу». (Просто Бекки Тетчер на воскресной службе! Так искренне я сожалела, что забоялась нас чужая псина (это был шарпей)...

Тетенька расслабилась, заулыбалась: «Да нет, ничего, это ВЫ нас извините! Действительно темно, я своего тоже почти не вижу. Какая у вас собака замечательная, добрая. А что за порода?»...

В общем, мы упали друг другу на грудь. Собаки в это время мирно обнюхивали друг друга, шарпей даже попытался страстно полюбить Варварину ногу. Варвара, как и водится при горячих ухаживаниях, сразу делает морду «я не такая — я жду трамвая...» и с грацией бегемотика начинает игриво порхать по дорожке.

Я, как и водится в таких случаях, тяжеловато шучу: «Вот такие мы вертихвостки...» Хозяйка заливается колокольчиком: «Ну, вы же девочки, вам положено! Степан! Не будь нахалом!»

Вечер в стиле «карамель» закончился взаимными пожеланиями приятной прогулки и стороны расстались в приятственном расположении духа.

Дальше. Идем по маршруту. Навстречу — дядька с ризеншнауцером. У дядьки кличка «Пограничник» — уж больно похож его ежевечерний мотцион на дежурный обход заставы. Нахмуренный, неумолимый, ритмично вышагивает, руки за спиной. Ризен за ним — шаг в шаг. Мы с дядькой встречаемся часто, но не здороваемся, так, проходим на нейтрале. Он свою собаку придерживает, я свою.

А сегодня я ему улыбнулась и говорю: «Добрый вечер». Дядька сначала осталенел, потом глаза такие большие сделал, потом, ей-Богу, застеснялся и прошамкал что-то вроде «Добрый». Я сама от себя ошалела. Ризен, видимо, ошалел тоже, от неожиданности дажерыкнул на Варвару. Варвара ошалела — ризен заговорил! Но ничего не сказала, протормозила, как всегда. Оглядывалась только долго.

А мне уже море по колено, иду, не знаю кого своей добротой одарить. К счастью, через заросшую тропинку, где мы шли, перлись какие-то парни. Выруливают нам наперерез и замирают. «Собачку бы попридержали», — бурчит один, и по тону чувствую — не уверен он в исходе встречи. А я вся такая добрая-добрая! «Без проблем, — говорю. — Идите спокойно, я ее держу!» (Она вообще-то была на рулетке, но сказала то, что они хотели услышать. И действительно попридержала ее за ошейник, хотя Варваре было фиолетово — она траву жевала). У оппонентов — секундная пауза на переваривание столь легкой победы. «Спасибо...», — не успели поменять тон на радостный, все также неуверенно бочком проходят мимо нас.

У самого дома уже, на тротуаре, смотрю девушка в темноте стоит, жмется к дереву. Думаю — чего стоит? Вроде девушка, не должна она у деревьев обтираться. А она таксусебой прикрывала! Чтоб, значит, мой линкор ее не снес. Говорю: «Ой, вы от нас прячетесь? Извините, мы сейчас быстренько пройдем!» Девушка разулыбалась (слышу по голосу); «Да мы маленькие, мы всех боимся...» Я говорю: «Маленькие и красивые!» (чепуху какую-то сказала, но что пришло в голову, то и выдала, хотелось сделать им приятное.)

Усталые и довольные мы пришли домой. Снимая ошейник с Варвары, я традиционно поцеловала ее в лоб и прокурлыкала: «кУси-кУси!»

Что это было — обе до сих пор головы ломаем.

О БЕДНОЙ СОБАКЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

Когда кто-то из новых знакомых или случайных попутчиков вроде водителей такси узнает, что у меня есть собака, разговор сразу оживляется. «О, — восклицают они, — собака — это здорово. У меня тоже была!» Или — «была у друзей». Или — «в детстве была». Все рассказы — почти под копирку: жила-была собака в семье, так ее любили, ну так ее любили, а потом она укусила кого-то там, и собаку усыпили. Или — вариант: так собаку любили, ну так любили, а она убежала. Еще одну взяли — и эта убежала. Или попала под машину. Или сбил грузовик. Или — «сожрала что-то на улице и умерла». Или умерла оттого, что дали куриных костей, а всегда кормили «что сами едим». А чего антимонии разводить? Плеснули супа в миску, пельмень бросили, лапшички — разговеться. А корм — это баловство все, «для породистых, а у нас простая была, соседская овчарка принесла, она каждый год «приносит», а куда щеночек-то девать?»

Наслушаюсь всей этой лабуды, пусть и от чистого сердца рассказанной, и впадаю в ужас от дремучести наших людей. От дремучести и от... простоты, которая хуже воровства, потому что она воинствующая, глухая, зашоренная. Топить щенков — жалко, да. А раздавать их по «добрым людям» — это пожалуйста. Или на улицу выпускать, в большую жизнь — это нам не жалко, это гуманно. И каждый год выпускать. А потом письма в газету писать, чтобы решили вопрос с бездомными стаями. А любимую Жучку в течку попридержать на поводке — это нет, это же насилие над природой! Тем более что

мифы про «в течку забеременеть нельзя» и «один раз надо родить для здоровья» — они так сильны, что палкой не перешибешь, дустом не вытравишь.

Кормят собаку супом или кашией на воде. И удивляются, что и шерсть не блестит, и зубы желтые, и с желудком проблемы. А когда говоришь, что корм — это, наоборот, питание более дешевое, чем натуралка, потому что там надо и мясо, и молочное, и витамины, и рубец, и много чего еще, чтобы еда была сбалансирована, — не верят. Отмахиваются — это для богатых, говорят. А мы уж так, по-простому. Каши да пельмень из тарелки, да и будет с собаки.

Завести собаку, гулять с ней по пять минут вокруг дома, не дрессировать, не заниматься, а потом, лет через пять, когда она тянет кого-нибудь, везти собаку усыплять. Ну и правильно — это же собака «вдруг взбесилась», она дура, а не они! «Уж так мы плакали, так плакали, когда оставили на усыплении нашего Рэмку... Мы же привыкли к нему, за восемь-то лет...»

Я смотрю на таких людей и не понимаю. Они придумали себе вечную жизнь? Ни Бога, ни черта, ни старости не боятся? Не думают, что там, ЗА ЧЕРТОЙ с них спросят за жизнь, прожитую во сне разума, — без сочувствия, без понимания, без развития?

Август. Нас теперь трое: Дарелл, Варвара и Галка

Сегодня, в пятницу э-э..., 11 августа приехал к нам в отпуск на передержку парень шарпей по кличке Дарелл, для своих — Дарлуша. И вот уже целых 15 минут нас трое. Дарлушу иногда, оговариваясь, называю «Карлушей», Варвару — «Варлушей». В общем, полет нормальный!

Первое, что сделал пес, — деловито обнюхал дом, хотя был у нас «на смотринах» пару дней назад, потом, явно от стресса, смущенно накакал на балконе аккуратную кучку. От еды пока отказывается, говорит, что кусок в горло не лезет. Да и некогда ему пока — сидит у двери в позе «Ожидание» и ушками-на-макушке: ждет маму.

Мама его, вместе с папой и детьми, уезжает завтра на юг. До конца лета. А Дарлушу мы взяли не бескорыстно, но очень уже прониклись к нему симпатией.

У Дарелла есть сестренка — Саша, К счастью, ее увезли на передержку к человеческой бабушке, которая не потянула бы двух собак. Зимой Дарелл, гуляя с бабушкой, рванул с поводка, но бабушка поводок не выпустила из рук, зато слетала в сугроб. А после этого сказала: «Знаете что, ребята, гуляйте сами! Мне двоих шарпеев не потянуть, я человек немолодой и все такое! Если уж совсем некуда девать на отпуск — заберу, что с вами, непутевыми, делать, но лучше решите этот вопрос как-нибудь иначе»...

«Как-нибудь» оказались мы с Варварой. Первая моя мотивация — подзаработать. Вторая, после знакомства с Диной (хозяйкой), оказавшейся моей сверстницей, человеком одинаковых со мной социального, интеллектуального, культурного и прочих уровней, — желание помочь, выручить таких же собачников, которым тоже иногда надо отдыхать... А сейчас появилась еще и третья причина — интересное времяпровождение, наблюдение за собаками, более насыщенная моя эмоциональная жизнь... За эти же деньги я могла за ночь-две накропать пару статеек, но почему-то захотелось вот такого.

Друг с другом собаки пока ведут себя дружелюбно. После ознакомительных игрищ, обнюхивания чужих лежанок и игрушек, а также проверки, что лежит в чужой миске, не вкуснее ли там вода... Подставки с мисками стоят по разным углам большой кухни. Это не помешало Варваре попытаться пообедать за себя и за того парня, а вот на приближение к своей миске она отреагировала предупреждающим рычанием.

Теперь собаки лежат и, полуприкрыв веки, наблюдают за мной, ждут первой совместной прогулки. Говорят, наш юный друг сильно рвет с поводка... Но куда ж он денется, с лодки-то — с руки, натренированной на мастифе. Но — придется бдить. Обычно мы с Варишной ходим себе спокойно — малышню не обижаем, больших не боимся, кобелей не рвем, с суками не деремся... А тут боец появился! Дома парнишка ведет себя ласково,

хотя и выглядит немного потерянным. Подойдет ко мне, ткнется большим своим замшевым носом в колени, вздохнет, мол, иээээх, вот ведь как оно получилось... и снова идет караулить к двери.

Одного не хочу всеми фибрами — гулять спозаранку. Мы-то с Варварой знатные лежебоки. Мы с ней эти... ночные мотыли. Большие ночные не мотыльки — мотыли. А Дарлуша наш, страшное дело, в 6.30 привык вскакивать, жаворонок плюшевый. Интересно, а сколько времени требуется кобелю на прогулке, чтобы «вы-пи-сать-ся»? Вот такие у нас дела.

Вечером поговорила с одним очень уважаемым мною кобелевдадедьцем, который просветил меня насчет кобелей. А то я взялась жаловаться, что Дарелл гуляет, по нашему с Варварой мнению, «абсолютно безобразно»: тянет, «рядом» не ходит, а зигзагом на хорошей скорости бегает, метит все стволы, помойки... Не прогулка, а ужас какой-то. Так как хозяйка Дарелл а наказала не выпускать поводка из рук, я и не выпускаю... И бегаю, как привязанная к моторной лодке. Как крыса на веревке волочусь за бодряком Дареллом. Варвару пришлось отпустить, и она в свободном полете едва за нами поспевает. Получается, что мы с Варварой выгуливаем шарпея. Нет, шарпей — нас.

Сегодня он нюхал-нюхал какой-то куст, а потом как рванул! Я, хоть и держала, но тут, порезавшись об брезентовый край, от боли поводок выпустила. Ну, думаю, ладно, хрен с тобой, морда складчатая, беги... (Гуляем-то на лужайке, в относительной безопасности, не у дороги). Он и побежал. Дунул. Не от нас, не куда-то конкретно, а гуляя таким странным образом — быстрым бегом к горизонту, на ходу нюхая, помечая, нюхая, возвращаясь, снова оставляя метки. Посмотрела я на этот веселый удаляющийся хвост-полумесяц, и говорю Варваре: «Что, пошли догонять? Даже «не пошли», а побежали!» И скрипя старыми костями, побежали догонять. Догнали, конечно, спасибо большому дереву, меченому-перемеченому, которое заинтересовало товарища надолго. Вчера вывела их еще ночью — ближе к полуночи, чтоб утром спали подольше. Погуляли, вернулись, а пес маётся, ходит, говорит мне что-то, лапу дает. Я не понимаю. Сытый, выгулянный, диванчик в его распоряжении, игрушки. Чего ему еще надо? За ушком почесала, поговорила, погладила. От непонятливости моей пес начал бурчать и взлаивать. От руки моей шарахаться.

И от страха даже как-то легонько куснул в ладонь. Пришлось сесть на корточки, положить складчатую морду себе на колени и долго-долго (минут 5) гладить и успокаивать парнишку, рассказывая ему сказки про светлое будущее и про то, что мы его дискомфорт прекрасно понимаем. Задремал.

Я так устала за день, что готова была его к себе на голову положить или за пазуху, лишь бы он не страдал, не маялся и не лаял. В общем, дабы гостя не нервировать дала раньше обычного сигнал к отбою, погасила свет и сказала себе, что это не так и много — 20 дней... Заснули мы втроем в обнимку. Сначала на кровать пришла Варвара. Легла сбоку на свое привычное место. Потом пришла наша сиротинушка и легла с другого бока, сонно вздыхая о своей тяжелой доле.

И когда, наконец, засопели они в четыре дырки, разрешила себе заснуть и я. Легла, правда, в полном параде: в штанах, носках и футболке. Вдруг придется вставать в 6 утра? Проснулась, слава небесам, в половине десятого. Звери лежали на полу, по своим местам и чутко ждали моего пробуждения. Такие деликатные зверюшки! Я выспалась, была относительно свежа и добра. Пошли гулять, потом пить кофе, есть еду. Собаки поменялись мисками и с жадностью ели корм друг у друга. Потом поменялись лежанками и завалились спать. Прилегла и я...

Проснулась от непонятных звуков — Дарелл с упоением грыз любимые Варварины погрызухи, обложившись ими как горой самоцветов. Варвара лежала рядом, на спине, по щеняччи раскинувшись, и дрыгала ногами от накатившего на нее непонятно какого счастья. Во время моей еды пришлось гостя ласково выставить за дверь кухни — к Варваре в коридор. Так я расставила точки над «и» относительно гляделок в рот. Сидели за дверью тихо, не жалуясь, не просясь, за что каждому потом было вручено по вкусной горбушке.

Все жду, когда они будут устанавливать иерархию. Но собаки ведут себя как два соседа по купе — взаимно-вежливо и нейтрально. Проходя мимо другого, каждый в знак приветствия слегка дернет хвостом, носом ткнется: «А, это ты...» И все. Дарелл чаще лежит рядом со мной, Варвара все больше спит. Если он не будет лаять по ночам и резать поводком мои нежные пальцы, мы, пожалуй, продержимся.

Только вот маникюр меня покинул... Теперь мечтаю отрастить когти на ногах, чтобы цепляться ими, когтями, через дырки в кроссовках, за асфальт и этим создавать хоть какое-то торможение процессу выгуливания спринтерского кобеля.

Нельзя сказать, что это будут легкие деньги! Считаю даже не дни — часы! До конца испытания осталось... Трудность в том, что вторая собака не похожа на первую. Темпераментом, воспитанием, привычками... И надо кого-то ломать — либо себя, либо ее (т. е. его, Дарлушу), либо — так как все временно — подстраиваться и компромиссно существовать сразу в двух мирах. Однако это напрягает. Вчера сну смущали сцепились. Ночью. Дело было так: пришли с прогулки, поели-попили, решили спать укладываться. Каждому было выдано по косточке из числа Варвариных погрызух, которые они с удовольствием мусолили предыдущие два дня. То один ляжет на Варварин коврик — погрызет, потом устанет, пойдет валяться на балкон, второй приходит, ложится, начинает докусывать начатое... И было все тихо-мирно, как на картинке. Ну просто брат и сестра за любимыми домашними занятиями.

А вечером наш друг Дарелл лег на Варварино место, обложился внучняхами, и давай рычать на меня, проходящую мимо, и на Варвару, по-сиротски сидящую в уголке. Варваре хотелось спать, но место ее было занято, а на кровать она без меня не забирается, вот и сидела деликатно, молча страдала.

Думаю: непорядок! Взяла «его» косточку (урячалася весь), аккуратно перенесла на его место, самого туда же ласково отвела. Уложила Варвару на ее место, выдала «ее» косточку и пошла на кухню. Собаки мирно занимались своими косточками. Потом слышу — сначала угрожающий Варварин рык, потом... свара. Прибежала. Смотрю: Дарелл решил, что ему мало своей косточки и сунулся за той, которую грызла Варвара. За что и ограб.

Справедливости ради — Варвара сначала дала предупредительный вверх. Но Дарелл решил, что все косточки его, и не внял. Грызня недолго была... Я прибежала, раскидала всех, каждому по подзатыльнику отвесила, развернула по разным углам. Сделала еще на всякий случай страшное лицо Вожака и погрозила обоим кулаком.

Каждый потом подошел ко мне с обиженным лицом: «Пожалей! Он (она) первый начал(а)». Пожалела, но не долго. Чтобы поняли, что не одобряю я таких разборок. У шарпея потом на башке обнаружились две дырки в шкуре. Дырки аккуратные, неглубокие, кровь чуть-чуть выступила.

И вот тут стало мне страшно. Собака чужая, собака выставочная. У собаки попорчен товарный вид. Что я скажу хозяйке? Как я их оставлю одних, ведь мне надо ходить на работу! Кошмар! Зачем только я в это ввязалась. Идиотка. На работу, что ли, кого-то из них брать? Развести по комнатам? Убить всех и себя последней? Сказать хозяйке, что «сам виноват»? Что Варвара никогда никого не кусала? Отдать Дарелла подруге на передержку?

Решила, что пока попробую сама. Сразу убрала все косточки из поля видимости. Провела с собаками разъяснительную беседу на все волнующие меня в тот момент темы. Серьезно. Вот села на пол и человеческими словами поговорила с собаками. Ну, а что мне оставалось делать? Открывать филиал дрессировочной площадки в полпервого ночи? Потом еще понаблюдала за ними и пошла курить на балкон.

Собаки, конечно, потащились за мной. Проходили мимо друг друга нейтрально, хотя какое-то чувствовалось напряжение. Возвращаюсь с балкона. Картина маслом: посреди кровати лежит друг наш Дарлуша и делает вид, что спит. Варвара лежит на своем коврике и не делает вид, что спит. А смотрит, что я сделаю.

А что я? Мне такой расклад не понравился. Взяла товарища под рыжую попу и попросила пройти на место, обозначенное в билете. Товарищ сказал невнятное «хрбр», ну вроде как несмело поворчал, но на место проследовал. Чуть позже перебрался в облюбованное кресло, против чего я не возражала. Лишь бы дитя не плакало и не лаяло. И чрезмерно не наглело. Варвару взяла к себе под бок, на кровать. Потому что это ее место.

Ночью было тихо. Утром тоже было вполне ничего. Вот, пожалуй, один из самых радостных моментов «двусобачения»; когда ты свешиваешь ноги с кровати, а тебе навстречу вскидываются сразу две морды. И обе радуются тебе, как я деньгам в день зарплаты! И два хвоста выбивают марш любви и обожания. И два бархатных лба упираются в колени: Меня гладь! Меня люби! Мамочка, ты такая красивая! Ты самая-самая любимая! Пойдем гулять?

Гулять мы, конечно, пошли. Я, предварительно обвязавши себя поводком «за талию». Ну нет сил, как тянет! Аж комья земли «из-под копыт». У меня «сломалась» спина. Правы были те, кто сказал, что «рука, натренированная на мастифе» — это тыфу. Мастиф не тянет.

Сначала пыталась Дарлушу «перетянуть». Ну... он тянет вперед, а я — в обратную сторону, напрягая мышцы пресса и плечевого пояса. Потом подумала, что это не правильно. Стала рывками парня возвращать. «Рядом!», рывок. Он встанет, оглянется: «А? Что? Где я?» И снова тянет к ближайшему кусту. Я не понимаю, как гулять с кобелями. Я понимаю, что или «рядом», или метить, но такое чувство, что метит он всю дорогу. Вчера гуляли час — рывками от дерева к дереву.

Кинулся на знакомую колли, девочку. Оттащила его, конечно, от неожиданности поступка забыв, как его зовут. «Эй! — кричу. — Эй! Ты что делаешь?» Хозяйка колли, тетка из нашего подъезда, от такой бесцеремонности аж онемела, стояла только, глазами хлопала. А наш юный друг, отдернутый от собаки, как ни в чем не бывало, резво побежал дальше.

Пришел мой смертный час. Пошла на работу, эти «двоев из ларца» — дома... Удаляясь от подъезда, я долго еще слышала надсадный обиженный лай: «Бросииили! Кинууууууууули! АФ! АФ!»

Я скала зубы и подумала: не заказать ли на вырученные от передержки деньги кольцо Соломона. С надписью...

Как дырки-то в шкуре лечить?

Да, ранки небольшие. Мажу хлоргексидином и пантенолом. Надеюсь, к приезду хозяйки зарастут. Интересное дело, Варвара их зализывать пытается. Лицо у нее при этом, правда, такое..., такое..., как бы это сказать...

А я вот как раз размышляла. 1) С точки зрения передержчика: надо ли говорить хозяину собаки о некоторых инцидентах и «дырочках» в собаке? Ведь вполне вероятно, зараастет и следа не останется. А «репутация передержчика» пострадает. 2) С точки зрения хозяина собаки, оставленной на чьих-то руках: хотела бы я, чтобы мне честно рассказывали обо всем происходящем, каким бы это «все» ни было? Или хотела бы, чтобы меня немножко пожалели, опустив в отчете по телефону несущественные детали? Или хотела бы, чтобы рассказали, но позже, по приезду?

Не совсем понимаю, «разводить во время еды» — это физически по разным углам/мискам или кормить в разное время? Сейчас они кормятся так: после прогулки и вытирания лап..., каждому насыпаю его корм в его миску (миски на подставках стоят в разных углах кухни), наливаю воду и отхожу. Едят они одновременно, друг на друга поглядывая, но не отвлекаясь. Классическое поведение пары собак: едят быстро и с аппетитом. Варвара сметает все сразу, а Дарелл ест в несколько заходов, подумав над миской, сходив в коридор, проверив, что делаю я, не ем ли чего, снова возвращается и доедает. Или не доедает. Норму свою не съедает; я списываю это на стресс перемены обстановки, миску не убираю, но и слишком не пихаю: захочет — съест. Его хозяйка попросила не «удобрять» корм сыром и прочим — «для запаха», поэтому не удобряю...

Пишу уже не с работы — из дома. Возвращалась, борясь с накатывающими волнами паники и тревоги. А вдруг приду, а там — растерзанные окровавленные куски меха по всей

квартире... Причем, не сомневалась — чьего именно меха. Или демонстрация соседей с петициями: «Собаководы, из дома — вон! Вместе со своими громко лающими псами! Покоя от вас нет!» Или еще похлестче...

Приезжаю на лифте на площадку. Тишина. Достаю дрожащими руками ключи. Тишина. Открываю дверь... Две радующиеся, прыгающие, скачущие морды, лапы суют, в нос лизнуть норовят. Дарелл от избытка чувств вскакивает на коридорный стул, соскакивает с него на пол, снова на стул. Пятен крови на полу нет, морды не покусанные, настроение у обоих отличное, складки на мордасах сладкие, заспанные, примятые. Зевают и радуются! Вы когда-нибудь такое видели?

Вывела их гулять. Хожу теперь в перчатках, чтобы руки поводком не резать. Если ко мне приделать диктофон, то гулянье запишется следующими репликами: «Так. Спокойно. Сейчас перехвачу поудобнее и пойдем. Сейчас пойдем, говорю! Куда тянешь! Не тяни, говорю! Варя, ждем пока Дарелл пописает... Куда рвешь? Ждем Варю. Где у нас Варя? (произносится «сладким» голосом; голос меняется) Варвара, давай быстрей! Дарлуша, не тяни! Если ты мне спину сломаешь, с тобой никто гулять не будет! Варвара, давай быстрей. А ты куда тянешь?! Рядом! Вооот хорошо, молодец, мальчик. Обойди дерево. Обойди, говорю. Да не туда. Да не туда! Ну ёклмн... Стой, я сама обойду. Стой, говорю! А, ты так какаешь на ходу. Молодец. Какай, мальчик, умница. Варвара, иди сюда. Ты покакала? А ты не тяни!»

Так и живем. Какаем на ходу. Причем, скоро так буду делать и я — с кем поведешься...

О медленных, вдумчивых прогулках по часу-два-три, когда шагаешь с собакой по своему маршруту, улыбаясь встреченным собачникам, мы с Варварой на время забыли. Зато меня стали раздражать бесповодочные. Оказывается, не так мало их ходит... Кричу: «Возьмите собаку на поводок!» ЧуднО. А они мне; «Галь, ты чего?» Я: «У меня страшный бойцовский кобель!» Во как. А кобель уже тридцать три раза успел вокруг меня обмотаться и задними ногами асфальт из-под себя пошвырять.

Вообще он потешный, кобелишечка наш. Особенно дома. Больше всего мне нравится, что у него все на морде написано. И уши — конвертиками. И хвост такой, раскрученным бубликом, все выбалтывает, что на уме у нашего Дарлушки... И за то ему спасибо, что спит столько, сколько мы. И в ванне мне разрешает повалиться. Не скребет дверь, уходит на свое место и спит. Или мечтает о самом любимом своем занятии — прогулках в ритме ча-ча-ча.

Зато гуляем теперь три раза. Утром, ближе к вечеру и ближе к ночи. Потому что вчера был неудачный эксперимент. Хозяйка сказала, что гуляет он дважды. Ну, мы день-два дали парню на адаптацию, выводила его чаще, а вчера погуляли поздним утром и планировали вечернюю прогулку в обычное для нас с Варварой время. То есть часов в 9-10. С 8 начал парень бегать и в глаза заглядывать.

А я не могла выйти, дело у меня было на сто миллионов: я кино смотрела, в котором хозяйка моей квартиры снималась. Она позвонила, так и сказала: смотри, мол, Галия, кино по каналу «Россия», я там снималась. Сама-то она не актриса, а в военкомате работает. Я говорю: «В главной роли?!» «Нет, — говорит, — не в главной, так...» Не то чтобы я сильно хотела посмотреть это кино. Но уважение проявить хотела. Опять же — любопытно. Кино, да простит меня родная киностудия, было дрянное. С претензией на Большое кино, но по факту — очень Среднее. «И пришел ангел...» называется. Про поиски Бога в душе. Но художественное, с артистами и кардиналами.

Через час просмотра я притомилась. Хозяйки моей видно не было, зато было видно, что Дарелл хочет писать. Но время гулянья еще не подошло, да и фильм бросать — когда финал уже вот-вот — не хотелось. Чтобы потом хозяйка квартиры не засчитала просмотр...

Я уговаривала пса потерпеть, гладила его шубу, чесала за ухом, подгоняя кино в телевизоре, мечтая, чтобы он кончилось прямо сейчас. Без разницы чем. Потому что про Бога мы все уже поняли, а судьба главной героини, так и быть, пусть бы осталась неизвестной. Но! Открытым оставался вопрос с ролью моей хозяйки. Это печалило. Дарелл, исстрадавшись от моей черствости, ушел на балкон. Смотреть на пейзаж и жаловаться своим

собачьим богам на тяжелую — от наполненного мочевого пузыря — долю.

И тут показали хозяйку! Она сидела в зале суда, пятая в третьем ряду и слушала судью. Это был панорамный кадр, ее лицо было одним из пятидесяти других, но оно было, и я освобожденно вздохнула.

В это время, когда нога моя уже спускалась с дивана, и Варвара безошибочно поняла, что настал час Икс, с балкона вернулся Дарелл. Он умиротворенно улыбался, лег на кровать в ногах и, потянувшись, сообщил, что теперь курить можно и дома. То есть все хорошо. Так и оказалось. Стыдливо написав на газетку, чудом оказавшуюся на балконе, Дарелл, впрочем, извинился за свой поступок, сказав, что сил терпеть не было, что он честно предупреждал. Предупреждал? «Предупреждал, — пряча готовый сорваться смешок, сказала я. — Молодец, что на газетку». Ругать парня не стала. Сама виновата. Кино, вино и домино, конечно, для нас являются важнейшими из искусств, но только не тогда, когда собака хочет писать.

Знаете, какую главную ошибку я сделала, решив заняться передержкой? Взвесила свои возможности, желания, прикинула возможности своей собаки..., но не учла, что там будет не просто вторая собака в довесок к первой, а будет своя + ДРУГАЯ собака. Со своей личностью, привычками, темпераментом, обменом веществ, режимом, понятиями о безусловных нормах, принятых в доме. И если что-то можно легко принять или быстренько перекроить, то есть такие вещи, которые даются очень трудно. Ну, например. Если я говорю: «Рано!», то моя собака знает, что бесполезно крутиться у двери. А тут я ему: «Рано!» А он меня за ногикусает. Я ему: «Рано!» А он думает, что стоит пробежать по потолку, и сразу станет не рано... Или моя собака знает, что ночью лаять — это не комильфо совсем. Да и вообще лаять — это базар, клошарничество и люмпенизм. А тут — посреди ночи — хаффхаф, хаффхаф! Причем просто так, на улице машина проехала. Ну что это такое? Страдаю я через это. Конечно, кое-что решается легко и быстро. Ну отодвину кресло, если он с него прыгает на стол и не понимает — этого делать нельзя. Отодвину, не вопрос. Или вокруг дерева сама обойду, раз уж пес не соображает, как распутаться.

Еще вот моя собака сильно обижается. Ничего не говорит, сидит, грустная или бредет на прогулке «за обозом», как промокший ослик. Сначала она спрашивала: «Мать, кого ты в дом притащила?», теперь не спрашивает, уйдет на балкон и там тихо смотрит в окно. И мне всех так жалко. Одного, что в «чужом доме» — ласковый такой, компанейский. Другую, что в своем доме на вторых ролях. Себя тоже жалко. Я не знаю, может, дискомфорт — это признак старости? Как сказала мне сегодня доктор биологических наук — важная такая. Трудно привыкать к новому, не хочется уже никаких экспериментов... Привыкла к своей собаке и кажется, что так и будет всегда, всегда...

Но что делать, буду привыкать, тем более что на четвертый день как-то легче и понятнее все. Дырки в лобешнике превратились в болячку с кровавой корочкой, мазала ему сегодня, он лоб подставляет, жмурится от удовольствия, похрюкивает, как человек с насморком. Видимо, за болячку задевать больновато, но в целом приятного больше, стоит, голову мне под руку подсовывает, а сам глаза жмурит, аж задремывает от чесательного кайфа. Я руку убираю, он сонно за ней головой тянется: «Гладьте меня, гладьте...»

Очень скоро породные особенности той или иной собаки уходят на второй план и начинаешь общаться с Сутью — как он смотрит, как он с тобой разговаривает, как беззащитный пузельник подставляет погладить, как радуется, как думает... Уже не замечаешь, какой он породы, а видишь живую душу, просто — завернутую в мех.

Какает парень с душой, с удовольствием, на каждой прогулке да не по разу, любо-дорого смотреть!

Пока стою — и Дарелл стоит. Делаю шаг, с той стороны поводка — рывок. Перетянуть его можно, но трудно. Он такой парень... стремительный. Ему хочется всего и сразу: обнюхать весь мир, снова вокруг земного шарика оббежать и снова обнюхать. У деревьев и

гуляем. Я уже выучила все столбы в округе и даже высокую траву. Вчера снес дерево... Сухое, так, один ствол. Но ствол стоял уже который год, а шарпей наш неутомимый пробежал, поводком снес его к чертовой матери.

Самая большая проблема, она же смертельный номер — выйти из квартиры, дождаться лифта, дождаться пока лифт доедет до первого этажа, дождаться пока мы с Варварой пройдем три метра до входной подъездной двери, вылететь, как ракета, из подъезда, спикировать с высокого крыльца и скорей, скорей оросить лестницу и заборчик газона. Сильно опасаюсь, что когда-нибудь улечу с крыльца вслед за собакой. Я же привязана!

Яхонт наш скоростной несется так, как будто у него хвост горит. Он сносит всех вокруг! Буквально как ракета «земля-земля». Держу его, конечно, чтобы не улетел, но повисший на руке шарпей — это все же не йорк. Еще мне не нравится, что собака поднимают ногу сразу у крыльца. Мне кажется некультурным орошать лестницу, бетонную стену, бордюрчик в метре от подъезда. Оттаскиваю его, так он пишет на ходу! Писнул — рванул... И главное, несется под деревьями, вчера чуть глаз не выколола. Себе.

Половина человечества вот так добровольно и бесплатно ежедневно летает от дерева к дереву? Господи, спасибо тебе, что у меня сука! Причем святая. Святая!

Два раза за прогулку присядет, сразу, на туалетном месте, один раз покакает в уголке и все! Гуляем! Заметьте: не бегаем от столба к столбу, а чинно шествуем по маршруту, воздухом дышим, на философские темы разговариваем — о мужиках там, о косточках.

С бойцовским шарпеем гуляем так: вывожу обоих на веревках, потом Варвару, если вокруг тихо, отпускаю, а сама обвязываюсь поводком и двумя руками держу за «трос», чтоб не унесло. Так и дергать его легче, чтоб не тянулся.

А тут решила поводок Даррелла к Варвариному ошейнику привязать... Так Варя дернулась пару раз, потом резонно спросила: «Оно мне надо?» и вывернулась из ошейника. Ошейник у нас свободный, матерчатый, блатной-красивый, но не для тяничек. Долго бежал по аллее шарпей с поводком, за которым волочился наш красный ошейник... Варвара мирно щипала травку и потерю заметила не сразу.

Сразу скажу, что рывковую цепочку пока не доставала. Она лежит в пакете с другой запасной амуницией в кладовке, заставленная коробками из-под обуви и всем прочим. И как подумала я вчера, что надо будет наклоняться большой спиной, корячиться, доставать все это барахло, а потом обратно его туда сгружать... Решила, что «завтра» все сделаю, а пока разок еще погуляю обвязанная, тормозя летуна «модернизированным дедовским способом» — ногой наступая на поводок.

На прогулках с внимательностью вуайериста смотрю меховушке под хвост, поскольку этот вид всегда перед глазами. Хвост бубликом ничего не скрывает. Вот смотрю и думаю — геморрой от натуги не вылезет у парня? Иногда, по необходимости, перед дорогой, например, или перед другими объектами, осуществляю рывки, чтобы не тянул. Пес останавливается я жду. Начинаю двигаться — снова устремляется в голубую даль.

Кончились тем, что у меня что-то смешилось в спине, не могу наклоняться и выпрямляться не могу тоже. Спина, справедливости ради, побаливала и до этого, теперь просто обострилось. Из положительного — накачался пресс и я похудела. Поэтому, пока рывковая цепочка в кладовке, обвязываюсь поводком вокруг себя — тогда натяжение и его рывки распределяются только на область поясницы.

Кто устал? Я устала? Я устала еще в первый вечер! А сейчас уже пятое дыхание открылось, вместе с третьим глазом и средним ухом! Говорю же, спина болит, оттого и почерк кривой, а бодрость духа как раз на верхний границе нормы! Сейчас расскажу, как собаки сегодня опять поцапались. На этот раз под моим чутким уродством-руководством.

Значит, начиталась я вчера про доминантных кобелей и про домашние способы усмирения контингента. С моей-то собакой мы на этом не зацикливаемся, не смотрим, кто

там первым в лифт вошел, кто первым вышел. Зашел — и слава тебе, Господи. А тут, говорю, начиталась и давай в жизнь воплощать. Не дожидаюсь «понедельника», с которого, как известно, лучше все новации вводить.

Пришли с прогулки, всех похвалила, носы утерла, им ноги, а себе руки помыла и повела отряд в столовую. Раньше первому насыпала корм гостю. Потому что мешок с его кормом ближе стоит, к тому же от его верчения у меня голова кружится. А сегодня думаю; «Не-е-ет! Чукча умный, чукча зна-ает, кого первым кормить!» Насыпала Варваре корма.

А она сидит в коридоре, думает о взаимосвязи финансовых коэффициентов и целей маркетинга в пирамиде Дюпона. Я ей говорю: «Иди ешь». Сидит. Ждет зеленого свистка.

Младшой уже до Владивостока добежал и обратно развернулся. Команду «подожди» отрицает начисто. Варвара сидит.

Чукча — человек упорный и от думающих собак в смущение не приходящий. Чукча взял сырьи брускок, набросячил в корм Варваре. Одной рукой придерживая рвущегося с вилкой наперевес Дарелла, другой — приглашающим жестом подзывая Варвару. А Варвара — однако, далеко не дура. Она знает, что если к ее персоне повышенное внимание, значит, будут или лечить, или учить, или гадость совать, замаскированную под еду. «Если мама стоит и смотрит, пусть даже пахнет сыром — подходить не спеши!» — вот какое правило у Варвары. Она умеет делать такой равнодушный вид глуховатого дедушки, который сидит себе, греется на солнышке..., а проблемы ядерного потенциала планеты его не волнуют ни в малейшей степени.

А Дарелл бьется в меня уже с разбега. Решив его понапрасну не искушать, я в этот момент, наконец, насыпала ему, нашему неугомонному постояльцу, корм. И даже отломила туда микроскопический кусочек сыра, чтобы не бился.

В это самое время до Варвары дошло, что зовут вообще-то ее. И сыром пахнет без подозрительных примесей. Значит, можно и подойти. По крайней мере, понюхать, на всякий случай сделав вид собаки, которую бьют барабаном. Прижав уши. Дарелл во все наши междусобойные отношения вникать не стал, а просто и легко бросился к Варвариной миске. Как раз в тот момент, когда она открыла рот. Попутно вдумчиво внюхивая в ноздрю сыр. Вот об ноздрю Дарелл и поцарапался. Да еще и от меня влетело. Дала легонько по ушам, чтобы не лез, а включил уже голову и увидел, что в его миске то же самое.

От столь стремительного развития событий Варвара растерялась. Она ведь предполагала, что будет какой-нибудь подвох! Она так и знала! Так и знала! Развернувшись всем корпусом, как корабль в тесном заливе, Варвара кухню со вздохом покинула. Никак не ей удавалось запомнить, что она — второй номер после Вожака, поэтому нужно вести себя гордо и даже где-то, как говорится в умных книжках, нагло.

Зато Дарелл, не подозревая о вершащихся на его глазах исторических иерархических подвижках, с огоньком утешился своим завтраком. Не доех, как всегда, и поскакал проверять — не убежала ли я гулять. В его ошейнике. Без спросу. Там, в коридоре, его, сердешного, я и заловила. Пришло время мазать ему старые и новые болечки «Левомеколем», втирать лекарство в ежик пушистого меха. Мех прибалдел, только пожаловался, что «больно немножко». «У собаки заболели (зачеркнуто)..., у кошки (зачеркнуто)..., у змеи заболели, — поглаживая его, завела я глубоким голосом, севшим от внезапного приступа материнского инстинкта, — у змеи заболели..., у нее меха нет, для нее не страшно».

Забыла ж дописать самое-то замечательное! Пока мы с мехом разбирались — у кого что заживи, и не родить ли мне такого собачонка себе, — Варвара большой мышкой прошмыгнула на кухню и стала жадно есть из миски Дарелла. Я-то, забыв уже про полномочия номера Второго, от неожиданности таких картин брякнула привычное: «Та-ак!». Варвару сдуло. Когда я уже уходила на работу, она сунула мне в руку мятый листок с кривыми строчками. После небольшого вступления там говорилось, что полномочия с себя Варвара снимает и не надо ей такого счастья, и не просите, и дайте уже поспать спокойно, как у вас погода, у нас погода хорошо, до свидания, целую, Варя.

Прошел еще один день. Купила себе щербета — того, что в моем детстве называли «щербетом» — сладкую коричневую массу кирпичом с вплавленными в нее намертво орехами. Потом, уже будучи взрослой, в арабских сказках прочитала, что щербет... пьют, но по привычке «массу» так и называю щербетом. Мои зубы — хочу и порчу! Надо ж жизнь себе подсластить?

Отрадно, что мой уход на работу воспринимается уже без воплей... Я бы даже сказала «сопровождается гробовой тишиной», если бы не была такой мнительной. Так что ухожу, хоть и сжавшись внутренне, боясь услышать в след громкий лай или вой на весь подъезд, но уже не раздираемая противоречивыми чувствами: вернуться и надавать по мордасам или вернуться и успокоить страдающих брошенок. Не возвращаюсь. Потому что сначала я научилась быть сильной духом, а потом и собаки лаять на закрытую дверь перестали.

А как встречают! Дарелл исполняет коронный номер всех цирковых пуделей: прыжки на табуретку и обратно. Варвара припадает на передние лапы и, отклячив попу, сильно радуется хвостом. Потом они вдвоем синхронно прыгают и норовят лизнуть в нос. От таких двоекратно усиленных бурностей, случается, ноги меня недерживают, и я неэлегантно заваливаюсь, опасаясь дополнительно повредить и без того натерпевшуюся коридорную табуретку. В этот момент «Ода к радости» вступает во вторую часть. Дарелл от избытка чувств покусывает мне руки, бережно продвигаясь от запястья к локтю, а Варвара, на такие ювелирности не разменивающаяся, с размаха сует мне свою медвежью лапу. Куда лапой попадет — это ее не волнует.

Как мы снаряжаемся на дневную прогулку? Записывайте: ловлю крутящегося волчком Дарелла, зажимаю между ног, надеваю на него ошейник, с прицепленным к нему клубком длинного поводка. Открываю дверь. Но Дарелла держу, иначе он рванет по «черному коридорчику» и начнет лапой звездовать по железной двери, от чего та станет в обиде гудеть на весь подъезд и покрываться некрасивыми, а главное, предательскими полосами от когтей. Подпихиваю под попу Варвару, которая как раз в этом момент обдумывает решение теоремы Ферма. Судя по частоте обдумываний, она уже на пороге открытия.

Выходим на площадку к лифтам. Дарелл начинает наматывать круги и шумно отряхиваться. Быстро застегиваю куртку, убираю ключи, надеваю перчатки, ловлю конец дарелловского поводка и завязываю вокруг себя. Проверяю узел. Крепко. Надежно. Вызываю лифт, держу Дарелла, чтобы он не ломился в уже приехавший, но не успевший открыть двери, лифт. Беру Варварину рулетку, и мы залетаем в лифт.

Пока едем до первого этажа, тридцать секунд передышки. Дарелл бегает по лифту. Если лифт не грузовой, а обычный, бег обозначается переступанием лап и нетерпеливым пыхтением. Заглядывает в глаза: «Мы гулять? Мы точно гулять? Точно-преточно? Ураааааа! Мы гулять, мы гулять! А скоро доедем? А следующая остановка наша? Точно наша? Мы ведь гулять?!»

Лифт останавливается на первом этаже. Беру поводок Дарелла и до упора наматываю на руку, чтобы он никого не сшиб. Дарелл хрипит, дергается и перебирает лапами по воздуху. Открываем входную дверь, на которую с этой целью надо с силой принадечь. Пока придерживаю ее, чтобы вышла вся Варвара, Дарелл уже летит вниз с лестницы. Я лечу вслед за ним, за мной летит Варвара. Отдергиваю Дарелла от подъездного газона, который он уже вовсю поливает. Он отдергивается и, не снижая скорости, несется воооооон к тем деревьям через дорогу.

Увидев заветный газон, в гонку включается Варвара. За процессией, привязанная, но не потерявшая остатков достоинства, поспешаю я, бормоча на ходу, больше для прохожих, чем для собак, противоречивые команды: «Стой, иди сюда, подожди, молодец, стой, я говорю, куда тянешь, нам в другую сторону!» Собаки в это время давно писают по своим углам. На лицах их постепенно проступает блаженство.

О том, как мы гуляем, рассказано уже немало. Шейпинг для бедных. Бег за моторной лодкой, потерявшей управление. Разрывание пленника через привязывание его к двум

лошадям. Через пару дней я уже перестала обращать внимание на косые взгляды.

Ну подумаешь, ветровка, перепоясанная брезентовым поводком. Подумаешь, перчатки посреди лета. Подумаешь, куртка скособочилась. Подумаешь, у одной собаки ошейник не той стороной. Подумаешь, шарпей меня тащит, а я, как эквилиристка-переросток, бегаю на страховке. Как слепой гусляр — перебираю ногами за собакой. Как провинившаяся пэтэушница, теперь гуляющая только в компании с сознательной собакой. Как подъемный кран, зацепившийся за усы троллейбуса. Как... Да подумаешь!

Странное дело: пес совершенно не путается в поводке. Автоматически переступает через него, какой бы немыслимой петлей тот не обмотался. А вот я путаюсь. Не велик пока у меня навык хождения на поводке, незачет мне. Самое трудное, не дать поводку обернуться вокруг ноги, иначе — будет неминуемая подсечка, удар по воротам, гоооооол!

Зато домой приходим..., пардон, прилетаем. Говорю, зато дома — красотища! Дарелл любит, когда его хвалят и говорят: «Ай какой хороший мальчик». Что бы он ни сделал, бежит рассказывать и сильно радуется, когда хвалю. Вот у него ревматизма не будет никогда — задняя часть ходуном ходит. И жмуится от счастья. И улыбается. И руки опять же кусает — от избытка эмоций. Приходим домой, усаживаю, хвалю, снимаю ошейник. Он сразу бежит пить. Мы пока с Варварой раздеваемся.

Напьется, бежит довольный: «Я готов. Когда гулять пойдем?!» Говорю: «Лапа, мы вообще-то только что гуляли. Жалко, что тебя с нами не было». «Я гулял, — на шутки он не обижается, — помню, но может, пойдем снова?!» И глаза такие искренние-искренние, столько в них веры в тебя, что неудобно парню отказывать: «Давай, милый друг, немножко отдохнем? Следующая прогулка через 3 часа. А пока — свободное время, можешь написать родителям». «Через 3 часа, понятное дело, пойдем, а почему бы сейчас-то не прошвырнуться? А? Мама Галя? Ты как?» Я, говорю, что пока воздержусь. Пропущу ход. Вы вон с Варварой погуляйте, у нее как раз игривое настроение. И начинают они гулять по дому с Варварой. Сшибая подстилки и углы. Так проходят три часа, и мы снова идем гулять.

Вечером занимаюсь рукоделием, как порядочная. Как рыбачка Соня. Развязываю с помощью ножниц и ногтей невесть откуда взявшиеся узлы на брезентовом поводке. Откуда они там берутся? Кто их завязывает? Кто? КАК? Поводок-то всегда натянут! Неужели сегодня вечером мне придется развязывать узлы на рывковой цепочке?! (Хрюша Сопелкин всем привет передает. Хвостом машет. Еще бы ему не радоваться — через полчаса нам снова в полет...)

Открываю рубрику: «Кончаю, страшно перечесть». Цитата: «задняя часть ходуном ходит. И жмуится от счастья. И улыбается... И руки опять же кусает — от избытка эмоций». Вот такая она у нас — задняя часть! А потому что шарпей!

Вчера демонстрировала сама себе новый навык: просыпаться, не шевелясь, не дрогнув даже мышцей лица. Потому что бдят в четыре глаза. И как только утром тело начинает подавать признаки жизни, звери сразу ожидают, кое-кто начинает наматывать круги по комнате, с разбегу впечатывать передние лапы в мою нежную грудь и жарко дышать в лицо. А также лизать все, что не спрятано под одеялом. У Дарелла теперь новое прозвище — Лизун.

Проснулась я и поняла, что все «опять сначала»: «Привет, собаки! Что, не спится? Бегу! Бегу!» Быстрый взлет, прыжок в кроссовки, застегивание пуговиц и шнурков уже в лифте и — полет на лужайку, бег между деревьями, верчение головой, прыжки «в резиночку» — бодрое вскидывание ног в паутине брезентового поводка. Ни тебе потягиваний у кровати, ни кофе, ни умываний. «Взлетела и побежала!» — вот как себе мыслит утро Дарелл. Еще и подталкивает, чтоб не валандалась, копуша упряжная! Я, в смысле, копуша. Я же и упряженная. Поэтому уже неделю сплю в футболке и штанах. Чтобы сэкономить время на взлете. В общем, вчера спина сказала: «НЕТ! Не хочу! Не могу!».

— Идите без меня, а я пока тут полежу, — сказала спина... — Или дайте мне время

привыкнуть к вертикальному положению!

Пришлось пойти на эксперимент. — Дорогие собаки, — откашлявшись, сказала я. — Тут такое дело. Мне надо проснуться, выпить чашку кофе, помыть голову (я быстро!), выкурить сигарету и тогда я ваша. Так что в программе заезда изменения: вылет откладывается на 20 минут, зато потом будет вам счастье и все, что хотите. И вообще, вы гуляли буквально ночью и, по всем законам жанра, запас времени у нас еще ого-го-го.

И, не вдаваясь в прения, закрыла за собой дверь на кухню, воровато выпила свой кофе, обжигаясь и прислушиваясь к звукам с той стороны. Там было тихо, из чего сделала вывод, что моя — пусть наглая — попытка приучить Дарелла к нашему с Варварой режиму удалась. Я сделала все, что наметила и хоть не уложилась в 20 минут, но собиралась — честно! — не долго.

Зато потом мы отгуляли просто как идеальный триумвират, с играми, догонялками и моим хорошим настроением. Правда, в одном меня Дарелл подвел. Как всегда «вовремя» мы встретились с Домомучительницей (Председателем кооператива), которая плотно села на уши и желала вести беседы на тему воровства электриками оборудования из лифтовой шахты. Дарелл — гад! — вместо того, чтобы тянуть и бежать, сел и, почтительно глядя в рот Домомучительнице, слушал ее речи! Ну хоть бы рванул, хоть бы дал мне предлог убежать! Фигу. Зато Домомучительница «таких хороших собачек» одобрила и подарила нам свою нежную улыбку.

После работы, я решила закрепить утренний успех. Вечером выводить гулять не два, а один раз. Тем более что во двор по причине хорошей погоды повылезли все окрестные дети и собаки, и бегали в аккурат у нашего подъезда. Как представила, что в эту кучу малу мы сейчас врежемся... Что придется включать сирену на разгон демонстрации, мол, всем прижаться к обочине! Пропустите колонну! И собаки с утра так хорошо погуляли... С утра — это с 10 до 11 часов. А не пойти ли нам, как нормальным, в свое обычное время — вечером?

Да, решила я. Вечером. Вечером! Собаки восприняли нововведение без энтузиазма, но за кусок сыра согласились подождать. Если не долго. А на меня накатила такая усталость... Такая мутотень душевная... Такая апатия... Села в коридоре — сил нет кроссовки снять... Доползла до кровати и легла в чем была: в куртке, сумку правда бросила по дороге. Ничего не хочу. Ни книжки, ни чая, ни ванны, ни жить, ни петь, ни свистеть. Если бы не вечернее гуляние, так бы закрылась одеялом с головой и спала бы до Нового года. Иэх...

Однако пришлось через часок-другой стаскивать себя с кровати и, собрав в кулак все свои силенки, вести гавриков на прогулку. Сто золотых тому, кто вывел бы собак. Двести! Миллион! Только бы сегодня их кто-нибудь вывел, только один разочек. Петлять по сумеречным кустам на буксире — это последнее, чего хотелось мне в этой жизни. Но, видимо, Хозяйка Судеб решила, что в нашей жизни все хорошо. Вот все хорошо, и не хватает только одной изюминки...

За два часа до описываемых событий. Соседи привезли какой-то брус или вагонку, или как там эти палки для обивки называются? И ровными рядами, как водится, сложили все в общий коридор. Часть — лежьмя лежала, а часть — аккуратными связками стояла вдоль стен. Приятно пахло свежим деревом. Только тесно с двумя собаками выходить, тем более два велосипеда других соседей тут же стояли... Открываю, короче, дверь, вся такая полумертвая, держу Дарелла, чтоб не ломанулся царапать коридорную дверь, сама квартиру закрываю. Вдруг! Чу! Слышу не адское царапанье, а вполне себе мирное журчание! Это друг мой свежую вагонку обнюхал и пометил! На площадке! Ужас, кошмар.

Я, конечно, в душе позлорадствовала, ибо нечего тут строительный склад устраивать, а все равно неудобно... Принюхалась — пахнет или не очень? Думаю, ну и ладно, и так сойдет. А может, им такую древесину привезли — влажную..., а пусть докажут! Но тут из-под этой долбанной вагонки стала расплываться предательская лужа. Древесина, конечно, может быть влажной, но ведь не настолько, чтоб с нее лилось.

А мои собаки в это время около лифта круги наматывают. Вернее Дарелл наматывает, а

Варвара за ним, как за теннисным матчем, глазами следит: туда-сюда, туда-сюда. Я поняла, что времени нет за тряпкой бегать, чтобы это безобразие вытирать. Попробовала по-быстрому ногой лужицу обратно под палки загнать. Не вышло... Ну что делать, присела и перчаткой лужицу эту растерла, типа: «только-что-вымытый-пол-еще-влажный». За сим занятием застал меня третий сосед. Собаки у лифта с ума сходят, а я неторопливо под чужой вагонкой своей перчаткой пол мою.

Так весело и интересно жили мы до самого вечера. Спать я легла рано, утешая себя тем, что «еще один денек, а там два выходных, и еще два раза по столько — по неделе — и ВСЕ!» Ночью вроде бы спал со мной Дарелл. Хотя засыпала Варвара. Или то был бред воспаленного мозга?

А тут еще начальник в отпуск ушел, сгрузив с барского плеча на меня все свои обязанности и захватив с собой большую часть коллектива. И любимый в отпуске — вдали от родных брегов... Так что у меня все прекрасно! Все прекрасно, все прекрасно. И как я отмечу окончание этого чудесного периода — вы даже себе не представляете! Я сама еще не представляю. Но что бууудет...

А еще пришла в голову очень своевременная мысль насчет Дарелла. Вообще-то за него я получаю деньги! Это означает, за мой опыт я еще и зарплату получаю! И общаюсь с двумя сладкими и одной неунывающей собакой! И получаю колоссальный эмоциональный заряд, сначала описывая, а потом почитывая отзывы здесь, на форуме.

Погодите, дайте про утро расскажу! Про веселье по полной программе! Утром, сразу как рассвет наступил, обозначаемый звонком будильника, Дарелл ринулся меня обнимать и целовать. Давно не виделись! Подъемным краном я стащила себя с кровати... Но тут вспомнила: поводов страдать нет — со вчерашнего дня выторгована индульгенция на чашку кофе и несколько минут «вхождения в жизнь»!

— Дорогие собаки! — привычно начала я...

— А, понятно, — отмахнулся Дарелл и весело ускакал на балкон.

— С чего бы такое веселье? — подумала я, но кофе все-таки заварила.

Вернувшись в комнату заправить постель, обнаружила, что Дарелл гак и не вернулся с балкона. Писали оне там. Не обращая внимания на мои растерянные: «Алле!», «Эй!», «Что творишь?». А также «фу», «нельзя» и «уйди-отсюда-кому-говорю».

— А потому что, — сказал Даррелл потом, — двух раз не хватает. И спите вы, тетя, долго. И вообще.

На всякий случай хорохориться не стал, а убежал на кухню и сделал вид, что тут и росло. Варвара, исхитряясь все время наблюдать из-за какого-нибудь угла, потирала лапы: «Сейчас начнется, сейчас!»

Не началось. Какой смысл, если а) все уже сделано, б) собака сама все понимает, в) одна я виновата. К тому же, раз теперь особо торопиться нам некуда (да, Дарелл?), есть время выпить наконец кофе.

Опершись о дверной косяк, держа чашку в одной руке и наставительно подняв указательный палец другой руки, я произнесла небольшую речь на тему «Писать дома нельзя, но если очень хочется..., то тоже нельзя, а выводы руководство сделает, и не надо мной манипулировать — этими вашими выходками...» После пошла вытираять лужу и собираться на прогулку.

А потом мы застряли в лифте. Где посидели маленько без света, вспоминая рассказы Толстого, особенно про «Тему и Жучку», там мальчик упал в колодец и ничего, не пыхтел и не вертелся! Потом мы освободились с помощью электрика, в благодарность снесенного с дороги, и побежали на лужайку. Где! Дарелл! показал! новый аттракцион! целых три. Номер первый. «Как, не прерывая струи, поменять поднятую лапу». Впечатлило. Я пробовала повторить (дома) — чуть на спину не завалилась.

Номер второй. «Описывание Варвары». Дело было так. Склонились оба над какой-то меткой вкусной на земле. И нюхали, нюхали, нюхали... До морковкиного заговенья. Варвара еще нюхала, а Дарелл уже ножку задрал. Ну и оросил Варварину морду. От чего она,

сморщившись и не поняв до конца — что произошло, сказала: «В каком смысле?» А я засмеялась. Вытерла все той же перчаткой ее мордальон и, утешив: «Ничего, старушка!» — повела их дальше в душистые прерии.

Номер третий. «Вот это меточка так меточка!» Обнаружилась почти у подъезда. Такая метка, что наш Дарелл погрузился в нее весь с потрохами. И нюхал долго. Так долго, что мы с Варварой успели состариться. Но уходить не хотел. Упирался лапешками и телом, буквально готов был в эту метку закопаться.

Тут из подъезда вышла Самая Нелюбимая Нижняя Соседка, чьему перу принадлежат бессмертные шлягеры: «Назаводили лошадей», «Я знаю, это из-за вас мой засорился унитаз», «Ваши щенки вчера полдня грызли батарею», «Перестаньте хлопать коврики с балкона, у меня все в шерсти», а также последнего — «Сколько можно ночью топать?». Хотя ночью топает только мое сердце, зуб даю! И вообще собаки ведут себя, как мышки, я знаю, я у другой соседки спрашивала.

Дарелл завис у подъезда, соседка надвигалась, как астероид из Армагеддона. Я скжалаась, Варвара изучала дальнего прохожего, Дарелл в упоении елозил мордой по земле. Так родился новый хит «Назаводили лошадей-2». Которые пасутся у подъезда. А он не пассив, он нюхал! После отбытия соседки, пришлось доставить мальчика по воздуху — в сердцах прошипев, что «дома будешь нюхать, а теперь пошли!»

Где и что он дома будет нюхать, какие метки, осталось не объясненным. А дома пес и не собирался ничего нюхать. Он хотел нюхать только у подъезда! Не знаю, метка ли такая была, или Дарелл придуривался, но покоя парню дома не было. Он страдал, слышал Голоса и рвался бежать, лететь, ехать немедля! Сейчас! Пришлось парня успокаивать — открыть ему Страшную тайну, что все бабы — сво, ду, су. И что обманут его, как пить дать, обманут... Вот как я сейчас. И, чмокнув в рыжую морду, закрыла дверь и ушла на работу.

Я уже люблю этого поросенка, честное слово! Мы с ним дома, знаете, какие поласкушки (от слова «ласка») устраиваем! Он мне свое пузо беззащитное подставляет почесать, лобешник дает мазать, бежит и все-все мне рассказывает: Я попил! Я покакал! Я игрушку нашел! Похвали меня скорей!

Ну что, таки улетела я с подъездного крыльца. «Если ооооочень захотеееееть, можно в коооооос-мос полетееееть!» Дарелл вывернулся из цепочки. Не знаю как, не спрашивайте. Так хотелось на свободу парню, что вывернулся, рванул за поводок...

Но в целом хорошо сейчас погуляли! Просто Отл. нам, Best и САСИВ. Побесились, повалялись, ну покакали конечно — это само собой. Варвару вычесали. Август, Варвара опадает...

На всех проходящих собак (вот оно — гуляние днем, ходят все, кому не лень!), на проходящих собак, говорю, кидались. «Ты, — хрюпел на поводке Дарелл, — слышь ты, алабайский алабай, кабы был я не привязанный! Слышишь ты, овчарка ходячая, давай разберемся?! А ты кто там, не вижу! Терьер? Какой еще терьям-терьер! Я тут главный чувак! Я, блин, семерых одним ударом и три дерева одной струей!... Перешибаю». А дома — такой ласковый-ласковый. Кошка моя вислоухая, шотландско-китайская. Уши кленовыми вертолетиками.

И все было бы нормально, если бы не эти дурацкие прогулки. Я точно ежики какого-нибудь рожу! Ну так тянет, так тянет, Дарелл-кошмарелл! Причем одерну — стоит, ждет, а потом опять — как рванет. Может он ездовой? Чтобы в сани запрягать? А Варюша-горюша тормозит. Отчетливо тормозит, причем посреди его поводка. Мелкий рванет у девочки моей под пузом — жжах! Я уже научилась переступать, а Варвара все никак не сообразит!

Втроем нам не так уж и плохо. Практически хорошо. Правда, с двумя разнонаправленными собаками гулять трудновато физически, а так — хорошо! Уже подумала, что «потом» будет скучно, и решила записаться на какие-нибудь курсы, дабы беговой навык не терять.

А если вдруг да не запишусь, то на сэкономленные деньги подстригусь и буду сидеть у окна — вся такая красивая, худая, с взглядом мудрой змеи, которая может сделать молниеносный бросок, но только в случае необходимости.

На утренней прогулке Дарелл был паинькой. Еще раз перечитала инструкцию по пользованию цепочкой, за какими ушами расправлять, куда тянуть, и как со всем этим жить. Потренировалась малость и — вуаля! — мальчик шелковый. Почти. По сравнению с тем, что было, — небо и начало земли! Вышли из подъезда — не ракетой! Не рыбкой! Не бегунами на старте! Не кошкой с консервной банкой на хвосте! А быстрым шагом! Я даже успела посмотреть вокруг, обозреть окрестности на предмет посторонних лиц.

Лиц было много, но Дарелл до них не добежал. Давит, цепочекка-то. Раньше ее снимала на прогулке, а теперь так в ней и вожу. Поэтому сегодня мы совсем не бегали. Так, спортивной ходьбой баловались... В результате у меня ощущение, что мы скучно погуляли. Не слышала ветра в ушах, да и члены не проснулись! Теперь тренирую подзыв. Нравится: присядешь на корточки, ручки раскинешь, зовешь его: «Иди сюда, мой сладкий мальчишник! Мой золотой!» Он бежит, хвостом виляет, уши от счастья как-то хитро закручивает. Прибежит, развернется, чтобы тело было под моими руками, как в домике, а морда «наружу» — смотреть на мир. Глажу, шепталки шепчу, он шурится, плющится..., пастораль.

Варвара тоже подходит, и ее люблю от всей души. Если кто по Ботанике проезжает — можно нас увидеть на одном из газонов. Мы — три холмика: синий, рыжий и палевый. Смотрим на людей в машинах и являем собой самодостаточную компашку на пленэр. Команда: «Где мои любимые собаки?» Поворачивают головы оба, встречаются со мной взглядом, улыбаются хвостами и бегут ко мне обниматься!

Зато Варвара начала чудить дома. Не подходит к миске, когда корм насыпаю. Лежит в коридоре и индифферентно смотрит. Чего ждет — не понимаю. Зову — смотрит на меня чистым взглядом собаки, отродясь не слыхавшей русского языка.

Дарелл не доедает чуток, убегает проверять — все ли спокойно на вверенной территории. Тогда Варвара подходит, доедает из его миски, потом лениво — из своей, тоже не доедает. Прибегает Дарелл — доедает из Варвариной. Это что за общество чистых тарелок? Мне корма не жалко, интересно просто — что происходит.

Вот еще. Дина — хозяйка Дарелла — сообщение прислала. Беспокоится, спрашивает, приветы шлет. Дарелловская сестрица, шарпеиха Саша, на постое от тоски сгрызла косяк, от чего вся семья в ужасе — подобного никогда не случалось, Саша всегда была образцовой милой собакой. А у нас, ответила я, все просто отлично. Косяки целехонькие стоят, и это радует!

Меж тем у постояльца на лбу, но уже с другой стороны, обнаружены свежие царапины. Когда я утром мазала старые болечки, не было там никаких царапин! Композиция: баран и новые ворота. В роли барана — я. Откуда? Как? Варвара к нему близко не подходила, сегодня мы, как сиамские тройняшки вместе весь день существуем. Что за елы-палы?

Неглубокие царапины, заживут через пару дней. Правда, ходили гулять «в поля», на большой цветущий пустырь. Не иначе репейник какой оцарапал? На пустыре-то я отпустила мальчика в свободный полет... Сначала были тест-драйвы: отпустила, он отошел на пару метров, подзываю — подбегает — радуюсь, хвалю. Отбежал на пять метров — подзываю — подбегает — хвалю. Потом пошел по кустам. Я поверх кустов смотрела на его хвост-маячком... Далеко не убегал, сам возвращался, докладывал, что все ОК.

Так впервые за неделю я перестала бегать привязанная к собаке. Погуляли прекрасно: побегали, посидели, повалялись в траве, прошлись опять же. Один эпизод расскажу. Дарелл стоял, нюхал цветок. Я решила спрятаться, тихой сапой с дорожки сошла и присела в высокой траве. Слышу — за мной лес валится. Варишна идет, как ледокол, к тому месту, где я спряталась. Увидев, как Варвара бороздит траву, Дарелл заинтересовался и побежал в нашу сторону. Я кричу (хоть и с опозданием, но игриво):

— Дарелл! Дарелл! Ко мне!

Варюша встала напротив меня, вылупилась:

— Мать, чего орешь, тут мы все.

Я ей шепотом: «Ложись! Прячься!» Варишна стоит, оглядывается: «А от кого?»

— Да ложись ты! Сейчас Дарелл прискакет. Мы в прятки играем!

Тут он и прискакал как раз. «Привет! Это я! А что вы тут делаете?»

— А, от него, — зевнув сказала Варвара и легла. Спряталась.

Как у нас дела? Да хорошо у нас дела! Днем так угугляла собак, что вечером почувствовала себя медсестрой, которая будит больного, чтобы тот принял снотворное. Собаки дрыхли и похрапывали в четыре сопелки, никуда меня не звали, ни на что не намекали, а лежали по разным углам и видели свои собачьи сны, подлаивая на происходящие во сне бои и знакомства...

Ближе к одиннадцати вечера я собралась на прогулку. Побряцала ключами, пошуршила курткой. Две сонные заспанные морды притащились в коридор: «Уходишь?» — зевая, спросила Варвара.

— Ага, пойду пописаю. Никто не хочет со мной? Могу проводить до туалета.

— Ну, можно, — зевая, согласился Дарелл.

— Беда с вами, — проворчала Варвара, нехотя всовывая лобастую башку в ошейник, — шляетесь по ночам, порядочные собаки все спят давно. Схожу, что с вами делать.

Так я в первый раз поняла, как это — расталкивать собак и тащить бедняг на прогулку. Не то чтобы мне дома не сиделось, или пара-тройка часов без свидания с кустами породили бы во мне беспокойство — нет. Просто чтобы завтра с утра собаки дали (говорим «они», подразумеваем — Ленин) поспать до будильника, а будильник прозвонит в 9. Впрочем, они не будут, нет. Но и не спят. Ждут, пока проснусь, но потом уж спуска не дают. Это я опять про Ленина, конечно.

Зато! У нас есть, чем похвастаться. Дарелл перестал пасть на кухне, когда я ем. И даже пытаться там пасть. И даже не делает вид, что он — инспектор общепита и следить за качеством принимаемой пищи просто обязан, причем не корысти ради, а токмо волею пославшей его инспекции. Зайдет, улыбнется своей китайской улыбкой: «Что делаешь, Галя-сан, пищу внутрь принимаешь? А можно я тут полежу?» И приложивается прилечь. Да не тут-то было. «Нет, — говорю, — дружок. Собакам на кухне не место». Вздохнет и выходит! Выходит! Сам! Не дожидаясь пока тихонько под попу подтолкну к выходу. Идет в коридор, где тусуется Варвара.

Она знает: смотреть в рот нельзя, но страдать-то за углом можно! Или не страдать, но лежать в пределах звуковой досягаемости, мало ли, вдруг хозяйкино ледяное сердце дрогнет, и она позовет, угостит верную собачку хоть коркой черного хлеба.

Дарелл усвоил и еще одно: «Если дверь на кухню закрыта, значит, это кому-нибудь нужно». Уже не дышит жарко с той стороны в стекло, не скребет лапами, а спокойно идет в комнату и занимается своими делами. Дела у него, к сожалению, в последние дни меня огорчающие. Накануне к вечеру обнаружила на шарпейском лбу свежие царапины.

Допрашивать Варвару не стала, потому что оба весь день были на моих глазах, и Варя знала про его царапины еще меньше, чем я. О чем она, собственно, мне и заявила.

К ночи царапин прибавилось. Равно как и моего беспокойства, потому что привыкла всем событиям находить более или менее внятное объяснение. Пона наблюдала за собакой и пришла к следующим выводам:

Или Дарелл — первая в мире собака-стигмат. Об этом следовало немедленно сообщить в Академию наук, и мы немедленно сели писать черновик послания к академикам и религиозной общественности. Пока я тренировалась красиво ставить подпись, Дарелл в задумчивости чесал лоб. Тут меня осенило, что:

> Или его искусили комары... Никогда не видела, чтобы собака от комаров чесала себе лоб до крови. Ну чешутся от укусов, бывает, но чтобы до крови? Сдирай старые болячки? Я сама люблю почесаться. Возможно, дурные привычки заразительны, но тогда Дарелл — собака-вундеркинд. В Академию наук сообщить все же следует...

> Или блохи? Проверила: блох нет.

> Или цепочка царапает ему лоб. Потому что сильнее обычного он скребет лоб на прогулке. Но цепочка не елозит по лбу!

> Или у собаки реакция на металл? От «реакции» мысль пошла дальше и пришла к логическому выводу. У собаки аллергия. Но он ест свой корм. И ест его, как сказала Дина в первую нашу встречу, давно, год как минимум. На улице ничего не подбирал. Кусков я ему не сую. Сыр, размером с половину мизинца, — это было, один раз. А разве бывает аллергия на сыр? Или от тех нескольких жевков Варвариного корма, которые он успевает сделать, пока она загорает в коридоре? Но там реально счет идет на граммы и сказать, что «он ЕСТЬ Варварин корм» было бы неверным. А что тогда? Может, цветут на улице какие-нибудь лютики аллергенные? Или у него на меня аллергия? Иногда дома чихает, морщит нос, соплями шморгает, глаза щурит, как будто они опухли... Так это же шарпей, про него не скажешь, что «широко распахнутые голубые глаза»... Вроде нормальная веселая здоровая собака, шерсть не лезет, какает прекрасно, играет бодро, спит с удовольствием. Но лоб чешет себе до крови. Мажу хлоргексидином. Я сама от аллергии пью кларитин. Может, парнишку угостить?

Пишу, а дома — сонное царство. Собаки спят, сопят, и кажется, что все у нас чудесно. И две собаки — будто так и надо. И две руки, чтобы гладить двух собак — это же так просто! Давно в свет не выходила, все по пустырям, да по лесам, то с хлоргексидином наперевес, то с левомеколем, поводком обвязанная, в полушибке овчинном и с пакетиками для какашек. Сама как нирвана ходячая.

Да, «многие позавидовали бы тридцатилетней бездетной Маргарите».

Черт! Мы с нашим зайчиком вляпались в жесточайшую аллергию.

Утром сильно испугалась: мальчик вялый, лежит, не ест, не скачет, морду расчесал до кровавой корки, чихает, левый глаз не открывается. Я с перепугу подумала, что он ослеп, ходит, на углы натыкается.

Вывела на прогулку, вроде ничего, оживился, только чешется сильно — прямо на ходу. Гуляем теперь так: «Не тяни. Не чешись. Не чешись! Не тяни. Какаешь? Молодец! Дарелл, не чешись! Вот молодец, понюхай травку. Подожди, не тяни. Не чешись, говорю!»

Ну, а толку говорить, если парень готов головой об дерево чесаться? Бросила все дела, позвонила ветеринару. Врач пришел примерно к такому же выводу: аллергия могла появиться в ответ на стресс, вызванный отъездом хозяев. Велел сегодня давать лекарство по 2-3 раза в день и мазать мазью. Таблетку дала, за мазью забегу днем в аптеку. Все бы хорошо, только совершенно некогда работать, такие дела.

Кто ж знал, что пес — аллергик?

К вечеру суд утих, он перестал терзать свой лоб. Варвара кормится за закрытой дверью в отдельное время. Теперь работаю над навыком запихивания таблетки в рот шарпею. Зубы сжимает и предлагает оставить таблетку в одной из брылей, как у пеликана. Мол, я потом ее проглоту, вы идите, идите!

Жизнь, как карусель! Бегу, бегу, бегу! Некогда не то что книжку почитать — спокойно зубы почистить! Чищу, но быстро, как солдат, прославший построение. Вот и вечером — прилетела на метле с работы, вывела собак, поиграла...

До прогулки следующей 3 часа. Чем заняться бедным холерикам? Тоска... Собаки спят.

Вечером пошли с ребятками гулять. У меня такое ощущение, что в округе гуляют одни темные суки! Ходят и метят. А хозяева? Какие безответственные, не уважающие ближнего люди! Нельзя, что ли, подальше с суками уйти?! Мальчика моего волнуют!

Заводить собаку-холерику полезно для здоровья. Сегодня шли-шли, а потом я взяла и побежала. И бежала, как Форрест Гамп — три года пять месяцев и шесть дней. То есть целых

пять минут. Чего со мной со школы не бывало... Кроме мытья посуды, еще бег не люблю. Пришла к выводу, что у меня убыстрись обмен веществ. Куда приткнуть это открытие, пока не знаю, но есть стала меньше, ходить быстрее, спать лучше, а двигаться энергичнее. Даже Варвара побегала на прогулке. А она-то посуду вообще в руки не берет, чего уж говорить о беге.

Сегодня нашему счастью две недели. И хотя по-прежнему считаю дни, искренне удивилась тому, что прошло уже две недели. Кажется, мы только-только познакомились с нашим Даром, от слова «дар». Сегодня наш Дар меня укусил. Не больно прикусил, обозначая свое принципиальное несогласие с а) запихиванием в него таблетки; б) с тем, что я пошла на работу вместо того, чтобы снова пойти гулять, благо, такой шикарный предлог — покусана, мол, собакой, руками шевелить не могу, могу только наматывать круги по полянам, потому что ноги-то целы! Вообще нас всех троих вчера глюкнуло — решили, что пятница, а сегодня, соответственно, суббота. Когда я все-таки взяла сумочку и отправилась в голубую даль, Даррелл залился возмущенным лаем.

Вчера они взбесили меня оба. Видимо, превращение тихой женщины в холерика идет по полной программе, включая холеричное «быстрое зажигание» — и на раздражение, и на веселье, и на действия, и на слова. Пес то рвется к дереву, как будто оно убегает от него (!), то стоит по сто лет, уткнувшись в траву, нюхает, нюхает, нюхает. Я стою. Стою, стою. Потом — ка-ак рванет к следующему дереву. Меня эти эскорты-услуги по туалетам родного края уже добивают. Народная исполнительница Варвара тоже... Я на нее, как на старшего ребенка, надеюсь, помочи жду, понимания... Куда там! Варя делает все наперекор. Говорю: «Стой!». Она идет, причем слышит прекрасно, но, скав упрямо губешки, прется. Говорю: «Иди сюда». Стоит! Смотрит на меня, как первый раз видит. «Пойдем спать» — начинает козлом скакать, игрушки таскать. «Иди ешь» — уходит в комнату... Не жрет ничего, пока рябчиков с ананасами не положу. Иногда кладу, иногда, психанув, просто убираю ее миску. «Так не достанься же ты никому!» — говорю миске и запихиваю ее под шкаф. Ну что это такое? Сил нет никаких.

Еще Варвара взяла манеру зависать посреди поводка. Перешагнет передними лапами Дареллов поводок и замрет, глядя за горизонт. В этот момент Дарелл рвет, поводок застrevает под корпусом Варвары, а она, вместо того, чтобы перешагнуть либо выпутаться, продолжает стоять или начинает движение, а за ней — мы с Дареллом, связанные пуповиной. Наклоняюсь распутать ноги Варе, Дарелл, заинтересовавшись, успевает сделать пару кругов вокруг нас. Обматывая поводком! И так каждые пять минут! Муж в Тверь, жена, блин, в дверь.

Меня уже пора в цирк сдавать, я, как лошадь, бодро вскидываю ноги, чтобы не подсекло поводком, и бегаю рысцовым галопом, переходящим в иноходь.

Собаки считают, что смысл моего существования — это бесконечно с ними гулять и кормить. Даже не кормить, а бесконечно их уговаривать поесть. Иногда мне хочется, ей-Богу: а) отвесить каждому подзатыльник; б) прикинуться ветошью, лечь и умереть; в) пригласить собак на собрание и сделать заявление: если человек остановился, это не означает, что он думает, какие именно штаны надеть на прогулку. Потому что с прогулки мы пришли буквально пять минут назад и времени вообще-то — начало первого ночи. Человек, скорее всего, прикидывает: будут ли собаки скрести когтями дверь, если он уединится в туалете?

Дарелла еще попутно лечим. Чесаться он стал меньше, хотя лоб царапает все равно. Я соображаю из чего в домашних условиях можно смастерить «абажур» («елизаветинский воротник») и не слишком ли удивятся соседи, когда наша компашка будет вылетать на прогулку с шарпеем в «абажуре»? Мажу ему лоб выписанной мазью, даю таблетки, протираю уже-почти-не опухающие глаза. Варваре тоже протираю глаза, за компанию. Дарелл протирку глаз сначала воспринимал как страшную пытку, вереща: «На помощь! Убивают шарпееев!», теперь попривык, только ворчит и убирает голову, надеясь, что замучившись его ловить, брошу эту свою затею.

В целом, дома с двумя собаками хорошо. Животные заняты друг другом и даже спать им в компании веселее. А вот гулять с двумя собаками трудно. Особенно, если это холеричный молодой кобель и флегматичная сука в самом расцвете гармоничного самовосприятия.

Откровение последних дней: прогулки с кобелями полезны для тела. С суками — для души. И то, и другое необходимо, важно, полезно, интересно, если хотя бы иногда — хотя бы на часок — ты можешь выйти из круга, из цикла, из собачьей темы. Ну, а Розовый Нос шлет всем привет и приглашает к нам, на прогулки. Найти нас можно легко: каждые три часа мы проносимся под во-о-он теми деревьями.

Две собаки — это так красиво! А как они работают в паре! Я люблю этих собак! Люблю нежно и бесконечно!

Мы будем скучать по Дареллу — как космонавт скучает по центрифуге. Когда вышел, глаза смотрят один на другой, но ощущение — у-ух! Хочется ли повторить? Не знаю. Но в этом явно что-то есть. Что-то связанное с самопознанием. И у Варвары тоже. Она наверняка будет скучать по Дарреллу. Впрочем, мы еще не прощаемся — еще пять дней веселая меховушка с нами. Варя подначивает Дарелла. Сегодня я это видела своими глазами. А Дарелл лижет ей морду.

Задачник. Где найти такого друга Горацио, который помог бы найти ответы на сильно мучающие меня вопросы?

> Почему Дарелл все время отряхивается? «Все время» — это каждую минуту на прогулке и в моменты крайнего возбуждения (но иногда и не крайнего). Каждую минуту — это такой условный интервал... Я засекала: отряхнулся от души, прошло 50 секунд — отряхнулся, 30 секунд — отряхнулся, 59 секунд — отряхнулся, 1 мин. 10 секунд — отряхнулся. У меня уже нервный тик от этого!

> Почему после прогулки отряхиваться надо обязательно у телевизора? Я скоро буду телевизор в тюлевую бабушатскую «накидушку» чехлить.

> Почему на прогулке надо отряхиваться, обязательно встав у моих ног, и на завершающем этапе сильно хлестать хвостом? Почему нельзя отойти к дереву и радовать хвостом его?

> Кто из них двоих валяется на кровати в мое отсутствие?

> Почему один столб надо метить два раза — сначала подняв одну ногу, потом встать с другой стороны и поднять уже другую? Контрольный поцелуй в лоб?

> Почему корм в чужой миске вкуснее, а вода мокре? (После того, как мы справились с аллергией, Дарелл к Варвариной миске подпускается только, когда та пустая). Но шумно втянуть в себя запах, вздохнуть, с укором посмотреть на Варвару, мол, что же ты, сестра, даже не оставила кусочек?!

> Почему в «минуты опасности» Дарелл прячется за Варвару, но «перемечивает» места, где она присела? Мужик сам знает, когда он мужик?!

> Почему вчера дед с собакой — вестиком (уэст-хайлэнд-уайт-терьером), грозно махавший в нашу сторону кулаком, потом таскался за нами целый километр? Хотя, чтобы у деда не случился инфаркт, мы честно повернули на 180 градусов и пошли в пампасы.

Я уже рассказывала как-то, что с этим вестиком гуляет вся семья, причем у каждого свои взгляды на воспитание собаки и предпочтительные знакомства. Когда с вестиком, у него кличка Кустурица, гуляет дедова дочь, бойкая тетка лет 50-ти, они с нами дружат, страстно любят нашу ногу, целуют в уши и проходят под пузом мирно пожевывающей травкой Варвары. Когда гуляет дед, он грозит нам кулаком и тащит бедного Кустурицу волоком домой, чтобы ненароком вестика не съели. Дочь ему, видимо, все забывает сказать, что Варвара травоядная.

Случай на прогулке

Идем себе, тут выворачивает из-за угла девчонка с овчаркой. Все на поводках: мы и они. Девчонка и ее овчарка еще могут сманеврировать, а нам просто некуда деться — узкая дорожка, с одной стороны — сетка, с другой — дорога. Но они упорно прутся прямо на нас. Прямо в гущу событий. Ну что делать? Беру своих, отступаю на узенький газон к дороге, фиксирую Варвару, усаживаю «на выдержку» у ноги, у другой ноги усаживаю Дарелла, обмотавшись покороче его поводком, чтобы, если боец полетит, то только со мной на прицепе. Собаки сидят на взводе, я стою, как наши под Сталинградом, вросши в землю и моля бога, чтобы незваных друзей поскорее пронесло.

Девчонка видит эту картину, хмыкает, и специально проходит с собакой в трех сантиметрах от нас, а пройдя, задумчиво останавливается якобы прикурить, а ее собака усаживается какать. Воистину пронесло — в буквальном смысле.

Мы стоим/сидим. Варвара сидит меланхолично, потому что команды сверху, кроме короткого «Нельзя» не поступало, но ушки на макушке, потому что любопытно: а вдруг удастся обнюхать и познакомиться с овчаркой. Косится на Дарелла — что будет делать наш горячий парень. Парень хрюпит и рвет, не сильно, но очень демонстративно. Те какают... Дарелл поняв, что кровавой рубки не получится, бурчит овчарке что-то в том смысле, что, блин, если бы он не был на поводке! Если бы не хозяйкин политес! Если бы не цепь, сковавшая горло! Он бы, блин, всем рассказал, кто тут шел по главной! А кто помеха слева! Он бы, е-мое, разобрался!

Благополучно вернув долги природе, овчарка исполняет танец презрения — закапывает фекалии, шикарно швыряя задними лапами комья земли в нашу сторону. Парочка нехотя нас покидает.

Рассказывает собачница, в это время гулявшая на другой стороне улицы: «Смотрю, стоит Гая, обмотанная поводками по самые уши, с маньяческой решимостью в глазах, рядом сидят привязанные собаки, и все трое пристально, не сдвигаясь с места, напряженно смотрят буквально под хвост какающей рядом собаке. Учения, что ли, Гай, у вас были? Как правильно какать? Долго жертву-то преследовали, прежде чем она присела?»

До дня «Х» и времени «Ч» — когда за Дареллом приедут хозяева, до финиша я не дотянула буквально пару метров: в пятницу свалилась с высокой температурой из-за банальной простуды. Вот они: сидения под кондиционером в офисе, езда в маршрутках «с ветерком» гуляния с невысохшей мокрой головой! Болезнь тем более обидная, что на улице жара, 25-27 градусов и всеобщее хорошее настроение. Дарелла забрали вчера я вынырнула на полчаса из горячечного бреда, вернула ребенка, получила деньги и снова легла. Примерно в таком же состоянии нахожусь и поныне. Утром обнаружила, что сумма, оставленная за Дарелла, несколько превышает оговоренную, видимо, бонус-трек. Но с Диной мы еще увидимся — вчера они не забрали «место» корм и игрушки. В смысле, увидимся, и я спрошу про деньги... Дарелл радовался очень. Всех узнал, всех любил, включая меня, что приятно.

Варвара «пропажу» Дарелла восприняла спокойно, на вопрос: «Где у нас Дарелл?» подходила к его пустующему месту и вопросительно смотрела на меня. Мол, место его — вот, а уж куда ты делала «нашего Дарелла» — это у тебя надо спросить. Но в общем обошлось без истерики, без тоски и без слез. С легкой ностальгией. Одним словом, прощание славянки было смазанным.

Помню, когда «все начиналось», дала себе зарок, что в finale напьюсь. Вот и напиваюсь — молоком, морсами и чаем с лимоном. Мораль: давая зароки — уточняйте детали.

Хозяйка Даррелла

Галка, спасибо тебе огромное за моего такого непростого, но тем не менее суперского мальчика. «Путевые заметки» читала с наслаждением. Переживала, конечно, но больше радовалась. Тому, что мой мальчик попал в хорошие руки. Знаю, выгул этого кобеля — дело

непростое. Со мной у него уговор, он его соблюдает — идет рядом, и только при команде «Гуляй» переходит к мечению территории. Но это проходит только со мной и то, как оказалось, не всегда. Я забрала его от тебя, и мы двинулись в сторону дома, причем первые 2 квартала пес «нес» меня буквально как ракетоноситель свою ракету, следующих 2 кварталов хватило на «вспомни все, дорогой», последние 4 квартала до дома мы шли в обычном режиме: «рядом-гуляй-рядом-гуляй».

Спасибо всем, кто помогал Галке морально и советами в этот непростой период. Многие Галкины и к-9-точные изречения прижились в нашей семье, отныне Даррелл у нас — «ЯХОНТ шоколадный».

Конец фильма

Сентябрь

Все еще болею. Сегодня еще дома, а завтра велено быть в строю.

От безделья пристаю к собаке, дую ей в нос, щекочу пятки, пою ей песенки своим простуженным басом. Собака терпит, но всем своим видом показывает озабоченность тем, что не даю ей поспать. Правда, когда разыграется, тащит игрушки. Но я активно играть пока не могу, тяжело махать руками. Ходим потихоньку гулять, благо, погода шепчет, и собака гуляет в идеальном для меня ритме.

В связи с пристальным вниманием к Варваре, обнаружила у нее пару дефектов, не знаю, пора уже пугаться или нет. Надо бы, наверное, свозить ее к ветеринару, но мысленный список дел, которые «надо», гораздо больше, чем список в соседней колонке — «выполнено». Мне столько всего «надо сделать», что сделаю, наверное, только к старости.

Старость, впрочем, не за горами. Тут меня посетило очередное, сто тридцать пятое китайское откровение: впереди в общем-то — только старость и болезни, именно в такой формулировке.

Надо что-то делать с этой жизнью!

Все тот же сентябрь

Она сказала: хочу собаку.

А зачем?

Я поняла, что собаку не хочу вообще. Даже ту, что есть. Когда она дома — то хочу, а гулять не хочу. Так мне осточертели эти гулянки — просто сил нет. Дело даже не в физическом вытрясании себя на улицу круглогодично, хотя и в этом тоже, а в постоянном бдении на улице «пограничник в дозоре» — с целью защиты от собаки детей, других собак, других людей, велосипедистов, машинистов, пугливых бабушек, агрессивных дедков и пофигичной молодежи...

Как ни печально, волна собаконенавистничества коснулась и нас. До открытой ненависти еще не дошло, но люди реально боятся всех собак, хоть на поводке она, хоть у тебя в кармане. Шарахаются или обходят с квадратными глазами. Энергетика ощущается... И собака «ловит». В общем, гулять хочется «в чисто поле», где нет ни людей, ни чужих собак. Иногда мне кажется, понимаю, как это — выйти на улицу голым. Никто вроде не трогает, но напряжение чувствуется. До первой искры, как говорится.

О каких душевных прогулках может идти речь...

Бороться и искать! Найти и переделать!

Подруга спросила, есть ли у меня жизненный девиз? Вот те на. Дружили-дружили двадцать лет, а тут спросила про девизы. Девиза нет, но признаться неудобно. Разве что из глубокого детства: «Гореть, не тлеть и все уметь!». Станешь тут — уметь, когда без мужских

рук живешь.

Но про «гореть» подруге не понравилось. Сосредоточься, говорит, напиши на бумажке свои девизы, они же — кredo. Потому что у каждого должно быть. И точка.

Ну, раз должно, то села и написала. Не все гладко, но зато теперь как у больших!

Мои девизы:

- 1) «Все суки».
- 2) «Я молодец».
- 3) «Ничего, прорвемся».
- 4) «Весь мир любит любящего».
- 5) «Проси у того, кто готов помочь».
- 6) «Главное, это вовремя пожаловаться».
- 7) «И без фанатизма!»
- 8) «Будет день и будет пища».
- 9) «Никогда не делай сегодня то, что можно сделать завтра».
- 10) «Глаза боятся, руки делают, Варвара и труд все перетрут».
- 11) «Сегодня лягу пораньше!»

Странное дело, как только девизы обрели начертание, сразу нашлось, к чему их применить.

«Рассказы про умную машу»

Вчера на нас с Варварой напали. Не хулиганы, от них у нас баллончик есть. Напали подъездные общественницы, решившие на газоне за домом сделать «город-сад». Мало им клумб и дворовых территорий, так еще и покусились на единственную собачью лужайку! Напали, бурчали — «туда не ходи, сюда ходи... цветок башка попадет — совсем плохо будет!» Запретили нам гулять там, где мы всю жизнь гуляли, штрафами грозили, на Варвару зыркали — настроение испортили.

Попросила помощи на форуме — как реагировать на реплики несоциализированных бабок в свободном выгуле? Все советы скопировала в отдельный файл, выучила, особо полюбившиеся места цитировала наизусть.

Ну. думаю, пусть только попадутся бабки нам на пути! Продемонстрирую им чудеса владения собой и безупречную логику здравого смысла, поданную с милой улыбкой, но со сталью в глазах!

Итак, сегодня утром вышли. Я кровожадно высматриваю бабок и бегу искушения выйти в центр запрещенной поляны. Чтоб, значит, подманить.

Собака ходит, присаживается, нюхает траву, а я все прокручиваю и прокручиваю в голове диалоги. Они мне так скажут, а я им так! Они мне — «Оплатим штраф!» А я им — «А где ваш кассовый аппарат?!» Они мне — «Идите к заводу гуляйте по арматуре», я им — «Сами идите!» Они мне, а я им...

Бабки, почуяли, и не показываются. Сидят где-то в засаде.

Но я, зная их хитрые маневры, с лица решительного выражения не спускаю и поддерживаю в себе боевой дух.

Уже подходим к подъезду, ба! — стоит Наша Гроза Собачников.

Я собралась, вдохнула-выдохнула, надела улыбочку паука, караулящего мууху, замедлила шаг и подготовилась к атаке. Думаю: она мне сейчас что-нибудь скажет, а я ей так простудушно:

— Татьяна Васильна, а почему вам нравится терроризировать людей? Я к вам со всей лояльностью, а вы мне штрафами угрожаете... Нехорошо, Татьяна Васильна, нехорошо... Вы что-то имеете против моей собаки? Хотите поговорить об этом? И вообще, знаете, я бы не советовала вам со мной ссориться, потому что если что — будем судиться. А за стекла на

асфальте — отдельно. Да-с, су-дить-ся! — вот какой монолог мысленно про себя произнесла и надвигаюсь тучей на вчерашнюю Врагиню.

А она ни сном, ни духом, стоит в позе «зю» над клумбой, цветочки поливает. Выпрямилась, увидела нас. «Галечка, вчера еще хотела сказать, а вы что-то похудели, но вам к лицу...».

А я — полна грудь воздуха — еще со старых рельсов не сошла, ну и по инерции: «Знаете, Татьяна Васильна, а почему вам так нравится терроризировать людей...»

И обе встали, понять не можем — куда беседа-то вырулила?

Так умная маша сходила на войну.

Часть вторая

Получила зарплату. Чтобы никто не попрекнул за «жабу», пошла в разнос. Купила Варваре вкусняшек, игрушку и мега-ультра-люксовую блестящую стойку с мисками на 5 литров. Раньше у нас такие были, потом сплыли, теперь опять есть.

Притаранила коробку домой, вручила собаке дары, а сама села конструкцию собирать. Инструкции на русском нет, зато есть понятные картинки. Собственно, процесс не сложный: одно сунуть в другое и закрепить болтом. Но.

В запчастях была еще одна железячка, размером с половину ладони, изогнутая буквой «Г». Никакой резьбы нет, что с ней делать — не понятно. На картинке нарисована, что она куда-то под болт вставляется и крутится, а смысла не понимаю. Но деталь есть деталь, негоже ее без дела оставлять. И так и сяк ее пристраивала. Нет, явно лишняя железячка!

И только когда болт закрутила в стойку, замучившись пальцами его поворачивать, поняла, что это отвертка!

Вот буржуины проклятые, придумают же! Пальцами им, понимаешь, не удобно! Всем неудобно, а что делать...

Так умная маша взяла первую премию по сообразительности.

Часть третья

Сдохла батарейка на очередной ошейниковой мигалке. Умная маша мигалку разобрала, вытащила батарейку-таблеточку, покрутила перед глазами, сунула в кошелек и решила при случае купить новую по сему образцу, потому что мало ли — может, их десять видов бывает!

Полмесяца батарейки на глаза не попадались. Ни в роспечатях, ни в электротоварах, ни в хлебном.

Сегодня специально поехала в радио-маркет, чтобы купить противную батарейку.

Продавщица посмотрела на образец и выложила на витрину ее сестер-близнецов. Абсолютно одинаковых. Одна по 15 рублей, другая по 55. Спрашиваю: — А в чем разница? — Одна китайская, другая швейцарская. Вспомнила борьбу с жабой, купила швейцарскую. Довольнешенька приехала домой. Тут и коробки, и батарейка — праздник в доме!

Разбираю, значит, снова мигалку, чтобы вставить швейцарское светило, сую, — не горить! Не гореть, язви его душу! Разобрала опять, ну там детальки какие-то мелкие выпали... Присмотрелась — ё! А это еще батарейки! Их три штуки, оказывается, надо! А сама мигалка оказалась пустой железной капсулкой, куда это все и засовывается... Так кто ж знал!

Так умная маша разбиралась с электроникой.

В общем, пункт 2. «Я молодец».

Сентябрь не кончается. И прекрасно!

У нас такая балдежная погода — влажно, сырьо, дождь и ветра нет! Десять градусов, листики желто-зеленые, неторопливая уютная сырость. Класс! Особенно, когда тепло одет.

Утром мы с Варварой решили поискать цветочки на обочине — сошедшая на душу благость взяла цветов полевых. Нарвали клеверу и еще каких-то жухлых лютиков. А Варваре — травы. Выпустили из подъезда осу.

Дома поставила цветочки в бокал, бокал — на оранжевую салфетку (психологи считают, что осенью надо больше смотреть на оранжевое и вкрутить лампочки помощнее, поярче).

Потом, когда пошла на работу, не отказалась себе в удовольствии прогуляться. Ботинки хорошие, куртка теплая, шапка вязаная — гуляй не хочу!

Варвара дома траву не ест. «С куста» ест, а ту же самую дома — нет. В чем разница — не понимаю.

Октябрь

С первым днем октября! Чудесная погода, не правда ли?

У нас за окном — такая волшебная мокрая, ветреная, холодная мерзость, что я просто захожусь в каком-то нездоровом эстетическом восторге. В такую погоду, гармонирующую с моим темпераментом, начинаю лучше слышать, видеть, нюхать и чувствовать. Бодра, весела, позитивна. Подпеваю радио, могу гулять часами или — теми же часами — неутомимо прибирать, мыть, обустраивать дом, вязать, гладить, поливать цветы и жарить картошку.

В такую погоду нет ничего лучше возвращения домой. Но чтобы слаще было возвращаться, надо хорошенько нагуляться, надышаться, насобирать «букет» опавших листьев. Водители, как нахолившиеся птицы, сидят в своих машинках, ждут зеленого сигнала светофора, кто с неодобрением, кто с непониманием, а кто и с завистью поглядывают на нас с Варварой, затеявших догонялки посреди большой лужи. Такое детское счастье — встать в лужу и топать ногой, обутой в резиновый сапожок. Подумаешь, от брызг вымокли джинсы! Могут ли такое позволить себе они, сидящие в замшевых ботинках в дорогих машинах?

Правду сказать, в такую погоду подъем испытываю больше я, чем Варвара. Она хоть и лояльна к дождю, но восторгов не разделяет и, если ее не разыграть, так и будет бродить за мной, как мокрый ослик. Чем больше вымажется, тем интереснее мыть! А потом еще и пол. Чистый теплый дом. «В душе расцветают у нее незабудки!»

Еще октябрь

По-русски говоря, день рождения «зажала». В гости никого не звала, от гостей отбивалась лыжной палкой. Напрягаться не хотелось, а общества хотелось. Вот такая была дилемма.

Решила я эту дилемму следующим образом: пошла гулять в ночи с Варварой и позвала двух своих относительно закадычных подружек «проветриться, послушать ночь и выпить водки на лавочке». Про лавочку и водку — чистая правда, а отнюдь не художественное преувеличение.

Подружки удивились, но с именинником — как с умирающим — не спорят. Живем все примерно в одном районе, поэтому ночь не страшила. Больше меня смущала одежда подружек, которые не знакомы со спецификой октябрьских гуляний на свежем воздухе. Говорю:

«Одевайтесь теплее! На улице холодно!»

Они: «Да мы оделись!»

Мама моя дорогая! Одна — в кроссовках, ветровочке, с тюлем каким-то на шее вместо

шарфа, и «в двух свитерах» — марлевка толще. Я, говорит, так на коньках катаюсь, поди не замерзну!

Другая — на каблуках, в куртешке до пупа, без шапки...

На улице — минус пять.

Ла-адно.

Купили водки, сока, сыра копченного, синие пластиковые стаканы. Девчонки себе — вина, а я решила ударить по «отвертке», рассудив, что напиток оптимальный для контроля степени опьянения.

Про то, как трясущимися руками это все пили из адских синих стаканов, немножко курили и коченеющими пальцами пытались сыр с подложки подцепить — не интересно. Как Варвара, учувя сыр, прогулку свернула и сидела, гипнотизировала девчонок — тоже. Это все понятно.

Прикол был в другом.

Девушки мы все взрослые и более или менее обеспеченные. Машины, квартиры, шубы норковые, фирмы свои... Мы с Варварой, правда, не в струе, но разговор-то можем поддержать? Можем.

Ну и вот. Разговор примерно такой: «Надо машину новую покупать... Шуба прошлогодняя — позорище... Фирму хочу еще одну зарегистрировать... Шкаф новый купила... Подчиненные — сволочи и лентяи... Резину надо зимнюю ставить... Дачу продаю...»

Одним словом, высокие материи.

Тут возникает пауза, и наша Ленка, успешная бизнес-леди с шубами, дачами и шкафами, жалостливо так говорит: «Девочки... Слушайте... А может, пойдем в какой-нибудь подъезд?... Погреемся у батареи?... А? Вот хоть можно в мой подъезд пойти...»

Не знаю, может, мы напились уже к тому времени но было дико смешно. Мы хохотали, как сумасшедшие! По лавке этой чуть не катались от хохота. Представила Ленку в норке — у батареи! Хлебающую «портвейн из мыльницы».

А, еще хохма была. Чуть раньше, где-то полдвенадцатого ночи, сидим все на этой же продуваемой лавке. У Юлины телефон надрывается. Бухгалтер ее звонит (Юлия — директор). Разговор примерно такой:

— Да, Наталья Сергеевна. Нет, не разбудили. Ничего. Слушаю Вас. Да. Да. Хорошо. Завтра посмотрю. Да. Тридцать тысяч я перекину на тот счет. Да... Пятьсот на этот. Нет, давайте без самодеятельности. Хорошо. Нет, не разбудили. Нет, я не дома. Нет, не на работе. Я в сквере на лавочке сижу, Наталья Сергеевна. Нет, не с заказчиком. Водку пью, Наталья Сергеевна. Ага, вод-ку. Всего доброго, спокойной ночи. Завтра не опаздывайте.

И вскинувши тонкую бровь, вся такая серьезная телефон выключает, а потом — ка-ак прыснет: «Она думает, я не знаю, как стаканы пластиковые выглядят! Она думает, я с телефоном родилась! И сплю в каблуках! А вот накось, выкуси!»

Тут мой телефон ожил. Мама.

— Галь, ты где? Мы с отцом тебе домой звоним, никто трубку не берет, времени — первый час!

— Гуляю, мам.

— С Варварой? А гости где?

— Гости все рядом, мам. Мы тут, на лавочке.

— На лавочке??!

— Ну это... Дышим, пьем немножко, разговариваем.

— ...А Варвара точно с вами?

— С нами, мам... Где ж ей еще быть-то? Все здесь, тебе от девчонок привет.

— Да, спасибо, взаимно. Ну даешь, Галина! Вечер ностальжи у вас там, что ли?

— Именно!

— Ну ладно. Хотя какое «ладно», ужас просто! Мы с отцом тебя поздравляем, целуем, завтра позовню. Варвару не забудь покормить! И не сидите там долго, простишете все! Ты меня поняла?!

— Поняла, мам! Спасибо! Давай, пока!

(Если Варвара с нами, значит, не все так уж плохо!)

...Потом Варвару мы потеряли. Точнее, не «мы», а девчонки. Решили все-таки перебазироваться в тепло, ко мне в квартиру, дала им ключ и Варишну, а сама на три минуты заскочила в круглосуточный магазин. Картина Репина «Не хватило».

На три минуты!

Звонят: «Галь, мы Варвару потеряли! (Бросаю корзину и бегу к выходу, охранник насторожился). Но мы ее уже НАШЛИ!» (шумно выдыхаю и медленно возвращаюсь к брошенной посреди зала корзине; охранник берет меня на заметку).

Выхожу из магазина — стоят, красотки. От приключений и ветра прозревшие, румяные, глаза блестят, Варвара рядом сидит, примус починяет...

Пошли все в дом. И сидели еще три часа. Не столько ели-пили, сколько болтали. Какие мы девочки-принцессы, а они все ко... и сво... Ну, не то чтобы все..., но многие! Нет, у каждой, конечно, есть свое исключение, которое не ко... и не сво... И всем троим из разводов пора бы уже выходить в новую жизнь. Да, пора!

За сим решили расходиться, хотя спать хотелось только мне. А именинник — он же, как инвалид, бесит, но разве ему слово поперек скажешь?

Проводились, прогулялись еще разок, а придя домой, поняла, что хочу упасть в кровать прямо «не снимая лыж». Вот как устала!

Не выспалась, конечно, совсем. Зато ощущение классное.

Когда ничего не планируешь и делаешь вид, что ничего не ждешь, — иногда срабатывает. И все получается так удачно, легко, свежо и незатасканно, что хочется повторения. И уже не знаешь, к счастью или сожалению один раз в году он, мой день рождения.

Ноябрь

Про пылесосы. В качестве разогрева

Значит, давным-давно, когда деревья еще были большими, а пыль в городских квартирах — без примеси свинца, вышла я в гражданский замуж. И было нам в приданое с мужчиной стороны — пылесос «Урал». Или «Вихрь». Или «Ураган». Что-то в этом роде.

Большой, круглобокий гроб на колесах, с милым приветом от производителя всем любящим наводить порядок — фланелевым таким мешком в корпусе, который надо было вытряхивать еженедельно. Все правильно: любишь пыль собирать — люби и на помоечку с веником ходить.

Пылесос не столько «собирал пыль», сколько выдувал ее обратно, но с ватными палочками по плинтусам у нас никто не ползал, бактерии не считал и под кровать к нам не заглядывал. А факт уборки могли засвидетельствовать все соседи — «Вихрь» выл, как космический корабль на взлете.

Но, видимо, с течением времени количество бацилл в квартире по всем законам диалектики перешло в качество и даже в наши семейные отношения. Муж был отослан в бессрочную командировку по сбору плодово-овощных культур, именуемых в народе «грушами». Но, будучи человеком хоть и скуповатым, но все же незлобивым и вполне джентльменским, пылесос он оставил мне.

Я вычистила квартиру после неудачного замужества, и начала новую жизнь.

Во время «пересменки» (между мужьями) уборкой я увлекалась не очень, все больше уделяя внимание своей физической и моральной красоте на столь ответственном жизненном этапе. Это принесло свои плоды, и через некоторое время я снова вышла замуж. Уже по настоящему — с платьем, кольцами и видео-съемкой, которую нам потом вручили на кассете с коробкой от фильма «Птичка на проводе».

Муж в приданом имел пылесос. «Урал». А может, «Вихрь». За время эксплуатации коробка из-под него потерялась, поэтому точное название агрегата восстановить трудно. Бессспорно одно — на пластмассовой ручке выбито гордое: «Сделано в СССР».

Новый пылесос пыль собирал с тем же берущим-за-душу воем, но более рьяно, поэтому старый пылесос был зачехлен и задвинут в коридор изображать «банкетку».

А пылесосили новым. Неизменно похаживая на помойку выбивать из фланельки пыль, а заодно и вытряхивать из «поддона» мусор, ибо мешков для сбора пыли «Урагану» не полагалось. Скорее я бы поверила, что к нему в комплекте шли ядерные боеголовки и какая-нибудь громоздкая ЭВМ, выплевывающая перфокарты: «Вихрь» не признавал никаких буржуйских глупостей типа гибкого шланга или мягких колесиков, нет, был суров, неповоротлив и надежен, как весь гражданский флот.

Больше всего им прониклась наша кошка Люся. В «мирное время» она на нем спала. В моменты «трудовых подвигов» — охотилась, совершенно игнорируя страшные завывания. В знак своего особого расположения она описала фланельку, когда ту, свежевытряхнутую, в очередной раз принесли домой.

Фланелька ответила Люсе взаимностью, пообещав хранить ее запах до последних дней, и не поддаваться ни доместосам, ни ванишам, ни дегтярному мылу, ни лимонным ополаскивателям.

С тех пор, как только мы включали пылесос, по квартире разносился не сильный, но вполне отчетливый запах застарелой кошачьей мочи. После каждого «вытряхивания» фланелька стиралась в семи водах, но запах не сдавался.

Я любила уборку. Упражнения с тяжелым пылесосом развивали мышцы рук, с железобетонным шлангом — упорство, прослушивание воя — умение сосредоточиться, к тому же после каждой уборки квартиру приходилось проветривать, даже если за окном стоял сорокаградусный мороз. Мы хорошо жили.

Но время брало свое. В путешествие за грушами отправился и второй муж. Я поплакала, собрала его в дорогу, а так как путь был неблизким, пылесос он оставил мне, завещав хранить его, как память о лучших выходных в наших жизни, проведенных в чистоте, уюте и неспешных оздоровительных прогулках на помойку и обратно.

Прошли годы.

Новая жиличка — Варвара пылесоса боялась даже больше страшных дядек на темной улице и вылетающих из-за угла пустых пакетов. «Или он, или я!» — сказала Варвара, уперев лапы в боки и привалившись, для устойчивости, спиной к буфету. Нет, буфет — это художественное преувеличение, не было у нас никаких буфетов, но во всех произведениях героини, ставящие вопрос ребром, должны на что-то опираться, чувствуя тыл и весомую поддержку, — не на тумбочку же с дезодорантами, в самом деле!

«Вихрь» был мне дорог, но Варвара выразилась предельно ясно. Поэтому в один из дней, удачно получив накануне зарплату, я пошла в магазин за новым пылесосом.

Не любит Варя пылесос. А почему? Большой вопрос...

Их там было. Много. Разных. Красивых. Но дорогих и с непонятными функциями вроде чесания пяток хозяину и озонирования воздуха запахом речных ракушек.

Потоптавшись у витрин, я выбрала, наконец, оптимальный вариант и пошла к кассе. В кассе мне сказали, что на складе этих моделей нет, а есть только на витрине один единственный образец с царапинами, с вытертыми щетками и сломанным колесом — по причине многократного щупанья его покупателями.

Вторая модель оказалась недоукомплектованной мешками.

Третья не подходила по цвету.

Четвертая была хороша, но стоила в три раза больше спрятанной в корсете суммы.

Продавцы сочувственно и жалостливо улыбались: что сказать, мадам, не повезло! Случается такое и в фирменных магазинах.

— Хотя нет, подождите! — меня остановил в дверях голос консультанта. — У нас есть недорогие российские модели. Вот, пойдемте, я покажу — пылесос «Урал», он же «Вихрь», в общем настоящий ураган!

Если бы я купила ураган, в моем доме их стало бы как раз трое — можно голосовать, а раз можно голосовать, пора организовывать партийную ячейку. Но, отогнав от себя столь заманчивую мысль, со сложным от раздумий лицом, я покинула гостеприимный торговый зал.

Варваре сказала, что деньги пропила. А пылесос мы купим сразу, как только. Не огорчать же девочку тем, что «Урал» теперь с нами надолго, — такая у нас с ней судьба.

С тех пор мы живем вчетвером: два мальчика «Вихря» и две девочки «Галя-Варя». Я стараюсь пылесосить быстро, выражение на лице держу заискивающее, чтобы никого не обижать. Варвара с мальчиками подчеркнуто холодна. Они же воют громче и надсаднее прежнего — наверное, все-таки обзываются.

Опять вру. Воет один. Второй прикидывается «банкеткой» в коридоре. На нем я сижу, когда сушу волосы перед зеркалом. И лишь недавно, меня, расслабленно расчесывающую волосы под теплом струей воздуха из фена, аж до печенок пробил вопрос: «А когда я в последний раз вытряхивала фланельку из «банкетки»?!» И не смогла вспомнить — столько лет прошло! Вдруг тогда поленилась? А может, там, внутри, подо мной (!) уже кто-то умер! Или наоборот — наконец выкристаллизовался, и сейчас из «банкетки» появится лапа с уродливой клешней и цапнет меня за нежную попу!»

Я вскочила, ногой нервно отодвинула «банкетку» и стала бояться. Боюсь до сих пор. Внутрь посмотреть страшно, выбросить, не глядя, жалко...

Варвара едко посмеивалась на своей лежанке.

Ноябрь

Как осень, так у нас болят уши. Купили опять какую-то лечебную протирку, делаем все по рекомендации — чистим, капаем, массируем. Но вот загвоздка: велено закапать, подождать 10 минут, и только потом ваткой еще раз насухо протереть. Как убить 10 минут? Беру огурец, режу колечками по три сантиметра, бросаю в эмалированную посуду, засыпаю туда соль, чеснок, укроп. Закрываю крышкой и трясу-трясу-трясу... И мне занятие, и Варваре развлечение. Через 10 минут готовы настоящие малосольные огурцы.

Как мы с Варварой Новый год устроили

...За два дня до описываемых событий.

Ночь-полночь. Идем с собачьего выгула мы с Варварой, далматин с хозяйкой и берн. С хозяйкой, соответственно. Идем по своим районным пампасам, народу никого, но все равно собаки на поводках-рулетках. Из травы слышится чей-то кашель. Что-то похоже на «Хррр-х, хррр-х!»... Оглядываемся — никого. Но собачки наши насторожились, в сторону травы

носами тянутся.

Присмотрелись — в траве сидят два мопса. И не то лают, не то кашляют, лапами перебирают и подают признаки интереса к большим собакам. Один светлый, другой черный — подробностей не видно.

Тут за два километра в конце аллеи появляется силуэт. И старушечьим голосом верещит, чтобы мы взяли «своих больших собак» на поводки. Настроение у нас было хорошее, поэтому, весело подивившись такому а) дальновзоркому, б) громкоголосому, в) предъявляющему «справедливые» требования, г) смелому бабушонку, гуляющему за полночь на пустыре с мопсами, мы заверили, что все тип-топ, собачки ее в целости и сохранности, «наши» на поводках и вообще мы мимо проходили. Мопсо-привидения проводили нас до конца тропинки, покашляли вслед, и всех их сокрыла тьма.

... Вчера.

Осень принесла обычные проблемы: фонари не горят, собаку не видно. Ни свою, ни чужих. Тот ошейник, что у нас есть, со светоотражающей полосой и мигающим огоньком, хорош, но слабоват — светит, как тлеющая сигаретка, видно в радиусе 3-х метров. А если собака в свободном полете, а если навстречу идет другая собака, а если идет не собака, а если...

Одним словом, купила в киоске в очередной раз (помните наши прошлые приключения?) огромный брелок, размером с хороший елочный шар, мигающий всеми цветами радуги и светящий так ярко, что мы теперь ходим по самым злаковым закоулкам, чтобы не перебивать галогеновый свет фар, гоняющих по дворам иномарок.

Не могу сказать, что я стопроцентно счастлива. Прохожие шарахаются, комментируют — не всегда умно. Думаю, эффект был бы тот же, если выйти на улицу с плакатом на груди; «Я энтомолог, еду на Суматру, ловить бабочек». Внимание обращают все. Еще бы — это вам не «карлик курит», а карликовая пожарная машина — только без воя сирены — шуршит вслед за вами по газону. Беззвучно, но от того более эффектно: брелок-мигалка, не столько из-за тяжести, сколько из-за габаритов своих сползает по ошейнику, так что наша добрая баскервильская морда подсвечивается снизу.

Нарядно, богато! Новый год наступил, уже в твоем городе!

Да, внимание обращают все. Кроме... СОБАЧНИКОВ С СОБАКАМИ!!!

Сначала я думала, что мы их просто ослепляем.

Идем, сверкаем, переливаемся, светим на все северное полушарие — нас и со спутника можно рассмотреть. Так нет. Налетает на нас наша неподружка Вирта, с воплями, с криками. Хозяин, с которым мы по возможности взаимно обходим друг друга, смотрит на нас ошеломлен. Типа: здравствуй, ж..., новый год. Кто это? Откуда?

— Интересно, — подумала я, — мы кому светим-то? Пушкину? Я не вижу во тьме черную овчарку и хозяина в темной куртке, но нас-то, дирижабль с цветомузыкой, очень даже видно.

Нет, я без обид, я размышляю.

...Сегодня.

Темнота... друг молодежи..., полный ажур..., хоть глаз выколи... Идем, сверкаем, брелок еще и брякает о кольцо ошейника. Так что мы просто, как Аврора в ночи, салютующая в честь праздника.

Выходим с боковой тропинки на стадион. По стадиону мотыляется пожилая женщина с биглем на поводке. И вроде как к нам направляется. К нам, так к нам, мы собак не боимся, хвостом при знакомстве всем машем. На всякий случай, попридержала свою за ошейник, чтоб стояла тихо и ждала подхода новых знакомых. Напомню картинку: темный стадион, в углу стоим мы и, как елка, переливаемся. Звезды на башке не хватает, но над башкой я со взором горящим, сама как звезда.

Тетушка идет прямо на нас. Не дойдя два метра, застывает столбом и делает большие

глаза (мне видно). И с выражением на лице «Ой, мы не одни во Вселенной!» сматывает удочки.

Не знаю, может, шапка-невидимка на нас надета? Или мадам думала, что засветился фонарь над чудесным образом появившимся сараем? Или Дед Мороз прилетел на оленях? Или на ее небосклоне все-таки взошла незнакомая звезда, словно памятник надежде?

Поломав голову и еще раз взглянув на новогоднюю Варвару, решила, что мы нашли, наконец, материальное доказательство одной простой истине: хочешь спрятать — положи на самое видное место. Хочешь стать невидимым — нацепи на себя иллюминацию. Хочешь найти новых друзей — перестань их искать.

...Завтра.

Тогда мы еще не предполагали, что всего через неделю наша подруга Нина, зная нашуманию скупить фонарики и обвесиваться ими, привезет из Туниса в подарок мигалку. Крохотный легкий брелочек, размером со скрепку, с карабинчиком для цепляния к ошейнику. Специальная профессиональная собачья мигалка, а не тот китайский пластмассовый онанизм, который мы крепили к благородному мастифу несколько сезонов подряд! Мигалка светит ровным, но очень ярким зеленым огоньком, иногда, для смены ритма, приятно «пульсирует». Кому надо — тот заметит. Кому не надо — подумает, что такси. Прошуршало по дороге, подмигнуло и поехало по своим обычным, нормальным, ночным таксистским делам — развозить путников по теплым домам. Без лишнего ажиотажа и ненужного эпатажа.

Декабрь

Зверей жалко!

14 декабря. Прочитала жуткую в своих подробностях статью про лошадей и про конный завод, который из-за отсутствия финансирования вынужден продавать лошадей на мясо. «Кто съест жеребых мамок?» называлась статья. На чьем новогоднем столе окажутся котлеты и «мясо» тех, кого просто обрекли на голодную смерть, заколотив двери конюшен.

С этого дня я не ем мяса. Рыбу и курицу — пока буду. Прощай, колбаса.

Я люблю животных больше, чем их мясо. И своим спросом я больше не поддержу убийства.

Меха я давно не ношу, а любовь к шубам и их «коллекционированию» считаю варварством и дикостью.

В лапти, конечно, не переобуюсь, но постараюсь, чтобы «двойной морали» в моей жизни становилось меньше.

P.S. С тех пор прошло почти 10 месяцев. Мяса не ем.

Лыко не в строку

Грустно читать на форуме столько постов, убеждающих убить Билла, то бишь нервную соседку, и столько бравады про свою территорию, на которой творю, что хочу. И слонов развозжу, и на расческе играю.

Рада, что одномоментно здесь собралось столько сильных, смелых и абсолютно уверенных в себе людей.

А что, уважение к окружающим уже отменили?

Если ваша собака лает среди ночи, почему я должна это «понимать» и уж тем паче любить ее, как родную?

Почему ваши проблемы должны стать моими?

Вы мешаете. Разве это так трудно понять? Мешаете постоянно и нагло. И даже не виноватитесь. И не делаете попыток найти компромисс, уверенные, что мое терпение

бесконечно, а кишкa тонка.

Я не пойду к вам разбираться, выяснить и качать права. Мне мои нервы дороже. И не хочу, чтобы потом какой-нибудь «муж» прижал в темном уголочке и «поговорил». Конечно, страшно. А еще больше — противно. Не все получают удовольствие от открытых конфликтов. Иходить к вам, просить, кланяться и вникать в ваши трудности, меня не тянет. У меня своих трудностей по горло.

Вы пришли ко мне и сказали, что станете, как в голову ударит, петь и гавкать? Нет?

Ну так и я не обязана перед вами отчитываться о своих противодействиях.

Вы орете — я стучу молотком. Действие равно противодействию.

Не помогает? Пишу заявление.

Сначала, может, попытаюсь как-то дать вам знать, что вы бесите меня неимоверно. Записку, например, напишу. Или при встрече виновато улыбнусь и попрошу «сделать потише». Может быть. А может, и нет. Может, буду в лицо улыбаться («Мы все воспитанные люди», пока война не объявлена), а за глаза буду точить зуб.

А потом напишу заявление. Лучше — анонимное. Потому что «муж». Да и вообще, вас банда, а я одна. Да, вы сильнее, поэтому борюсь, как могу. Кто сказал, подло? Как умею.

Зайдите ко мне хоть раз, сделайте книксен, представьте свою собаку, ребенка, улыбнитесь, извинитесь, послушайте рассказ о моей жизни, о том, что плачу за эту долбанную съемную квартиру половину своей зарплаты, о том, что работаю много и трудно, а жизнь не сложилась, и единственное чего хочу, приволакиваясь ночью домой, — это тишины и покоя. Или наоборот, в своем одиночестве я так проросла этим покоем, что ваша вечерняя активность, протекающая у меня над головой, вызывает раздражение. Может быть, я оплакиваю свою неудавшуюся жизнь, а вы режете, режете ножом по живому.

С соседями надо дружить. Если они способны на дружбу и понимают, что многоквартирный дом — это не конкурс молодых исполнителей, а общежитие, где ходят, не топая, в пол силы, и гавкают по возможности тише, потому что люди разные, и терпение у них разное, и доходы разные, и жизнь у них разная. Будьте великодушны к слабым. Особенно, если вы сильный, и у вас есть свой дом, тепло семьи и лучшая в мире собака.

И снова декабрь

Вчера с Варварой пошли гулять в дальние края.

Варвара у меня девочка умная: видит, как я собираю рюкзак, сразу понимает, что будет не просто прогулка, а прогулка с нагрузкой — в гости, например. Или в лес. Или — счастье! — на машине.

Или — просто в дальние края, с толком, расстановкой, термосом и неограниченным количеством времени на нюханье, игры, гулянье и курение бамбука на свежем воздухе. И, может, будем встречаться с другими людьми и собаками. Что тоже хорошо и радостно.

Стоит Варвара в коридоре, от предвкушения лапами переступает, глазами сверкает, хвостом крутит — ура! мама собирает ТОТ-САМЫЙ-РЮКЗАК!

Мама, к тому времени, отмахавшая 7 км пешедралом с работы (в рамках проекта «Движение — самый дешевый способ похудения»), была энергична, бодра и полна радужных надежд пробежаться еще несколько километров — до подруги (за пиццей для ума) и обратно. По вечернему пейзажу и с огоньком в двух сердцах — Варварином и моем.

«Туда» дошли хорошо. Правда, дядька какой-то на нас рявкнул так, что Варвара подпрыгнула от неожиданности... Шли себе, никому не мешали, на поводке, радовались обществу друг друга. А дядька — ферт плюгавый — подкрался сзади незаметно и рявкнул из классического репертуара про «развели!».

Но мы дядьке в след язык показали и пошли своей дорогой, быстро забыв про

инцидент.

В гостях посидели тоже хорошо. Варвара не обращала внимание на кошку, кошка — на Варвару, зато мы с хозяйкой пристально следили за тем, как они друг друга игнорируют.

Варвара топтала плохо вытертыми лапами по ковролину, оставляя красивый узор больших лап. Я порывалась немедля хозяйский ковер чистить и мыть, хозяйка оттаскивала меня от ведра и усаживала пить чай, Варвара бегала между кухней и комнатой, добавляя новые пятна к уже созданному узору, а кошка флегматично наблюдала за всей этой суетой со спинки кресла.

И было нам всем хорошо... Однако время неумолимо подходило к полуночи, мне надо было возвращаться домой «кровь из носу»: ждала звонка. (В Париж! По делу! Срочно!)

Мы свернули прощания и рванули с Варварой домой. За 40 минут, ночью, в гололедицу, по глухим тропам предстояло преодолеть 4 километра...

И мы почесали!

Бедная Варвара сначала еще отвлекалась на понюхивания ландшафта, но потом, поняв, что торпеда на горизонте — суть то, что еще недавно было мамой, бежала догонять. Я, сберегая дыхание, бросала ей краткое; «Быстро!» и походкой бывалого спортивного ходуна, виляя попой, уносилась вперед.

Мимо нас проносились дома, люди, собаки и такие интересные деревья, стволы которых полны интересных запахов.

Через 30 минут я выдохнула: «Уффффффф-ффф! мы сделали это, малышка! Мы дома!»

Малышка тяжело дышала и, пробурчав только: «Хороша прогулочка!», рухнула на свою лежанку. Минут через пять, собрав разъезжающиеся ноги, она доковыляла до кухни, выпила ведро воды, потом, обтерев губы рукавом и подарив мне еще один «добрый» взгляд, демонстративно ушла спать.

«Чтоб я еще хоть раз порадовалась, когда ты берешь рюкзак!» — сонным голосом пробормотала она.

Но я уже не слышала. В ожидании звонка, я из последних сил отдыхала в Интернете.

Из грязелечебницы 2006—2007 год

Я историю про унитазы пока не дописала, поэтому другую расскажу.

Сильно похоже на историю Udjin'a.

Дело такое:

У меня был востарь (восточно-европейская овчарка), зверюга, — так он КАМАЗ за колесо укусил.

Думаете, успокоился, когда по носу шоркнуло?

Фигу.

И вылезло из него такое непотребство в 9 годков только...

Клептоманист перестал и на КАМАЗы переключился.

Не вышла у меня каменная ваза — к КАМАЗам социализировать.

До конца его жизни так и бегали от него КАМАЗы.

Хотя легковушки всякие пропускал безразлично вместе с велосипедистами и прочими мокиками...

Востарь был путевый.

Сурьезный такой, в полном соответствии со стандартом по характеру.

Спугнулся КАМАЗа, першего на него, и решил его убить.

Устранить, так сказать, раздражитель. Не вышло спугнуть по первой.

Кобл был настырный и продолжил убивание.

Поскольку вступить в бой с КАМАЗом — я таки чуть поболе, чем востарь, вешу, да и условные превалируют над безусловными — ему боле не удалось. Но злобу к КАМАЗам пес не скрывал.

Убрать агрессию, в основе которой страх, можно через ознакомление с объектом.

Но спокойно стоящий КАМАЗ ему был неинтересен как супротивник.

Обмочить колеса если только.

...Можно через невозможность убийства КАМАЗа в принципе — сделать раздражитель привычным. Вот на это и не поднялась рука.

Выбрал путь-дорожку подале от КАМАЗых троп...

Вот и все собственно.

Вот и мы с Варварой забавляемся второй день подобным образом. Только вместо КАМАЗа — я.

О том, как мы с Варварой нынче развлекаемся

Придумала вчера попробовать — как Варвара будет реагировать, если я на нее зарычу. Имитируя грозный рык посторонней собаки. Которая, например, не хочет, чтобы на ее кровать лезли «чужие». Или, например, пошла Варвара пить воду на кухню, возвращается, а на ее местечке я сижу, на четвереньках, и рычу — мол, я новая собака, буду здесь жить, а вас тут не стояло!

Ну и рычу. В силу своих умений. А для убедительности пучу глазки, морщу нос. И скалюсь.

Варвара сначала не могла понять, чего такое со мной приключилось, отчего меня так плющит, по-модному говоря.

На всякий случай уши прижала, боюсь-де, да и пожить бы хотелось еще чуток, маманя!

Потом поняла, что работать ее не заставляю, лечить и уши проверять не буду. А значит, такая новая игра.

А игры у Варвары своеобразные. Она считает, что самое ха-ха, это с разбегу атаковать «противника», врезавшись в него медвежьей башкой, и бить лапами... Или схватить игрушку в зубы и мотать головой из стороны в сторону, не взирая на окружающую действительность в виде шкафов, стен и стоящих рядом бренных людей.

Безопаснее всего с Варварой играть в космонавтском костюме, рассчитанном на перегрузки в 8 g. Можно и в рыцарских доспехах. А лучше — из танка. Тогда есть небольшой, но шанс, что останешься без повреждений. В общем играть с Варварой все равно, что с Бойнгом — в догонялки на взлетной полосе.

Танк взять негде, поэтому играла с Варварой в чем была; в домашних джинсах и кофточке. На голову надо было бы надеть кастрюлю, но у нее еще в прошлый раз забрало отлетело, поэтому пришлось голову просто закрывать руками.

В общем, рычу теперь в силу естественных причин — врезавшаяся Варвара слегка расквасила мне нос. Зато повесели-ились!

А правильно: нечт на родную собаку рычать, бегать на четвереньках по комнате и занимать чужое насиженное местечко! Иди вон, к кастрюле забрало приваривай! Или на худой конец, картофельное пюре сделай.

Про Сеню. История не слишком затейливая, но ситуация комичная

В октябре, так случилось, бухгалтерия наша офисная напутала чуток и выдала мне одномоментно зарплату за два месяца. Получить такую сумму было приятно. Неприятно стало позднее, когда деньги улетучились. Но вот вчера наступил светлый день вручения мне

декабрьского аванса. Сумма не великая — 5 тысяч рублей, но мне и она казалась царским подарком. Сразу выросли крылья, которые и занесли меня в магазин.

Повод был! Требовалось купить утеплитель для балконной двери. Стоил этот утеплитель буквально копейки, отчего на радостях я купила сразу 10 метров и уже пошла к выходу, как вдруг заметила ЕГО!

Он висел себе на стеночке — такой красивый, такой желанный и такой одинокий! Мягкий, нежный, украшенный каким-то увядшим вышитым цветочком, и такой доступный! Протягивал ко мне ручки и молил: возьми меня, ведь ты так обо мне мечтала!

Я подошла, не веря своим глазам, пощупала, даже понюхала, хотя уже знала, что отсюда мы уйдем вдвоем. Я принесу его домой, истомившегося от ожидания, помою в теплой водичке и покажусь ему во всей красе — молодая, обнаженная, привлекательная! Наш дом сразу поймет — пришел тот, кого мы ждали. Уют воцарится в нашем доме и наших сердцах.

И вот иду я с новым унитазным сидением (знакомьтесь — Soft Seat, можно просто Сеня) по нашему районному Бродвею. Иду, раскрасневшаяся от предвкушения мягкой посадки. Сеня под мышкой, ибо пакет лень было доставать, несла по-американски: в руках, в обнимку. Сеня завернут в прозрачный «целлофан» и горделиво посматривает на окружающих. Вот и меня домой забрали!

По пути в зоомагазин зашли, купила Варюшке лакомое копыто — немаленькое, пусть грызет девочка, раз праздник в дом пришел!

И тут вспоминаю, что надобны мне утепленные синтепоном штаны. Просто позарез! Уже три года как надобны! Чтобы гулять с Варварой. Потому что надоело гулять, как капуста, в десяти рейтузах-гамашах. Но все руки-ноги не доходят до покупки «нормальной амуниции». И вот сегодня, раз уж выбралась «по магазинам», самое время зайти в какой-нибудь «Спорт-мастер» и купить нормальные теплые штаны или комбинезон. Без затей, без «дольче габаны», без «фирмы», но чтоб не продувало в минус двадцать.

А тут местный «Спорт-мастер» как раз на горизонте и возник. Залетела я в него прямой наводкой, шапочонка набекрень, ботиночки на непогоду, пуховик, закаленный в трамвайных боях. Лицо пятничное: землистое с перламутром. Из сумки кусок поролона торчит — утеплитель домой несу. Облик венчает унитазное сидение, с которым, как обнялась, так и не расстаюсь. В правой руке, вместо скрипетра, копыто.

— Здрасьте, — говорю, — а это... спортивные штаны с начесом есть?

Слышится стук падающих в обморок тел.

И понимаю, что как-то слишком громко говорю. И дышу. И ворвалась ураганом зря. И Сеню у входа надо было привязать. И сказать: «Место! Жди!»

Приглушенный свет. Янтарные интерьеры. Запах дорогих духов. Девочки на каблуках, в тончайшего полотна блузочках и юбочках. Нежно-персиковые мальчики. Мерцание витрин.

Тут надо заметить в скобках, что есть у меня одна черта. Характера. Не понятно откуда взявшаяся. Может, из самозащиты. В иных местах начинаю вести себя как поизносившийся Рокфеллер. Из серии «я сегодня без кадиллака, уж простите». Высоко во лбу ломаю заросшую бровь, делаю скучное лицо и томно развожу руками, изображая Елену Соловей в широкополой шляпе.

Подумаешь, с копытом. С унитазным сиденьем. В старых ботинках. Причуда такая!

Но сама понимаю, что надо красиво уходить. Но убегать сразу, как ошпаренный кот от плиты, не позволяет самолюбие.

Говорю: «Покажите мне утепленные штаны! Горнолыжные не надо, у меня есть (бу-га-га), а попроще — с собачкой гулять».

Ошалевшие мальчики бегут за штанами. Приносят. Штаны австрийские — 8 тысяч рублей. Штаны финские, «эти похуже, потоньше — всего за 2,5 тысячи».

Термоноски — за 500 рублей.

Термобелье — за 3 тысячи.

Не сдерживаюсь, спрашиваю:

— Белье у вас спинку, случайно, не чешет? Сказки на ночь не рассказывает?

Мальчик в ошеломлении... (Клиент непонятен. То ли капризен, то ли самодурен! Да еще сиденье унитазное из рук не выпускает! Да еще это копыто, небрежно положенное на витрину!)

— Шучу, — говорю. — Вольно, молодой человек. Что же, все у вас нравится. Но примерять сегодня не буду, видите, с покупками я, неудобно мне, шофера отпустила... Зайду как-нибудь на неделе. Не провожайте!

Покидаю помещение.

На улице, уткнувшись в мягкий Сенин бок, начинаю хохотать. Сеня опасаясь, что это нервное, неумело утешает. Купим, мол, штаны, чего ты... В крайнем случае, одиннадцатые гамаши.

Домой мы пришли в отличном настроении. Что штаны! Конфет купили!

Оставшееся до прогулки время прилаживали Сеню.

Сеня встал, как влитой, горделиво и уверенно. Правда, не очень любит, когда его используют. Норовит хлопнуть крышкой в самый неподходящий момент. И после момента. И до. Вообще не любит, когда крышку открывают и лезут с откровениями. Потому что иначе не видно вышивки — Туманный Альбион... Белая кожа... Зеленый цветок.

Год 2007

Январь

Знакомый ходил с дочкой в зоопарк, потом они обсуждали, чем пингвины отличаются от мужчин. Про мужчин и пингвинов сказать не возьмусь, зато знаю, чем Варвара отличается от верблюда.

Практически ничем! А, ну горба нет, конечно. А так — одно лицо! И повадки.

...Началось все с того, что я изучила книгу Селины дель Амо про язык собак. Невербальный. Что, зевая, можно собаку расслабить. Или моргая. И что она, садясь к тебе спиной, вовсе не игнорирует, как кажется сначала, а наоборот, тебя, электровеник психованный, успокаивает. Если уши как-то по-особому закладывает, значит, изображает щенка, а щенков нельзя наказывать, надо только любить, целовать и выдавать сыр и мясо.

Много интересного почерпнула я в той книге, но малость запуталась.

Поэтому «разговаривала» с Варварой на тарабарском языке, который она понимала плохо. Да и кто поймет, если хозяин одновременно зевает, моргает, шевелит ушами и при всем этом пристально смотрит на собаку — соображай, мол, тундра, с тобой разговариваю!

Чтобы облегчить понимание сторон, Варвара стала тырить мои жвачки. Свежее дыхание, как известно, облегчает понимание! Пачки «Орбитов» я легкомысленно оставляла на зеркале в прихожей. Жвачку я люблю, покупаю много, и Варвара мое увлечение одобряет. Стыренную пачку жевала сразу, не умея достать «подушечки», а потом выплевывала обертку.

Я, конечно, такого допустить не могла. Не то чтобы мне было жалко, но девиз: «Слипнется!» — звучал в сторону Варвары регулярно. Жвачку на зеркале я больше не оставляла.

Зато на каждой прогулке, стоит только мне вынуть «Орбит», как Варвара начинает

меня доставать. «Мам, дай вкусняшку, ну дай вкусняшку!»

Собака реально балдеет от запаха жвачки. И запаха зубной пасты... Больше всего ей нравится «Зимняя свежесть» и «Сладкая мята», «С корицей» хуже, но тоже годится.

В общем-то в жизни, не считая потыренных упаковок, Варвара получала всего-то пару раз по микроскопическому кусочку. А сегодня она взяла меня на абордаж. Мы как раз поужинали, я сунула пластинку в рот, а Варвара уж тут как тут. Пристала: «Дай пожевать, дай пожевать!»

— Да на! — сказала я и дала свою жвачку.

После чего с интересом последователя Павлова уставилась на собаку, забывая не только моргать, но даже и дышать. Что будет делать собака со жвачкой?

А что будет делать? Жевать!

Кто-нибудь видел аттракцион «Животное и ириски»? Когда пасть открывается со звучным «чпоком»? А сладкая конфетная масса прилипает к зубам. Вкусно, но отодрать невозможно, прожевать толком — тоже.

У Вари получилось лучше. Она очень аккуратно пожевала минут пять, красиво перекатывая жвачку в пасти, а потом деликатно выплюнула ее на свою подстилку. Спасибо, мол, было вкусно. А теперь пожалуйте десерт.

Десерт отсутствовал. «Тогда почешите пузо», — сказала Варвара, вольготно ерзая спиной по подстилке и болтая в воздухе лапами. Не проходит мимо, тут она я!

Пузо почесали. В нос поцеловали. Отметив приятный, сладко-мятный запах из пасти. «А где, кстати, жвачка?» — спросила я Варвару, уже подозревая неладное.

...Теперь, когда Варвара просит жвачку, я сразу предлагаю ей подсолнечного масла. Оно и для здоровья полезнее, и жвачку из шерсти с ним вычесывать легче.

ИСТОРИЯ ПРО МЯЧИК

Сегодня во время прогулки я подумала, что давно нет историй про Варвару. Что-то с нами приключений не приключается. В помойное ведро за куриными костями Варшина не суется, на выставки не ходит, к брюнетам равнодушна...

Думала я, думала, но ничего не вспомнила. В голову навязчиво лезло только одно воспоминание — о том, как однажды, еще по осени, перед прогулкой выпила пива, не подумав о последствиях. Которые своевременно наступили в середине маршрута. До дома далеко... Деревьев-кустов нет... А есть школьный двор и школьный же подвал, по ступенькам которого периодически спускаются подростки, воровато оглядываясь, а потом, через пару минут, поднимаются с блаженными лицами. И я решила закосить под подростка. Долго мылилась, озиралась, губы жевала, за угол смотрела, топталась рядом... Но в туалете хотелось так сильно, что даже совесть уже замолчала. И воспитание. И прочие социальные принципы.

Спускаюсь, значит, на одну ступеньку, вторую, куртку снизу расстегиваю... Сердчишко бьется.

И тут над ступеньками загорается лампочка! Яркая такая, как прожектор! Видимо, в школе у охраны камеры стоят. На непонятное шевеление на ступенях подвала охрана отреагировала включением света.

У меня инфаркт (вот такой рубец!). Думаю: ну все, конец фильма! засекли! Надо как-то из положения, не теряя лица, выходить. Осквернить ступени и подвал я не успела, просто стою под лампой в расстегнутой куртке. Шиплю: «Варвара, иди сюда! Сюда, сюда, говорю, иди, быстро!»

Варвара сует нос в подвал: «Мам, звала?»

Свожу брови к переносице, начинаю нарочито по карманамискать, головой вертеть, по ступеням с сердитым видом топтаться: «Ну, и где твой мячик?! Куда ты мячик

подевала?! Где нам теперь его найти?! Говорила я тебе, надо было сразу за ним бежать, теперь вот не найдем! Хорошо, хоть свет включили!»

Варвара чуть в обморок не упала. С мячиком мы давным-давно не гуляем. С временем глубокой юности. Поэтому на поиски смотрела заинтересованно. Вдруг, правда, найду?

«Не найдя мячик», но не потеряв достоинства, выползаю из подвала и, не разжимая губ, даю команду; «Уходим».

...И подумалось. Нет бы изобрести для собачников плащ-сорочку! Спасать путников в беде... Чтоб они не шкерились по подвалам, а гордо шли и, не снижая скорости...

Февраль

Дети

Можно расскажу одну историю? Учились мы тогда в первом классе, и было нам по 6-7 беззубых лет.

Когда-то здесь был «частный сектор», и вот на его месте выстроили несколько белоснежных кораблей-девятиэтажек. В сентябре школьники из новых домов пошли учиться. Утром — на уроки, а днем, как и все советские дети образца 60-70 г.г., бесконтрольно пропадали на улицах.

Только представьте, какое удовольствие для детей исследовать границы нового микрорайона! Справа — пустырь, слева — стройка, где-то рядом — пустые частные дома, из которых хозяева уже выехали, а здания еще не снесли. А там — подвалы! чердаки! потайные ходы! комнаты с печками! старые деревья с качелями!

Всю осень мы искали сокровища. На всей территории, включая ближайшие стройки. Кстати, даже был кой-какой улов: старее часы, чеканка «Девушка и береза», старый ЧЕРНЫЙ телефон с диском, подшивка журнала «Работница» и целая пачка открыток 50-х годов, перетянутых бечевкой. Большое богатство по меркам 1979 года! Ведь на эти открытки можно было наклеить библиотечные карточки с переписанными рецептами печенья «Улыбка негра» и торта «Графские развалины». Карточки всем желающим бесперебойно поставляла моя мама библиотекарь. Писали в первом классе мы коряво, долго и трудно, поэтому карточек уходило много, а о ярко-обложечных книгах для записи рецептов тогда никто и слыхом не слыхивал.

Зимой вылазки наши стали менее масштабными, но зато более точечными.

И вот однажды... Идем январским сумеречным днем по пустырю. Еще осенью здесь были частные дома, но потом их снесли. Идем себе, сугробы пинаем, по раскатанным ледяным «дорожкам», разбежавшись, прокатываемся.

И вдруг смотрим — дыра в земле! Снег, лед, чисто поле и дыра! Настоящая! Круглая! Как будто большой бур просверлил ледяную твердь аж до самого земного ядра и вышел на поверхность где-то в районе Австралии! Там, где антиподы вверх головами ходят!

Дыра заинтересовала нас чрезвычайно.

Мы легли на животы вокруг этой дыры и стали в нее «ухать» — иной метод проверки глубины в головы нам тогда не пришел. Потом кто-то притащил палку, пошуривав которой мы поняли, что дыра глубокая и таит в себе по меньшей мере подземный ход. Это по меньшей мере! По большей, мы все же надеялись на Австралию.

Никто из нас в первом классе, понятное дело, не курил, поэтому зажигалок и спичек под рукой не было. Единственный инструмент развлечения в тот вечер — мяч — мы,

посовещавшись, бросили в дыру, ожидая услышать, как он стучит по гулким каменным ступеням. Кажется, какой-то стук мы даже услышали.

Темнело. Дети мы были хоть и наивные, но уроки героев Фенимора Купера даром не прошли. Мы решили, что завтра принесем из дома веревку, фонарик, и будем в дыру спускать Ленку, так как она самая тощая и уже год ходит «на гимнастику».

Чтобы дыру не приметили конкуренты, мы изобретательно прикрыли ее какими-то досками.

На следующий день, едва досидев до окончания уроков, побросав дома портфели, побежали к дыре. За ночь с ней ничего не сделалось. Обвязали Ленку бельевой веревкой поверх цигейковой шубейки, решив подстраховаться, второй конец привязали к дереву. На всякий случай, вдруг Ленку не удержим.

Первый этап спуска начался.

Ленка опустила ноги в дыру и зависла на руках. Среди остающихся наверху разгорелась дискуссия: велеть ей прыгнуть вниз самой или лучше всем вместе опускать ее медленно и осторожно, как в кино — мы видели. Отвлеклись на обсуждение условных сигналов — сколько раз надо дергать веревку в случае опасности. Во мнениях не сошлись, заспорили громко, как воробы, расчирикались.

Возможно, именно этот шум-гам и привлек случайного прохожего. Он мазнул взглядом по нашей компашке, по Ленке, наполовину уже скрывшейся в этой дыре... Лицо его вытянулось, глаза расширились: «Эй, ребята! РЕБЯТА! Вы что делаете?! Немедленно пацана доставайте! Совсем с ума сошли?! Давайте, быстро!»

И сам рванул к нам, вынул упирающуюся Ленку из дыры, поставил на землю и только потом перевел дух.

«Ребята! Это же дырка от туалета-скворечника, вы что, совсем ни черта не соображаете?!»

Такого коварства от Австралии мы никак не ожидали. Хотя, если честно, на туалет дырка походила больше, чем на подземный ход.

Мы были раздавлены. Мы стояли кружком и не верили своим глазам.

«Я вам не пацан!» — в спину прохожему крикнула очнувшаяся Ленка.

Март

Да нет, что вы! Никто на нас не нападал! Все культурно.

Алабай на крыше сидел. Гаража. Вместе с хозяином. Медитировали на звезды. Их, звезд, правда, не было видно, но на небо, с появляющимся из-за туч тонким серпиком месяца, смотреть, несомненно, интереснее, чем на землю, укрытую грязево-снеговой кашей. По которой, что называется, ни пройти, ни проехать.

А по этой каше, как раз под гаражами мы шли. Я, как всегда, вслух развлекала себя искристыми монологами, Варвара нюхала битое стекло. Прогулка проходила в нормальном режиме, а тут — алабай... На крыше.

Варвара сказала: «Ой».

Я сказала: «Ой».

После обмена приветствиями («У вас кобель?» «Нет!» «А кто?»), хозяин алабая попросил разрешения сойти вниз и познакомить собак. Так они спустились на нашу землю.

При ближайшем рассмотрении алабай оказался огромным роскошным псом. Я спросила: «Это у вас алабай?», чем сразу зарекомендовала себя подкованной и серьезной собачницей. Хозяин спросил: «А у вас кто?», чем сразу зарекомендовал себя человеком неравнодушным и интересующимся поступью кинологии в стране.

Алабай рвался в бой (зачеркнуто) играть, дергал поводок, бил себя в грудь, что не убежит в черную даль, а будет только играть, играть и еще раз играть, как завещал великий

Чайковский.

Был отпущен, и от избытка сил, энергии и восторга начал нарезать круги на такой скорости, что мы, все трое, почувствовали себя зрителями на футбольном матче. «На фиг, на фиг такие игры...», — пробормотала Варвара и стала бочком продвигаться к выходу. Изображая из себя маленькую, незаметную обертку от чупа-чупса. Шурша комбинезоном и светя своим ошейниковым фонариком.

Тут алабай ее заметил и закричал на бегу: «О! Клевая чувиха! Давай я буду нестись, как будто хочу тебя сбить, а ты от меня уворачивайся!»

«Нннет, спасибо, — сказала струхнувшая Варвара, — я лучше пойду лужу понюхаю». И двинулась к луже. Алабай за ней. Хозяин за алабаем. Я за хозяином. Варвара за мной. За ней алабай. За ним — хозяин. Варвара от него. Я за ней. И алабай за ней. И хозяин. И я. А она — за мной. Карусель, карусель, посади меня в кисель! Чтоб сосулькой с высоты звонко шлепнуться в кусты!

В общем, Варвара была не в восторге. Забоялась такого напора. И таких скоростей. Говорит: «Мам, ты хочешь с ним играть?»

— Я?! Да нет, он вообще-то тебе в пару просился!

— Нет, — сказала Варвара. — Я сегодня, пожалуй, пас.

Ну, пас — так пас, пойдем дальше.

Попрощались с хозяином и двинули дальше. Алабай расстроился и решил силой нас удержать. Варвара растерялась и собралась зареветь. Я хотела по привычке сказать: «Не реви!... Вот и не реви!», но вспомнила, что у меня теперь новая метода воспитания уверенности в своей собаке.

Вместо того чтобы дать собакам самим разбираться в своих взаимоотношениях, даже если они кому-то одному не в радость, и вмешиваться только в критических ситуациях, теперь сразу встаю на сторону Варвары и даю ей понять, что ее никто не бросил, тяжелая артиллерия просто стоит в кустах. Подбадриваю: «Не бойся, — говорю, — Варварушка, мама рядом, и мы с тобой всех порвем! Пойшли разберемся! А нууу, кто на нас?!»

Разбираюсь обычно я, и обычно — с агрессивными бездомными стаями, взявшиими моду вылетать из-за угла и, не разбирая чина и звания, сразу вцепляться во все, что движется.

Варвара потом идет гордо: «Мам, здорово мы их! А они такие несутся! А мы такие: «А нуууу!» А они такие испугались! Потому что мы сила, да, мам?!»

— Да, — говорю, — мы сила. Пойдем, малыш. Никогда ничего не бойся. И никогда ничего не бойся заранее. Я рядом.

... Так, рядом, мы и ушли. Мирно помахав рукой на прощание алабаю и хозяину. А кто нам что сделает? Мы — сила.

Апрель

Про «красную штучку»

Как-то давным-давно, почти случайно, гостившая у меня мама купила прищепки для пакетиков. Ну, знаете, когда у пакета молока уголок отрезаешь, потом скрепляешь прищепкой, и все отлично. Или кофе в пакетах, чтобы не «выыхался». И прочие мешочки с сахаром-солью-крупой.

Прищепки были чудесные — почти как бельевые, только мафонькие, с цветочками-ягодками... Игрушка!

Потом мама уехала и прищепки увезла с собой. А тоска по ним осталась. И пакеты с кофе и солью. И мешки с кормом.

С эстетической болью защищала их бельевыми деревянными прищепками, что смотрелось, конечно, не «шарман». А тут приходит мне от подруги из Финляндии замечательная посылка. А там, кроме всего прочего, лежит такая вот штучка: ручка — не

ручка, карабин — не карабин, одним словом, красная палочка с каким-то щупом на конце. И ни комментариев в посылке, ни инструкций, ни малейшего намека!

Повертела ее в руках. Понюхала. На свет посмотрела.

А потом дошло! Это ж финская прищепка для пищевых пакетов!

То-то радости было в доме! Жаль, прищепка была одна. Хотя немного странная. «Щуп» слишком большой. «Но финны — они ж люди другой национальности, да и пакеты у них, наверное, другого формата, побольше», — подумала я и нацепила прищепку на 15-килограммовый пакет с кормом. Держалось плохо.

Убрала с корма, нацепила на пакет с сахаром. Но пакет лежал в шкафу, и красоту никто не видел.

И вот нашлось применение! Прищепка гордо зафиксировала мешочек с молотым кофе — украшение чайного столика.

Мешочек красивый, фирменный, живописный — зерна кофе нарисованы, тонкий фарфор, улыбающиеся люди с признаками социального здоровья в лице. Сверху пришилена прищепка. Любуюсь. Душой отдыхаю. Приходящим демонстрирую...

Отсылаю подруге восторженное письмо. Спасибо, мол, за все, за дары, за конфеты, за шарф! Но самое большое спасибо — за прищепку, искала такую много лет и вот!

«Да, да, — пишет подруга, — спасибо за спасибо, очень я довольна, не поняла только про какую прищепку ты пишешь, но это ладно. Слушай, а та красная штучка — пинцет для клещей — понравилась тебе?»

Я поперхнулась кофе, который благостно вкушала в момент чтения письма.

Без лишнего шума пинцет был снят с кофейной мечты, унесен на работу, сфотографирован и выставлен на всеобщее обозрение. Ну попадитесь мне, клещи! Пришили к пакету!

Апрель. Не про собаку, а почти про ЭКГ. (Медицинские истории)

Пошла как-то к терапевту по поводу сосудистой дистонии. Мерзну все время, круглогодично. Терапевт говорит: «Без ЭКГ не приму!» Что делать, пошла на ЭКГ в другой кабинет.

А на дворе была поздняя осень, холодрыга, снег, ветер. Я, как сильно мерзнувшая, одета соответственно: куртка, шарф, пиджак, водолазка, майка, сто колготок, юбка...

Как кардиограмму снимают — все помнят? Раздеваться нужно до пояса и ноги чтоб голые — на лодыжки тоже провода цепляют.

Сделали ЭКГ — «Спасибо, одевайтесь!» А терапевт в соседнем кабинете принимает. Думаю: ну зачем опять это все напяливать, терапевт же будет «слушать», смотреть. Накидываю на себя что попало, остальное — в пакет.

Тук-тук, захожу к терапевту. Тот сидит, пишет карточки, голову не поднимает... «Заходите, на что жалуетесь?»

— Да вот, — говорю, — мерзну сильно... Прям беда! Доктор поднимает глаза. Стоит перед ним девушка: незастегнутый пиджак на голое тело, кособокая юбочка на одной пуговице, синие, в пупырышках, голые ноги-вермишельки в ботинках.

— Мерзнете? А вы... вы всегда так одеваетесь?...

Опять апрель

У нас большая человеческая радость! Мы помылись! Сами! Дело в том, что первые хозяева не приучили Варвару запрыгивать в ванну, поэтому у нас настоящая ПРОБЛЕМА — помыться. А теперь, когда случился дерматит, надо пузо мыть специальными шампунями, а из ведра в коридоре не сильно здорово получается. Ну представьте, это будто лошадь мыть в квартире... Бесполезно. Процесс помыва осуществить можно, но толку не особо. Зато много воды на полу. Я все думала, что надо уже кого-то звать на подмогу, загружать собаку в

ванну, а тут — такое чудо!

Итак, когда-нибудь я войду в историю, как... Нет, лучше сказать так: когда-нибудь в историю войдет Первый закон Исаковой: «Главное — это вовремя пожаловаться». Вчера на выгуле как раз пожаловалась, что у нас проблема с мытьем.

И вот... Как-то оно само получилось. Купила рекомендованный врачом шампунь, но, как всем девочкам — интересно же, чем пахнет, как мылится, как пенится, как смывается... Хотя там для тупых написано, что шампунь с серой и дегтем, то есть запах роз не предусматривается. Но они не учли, что запах дегтя многим людям нравится. Особенно, тем, у кого башка набекрень.

Пришли с прогулки, пошли мыть лапы. Обычно это происходит так: Варвара сидит на полу рядом с ванной, делает сложное лицо, лапу не дает и всячески подчеркивает, что она тут не по своей воле! Поэтому лапа у нее забирается насилино, перекидывается через бортик ванной, споласкивается душем, вытирается, при этом еще преодолевается сила рывка, которым Варвара пытается вернуть лапу ближе к телу... Далее берется вторая лапа... Потом третья... И в такой момент понимаешь: хорошо, что у меня не паук, прости Господи. И не шестикрылый серафим. А всего лишь четырехколесный друг.

«Спасите! Мастифов убиваю-ют, умываю-ют!»

Потом думаю: дай-ка другу пузо пропустить. Друг, уже отпущеный на волю, возлежит аккурат посреди грязного коридора, который по сценарию я как раз должна мыть после всех процедур. Поднимаю собаку, и тут озаряет: а если зверюгу не протирать, а прямо таки вымыть слегка? (Просто попробую!) С тазом, губкой и пододеяльником на полу в роли резинового бассейна.

Намылилось новым шампунем отлично...

А вот смыть это великолепие было трудно. У Варвары «грядки» — грудь подвисшая, — мыло в грядках, мыло в пауху, хвост она еще поджала... Залив весь пол и ничего толком не смыв, я почувствовала прилив вдохновения и еще раз попросила Варишну пройти в ванну.

Она поняла, что пришел ее смертный час, корейский ресторан и поликлиника с опытами, — вся утяжелилась, обвисла, обмякла и сказала, что коль тащат на экзекцию, то будь что будет, она и лапой не пошевелит!

Но я не делала никакой трагедии, голосом девочку подбадривала и вела себя непринужденно. Это Варвару дезориентировало.

Подхватив ее задние ноги, взгромоздила их в ванну, а потом туда же, не без усилий, «перетянула» остальное тело.

Варвара готовилась уже лишиться чувств от страха, но тут в дело пошел заранее купленный гематоген, ради которого моя собака готова отложить любой обморок. Я так ликовала, засунув ребенка в ванну, что Варвара опять не поняла — почему не играют траурные марши, где натужные уговаривания, где нервы, где угрозы отдать ее первому встречному и замене завести послушную собачку, которая любит мыться. Радостно ребенка помыла, выполоскала в семи водах под душем, обмотала пододеяльником и зацелованный, чистый, обескураженный зверь был выпущен на свободу.

С доставанием собаки из ванны не очень получалось, но Варвара великодушно заявила, что «обратно», совсем не то что «туда» и она уж сама как-нибудь, только руки уберите!

За труды тяжкие Варвара получила кусок мяса, в котором коварно прятались таблетки, но таблетки пригнулись и прошли незамеченными. За мясом последовал «ужин язвенника», то есть корм в соусе из корма.

Затем сели сушиться феном. Жужжа на всю квартиру в полвторого ночи. Варвара сначала разнообразно боялась, убегала и кричала, что она уйдет из этого дома в леса Амазонии и будет жить свободной жизнью, но потом устала, прилегла под теплой струей,

тем более что в это время ей чесали спинку, живот и за ухом. И жизнь вполне удалась, еще бы ЭТО не гудело так противно.

Я утешила Варвару рассказами о нелегкой судьбе выставочных шерстяных собак, которые не валяются, когда их сушат, а стоят! часами! Варвара сквозь сон пробормотала, что никогда этого не понимала, но пусть их, если нравится... И что она, Варвара, и без этих глупостей получила звание Юного Чемпиона России и ничего. Я сказала, что глупости все же ее дognали, но псина уже похрапывала и зажигательную речь пришлось свернуть на полуслове.

Простыня Варе была постелена чистая, только что из тумбочки, где лежит наше постельное белье...

Пузо у нее оказалось розовым, чистым, с ужасающими блямбами коросты и новых болячек. Но теперь их видно и скоро массированную атаку на это дело мы продолжим.

Как раз накануне гуляла и думала, что чувствую себя затюканной жизнью, траченной молью матерью-одиночкой, и что мы с собакой обе выглядим так, как себя ощущаем. То есть плохо. Что сил нет и желаний тоже нет.

А потом ничего, посидела с собакой, погладила, поговорила, побаюкала, потискала. И ей приятно, и мне...

В минусе пара сломанных ногтей и, кажется, опять сорвана спина, потому что днем приперла на своем горбу из магазина восьмикилограммовый мешок с кормом (это нам на две недели).

Зато собакевич чистый и пригожий. И совесть моя тоже — чистая.

Май

Мы вчера пошли гулять... Припозднились маленько — вышли в полвторого ночи. Спокойно! Ни одна собака не пострадала! До этого мы в восемь вечера выходили.

Вышли, говорю, ночью. Тишина, темнота, безлюдье... Хорошо!

Я чуть впереди иду, собака притормозила, стоит, темную даль рассматривает.

К обочине паркуется древний драндулет. Типа «Вол-ги-21», людей внутри много...

Ну мне наплевать, люди и люди, главное, чтобы моя дорогая не пошла к ним в окна заглядывать. Любит Варвара это дело.

У нас потому нет машины, считает она, что мы просто никак не можем выбрать подходящую у подъезда! Варвара же — святой человек, что такое деньги не знает, думает, главное — это определиться с выбором из представленного ассортимента.

И вот такая картина: машина смотрит на меня, я — на собаку, стоящую в темноте, собака — на машину. Каждый думает о своем... Тут машина начинает мне бибикать. Думаю: «Наверное, дорогу хотят спросить». Иду к ним совершенно без задней мысли. Собака выруливает из темноты и идет, понятно, за мной.

В машине видят собаку и резко снимаются с места.

И тут озаряет, что они меня, наверное, пригласить на бокал вина хотели! Любовью скрасить вечер! Пришла домой, осмотрела себя внимательно в зеркале. Сапоги-дутыши времен покорения Крыма, красно-фиолетовый куртейц, штаны, шапочка и заспанное лицо. Ура! Я похожа на проститутку! На Ночную Бабочку!

И, напевая: «... Ты служишь украшением столаа-аа...», в хорошем настроении легла спать.

Май

В заключение

Мы сейчас гулять ходили. Заодно и помылись под дождем! Полчаса гуляли, потом 40 минут сушились, развесивали куртки, вытирались старыми пододеяльниками, мыли коридор

и запихивали в ботинки старые газеты.

Зато на улице — красотища какая! Ни одного человека! Ни одного! Ни собаки, ни птицы залетной, ни мокрого привидения! Пиво никто не пьет, музыку из машины не слушает, в футбол не гоняет и на велосипедах-роликах тоже. Вечная слава плохой погоде! Правда, хозяин в такую погоду собаку не выгонит, но... зато вместе с ней может выйти под холодный ливень и ветер в лицо!

Кстати о ветре. Провела социальный эксперимент. Пока Варвара занюхивала особо интересное место в мокрой траве, я решила плюнуть против ветра. В буквальном смысле. Всегда хотелось. Взять и плюнуть. Благо, ветер в ассортименте был такой, что самолеты с севера долетали, наверное, минут за 20. Плюнула. В себя не попала, но улетело недалеко. Буквально рядом. Списала на то, что не мастерица плевать. Плюнула еще раз. Упало в метрах двух справа. И тут же слева! И рядом! Салют, что ли, получится?!

Пока раздумывала над феноменом — упало еще. И много, и вокруг.

... Снег пошел!

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке ModernLib.Ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)